

«Американские горки»

П. Кругмана

Перевод этой книги был начат еще летом прошлого года, через несколько месяцев после того, как она вышла в свет. Книга привлекла мое внимание не только тем, что содержала оригинальные – и непривычные – трактовки казавшихся хорошо известными фактов, но и тем, что ее автор, который с давних пор называл себя человеком, «органически неприспособленным к политической деятельности», четко высказался о настоящем и будущем Америки и попытался по сути сформулировать программу Демократической партии, в то время только еще боровшейся за овладение Белым домом. Желая познакомить российских читателей с этой работой ввиду ее очевидных достоинств, я и мои коллеги не могли не обрадоваться тому, что правильность нашего выбора вскоре подтвердил и Нобелевский комитет, в конце прошлого года объявивший Пола Р. Кругмана 61-м лауреатом Мемориальной премии имени Альфреда Нобеля в области экономических наук.

Пол Кругман, один из самых известных современных американских экономистов, родился в Нью-Йорке 28 февраля 1953 года и после окончания школы поступил на факультет экономики Йельского университета, который с отличием закончил в 1974 году; уже в 1977-м он получил докторскую степень в Гарварде и начал свою академическую карьеру, которая прерывалась всего на год – в 1982–1983 годах, когда он работал в штате Совета экономических консультантов в годы правления президента Рональда Рейгана. Самый молодой в истории лауреат Медали Джона Бейтса Кларка, присуждаемой раз в два года Американской экономической ассоциацией

и считающейся «национальной Нобелевской премией», профессор Кругман преподавал в Йельском и Стэнфордском университетах, университете штата Калифорния в Беркли, Массачуссеттском технологическом институте и Лондонской школе экономики, а с 2000 года его карьера связана с Принстонским университетом, где он возглавляет кафедру международной экономики.

Профессор Кругман – автор почти 30 книг, которые он сам разделяет на учебники, публикации академического характера, и «книги для широкой аудитории» (последние сделали его куда более узнаваемым, чем большинство коллег-экономистов). Посвятив свои основные исследования проблемам международной торговли и глобальным финансовым институтам, Пол Кругман всегда стремился апеллировать не только к ответственным за принятие серьезных экономических решений, но и ко всем тем, на кого эти решения оказывают непосредственное влияние. Отсюда – его 870 регулярных колонок в *New York Times*, которые он пишет уже десять лет и которые еще в 2002 году принесли ему премию «Колумнист года», присуждаемую журналом *Editor & Publisher*.

Главной отличительной чертой воззрений профессора Кругмана выступает то, что я бы назвал приверженностью экономическому

реализму. Его исследования никогда не несли налета доктринерства и посвящались самым насущным проблемам того или иного периода развития современной экономики. В статьях конца 1970-х годов он предложил объяснение того, почему – вопреки классической теории – наиболее быстрорастущим сегментом в мировой торговле является торговля продукцией одних и тех же товарных групп (intrasector trade)¹; в начале 1980-х – предсказал неминуемый крах системы фиксированных обменных курсов валют, предвосхитив, в частности, «азиатский» финансовый кризис 1997–1998 годов²;

¹ См.: Krugman, Paul. «Increasing Returns, Monopolistic Competition and International Trade» in: *Journal of International Economics*, Vol. 9 (1979), Issue 4, pp. 469–479; Krugman, Paul. «Intra-Industry Specialization and the Gains from Trade» in: *Journal of Political Economy*, Vol. 89 (1981), No 5, pp. 959–973 и Krugman, Paul. «Trade, accumulation, and uneven development» in: *Journal of Development Economics*, Vol. 8 (1981), Issue 2, pp. 149–61, а также книги: Krugman, Paul. *Geography and Trade*, Leuven, Cambridge (Ma.): Leuven Univ. Press, The MIT Press, 1993 и Krugman, Paul. *Pop Internationalism*, Cambridge (Ma.), London: The MIT Press, 1996.

² См.: Krugman, Paul. «A Model of Balance of Payments Crisis» in: *Journal of Money, Credit and Banking*, Vol. 11 (1979), Issue 3, pp. 311–325; подробнее в: Krugman, Paul. *Development, Geography, and Economic Theory*, Cambridge (Ma.), London: The MIT Press, 1998

в 1990-е – сосредоточился на объяснении растущего неравенства в эпоху формирования «новой экономики», опровергая сложившееся в то время мнение, будто таковое обусловлено спецификой интеллектуального труда и ценностью креативности³. Он последовательно поддерживает принцип свободы торговли и позитивно относится к глобализации – и в то же время выступает ярким противником экономического неолиберализма à la Буш-мл.⁴ Он не стремится встраивать реальность в схемы, считая, что для экономиста важнее всего факты и их взаимосвязь, а не доктринальные построения.

Этот подход идеально прослеживается и в книге, которую мы хотим представить российским читателям. Посвященная логике американской истории XX века, она со всей прямоотой показывает взаимосвязь политики и экономики, вскрывая механизмы изменения социальной структуры и эволюции общественного сознания в стране, на протяжении всего прошлого столетия выступавшей двигателем мирового прогресса. Эта история в изложении автора выглядит своего рода циклическим движением, в центре которого стоит «Новый курс» президента Франклина Рузвельта; в такой логике первая треть XX века рассматривается как период формирования условий для его реализации, вторая – как время старта и развития данной политической линии, а третья – как эпоха реакции, чьим результатом стал фактически полный отказ от прежних завоеваний и возвращение социальной структуры к реалиям столетней давности. Заметим: профессор Кругман – далеко не первый, кто обращается к изучению циклов в американской истории⁵; однако описываемый им «мегацикл», если его позволительно так назвать, безусловно, самый масштабный и самый значимый для понимания логики развития современных Соединенных Штатов.

Анализируя историю США на протяжении всего прошедшего столетия, П. Кругман приходит к выводу о том, что – вопреки рас-

³ См.: Krugman, Paul. *The Age of Diminished Expectations*, Cambridge (Ma.), London: The MIT Press, 1998 и Krugman, Paul. *The Return of Depression Economics*, New York, London: W.W.Norton & Co., 1999

⁴ См.: Krugman, Paul. *Fuzzy Math. The Essential Guide to the Bush Tax Plan*, New York, London: W.W.Norton & Co., 2001 (рец.: Иноземцев, Владислав. «Борьба с рецессией или триумф популизма?» в: *США и Канада: экономика, политика, культура*, 2001, № 12, сс. 115–120).

⁵ См., напр.: Schlesinger, Arthur M., Jr. *The Cycles of American History*, Boston, New York: Houghton Mifflin, 1999.

хожему мнению – политические факторы оказывают большее влияние на ход и направление общественного развития, чем экономические. Его исследования показывают, что «институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, а объективные рыночные факторы – гораздо меньше, чем в том нас пытаются уверить в базовом курсе экономикс» (стр. 14). Данный подход определяет первую из важнейших тем, которая поднимается в книге профессора Кругмана: искусственность формирования в Америке в середине XX столетия «относительно справедливого» общества и естественный характер его разрушения в последние десятилетия.

Рукотворность среднего класса

В последние годы мало кто из экономистов выражает сомнения в том, что по мере экономического прогресса распределение богатства в обществе становится более равномерным, а общий рост благосостояния позволяет причислять большую часть населения к категории, привычно именуемой «средним классом». В основе данного подхода лежит допущение о существовании некоего «естественного цикла неравенства», описываемого т.н. «кривой Кузнецца». Суть этой схемы излагается П. Кругманом следующим образом: «Подразумевается, что на ранних стадиях хозяйственного развития инвестиционные возможности владельцев капитала множатся, тогда как рост заработной платы трудящихся сдерживается притоком дешевой рабочей силы из села в город. В результате по мере индустриализации растет неравенство: возникает элита, которую составляют состоятельные промышленники, а рядовые работники по-прежнему влачат нищенское существование. Однако затем капитала становится много, прибыли стабилизируются или даже падают, приток наемных работников из села иссякает, а заработная плата начинает расти. Благоденствие приобретает повсеместный характер, а в экономике начинает задавать тон средний класс» (стр. 51). Между тем масса исторических примеров свидетельствует о том, что процесс куда более сложен; нам, живущим в России, также пришлось убедиться в том, что стихийные рыночные реформы отнюдь не приводят автоматически к богатству для

всех, а средний класс формируется отнюдь не так быстро, как того хотели идеологи рыночных преобразований.

П.Кругман ставит задачу выяснить, что способствовало переходу от того состояния масштабного неравенства, которое характеризовало американское общество начала XX столетия (периода т.н. «позолоченного века (Gilded Age)») к относительному равенству послевоенного времени. По его мнению, ведущую роль здесь играли не перемены в экономике, а политическая воля правительства, осознавшего, что предотвращение социального взрыва возможно только при условии изменения налоговой и социальной политики. И в итоге «переход от неравенства “позолоченного века” к относительному равенству послевоенных лет не отличался равномерностью; напротив, средний класс в послевоенной Америке был создан на протяжении всего лишь нескольких лет, став результатом политики администрации Франклина Рузвельта» (стр. 13). Эта политика – помимо кейнсианских методов регулирования процентной ставки и финансирования общественных работ, которые хорошо известны – основывалась на кардинальном изменении системы налогообложения в Соединенных Штатах и на введении практики регулирования заработной платы в большинстве отраслей промышленности.

Еще в 1895 году Верховный Суд США отменял подоходный налог как неконституционный⁶, а о налоге на наследство даже не говорили. Накануне Великой депрессии доля государственных расходов не превышала 1,4% ВВП, а самая высокая ставка налога на доходы (применявшаяся практически исключительно к крупным дивидендам) составляла 24%. Это не означало, что капитал контролировал большую часть создаваемой в экономике новой стоимости: в 1929 году лишь 33% валового дохода корпораций присваивались их собственниками, тогда как 67% направлялись на оплату труда. Четверть века спустя, подчеркивает П. Кругман, эта ситуация практически не изменилась: трудящиеся получали 69% валового дохода, предприниматели – 31%.

⁶ Решение Верховного Суда по делу *Pollock v. Farmers' Loan & Trust Co.* (157 U.S. 429 [1895]) (<http://caselaw.lp.findlaw.com/scripts/getcase.pl?navby=CASE&court=US&vol=157&page=429>) объявило подоходный налог не соответствующим Конституции США. Восстановление этого налога потребовало принятия и ратификации 16-й поправки к Конституции Соединенных Штатов в 1913 году.

Но изменились налоги. На протяжении первого срока президентства Рузвельта максимальный налог на доходы был повышен с 24 до 63%, в течение второго – до 79%, а к середине 1950-х годов он достиг... 91%. Налог на прибыль корпораций вырос за тот же период с 14 до 45%, а на крупные наследства – с 20 до 77%. В результате доля национального богатства, которая контролировалась богатейшей 0,1% американцев, упала за эти годы вдвое – с 21,5 до менее чем 10% (подробнее см. стр. 53). Следствием стало то, что специалисты называют «великим сжатием»: «сокращение разрыва в доходах, которое произошло в Соединенных Штатах за период с 1920-х по 1950-е годы, резкое уменьшение разницы между богачами и трудящимися классами, а также сокращение дифференциации зарплаты самих наемных работников» (стр. 44). В новых условиях богачи лишились большей части недвижимости, которую стало невыгодно содержать; распространились благотворительные фонды, ставшие альтернативой отъему государством значительной доли передаваемых по наследству состояний; практически искорененным оказался класс прислуги и домашних работников (см. стр. 49-51). Профессор Кругман приводит поразительный факт: если измерять состояния богатейших американцев в сопоставимых ценах, окажется, что в 1900 году в Соединенных Штатах жили 22 человека, чье состояние превышало 1 миллиард долларов в ценах 2008 г. К началу Великой депрессии их число выросло до 32 человек – но в результате новой политики оно сократилось до 16-ти в 1957 году и 13-ти в 1968-м. Зато сегодня, подчеркивает автор, в Соединенных Штатах насчитывается... 160 миллиардеров (см. стр. 24). Таким образом, масштабный рост благосостояния в 1950-е и 1960-е годы, и переход от общества, пораженного крайним неравенством, к относительно равномерному распределению доходов, был прежде всего результатом осознанного политического выбора, а не следствием «естественного» экономического развития.

Выбор, сделанный Ф.Рузвельтом, стал ориентиром американской политики на несколько десятилетий. Помимо повышения налогов на богатых граждан повсеместно начала вводиться практика социального страхования. Правительство Рузвельта возвело в ранг закона ту частную и ограниченную практику компенсаций работ-

никам, которую отдельные штаты пытались ввести еще с начала XX века (первая такая попытка была предпринята в Мэриленде в 1901 году, но тогда Верховный Суд также признал ее неконституционной). В 1935 году Ф.Рузвельт подписал Закон о социальной защите, в котором были установлены выплаты по старости, по случаю потери работы (пособия по безработице), пособия на детей и минимальное обеспечение в медицинской сфере. Автор подчеркивает, что этот шаг стал основой популярности политики «Нового курса» и обусловил неоднократные победы сначала Ф.Рузвельта, а затем и Г.Трумэна на президентских выборах (см. стр. 11). Общественная поддержка этих мер была столь велика, что даже президент-республиканец Д.Эйзенхауэр в 1954 году признавал, что против них может выступать лишь «небольшая группа отщепенцев» (цит. по стр. 64). Все это, по мнению П. Кругмана, привело к тому, что «в промежуток времени между 1920-ми и 1950-ми годами Америка была страной победившего среднего класса» (стр. 47) – страной, в которой быстро развивалось профсоюзное движение и ширились выступления чернокожих за гражданские права. Успешность последних, как это ни парадоксально, стала одной из основных причин неоконсервативной революции, чьи фундаментальные предпосылки сложились в 1970-е годы.

В этой части книги особое внимание привлекает прослеженная автором «логика развития» американского либерализма. Для ее понимания необходимо обратиться к определению самого термина «либерал», которое сегодня, по мнению П. Кругмана, употребляется в самых разных ситуациях и не отражает позиции тех политических сил, которые им обозначаются. Он отмечает: «Один из парадоксов Америки начала XXI века состоит в том, что те из нас, кто называет себя либералами, во многом по сути являются консерваторами. В то же время те, кто называет себя консерваторами – это в большинстве своем крайние радикалы. Либералы хотят восстановить общество среднего класса, в котором я вырос; самопровозглашенные консерваторы стремятся вернуть нас в “позолоченный век”, перечеркнув столетнюю историю страны. Либералы выступают в защиту давно существующих институтов; те, кто считает себя консерваторами, добиваются их приватизации. Либералы уверены: необходимо руководствоваться принципами демокра-

тии и нормами права; те, кто называет себя консерваторами, добиваются наделения президента диктаторскими полномочиями и рукопещут администрации Буша-мл., которая без предъявления обвинений бросает людей в тюрьмы и подвергает их пыткам» (стр. 287). Быть либералом для автора – значит поддерживать курс на сохранение общества среднего класса, стремиться предоставить гражданам как можно больше социальных услуг, гарантировать равенство всех перед законом, стимулировать участие в политической жизни страны. Можно даже утверждать: целью либералов, по П. Кругману, должна стать минимизация острых противоречий и конфликтов, существующих в обществе; придание его развитию поступательного и эволюционного характера; управление не столько на основе навязывания воли большинства, сколько на базе широкого консенсуса. Однако иронией истории стало то, что такой консенсус распался как раз в силу крайне успешной и эффективной социальной политики времен «Нового курса» и «Великого общества».

«Новый курс» – этот величайший либеральный проект XX века – не мог быть реализован без широкой общественной поддержки, которой удалось в начале 1930-х годов добиться Демократической партии. Причина этого была понятна: демократы опирались не только на относительно малообеспеченные социальные слои по всей стране, но и на американский Юг – территорию, которая, во-первых, получала куда меньше преимуществ от промышленного подъема первой трети XX столетия, чем, скажем, северо-восточные районы страны, регион Великих озер или Калифорния, и во-вторых, традиционно поддерживала демократов как сторонников (пусть и в далеком прошлом) сохранения рабства и идеологов противостояния северянам времен Гражданской войны (подробнее см. стр. 37–38, 69–71). Таким образом, успех либерального проекта во многом определялся его поддержкой со стороны консерваторов, которые категорически противились предоставлению афроамериканцам гражданских прав. До тех пор, пока эта тема не выходила на первый план, ситуация оставалась «под контролем» – но в первые послевоенные десятилетия прежние реалии начали пересматриваться.

Вот как описывает это профессор Кругман: «Если отбросить в сторону политические калькуляции, представляется неизбежным,

что партия, проводившая “Новый курс”, со временем должна была выступить за гражданские права афроамериканцев. “Новый курс” – либеральное движение. Как и либеральному движению XIX века, ему требовалась поддержка темнокожего населения, которое больше всех выиграло от равенства в распределении доходов. Такой перелом стимулировала и Вторая мировая война. И дело было не только в том, что афроамериканцы воевали за Америку. Разоблачение преступлений нацистов также поспособствовало тому, что открытый расизм стал неприемлемым» (стр. 90). «“Новый курс”, – продолжает он, – не только создал общество среднего класса, но и приблизил Америку к демократическому идеалу, дав трудящимся реальную политическую власть и положив конец доминированию богатой элиты... [и] в конечном счете сам дух “Нового курса” превратил демократов в партию защитников гражданских и политических прав. Закон о социальной защите 1935 года через тридцать лет естественно вылился в Акт о гражданских правах» (стр. 288).

Однако Америка – не обычная западная страна. Практически все, кто исследует ее социальную структуру и политические традиции, отмечают, насколько заметным является расовый «след» в ее истории и культуре. Крайне невыразительный характер рабочего движения в американских городах в начале XX столетия многими исследователями объясняется в том числе и тем, что в данный период до 50% наемных работников были иммигрантами в первом поколении, и выступления этих «гастарбайтеров» за свои права не могли вдохновлять «патриотов», что препятствовало образованию единого фронта борьбы трудящихся за повышение заработной платы и другие социальные завоевания. Негритянский вопрос и вовсе стал самой большой проблемой Америки, ввергнув страну в кровопролитнейшую войну в ее истории, и даже после ее завершения еще долгие сто лет оставляя ее разделенной.

Автор с сожалением признает: «Один из главных выводов моей книги, который для многих читателей может оказаться неудобным, заключен в том, что расовая проблема стоит в центре того, что произошло со страной, в которой я вырос. Последствия рабства, этого первородного греха Америки, объясняют, почему мы, единственные среди стран с развитой экономикой, не гарантируем гражданам услуги здравоохранения. Негативная реакция белых

на движение за гражданские права темнокожих является причиной того, почему Америка – единственная страна развитого мира, в которой одна из двух ведущих политических партий намеревается свернуть государство благосостояния» (стр. 18). Он подчеркивает, что попытка Г. Трумэна в 1940-е годы ввести в США обязательное всеобщее медицинское страхование по европейскому образцу провалилась во многом из-за «просветительской работы» Американской медицинской ассоциации, убедившей значительную часть электората, что в случае ее успеха черные пациенты на общих основаниях получают доступ в больницы для белых (см. стр. 190–191). В начале 1960-х годов, несмотря на разраставшееся движение за гражданские права, 23% избирателей считали себя «твердыми сторонниками сегрегации», 45% занимали «промежуточную позицию»; и менее трети решительно выступали за равные права для негров и белых (см. стр. 90). Почти 60% считали, что расширение прав меньшинств проводилось в 1960-е годы излишне быстрыми темпами, «неприемлемыми для общества». В такой ситуации демократы, последовательно реализуя свой либеральный проект, провели Акт о гражданских правах 1964 года, совершивший еще большую революцию, чем Закон о социальной защите 1935 года.

Это стало приговором и «Новому курсу», и «Великому обществу», и американскому либерализму. «После подписания Акта о гражданских правах [президент Линдон] Джонсон сказал своему помощнику Биллу Мойеру: “Я думаю, мы только что преподнесли весь Юг Республиканской партии до конца моей жизни, да и Вашей тоже”» – подчеркивает П. Кругман (стр. 106). И он оказался прав: даже на выборах в Конгресс в 2006 году, когда демократы победили во всех регионах страны, на юге они все равно уступили республиканцам (см. стр. 172); более того, после этих выборов 42% завоеванных республиканцами мест заняли представители южных штатов, тогда как в 1954 году на долю «южан» приходилось 47% представителей Демократической партии, выбранных в Конгресс (см. стр. 194) (хотя малоимущие граждане южных штатов поддерживали демократов, большая часть средне- и высокообеспеченных избирателей голосовала за республиканцев с большим перевесом (см. стр. 193). Но реформы продолжались до тех пор, пока Демократическая партия контролировала Белый дом и Конгресс.

В 1966 году объем выплаченных малоимущим гражданам пособий вдвое превысил показатель 1957 года. В целом на социальные нужды в 1968 году было потрачено 28,5 миллиарда долларов против 5,1 миллиарда в 1955-м⁷. Однако это не привело к ожидаемым результатам: усилилась миграция чернокожего населения, устремившегося в города, и различия в уровне жизни белых и черных стали не менее, а даже более очевидными. И чем больше денег правительство направляло на социальные нужды, тем более частыми становились акты насилия и более мощным – недовольство белого большинства.

⁷ Рассчитано по: *Economic Report of the President*. Transmitted to the Congress February 2008, Washington (DC): United States Government Printing Office, 2008, table B-80, p. 321.

По сути дела, либеральный курс Демократической партии, проводившейся ею с начала 1930-х до конца 1960-х годов, был изначально обречен на то, чтобы прерваться в момент своего наивысшего успеха. Нацеленный на ограничение богатства олигархии и создание устойчивого среднего класса, он подверг экономическую систему Соединенных Штатов двойному испытанию. Сначала введение немислимых прежде налогов нанесло удар по фундаментальному принципу неприкосновенности частной собственности в том виде, в каком он существовал с самого возникновения США, а всего через три десятилетия сомнению был подвергнут важнейший индивидуалистический принцип частной ответственности за собственное благосостояние. Оба этих шага неизбежно вызывали естественное чувство протеста со стороны консерваторов, однако до тех пор, пока количество бенефициаров щедрой социальной политики было больше числа «потерпевших» от повышения налогов, избранный демократами курс мог продолжаться. События же 1960-х годов, однако, привнесли два качественно новых элемента: с одной стороны, расширяющееся социальное обеспечение потребовало повышения налогов не только на супербогатых, но и на часть среднего класса, который сформировался в 1940-е и 1950-е годы; с другой стороны, «расовая ориентированность» социальных программ резко подорвала доверие к ним во всех слоях общества. В такой ситуации «искусственно выращенный» средний класс начал разрушаться, и процесс этот быстро приобрел стихийный характер.

Консервативная волна

Подъем реакции на экономические и социальные реформы демократов середины XX века не был, как полагает П. Кругман, обусловлен экономическими причинами. В отличие от большинства исследователей, склонных объяснять популярность консервативных политиков экономическими кризисами 1973–1975 и 1980–1982 гг., профессор Кругман считает, что успех Р. Рейгана и приход неоконсерваторов к власти был обеспечен не экономическими факторами, а мощной политической мобилизацией, истоки которой восходят еще к 1960-м годам. Политика, по его мнению, и тут показала свою первичность по отношению к экономике.

Во второй половине 1960-х американское общество достигло очень высоких показателей благосостояния. «В реальном исчислении рабочий у станка зарабатывал больше, чем большинство менеджеров из предшествующего поколения, – пишет П. Кругман, – 80% населения обзавелось медицинской страховкой, тогда как в конце Второй мировой войны ее имели лишь 30% американцев. Несмотря на низкий уровень безработицы трудящиеся, потерявшие свое рабочее место, имели больше шансов получить выплаты по соответствующей страховке, чем нынешние безработные, причем прежнее страхование возмещало более значительную часть утраченного ими заработка, нежели сейчас» (стр. 86). Социальное неравенство было минимальным с начала XX века. Снижалось число голодающих и бездомных, а также живущих ниже черты бедности. Однако почти три четверти граждан уверенно отвечали службам опросов общественного мнения, что считают свое положение плохим, а курс, которым идет страна – ошибочным.

Почему программа «Великого общества» в конечном счете утратила поддержку? Профессор Кругман указывает на несколько факторов.

Во-первых, социальные движения 1960-х годов взорвали политическую стабильность Америки. Начавшись как борьба за гражданские права, они вскоре трансформировались в акции, направленные против войны во Вьетнаме. Отрицание системы стало лозунгом времени, а мирные выступления стали мало помалу дополняться городскими бунтами. В период между 1964-м и 1968 годами

в американских мегаполисах произошли десятки столкновений протестующих с полицией, в которых погибли более 600 человек (см. стр. 94–95). Преступность росла, и правительство ничего не могло поделать с охватывавшим граждан чувством небезопасности. Хотя часто оно было преувеличенным, «у всеобщего ощущения разразившегося хаоса было реальное основание» (стр. 87).

Во-вторых, 1960-е годы стали периодом подъема новой молодежной культуры, в основе которой лежало отрицание принятых обществом стандартов и стереотипов. Ее распространение мобилизовало консервативные слои общества, в сознании которых упадок нравов связался с развитием «социального государства», высокими налогами и развитием системы пособий. Хотя на самом деле молодежные эксперименты с сексом, наркотиками и рок-н-роллом стали естественным (и преходящим) следствием появления противозачаточных таблеток, растущей открытости общества и распространения «телевизионной культуры» (см. стр. 100–101), значительной частью граждан они воспринимались как опасные антисоциальные проявления, которым следовало жестко противостоять. Автор прав, считая, что «в 1960-е годы республиканцы в своем стремлении побеждать на выборах стали активно эксплуатировать возникавшие у американцев обиды и страхи культурного происхождения; позднее эта стратегия позволила консервативному движению завоевать Белый дом и взять под контроль Конгресс» (стр. 88).

В-третьих, развитие «социального государства» несомненно оказалось черезчур поспешным и происшедшие изменения не были усвоены американским общественным сознанием. Оказалось, что люди относительно лояльно относились к абстрактному повышению налогов – особенно такому, которое затрагивало далеких богачей, но позволяло стране выходить из экономического спада, бороться за освобождение Европы от нацизма или противостоять опасной коммунистической заразе. Когда же повышение налогов стало немного более «конкретным»: отчасти затронуло средний класс и при этом проявилось в социальных пособиях, на которые смогли жить «никогда не работавшие негры», справедливость начала ассоциироваться с добрым старым временем, когда «надменные бюрократы» (как аттестовал их Р. Рейган) не отнимали у трудяг заработанные ими в поте лица деньги, и не отдавали их тем,

кто этого не заслуживает» (стр. 100). В стране появились сотни мифов о якобы существовавших людях, которым удавалось покупать автомобили и квартиры, злоупотребляя социальным вспомоществованием (см. стр. 188–189), о целых семьях афроамериканцев, в которых никто никогда не работал, и т.д. При этом такие рассказы слагались не слишком стихийно, а распространялись ведущими политиками-республиканцами, строившими на них свои политические карьеры.

Таким образом, консервативные идеи были востребованы в американском обществе конца 1960-х годов почти так же, как либеральные были востребованы в годы Великой депрессии накануне «Нового курса».

Однако, в отличие от начала 1930-х годов, когда либералы были обречены на победу, вознесенные к власти мощной волной общественного недовольства, и сформировали основные пункты своей экономической и политической программы уже по ходу борьбы с кризисом, так сказать *post factum*, консерваторы задолго до первых успехов стали выстраивать интеллектуальные и организационные основы своего ренессанса.

Первые были заложены научными и публицистическими работами экономистов и политических философов, отвергавших принципы государственного регулирования экономики и серьезного вмешательства власти в общественную жизнь. П. Кругман указывает на то, что начиная с 1950-х годов целый ряд экономистов, возглавлявшийся Милтоном Фридманом и Джорджем Стиглером (оба они впоследствии были удостоены Нобелевской премии), стал обличать скатывание к социализму, якобы имевшее место в Соединенных Штатах. Сторонники этого подхода пытались доказать, в частности, «будто даже Великую депрессию вызвали не провалы рынка, а ошибки правительства» (стр. 123). Во второй половине 1950-х годов появились первые печатные издания, вокруг которых стали концентрироваться малоизвестные в то время радикалы – «Нэншл ревью»

Уильяма Бакли и «Паблик интерес» Ирвинга Кристола и Дэниэла Патрика Мойнихэна (см. стр. 123–125)⁸. Представители первой вол-

⁸ О религиозных взглядах У. Бакли и его последователей подробнее см.: Mickletwait, John and Wooldridge, Adrian. *God is Back. How the Global Revival of Faith is Changing the World*, New York: Penguin, 2009, pp. 196–199

ны консервативного движения – как экономисты, так и политологи – активно участвовали в общественной жизни (М. Фридман даже агитировал за Барри Голдуотера в ходе предвыборной кампании 1964 года). Так ренессанс консерватизма постепенно обретал элементы «респектабельности»⁹.

Вторые складывались еще быстрее, так как многие предприниматели действительно были озабочены высокими налогами и охотно поддерживали неоконсерваторов. В 1960-е годы сформировались многочисленные организации Республиканской партии, в том числе молодежные, щедро финансирувавшиеся крупным бизнесом. Возникла система фондов, аккумулировавших поступающие пожертвования, и направлявших их как на финансирование избирательных кампаний, так и на содержание научно-исследовательских центров и «идеологически проверенных» журналов и газет. П. Кругман подробно описывает в своей книге, как к 1980-м годам было создано около пятнадцати фондов и появились десятки институтов, финансирувавшиеся из них (см. стр. 172–175). Эти структуры постепенно стали играть совершенно особую роль: они определяли «благонадежность» тех или иных перспективных политиков и обеспечивали продвижение в партийных структурах тем, кто в наибольшей степени придерживался консервативных взглядов; в то же время они служили (и служат до сих пор) приютом для тех, кто проиграл выборы или временно выбыл из политической борьбы. Автор подчеркивает, что такой системы, как у Республиканской партии США образца начала 2000-х годов, нет ни у одной современной политической партии в странах Запада.

Вывод профессора Кругмана категоричен: общество среднего класса, построенное в Соединенных Штатах с начала 1930-х по конец 1960-х годов, не пришло в упадок естественным образом. «Версия, по которой рост концентрации доходов сформировал экономическую элиту, осуществившую сдвиг “великой старой партии” вправо, – пишет он, – оказывается несостоятельной с точки зрения исторического анализа. Сдвиг

⁹ Более подробно идеологические и интеллектуальные корни неоконсерватизма описаны в: Fukuyama, Francis. *America at the Crossroads: Democracy, Power and the Neoconservative Legacy*, New Haven (Ct.), London: Yale Univ. Press, 2006, pp. 15–49.

вправо Республиканской партии начался до того, как проявился сколько-нибудь заметный рост неравенства в доходах. Рональд Рейган стал президентом в 1980 году, когда разница уровней доходов богатых и средних американцев была не большей, чем в годы президентства Эйзенхауэра» (стр. 180). Приход к власти республиканцев ознаменовался радикальным сокращением налогов в 1980-е годы и резким нарастанием экономического либерализма – однако куда более существенным кажется П. Кругману то обстоятельство, что за двенадцать лет управления страной «великая старая партия» сформировала мощный кадровый костяк, представители которого вкусили прелесть власти и уверовали в то, что постами в правительстве они обязаны прежде всего своей бескомпромиссности. Поэтому возвращение демократов при Б. Клинтоне не изменило ситуацию так же, как и приход Р. Никсона на смену Л. Джонсону: консерватизм в экономике остался доминирующей тенденцией – и тем более потому, что ситуация устойчивого роста не давала лишних поводов усомниться в правильности его рецептов.

П. Кругман пишет: «Даже после того, как в конце 1970-х годов неравенство стало увеличиваться, экономический рост по-прежнему обеспечивал повышение благосостояния практически каждого американца. В 1980-е годы процесс нарастания неравенства продолжился, однако начавшийся в 1982 году экономический подъем оказался столь мощным, что Рейган смог провозгласить в 1984 году “утро в Америке”, а Джордж Буш-ст. был избран в 1988 году президентом. Неравенство продолжало усугубляться в 1990-е годы, и тем не менее в обществе преобладали позитивные настроения, поскольку экономика оправилась от экономического кризиса 1990–1992 годов» (стр. 216). Период правления президента Б. Клинтона стал временем некоторого повышения налогов, которое, однако, не привело к ухудшению экономической конъюнктуры. Демократическая администрация «передала» Дж. Бушу-мл. здоровую экономику и профицитный бюджет, и это позволило республиканцам предпринять новую атаку на налоги, убеждая избирателей в том, что именно сейчас следует пересмотреть налогообложение богатых, позволяя им тем самым активнее инвестировать в национальную экономику. В результате республиканцам удалось резко снизить налоги на

наследство и по сути отменить налог на недвижимость – то есть пересмотреть те принципы, на которые они побаивались посягать не только в 1960-е, но и в 1920-е годы (см. стр. 170–171).

Результаты последних двадцати лет говорят сами за себя. П. Кругман описывает их, сравнивая Америку начала XXI века с Америкой конца XIX-го. Сегодня уровень неравенства в Соединенных Штатах соизмерим с тем, что существовал в 1896 году (1% наиболее состоятельных американцев контролируют 42% общественного богатства, получают 26% ежегодных доходов и имеют в собственности около 70% всех торгуемых на биржах ценных бумаг; в конце XIX века эти показатели составляли 41, 32 и 84%¹⁰). Если принять прирост национального богатства в США в 2000–2007 годах за 100%, более 73% его пришлось именно на долю этого 1%¹¹. Как подчеркивает профессор Кругман: «После 1970-х годов только высший 1% населения США добился большего, чем в поколении, жившем сразу после Второй мировой войны. Повышение благосостояния выглядит весьма впечатляюще только у тех, кто находится выше по шкале дохода. У высших 0,1% населения доходы подскочили в пять, а у 0,01% – в семь раз по сравнению с 1973 годом» (стр. 137), зато «если мы взглянем на медианную заработную плату мужчин в возрастном диапазоне от 35 до 44 лет, то обнаружим, что в 1973 году с поправкой на инфляцию она была на 12% выше, чем теперь» (стр. 134). Средний класс разрушается продуманной политикой – и ничто не может объяснить данного процесса лучше, чем изменения в налоговой и бюджетной системах (см. стр. 140–141) – причем республиканцы неплохо позаботились о будущем, сократив налоги на сверхвысокие доходы на период вплоть до 2010 года. Сложившаяся ситуация радикально контрастирует с тем, что можно было наблюдать в середине 1970-х, когда доля 1% богатейших американцев в национальном достоянии составляла менее 19%, в текущих доходах – около 11%, а во владении ценными

¹⁰ По состоянию на 2006 год см.: Hurst, Charles E. *Social Inequality: Forms, Causes, and Consequences*, New York, London: Pearson Education, 2007, p. 31; по 1898 году см.: Kuttner, Robert. *The Economic Illusion. False Choices Between Prosperity and Social Justice*, Philadelphia (Pa.): Univ. of Pennsylvania Press, 1984, p. 189.

¹¹ См.: Aron-Dine, Aviva and Sherman, Arloc. *New CBO Data Show Income Inequality Continues to Widen*, Washington (DC): Center on Budget and Policy Priorities, 2007, p. 4.

¹² См.: Nelson, Joel. *Post-Industrial Capitalism: Exploring Economic Inequality in America*, London, Thousand Oaks (Ca.): Sage Publications, 1995, pp. 8–9.

бумагами – несколько более 38%¹². «Консервативная волна» в последние годы затопила либеральную Америку – и, будучи инициированной политиками, она не останови-

лась на одной только экономической сфере. «Американские горки» – и в политике, и в экономике – все еще отражают доминирующей тренд в истории Соединенных Штатов.

Экономическое неравенство и политическая жесточенность

Сюжет об искусственности «общества благосостояния» и о том, что либералам – если только они озабочены судьбами страны – следует сделать все от них зависящее для возобновления реализации социальных программ и преодоления неравенства, безусловно, занимает центральное место в книге П. Кругмана, и к предлагаемой им программе действий мы еще вернемся. Однако второй, не менее важной – и поучительной для сегодняшней России – ее темой является обосновываемый на протяжении всей книги тезис о том, что имущественное неравенство ведет к нарастанию бескомпромиссности и ожесточения в политической жизни и в итоге обусловливает ситуацию, в которой властями начинают приниматься все более примитивные и шаблонные решения, на деле обосновываемые одной только «идеологической последовательностью».

Сравнивая современную политическую ситуацию в Соединенных Штатах с той, что имела место сто лет тому назад, П. Кругман обращает внимание на крайне интересную закономерность. «Америку до “Нового курса”, – пишет он, – как и в начале XXI века, отличало неравенство в распределении богатства и власти. В стране лишь формально присутствовала демократическая политическая система, не годившаяся, впрочем, для того, чтобы адекватно представлять экономические интересы большинства населения. Кроме того, у факторов, которые тогда позволяли зажиточной элите доминировать в политике, сегодня имеются легко узнаваемые аналоги. Это крайне невыгодные финансовые условия, в которых действуют либеральные политические кандидаты; рас-

кол американцев со схожими материальными интересами по расовому, этническому и религиозному признакам; а также некритичное восприятие консервативной идеологии» (стр. 24). И сегодня, и в начале прошлого века, позиции сторон выглядели совершенно непримиримыми. Корреляция между уровнем дохода и степенью поддержки той или иной партии сегодня в точности соответствует показателям столетней давности. Даже накануне Великой депрессии за демократов голосовали 46% белых избирателей, относившихся в низшей трети общества по размеру получаемых доходов и 42% из принадлежавших к высшей трети. Зато в конце XIX века за прогрессистов голосовали около 56% бедноты или всего 32% состоятельных граждан; сегодня же за Демократическую партию – как и в былые времена за прогрессистов – отдают свои голоса 51% избирателей из низшей трети и всего 37% – из высшей (см. стр. 83, 79). Фактор среднегодового дохода становится в последние годы самым важным среди определяющих предпочтение избирателей той или иной партии.

Статистические данные, приводимые профессором Кругманом, впечатляют. Особенно внимательно он останавливается на двух проблемах: масштабах финансирования президентских избирательных кампаний и ожесточенности противостояния в Конгрессе США.

В конце XIX столетия – а именно в 1896 году – возник единственный в американской истории прецедент потери контроля за политическими процессами со стороны финансовой олигархии. Умело используя в своих апелляциях к избирателям всевластие монополий, разделенность общества на горожан и сельских жителей, а также накопление невиданных ранее богатств в руках немногочисленной олигархии, кандидат от прогрессистской партии Уильям Дженнингс Брайан имел все шансы победить на президентских выборах. Осознав серьезность ситуации, американские промышленники и банкиры выделили на финансирование его оппонента, Уильяма МакКинли, 3,35 миллиона долларов, сделав ту кампанию самой дорогой в американской истории (подробнее см. стр. 29). Кампании 2000–2008 годов также были очень дорогими, причем в 2000-м и 2004 годах республиканцы обеспечивали себе серьезное финансовое преимущество за счет средств, поступав-

ших от крупного бизнеса. Напротив, статистика указывает на резкое снижение стоимости президентских кампаний в период 1956–1972 годов, когда большинство избирателей не наблюдало кардинальных различий между экономическими программами кандидатов, а большой бизнес, также не ожидавший серьезных перемен в экономической политике, не был заинтересован в выделении больших денежных средств той или иной партии. П. Кругман заключает: чем значительнее имущественная поляризация в обществе, чем непримиримее позиции сторон по вопросам государственного регулирования экономики, налогообложения и антимонопольного законодательства, тем дороже и ожесточеннее оказывается предвыборная кампания (см. стр. 10-12). Остается добавить, что последние президентские выборы в США по своей значимости были не менее важными, нежели выборы 1896 года – но в этот раз они продемонстрировали эффективную консолидацию антиолигархического электората; основные взносы в фонд Б. Обамы сделали мелкие предприниматели и граждане, массово переводившие небольшие суммы в его поддержку. Однако шаги, предпринятые президентом Обамой как в экономической, так и в социальной сферах в первые полгода пребывания у власти, однозначно свидетельствуют: поляризация позиций демократов и республиканцев только растет, и выборы 2012 года наверняка станут еще более жесткими и бескомпромиссными.

Не менее показательным является распределение мест в Конгрессе США в периоды социального мира и экономической бескомпромиссности. Для количественного описания ситуации

П. Кругман применяет понятия «прехлеста из партии меньшинства» и «перехода из партии меньшинства». В первом случае имеется в виду «число демократов, занимавших более правые позиции, нежели самые левые республиканцы, в период, когда республиканцы контролировали Конгресс, или количество республиканцев, занимавших позиции левее самых правых демократов тогда, когда Конгресс контролировали демократы»; во втором речь идет «о числе членов партии меньшинства, которые фактически находятся на противоположной стороне политического противостояния относительно собственной партии. Иначе говоря, это демократы, исповедующие более правые взгляды по сравнению со

среднестатистическим членом Конгресса, или же республиканцы, находящиеся, соответственно, слева». Соответственно «более крупный “перехлест” указывает на меньшую степень поляризации политической системы, а его отсутствие – на то, что не сформировался сильный политический центр» (стр. 80). Изучение голосований в Конгрессах 70-го (1927–1929 годы), 85-го (1957–1958 годы) и 108-го (2003–2004 годы) созывов хорошо показывает, насколько жестко структурированным было американское законодательное собрание в первом и последнем случае: перед Великой депрессией отмечаются всего два «перехлеста» и ни один законодатель не занимал последовательно позиции, не поддерживавшейся большинством его партии; в 2003-2004 годах не было ни «перехлестов», ни «переходов». Палата представителей была четко поделена и голосования происходили в соответствии с партийной принадлежностью ее членов. «Так, – отмечает профессор Кругман, – законопроект Клинтона–Гора о повышении налогов (1993) был утвержден Палатой представителей, хотя все республиканцы голосовали “против”. Законопроект Дж.Буша о снижении налогов (2003) был одобрен Палатой, причем практически все (кроме одного) республиканцы проголосовали “за”, а подавляющее большинство демократов (за исключением семи) – “против”. Закон о бензине для безопасности Америки 2005 года, предоставлявший нефтяным компаниям ряд налоговых льгот, был принят Палатой с перевесом всего в один голос, причем против него голосовали все демократы, но только 13 республиканцев» (стр. 166). Зато в конце 1950-х годов 112 конгрессменов – или четверть списочного состава Палаты представителей – периодически голосовали иначе, чем наиболее радикальные члены их партий, а 9 депутатов последовательно занимали, если так можно сказать, «антипартийные» позиции (подробнее см. стр. 80–81).

Партийная поляризация рубежа XX и XXI веков, по мнению автора, обусловлена не столько взаимным дрейфом обеих основных партий в стороны от «центра», сколько односторонним курсом Республиканской партии на максимальную замкнутость и идеологическую «чистоту». Политика республиканцев становится все более идеологизированной и фундаменталистской, чему способствует вербовка сторонников по признаку идеологической ортодок-

сальности и религиозного консерватизма. П. Кругман иллюстрирует этот тезис, сравнивая карьеры таких влиятельных идеологов консерватизма 1980-х и 2000-х годов, как М. Фридман и Д. Д'Суза (см. стр. 124–125) и перечисляя имена десятков нынешних функционеров республиканской администрации, единственными достоинствами которых являются религиозный фундаментализм и публичные выступления в поддержку религиозного фактора в жизни общества (см. стр. 204–205). Автор заключает: «Влияние группы людей, для которых характерно сочетание религиозной веры с консервативными политическими взглядами на нынешнюю Республиканскую партию так велико, что возникает вопрос: кого использует? То ли консервативное движение религию как инструмент для одурманивая масс, то ли религиозные группировки отстаивают интересы корпораций для того, чтобы самим добиться власти?» (стр. 204–205). Неудивительно, отмечает автор, что число американцев, видящих (согласно опросам общественного мнения) существенные различия в подходах Демократической и Республиканской партий к наиболее важным вопросам развития общества, резко выросло – с 46% в 1972 году до 76% в 2004-м (см. стр. 167).

В пользу такой точки зрения говорят большое количество статистических данных и фактов, касающихся, в частности, характера развития «мозговых центров» (из 20 крупнейших и наиболее влиятельных из них 14 находится под контролем Республиканской партии и близких к ней фондов); механизма отбора претендентов на занятие выборных должностей, и так далее (см. стр. 174–175, 181). В результате сегодня относительно умеренные политики не просто оказываются в Республиканской партии в меньшинстве, но и осознанно маргинализируются и выдавливаются из рядов партии – что, по мнению П. Кругмана, способно в будущем нанести непоправимый урон ее электоральным перспективам (что уже подтвердили выборы в Конгресс и президентские выборы 2008 года).

Политическая непримиримость, подчеркивает профессор Кругман (и это весьма актуально и для современной России) – прямой путь к непрофессионализму, местничеству и коррупции. Для Америки «моментом истины» стала война в Ираке – начатая по идеологическим причинам, развязанная вследствие дезинформа-

ции и лжи, основанная на заведомо нереалистических оценках затрат и потерь (см., напр. стр. 202), приведшая к колоссальному количеству злоупотреблений и в конечном счете развеявшая устойчивый миф о «превосходстве» Республиканской партии в вопросах национальной безопасности (см. стр. 195–196, 199). В России похожую роль сейчас играет экономический кризис, демонстрирующий неэффективность команды, чья карьера строилась лишь на личной преданности В.В. Путину и поддержке идеологических штампов «Единой России». Монополизм партийных аппаратов – в США ли, в России, в других ли странах – приводит в конечном счете к упадку допускающих его партий: в этом очевидный урок, который следует из книги П. Кругмана. Политическая жесточенность, идущая в ногу с экономическими диспропорциями и социальным неравенством, не свидетельствует о нормальном развитии страны.

Возвращение к нормальности

Профессор Кругман закончил свою книгу весной 2008 года, когда влияние консерваторов уже шло на спад, но их поражение на выборах вовсе не казалось predetermined. Да, были и неудачи в иракской кампании, и провалы при ликвидации последствий урагана «Катрина», и обвинения в адрес многих соратников Дж. Буша, части из которых пришлось уйти в отставку, и успех демократов на промежуточных выборах в ноябре 2006-го – однако многое оставалось неочевидным. Именно поэтому П. Кругман уделяет столько внимания обоснованию необходимости вернуться на «нормальный» путь развития – под которым он понимает следование либеральным рецептам и европейским образцам.

Неравенство в Америке, утверждает автор, становится фактором саморазрушения общества и экономики. Особенно опасно то, что страна, еще полвека назад бывшая воплощением мечты о равенстве и солидарности, превращается в совокупность гетто, в которых живут как супербогачи, так и те, от кого отвернулась судьба. «Сегодняшние богачи, – цитирует он слова Р. Франка, – создали собственную виртуальную страну... Для себя они выстроили самодостаточный мир с собственной системой здравоохране-

ния (придворными врачами), закрытым туристическим бизнесом (частными самолетами и клубным отдыхом) и отдельной экономикой... Богатые не просто обогащаются все больше; они становятся «финансовыми инопланетянами», создавшими для себя государство в государстве, общество в обществе, экономику в экономике» (стр. 265). Эта новая общность сама определяет законы своего развития; П. Кругман подчеркивает, что современные менеджеры становятся неким аналогом звезд спорта или экрана: финансовые и промышленные корпорации нанимают уже не столько по-настоящему талантливых управленцев, а тех, кто в тот или иной момент становился известным вследствие ассоциированности с определенной успешной корпорацией; «звездность» претендента становится важнее его послужного списка. Запросы не играют роли – торговаться в таком тонком деле не стоит. Так начинает задаваться планка зарплат и бонусов – а поскольку действительно выдающихся менеджеров не так уж много, их доходы зашкаливают за все мыслимые пределы. Компании-конкуренты вынуждены присоединяться к гонке – и рост доходов управляющих теряет всякую связь с их реальной эффективностью. Важнейшим условием всего этого выступает позиция властей – ведь между концом 1930-х и началом 1980-х годов вознаграждение высших менеджеров в США в реальном выражении... снижалось (см. стр. 155). Сегодня же, когда в обществе создана атмосфера обожания бизнес-лидеров (в свою очередь щедро платящих политикам), их высокие доходы редко вызывают неудовольствие в массах (подробнее см. стр. 152–156).

¹³ Еще в начале 1990-х годов, анализируя масштабы и характер современного неравенства, Ф.Фукуяма отметил, что «*существующие в наше время в Соединенных Штатах классовые различия*» (курсив мой – В.И.) объясняются главным образом разницей полученного образования» (Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*, London, New York: Penguin, 1992, p. 116), и, похоже, он не ошибался.

Этот процесс, подчеркивает автор, опасен не сам по себе. Гораздо хуже то, что он создает в обществе стремление подражать новым хозяевам жизни – причем стремление вполне мотивированное. Профессор Кругман показывает это на примере образования – самого важного ресурса в современной

Америке¹³. Среди школьников, демонстрировавших худшие оценки, лишь 3% детей тех родителей, которые принадлежали к «низшей» четверти общества (определяемой по уровню дохода), уда-

валось поступить в колледж; среди так же успевавших отпрысков богатых семей таких было 30%. Из отличников из бедных семей в колледжи поступают 29%, из семей с высоким достатком – 74% (см. стр. 268). При этом автор подчеркивает, что наиболее престижные школы открываются в округах, где живут по преимуществу состоятельные граждане. В итоге «миллионы семей, относящиеся к среднему классу, приобретают дома, которые не могут себе позволить, залезают в ипотечные долги – и все потому, что жаждут отправить своих детей в престижную школу. А усиливающееся неравенство приводит к тому, что число престижных школьных округов уменьшается, а проживание в них дорожает. [Это значит:] американцы, принадлежащие к среднему классу, ввязались в бешеную погоню за успехом не из-за жадности или сумасбродства. Причина состояла в другом: они всего лишь хотели дать своим детям возможность устроиться в обществе, в котором растет неравенство» (стр. 265, 266). Таким образом, в современной Америке богатые богатеют все быстрее безотносительно к их заслугам, а у бедных оказывается все меньше шансов не только подняться по социальной лестнице, но даже обеспечить достойное будущее своим детям. Эта ситуация нетерпима, полагает профессор Кругман, и считает, что граждане Соединенных Штатов достойны лучшего.

Правящая республиканская элита не может – и не хочет – решать эту проблему, и потому переключает внимание большей части населения на внешние обстоятельства. Неслучайно республиканским политикам лучше всего удавалось выигрывать выборы в условиях чрезвычайного положения, которое *de facto* было установлено в Америке после терактов 11 сентября 2001 года. П. Кругман детально исследует историю возникновения мифа о том, что Республиканская партия успешнее решает вопросы безопасности, чем Демократическая (подробнее см. стр. 196–197), проводит параллели между событиями во Вьетнаме и войной в Ираке. По мнению автора, успех республиканской демагогии, связанной с проблемами безопасности, обеспечивался тремя основными факторами. Во-первых, значительная часть избирателей действительно была убеждена, что в период военных испытаний не следует отказывать правительству в доверии. Во-вторых, на протяжении последних тридцати лет республиканские администрации обеспечи-

вали рост военных расходов (что, не надо скрывать очевидного) помогало значительному числу американских компаний и занятых в них рабочих – тогда как демократические, напротив, урезали оборонные бюджеты. И, наконец, в-третьих, в Соединенных Штатах военные стали за последнее время своего рода обособленной кастой, претендующей на обладание более высокими, нежели боль-

шинство населения, моральными устоями¹⁴ (см. стр. 198–199).

Спекуляции на проблемах национальной безопасности, обеспечившие Республиканской партии убедительные победы в 2002

и 2004 годах (подробнее см. стр. 112–113), в итоге привели американцев в Ирак и нанесли катастрофический удар как по международному престижу Соединенных Штатов, так и по их экономике, которая все глубже увязала в долгах. Это потребовало от элиты ужесточения идеологической риторики – притом такого, которое вряд ли может долгое время оставаться незамеченным и встречать поддержку у широких слоев населения.

П. Кругман указывает, что в программах ряда региональных отде-

лений Республиканской партии с 2004 года стали встречаться характеристики партии как сообщества христианских националистов (см. стр. 203), а многие партийные идеологи начали призывать пересмотреть принцип отделения церкви от государства (см. стр. 202).

По сути, американская правящая

верхушка быстро скатывалась к фундаментализму (сам этот термин, кстати, был впервые применен именно к ультраортодоксальным христианам¹⁵); некоторые сторонники линии Дж. Буша-мл. дошли даже до призывов к христианским фундаменталистам в Америке как можно быстрее объединить усилия с исламскими фундаменталистами в странах Ближнего Востока с тем, чтобы дать отпор соглашателям-либералам вне зависимости от того, где они живут и какие религиозные конфессии представляют¹⁶.

¹⁴ Этот вопрос подробно разобран в книге: Bacevich, Andrew. *The New American Militarism. How Americans are Seduced by War Supremacy*, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2005.

¹⁵ См.: Ruthven, Malise. *Fundamentalism. The Search for Meaning*, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2004, pp. 8–11.

¹⁶ См., напр.: D'Souza, Dinesh. *The Enemy at Home: The Cultural Left and Its Responsibility for 9/11*, New York, London: Doubleday, 2007, pp. 276–286 (рец. на эту книгу: Иноземцев, Владислав. “Поиски врага в отсутствие друзей” в: *Свободная мысль*, 2007, № 5, сс. 157–166).

Но, увы, подобного рода сентенции хороши только в условиях действительно чрезвычайного положения и вряд ли могут привлекать к себе внимание достаточно долго.

Да и ситуация сегодня существенно отличается от той, что имела место тридцать пять лет назад: в отличие от тех времен Америка стала «единственной сверхдержавой» – которая, однако, победив в «холодной войне», никак не может достичь успеха в «войне с террором» (см.: стр. 110–111). Неудачи в этой войне – на фоне разглагольствований об американской империи и способности Америки решить встающие перед страной проблемы без помощи союзников и международных институтов – могут сыграть с республиканцами злую шутку. Ведь «по иронии судьбы страна, претендующая на роль супердержавы, сталкивается с проблемой: ее граждане не понимают, что у всякой мощи есть предел. Например, канадцы не задумываются, отчего их правительство не может навязать свою волю остальному миру. Большинство же американцев легко убедить в том, что всех, кто угрожает их стране, можно ликвидировать силой, и что те, кто призывает к сдержанности, в лучшем случае слабаки, в худшем – предатели» (стр. 113). А победы над террором все нет и нет – и все претензии Дж. Буша и его команды на компетентность в сфере безопасности уже воспринимаются как издевка.

Однако, по мнению автора, власть республиканцев подтачивало не нарастающее неравенство и не крайне назойливое насаждение христианского фундаментализма, а происходившие на протяжении последних десятилетий естественные изменения в социальной структуре американского общества, делавшие это общество все менее приспособленным для управления подобной элитой.

Как показал П. Кругман, подъем современного неоконсерватизма во многом стал следствием стремительных социальных перемен, обусловленных обретением афроамериканцами гражданских прав. «Значимость сдвига в области расовой политики невозможно переоценить; – отмечает он, – главная причина, по которой консервативному движению удалось расцвести пышным цветом именно в Соединенных Штатах (тогда как в Канаде и Европе люди с подобными взглядами являются маргиналами, обреченными находиться на периферии политического спектра) – межрасовая

напряженность, унаследованная от периода рабства. Если увеличить политическую плату для республиканцев за попытки эксплуатировать эту тему, Америка станет менее уникальной и более похожей на другие западные демократические страны, где государство благосостояния и политика ограничения неравенства пользуются большей поддержкой граждан» (стр. 227). И такая возможность, похоже, появляется; ее обеспечивает рост иммиграции, который ставит нынешнюю политическую элиту в весьма щекотливое положение.

Нынешние лидеры республиканцев сформировались как политики в эпоху самой низкой иммиграции в Соединенных Штатах. Если в начале 1920-х годов 20% взрослых американцев были рождены за рубежом, и половина из них не прошли процедуры натурализации, то к 1950-м годам доля иммигрантов сократилась до 10%, а не-гражданами были менее 3% взрослых американцев (см. стр. 70). В такой ситуации афроамериканцы оставались самой крупной группой, «чуждой» белому большинству, и на их противопоставлении можно было выстраивать групповые идентичности и вести политические кампании. Однако начиная с 1980-х годов иммиграция в США стала нарастать, а в 1990-е приняла лавинообразный характер. После принятия в 1990 году нового Закона об иммиграции число получивших грин-карту подскочило в 1991-м до 1,8 млн. человек в течение года, а к середине 2000-х стабилизировалось на уровне 1,05–1,25

млн. человек в год¹⁷. Массовый приток иммигрантов в 1990-е годы привел к трем важным последствиям. Во-первых, его масштаб и относительная легкость натурализации

обеспечили существенный рост небелых граждан в численности электората, что потребовало более пристального внимания к их интересам. Во-вторых, массивная иммиграция вызвала изменение общественной психологии и распространение идей мультикультурализма и максимальной толерантности, имплементация которых сделала затруднительным апелляцию к национальному или этническому фактору (см. стр. 223). И, наконец, в-третьих, целые отрасли американской экономики стали зависеть от постоянного притока дешевой рабочей силы (см. стр. 224). Все это не просто ослабило ак-

¹⁷ См.: Monger, Randall and Rytina, Nancy. U.S. Legal Permanent Residents 2008: *Annual Flow Report*, Washington (DC): Department of Homeland Security, March 2009, p. 3.

туальность расовой проблемы в США, но и создало существенные проблемы именно для республиканцев. Интересы и предпочтения их спонсоров и избирателей «разошлись». Сегодня «внутри коалиции, поддерживающей консервативное движение, нет единства по проблеме иммигрантов. Так, в деловых кругах преобладают взгляды в пользу поощрения иммиграции, поскольку бизнес заинтересован в наличии массовой дешевой рабочей силы. Напротив, избиратели, которым не чужды расистские настроения и чье мнение оказывалось решающим для побед консервативного движения, настроены категорически против» (стр. 224). Соответственно можно предположить, что деловая элита в будущем окажется сторонником либерального отношения к иммиграции, а те, кто заражен расовыми предрассудками, окажутся в меньшинстве, если не будут маргинализованы.

Таким образом, повторим еще раз: профессор Кругман указывает на три фактора, которые, по его мнению, подрывают основы консервативного движения – это усталость населения от растущего неравенства и структурированности общества; разочарование политикой республиканцев в сфере национальной безопасности, борьбы с терроризмом и внешней политики в целом; и, наконец, исчерпанность этнической «карты» в политическом пасьянсе современной Америки. Все эти обстоятельства, по мнению автора, позволяют говорить о скором «возвращении к нормальности» даже такой необычной страны, как Соединенные Штаты Америки.

Какие же шаги должны предпринять либералы для того, чтобы «наставить Америку на путь истинный»? Если описать их предельно кратко, они состоят в возврате к «европейскому пути развития». П. Кругман в своей книге постоянно возвращается к европейскому опыту – и практически всюду прилагательное «европейский» оказывается синонимом слова «лучший». Он упоминает о том, что «расходы европейских стран на социальные программы относительно размера их экономик уже к 1937 году достигли уровня, который для США стал реальностью лишь в 1970 году после того, как были законодательно утверждены программы “Медикэр” и “Медикэйд”» (стр. 189), что сами программы социального обеспечения были впервые внедрены в Европе (см. стр. 27 и 40), что именно европейский опыт подвиг Г. Трумэна на попытку введения

всеобъемлющего медицинского страхования, которая была проведена правыми (см. стр. 73), что в Европе доходы высших менеджеров регулируются куда более эффективно, чем в США, и не достигают американских размеров (см. стр. 156), что «Соединенные Штаты в расчете на душу населения тратят на здравоохранение почти вдвое больше, чем Канада, Франция и Германия, и почти в два с половиной раза больше, чем Великобритания, однако по продолжительности жизни [находятся] на последнем месте в этой группе» (стр. 235), и что, наконец, рассказы об «американской мечте» становятся досужими домыслами: «наибольшая величина показателя перехода из одного социального слоя в другой наблюдается в скандинавских странах, а в США такая мобильность ниже, чем во Франции, Канаде, а возможно, даже и Великобритании; американцы не просто не обладают равными возможностями; этих возможностей у них даже меньше, чем у жителей других западных стран» (стр. 267). Все это – не преклонение перед европейским образом жизни; профессор Кругман подчеркивает лишь, что организованность, которой отличаются европейцы, может стать важнейшим ресурсом для изменения современной Америки.

Важнейшей задачей либералов начала XXI века П. Кругман однозначно называет сокращение социального неравенства. Это может показаться странным современному российскому читателю, но содержание слова «либерал» для западных политиков сегодня заключается именно в этом – и именно поэтому для обозначения идеологии неограниченного разгула рыночной стихии используется термин «неолиберализм». Но автор уверен: неравенство не должно больше расти. Похоже, американцы сейчас готовы с ним согласиться: опросы общественного мнения показывают: доля тех, кто считает, что государство должно предоставлять всем своим гражданам хотя бы минимальные медицинские услуги, выросло за 1972–2004 годы с 37 до 42%, а тех, кто считает оказание социальной помощи малоимущим одной из важнейших задач правительства – с 28 до 31%. Сегодня всего лишь 20% американцев выступают за сокращение государственных расходов против 32% в 1982 году (см. стр. 185–186).

Какова же программа автора – которая, как ему казалось, могла стать программой новой Демократической администрации?

Прежде всего он обращает внимание на необходимость изменения налоговой политики. В начале 2008 года ему казалось, что сделать это будет затруднительно, так как «Резкое снижение масштабов экономического неравенства, – писал он, – произошло в США в кризисные 1930–1940-е годы. Сегодня американское государство... не находится в состоянии новой Великой депрессии и не участвует в мировой войне. Вот почему не надо ожидать таких же радикальных и неожиданных изменений, какие произошли семьдесят лет назад. В наше время процесс снижения неравенства можно скорее охарактеризовать как “великое выравнивание”, а не “великое сжатие”» (стр. 285). Автор предлагал тогда лишь не продлевать введенные Дж. Бушем-мл. «налоговые каникулы» для богатей после 2010 года и использовать средства от «естественного» роста налоговых поступлений для более щедрого финансирования социальных программ (см. стр. 260). Кроме этого, он считает необходимым продолжить курс на повышение минимальной заработной платы (эта тема была крайне актуальной в 2006–2007 годах, когда федеральный минимум был установлен на уровне 5,15 доллара в час, что с учетом инфляции было почти вдвое ниже, чем в 1968 году¹⁸; в 2007 году было принято законодательство, повысившее его до 6,55 доллара в час с 27 июля 2008-го и до 7,25 доллара в час с 27 июля 2009-го). П. Кругман, однако, выступает за введение не только почасового, но и месячного минимального уровня оплаты труда (см. стр. 283), чем опять-таки подталкивает американцев к перенятию европейского опыта. Таким образом, повышение налогов на богатых и уровня минимальной заработной платы для бедных – первый шаг к превращению Америки в нормальную страну.

Следующей мерой могло бы стать резкое изменение отношения правительства к проблемам бедных американцев. Автор подчеркивает, что имущественные различия между американцами и европейцами проявляются не в том, сколько долларов или евро они получают в виде зарплаты, а в том, сколько дополнительных долларов или евро достается им из государственного кошелька. Сравнения показывают, что хотя в 1990-е годы острота проблемы «первичной»

¹⁸ Подробнее см.: Kennedy, Edward M. *America Back on Track*. New York: Viking, 2006, pp. 112–113.

¹⁹ См.: Иноземцев, Владислав и Кузнецова, Екатерина. *Возвращение Европы. Штрихи к портрету Старого Света в новом столетии*, Москва: Интердиалект+, 2002, с. 52.

бедности в Европе была почти такой же, как и в Соединенных Штатах, эффективная социальная политика в Европейском Союзе снижала долю граждан, живущих ниже черты бедности, в 6–11 раз (в среднем с 18–23% населения до 2–5%), тогда как в США – не более чем на 44% (с 21% до 12%)¹⁹. Социальные программы, направленные на улучшение положения работающих граждан с низкими зарплатами, повышают уровень их дохода «в США всего на 28%, тогда как в Канаде – на 54%, в Великобритании – на 61%, а в Швеции – на 78%» (стр. 273). Такое положение нетерпимо, полагает П. Кругман, акцентируя внимание на том, что хуже всего в Соединенных Штатах приходится пожилым гражданам: на реализацию программ их социальной поддержки в Америке тратится менее 3% ВВП, тогда как в Канаде – 5,5%, в большинстве государств ЕС – около 7%, а в Скандинавских странах – почти 12% (см. там же). Прямого призыва повторить этот передовой опыт в книге не содержится, но симпатии автора явно находятся на стороне европейцев.

И, наконец, важнейший программный тезис профессора Кругмана – реформа американской системы здравоохранения. Автор уверен: ныне существующая практика – одна из самых неэффективных в мире. Во-первых, в отличие от Канады и большинства европейских стран в США работодатели не обязаны приобретать медицинскую страховку для работников. Многие из них делают это в рамках трудовых соглашений – но доля предпринимателей, согласных на такой шаг, уверенно сокращается: с 65% в 2001 году до 59% в 2006-м. Альтернативой выглядит частная страховка, которая постоянно и непомерно дорожает: сегодня цена семейной страховки превышает 11 тысяч долларов в год, и, как подчеркивает автор, «близка к общему годовому заработку тех, кто трудится полный рабочий день за минимальную заработную плату» (стр. 243). Во-вторых, тот факт, что тон на рынке услуг здравоохранения в США задают частные компании, обуславливает неэффективность медицины в целом: при очень высоком уровне развития медицинских технологий медики вынуждены больше заниматься судебными тяжбами со страховщиками, чем самой медициной, так как страховые компании стремятся всеми возможными методами

уйти от выплат за лечение. П. Кругман подчеркивает: более 15% всех издержек частных компаний «в связи с оказанием услуг здравоохранения» – это административные издержки, тогда как в системе «Медикэр» их доля не превышает 2%. То же самое происходит и со стороны медиков; в результате «в Соединенных Штатах совокупный объем административных затрат (то есть как страховых фирм, так и тех, кто предоставляет медицинские услуги) – составляет 31% всех расходов на медицину, тогда как в Канаде – менее 17%» (стр. 240), что обходится гражданам более чем в 300 миллиардов долларов ежегодно. В-третьих, огромной проблемой становится отсутствие всякой медицинской страховки более чем у 45 миллионов граждан (см. стр. 256), что приводит к деградации здоровья нации и усугублению ощущения вопиющей социальной несправедливости. Список претензий к действующей системе можно продолжать, но факт остается фактом: самая дорогая в мире система здравоохранения (на нее в США тратится в общей сложности 15,4% ВВП, тогда как в ЕС – 8,8%) остается одной из наименее эффективных.

Какой рецепт предлагает автор? Предельно простой: пойти по европейскому пути и распространить практику «Медикэр» на все население Соединенных Штатов (см. стр. 256), а для ее финансирования повысить налоги на состоятельных граждан. По оценке П. Кругмана, эта мера потребует около 4% ВВП, часть из которых будет снивелирована сокращением неэффективных издержек у частных страховых компаний (см. стр. 257). Автор убеждает читателей: это разумная мера, и американский бюджет вполне сможет ее выдержать! (Разумеется, это писалось до того, как Дж. Буш-мл. и Б. Обама стали с необыкновенной легкостью направлять на спасение отдельных финансовых компаний сопоставимые суммы). Профессор Кругман при этом прекрасно понимает, что вопрос не в цене реформы: ее «пресловутая “сложность” является результатом усилий тех, кто стоит на страже сложившегося положения дел и вовсе не стремится к решению проблем» (цит. по стр. 255). Зато он уверен в важности политической составляющей этого шага, в том, что «общедоступное здравоохранение могло бы стать для современного “Нового курса” тем, чем в 1930-е годы стало социальное страхование, а именно – чрезвычайно важной программой

вообще и одновременно утверждением принципа, согласно которому мы – стражи братьев своих», и продолжает: «создание общедоступного здравоохранения должно стать ключевым внутриполитическим приоритетом для современных либералов. Если они добьются успеха в этом, то смогут перейти к более широкой и трудной задаче обуздания господствующего в Америке неравенства» (стр. 262).

* * * * *

Таковыми, по мнению нового Нобелевского лауреата, должны быть помыслы и дела современных либералов. Он небезосновательно надеялся год тому назад, что ситуация в США имеет все шансы вскоре измениться, и «в 2009 году у Соединенных Штатов будет демократический президент и Конгресс с солидным демократическим большинством»; он уверен также, что «это большинство, если оно появится, будет более идеологически однородным, чем то, которое мы видели в первые два года администрации Б. Клинтона, когда оно представляло собой странный альянс либералов-северян и южан-консерваторов» (стр. 20). П. Кругман считает: время для изменения Америки пришло. При этом он подчеркивает, что проблемы, стоящие перед страной, настолько фундаментальны, что – в отличие от «добрых старых» 1950-х и 1960-х годов – их уже невозможно решать на основе консенсуса. «Определяющим фактом современной американской политической жизни является то, что Республиканской партией верховодит консервативное движение, чье представление о том, какой должна быть Америка, противоположно видению ее будущего прогрессивным движением, – пишет он, – [и] поэтому любимое политическими мудрецами мнение, будто можно добиться успеха путем межпартийного консенсуса, – явная нелепость. По вопросу реформы здравоохранения... достижение компромисса между республиканцами, стремящимися задушить программу “Медикэр”, и демократами, добивающимися гарантированного медицинского страхования для всех, представляется невозможным» (стр. 294). Подобная же разница в подходах существует и по многим другим вопросам – и все это говорит в пользу того, что предстоя-

щая борьба будет жесткой и бескомпромиссной. Главный же призыв автора обращен к Демократической партии и ее руководству. Его содержание: нужно отказываться от компромиссов с неоконсерваторами; активно сотрудничать с прогрессистским движением, стремиться восстановить государство благосостояния хотя бы в тех формах, которые оно имело к концу 1960-х годов; бороться за доступное здравоохранение и сокращение имущественного неравенства; выстраивать новую внешнюю политику, основанную на принципах сотрудничества и уважении международного права. Америка должна стать нормальной страной – вот лозунг П. Кругмана. Она должна прекратить кататься на «американских горках» то снижающегося, но нарастающего неравенства и умело и взвешенно выстраивать свой путь в будущее – которое не будет похоже ни на что из известного ранее.

Со времени выхода книги П. Кругмана в свет прошло больше года – но это время многое изменило. Прогноз относительно победы Демократической партии на выборах оправдался: сегодня в Белом доме находится представитель демократов; они же контролируют Сенат и Палату представителей в одинаковой пропорции – 58 на 41%. Сбылись даже более радикальные ожидания – на то, что Америке удастся оставить в прошлом расовые и этнические предрассудки: впервые афроамериканец избран на высший пост в государстве, причем подавляющим большинством. Однако произошло и много такого, что может серьезно скорректировать планы Демократической партии. Бесконтрольность финансистов и биржевиков, о которой писал П. Кругман, привела к краху ультралиберальной модели капитализма; государство вынуждено в результате оказывать банкам, страховым компаниям и неэффективным промышленным корпорациям помощь, исчисляемую сотнями миллиардов долларов. Удастся ли спасти американскую экономику? Несомненно; признаки улучшения ситуации множатся с каждым днем. Но удастся ли при этом реализовать те реформы, о которых пишет профессор Кругман? В этом у меня сейчас нет полной уверенности. Скорее всего, к концу первого срока президентства Б. Обамы уровень неравенства в США сократится – но сократится он преимущественно из-за снижения благосостояния финансовой олигархии, а не вследствие повышения доходов низкооплачиваемых американцев. Да и деньги на введение системы всеобщего

медицинского страхования вряд ли будут изысканы в условиях глобального финансового кризиса. Так что вполне может случиться, что представляемая книга окажется не менее актуальной перед выборами 2012 года, чем она была перед выборами 2008-го. Тем не менее, в своих основных постулатах автор прав: время перемен пришло, а будет ли оно скоротечным или затянется на десятилетия, сегодня никому не дано предугадать.

*Москва,
13–20 апреля 2009 года*

1 КАКИМИ МЫ БЫЛИ

Наряду со всеми, кто, подобно мне, родился в 1953 году, я считал ту Америку, в которой вырос, чем-то само собой разумеющимся. Конечно, как и многие в моем поколении, я обличал очевидные пороки нашего общества, участвовал в демонстрациях против бомбардировок Камбоджи, ходил по домам, агитируя за либеральных политиков. Лишь позже я начал воспринимать политические и экономические условия времен своей юности как потерянный рай, как особый период в истории страны.

Начну с главного: послевоенная Америка была обществом победившего среднего класса. Бурный рост заработной платы, начавшийся в период Второй мировой войны, позволил десяткам миллионов наших сограждан, включая моих родителей, вырваться из городских трущоб и деревенской нищеты, обрести собственные дома и жить с невиданным прежде комфортом. Напротив, богачи сдали свои позиции: их было не так много, да и на фоне процветающего среднего класса они не выглядели чрезмерно богатыми. Бедняков, разумеется, было больше, но и они составляли относительное меньшинство. Все это создавало поразительное ощущение экономической общности: большинство американцев имели сходный – и приличный – материальный достаток.

Экономическому равенству сопутствовала политическая умеренность. На протяжении если и не всей, то большей части моей юности демократы и республиканцы находили кон-

сensus во внешней политике и легко приходили к согласию по многим аспектам внутренней. Республиканцы уже не пытались перечеркнуть достижения Нового курса; многие из них даже поддерживали программу «Медикэр». Сотрудничество двух партий имело большое значение. Несмотря на потрясения, связанные с вьетнамской войной и расовыми проблемами, вопреки грязным махинациям Ричарда Никсона и его приспешников, политический процесс в США в основном направлялся двухпартийной коалицией, участники которой придерживались единого мнения относительно фундаментальных ценностей.

Всякому, кто знаком с историей, известно, что Америка не всегда была такой. Некогда наша страна отличалась колоссальным экономическим неравенством, ее раскалывало острое политическое противостояние. Однако в послевоенный период такое прошлое стало выглядеть преходящим этапом созревания американского общества, а крайнее неравенство и жесткое противоборство – продуктом ранних стадий индустриализации. Наконец-то, полагали мы, Америка вполне сформировалась, и ее нормальным состоянием стало общество, отличающееся относительным равенством, наличием мощного среднего класса и балансом политических сил.

Однаков 1980-е годы стало выясняться, что история Соединенных Штатов не закончилась их превращением в центристскую с политической точки зрения страну с преобладанием среднего класса. Экономисты зафиксировали резкое нарастание неравенства: небольшая группа населения вырвалась вперед, в то же время материальное положение большинства американцев почти или совсем не улучшалось. Отмечалось усугубление поляризации в политике: государственные деятели стали тяготеть к левому и правому краям политического спектра, появились веские основания для того, что-

бы использовать слова «демократ» и «республиканец» в качестве синонимов для понятий «либерал» и «консерватор» соответственно. Эти тенденции наблюдаются и сегодня: неравенство в доходах столь же велико, как в 1920-е годы¹, а политическая поляризация остра как никогда.

¹ Значительная часть информации о долгосрочных тенденциях в распределении доходов получена нами из пионерской работы Т. Пикетти и Э. Саеца; см.: Piketty, Thomas and Saez, Emmanuel. «Income Inequality in the United States, 1913–1998» in: *Quarterly Journal of Economics*, 2003, February, No. 1(118), pp. 1–39.

При этом рост поляризации связан с радикализацией позиций не обеих, а скорее одной партии. Вряд ли можно утверждать, что демократы существенно сместились влево. По экономическим вопросам – от социального обеспечения и до налоговой системы – администрация Билла Клинтона занимала позиции правее не только Джимми Картера, но и Ричарда Никсона. Вместе с тем очевидно, что республиканцы сдвинулись вправо: достаточно сопоставить жесткий консерватизм Джорджа Буша-мл. с умеренностью Джеральда Форда. По сути, некоторые из политических решений Буша – в частности его попытка отменить налог на недвижимость – не просто вернули бы Америку к тому положению, которое сложилось перед Новым курсом. Они отбросили бы страну к состоянию, имевшему место до «прогрессивной эры», предшествовавшей Первой мировой войне.

В историческом плане как начало, так и завершение периода межпартийного сотрудничества отразили принципиальные изменения в Республиканской партии. Сам этот период начался, когда республиканцы, пребывавшие в жесткой оппозиции к Новому курсу, либо отошли от дел, либо сдались. После уверенной победы Гарри Трумэна в 1948 году руководство «великой старой партии» смирилось с мыслью, что Новый курс будет продолжен. Тогда из соображений политического самосохранения республиканцы оставили попытки перевести часы назад – в 1920-е годы. Сотрудничество двух партий окончилось – и началось их жесткое противостояние, – когда внутри Республиканской партии возобладали новая радикальная сила американской политики: консервативное движение, которому я уделю в книге много внимания. Конфликт достиг апогея после выборов 2004 года, когда Джордж Буш-мл. на волне своего успеха попытался чуть ли не полностью свернуть систему социального страхования – главную жемчужину в системе институтов, учрежденных в рамках Нового курса.

Таким образом, в американской истории последних десятилетий заметны две тенденции, графически представимые в виде парабол: в экономике – переход от экстремального неравенства к относительному равенству и обратно, в политике – от крайней поляризации к сотрудничеству и вспять. Развитие обеих тенденций происходило параллельно: золотой век материального равен-

ства в целом совпал с периодом политического сотрудничества. По словам политологов Нолана Маккарти, Кейта Пула и Говарда Розенталя, ситуацию можно сравнить с неким танцем, в котором

² См.: McCarty, Nolan, Poole, Keith and Rosenthal, Howard. *Polarized America: The Dance of Ideology and Unequal Riches*, Cambridge (Ma.), London: MIT Press, 2006.

экономическое неравенство и политическая поляризация движутся в такт². Названные авторы с помощью сложных статистических методов проследили изменения

в политических позициях членов Конгресса США. Полученные данные показывают: республиканцы сдвинулись влево и сблизились с демократами в период сокращения неравенства в доходах, что и обеспечило возможность межпартийного сотрудничества в 1950-е и 1960-е годы. Затем по мере нарастания неравенства в доходах республиканцы сместились вправо, и это спровоцировало сегодняшнее ожесточенное противостояние. Однако возникает вопрос: что удерживает вместе наших танцующих партнеров?

Одно возможное объяснение состоит в том, что суть дела именно в неравенстве – иными словами, причинно-следственная зависимость прослеживается в направлении от экономики к политике. С такой точки зрения история последних тридцати лет выглядит следующим образом. Объективные факторы (технологический прогресс и глобализация) вновь привели к росту неравенства в распределении доходов в США. В итоге верхушка оторвалась от основной массы населения. Республиканская партия предпочла служить интересам этой элиты, поскольку ее малочисленность компенсировалась способностью и готовностью жертвовать крупные суммы на избирательные кампании. Итогом оказался межпартийный раскол: республиканцы превратились в партию выигравших от растущего неравенства, а демократы начали представлять тех, кто от него проиграл.

В общем и целом я, приступая к работе над книгой, придерживался именно такой трактовки событий. Найти аргументы в ее пользу нетрудно. Так, если проанализировать кампанию по отмене налога на недвижимость, станет понятно, что в основном она финансировалась горсткой семей, обладавших крупной собственностью и ревностно отстаивавших ее. Всего сорок лет назад таких владений было немного, а американские сверхбогачи той поры были

не столь состоятельны, чтобы спонсировать подобные кампании. Иначе говоря, в данном случае сдвиг республиканцев вправо был обусловлен именно увеличением неравенства.

Однако впоследствии я все более и более приходил к убеждению, что причинно-следственная связь имела обратное направление, а именно: усугубление неравенства было обусловлено главным образом ростом политической поляризации. Поэтому я хочу предложить иную трактовку событий последних тридцати лет. Она выглядит следующим образом. В 1970-е годы в Республиканской партии взяли верх правые радикалы, вознамерившиеся свернуть достижения Нового курса, что привело к прекращению сотрудничества с демократами. Последние превратились в настоящих консерваторов: они отстаивали сложившиеся институты, обеспечивавшие равенство. Укрепление ультраправых сил подтолкнуло деловые круги к решительной атаке на профсоюзное движение, что сильно ослабило позиции работников в переговорах с предпринимателями. Исчезли те социально-политические факторы, которые некогда ограничивали рост вознаграждения высших менеджеров. Были резко снижены ставки налогообложения наиболее высоких доходов. Все это, разумеется, благоприятствовало повышению степени неравенства.

Новая экономика неравенства

Могут ли политические условия сыграть решающую роль в стимулировании экономического неравенства? С точки зрения экономической теории это похоже на ересь. Тем не менее все большее число исследований показывает, что это именно так. Я выделил бы четыре тому свидетельства.

Во-первых, когда экономисты, озадаченные ростом имущественного неравенства, обратились к рассмотрению истоков «Америки среднего класса», они, к своему изумлению, обнаружили, что переход от неравенства «позолоченного века» к относительному равенству послевоенных лет не отличался равномерностью. Напротив, средний класс в послевоенной Америке был создан на протяжении всего лишь нескольких лет, став результатом политики администрации Рузвельта – и прежде всего мер по контролю над дохо-

³ См.: Goldin, Claudia and Margo, Robert. «The Great Compression: The Wage Structure in the United States at Mid-Century» in: *Quarterly Journal of Economics*, 1992, No. 1(107), pp. 1–34.

дами в военные годы. Специалисты в области экономической истории Клаудия Голдин и Роберт Марго, впервые документально подтвердившие этот удивительный феномен, назвали его «великим сжатием»³. Когда контроль военных лет отменили, можно было ожидать возврата к прежнему неравенству – но относительно равномерное распределение доходов, порожденное политикой Ф.Д. Рузвельта, сохранялось еще более тридцати лет. Это убедительно свидетельствует в пользу того, что институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, а объективные рыночные факторы – гораздо меньше, чем в том нас пытаются уверить в базовом курсе экономикс.

Во-вторых, совпадение политических и экономических изменений во времени наводит на мысль, что ведущую роль играет здесь не экономика, а политика. До 1980-х годов серьезного роста неравенства в США не наблюдалось – вплоть до 1983–1984 годов были основания сомневаться: действительно ли имеющиеся данные указывают на явную смену тенденции. Между тем захват правыми господствующих позиций в Республиканской партии произошел в середине 1970-х годов, а институты консервативного движения, благодаря которым такой захват оказался возможным, возникли за несколько лет до этого. Таким образом, с учетом фактора времени мы получаем убедительное свидетельство того, что все началось с политических подвижек, а усиление материального неравенства последовало за ними.

В-третьих, прежде большинство экономистов полагало, что главной причиной растущего неравенства в Америке выступает технологический прогресс, ведущий к повышению спроса на высокообразованных работников и отказу от услуг менее образованных. Позднее эта ортодоксальная точка зрения утратила популярность – по мере того как ученые внимательнее присмотрелись к статистическим данным. Наибольшее удивление вызывал тот факт, что даже среди высокообразованных американцев большинство не добились существенного прироста доходов. Напротив, основной выигрыш выпал на долю представи-

телей элитного круга – высшего одного процента населения или даже еще более узкой группы. В итоге среди исследователей распространилось и окрепло убеждение, что решающим фактором является отнюдь не технология. Многие пришли к мнению, что ключевую роль в возрастании неравенства сыграла эрозия общественных норм и институтов, которые некогда поддерживали равенство, а это произошло прежде всего вследствие «поправления» американской политики⁴.

Наконец, мы можем протестировать нашу гипотезу с помощью международных сравнений. Мощный поворот вправо, произошедший в США, уникален для развитых стран. Наибольшее сходство мы находим в политике Великобритании времен премьерства Маргарет Тэтчер, но и она была в лучшем случае бледным подобием американской. Факторы, связанные с технологическим прогрессом и глобализацией, напротив, сказываются на всех с одинаковой силой. Если рост неравенства имеет политические корни, то Соединенные Штаты должны отличаться в этом от остальных. Если же он в основном определяется объективными рыночными силами, то изменения в степени неравенства должны были быть схожими во всем развитом мире. Между тем факты показывают, что нигде в развитом мире нет такого роста неравенства, как в Америке. Во времена М. Тэтчер в Великобритании резко усилились диспропорции в доходах, но они были гораздо меньшими, чем в США. В континентальной же Европе и Японии неравенство если и выросло, то незначительно⁵.

Следовательно, все дело в политических подвижках. Так почему же они произошли?

⁴ См., в частности: Dew-Becker, Ian and Gordon, Robert. «Where Did the Productivity Growth Go? Inflation Dynamics and the Distribution of Income» (*Brookings Papers on Economic Activities*, No. 2 (2005), pp. 67–127), а также: Levy, Frank and Temin, Peter. *Inequality and Institutions in 20th-Century America* (MIT Department of Economics Working Paper, No. 07–17, June 2007).

⁵ См.: Piketty, Thomas and Saez, Emmanuel. *The Evolution of Top Incomes: A Historical and International Perspective* (National Bureau of Economic Research Working Paper, No. 11955, January 2006).

Политика стимулирования неравенства

История о том, как Джордж Буш-мл. и Дик Чейни пришли к руководству страной, уходит своими корнями на полвека назад. Тогда журнал «Нэшнл ревью» с главным редактором в лице еще молодого Уильяма Бакли защищал право южных штатов не допускать негритянское население к голосованию: «Этим правом наделена белая община, поскольку в настоящее время именно она представляет высшую расу». На страницах журнала в качестве истинно национального героя превозносили генерала Франсиско Франко, который сверг демократически избранное правительство Испании во имя Церкви и собственности. Возникновение немногочисленного движения, названного «новым консерватизмом», в значительной мере стало реакцией на решение президента Дуайта Эйзенхауэра и других республиканских руководителей примириться с наследием Рузвельта.

Со временем небольшое течение стало мощной политической силой, которую и сторонники, и противники называют сегодня «консервативным движением». Речь идет о сетевом образовании, объединяющем людей и институты, и его влияние гораздо шире того, что принято считать политической жизнью. Помимо Республиканской партии и политиков-республиканцев в консервативном движении участвуют средства массовой информации, экспертные центры, издательские дома и многое другое. В этой сети можно сделать карьеру, причем некоторым людям, твердо убежденным в том, что политическая верность будет вознаграждена в любом случае, это и впрямь удается. Любому либералу, который заварил бы политическую кашу, а затем вопреки этическим нормам продвигал бы по службе любовницу, пришлось бы забеспокоиться по поводу своей дальнейшей карьеры. Однако Пола Вулфовица, как известно, ждал уютный кабинет в Американском институте предпринимательства.

Некогда среди политиков-республиканцев было довольно много тех, кто не принадлежал к консервативному движению. Сейчас таких мало, поскольку для тех, кого не считают политически бла-

гонадежным, наступили трудные времена. Спросите об этом Линкольна Чафи, бывшего «умеренного» сенатора от штата Род-Айленд. В ходе кампании 2006 года правые жестко оппонировали ему при выдвижении кандидатов от Республиканской партии, что способствовало его поражению, хотя было ясно: он мог сильно пригодиться республиканцам, чтобы сохранить контроль над Сенатом.

Деньги служат связующим элементом консервативного движения, которое в основном финансируется горсткой супербогачей и рядом крупных корпораций. Всем им выгодны рост неравенства, отказ от прогрессивной шкалы налогообложения и свертывание государства благосостояния – короче говоря, разворот вспять от Нового курса. Суть консервативного движения составляет именно отказ от экономической политики, ограничивающей неравенство. Одна из ключевых фигур этого движения – Гровер Норквист, активно выступающий против существующей налоговой системы, признался однажды, что ему хочется вернуть Америку к тому состоянию, в котором она пребывала «до Теодора Рузвельта, когда к власти пришли социалисты с их подоходным налогом, налогом на наследство, регулированием и всем прочим»⁶.

Поскольку консервативное движение воплощает отказ от политического курса, который ущемляет интересы только узкого круга зажиточной элиты, оно в принципе недемократично. Но как бы его основатели ни восхищались деяниями генерала Франко, в Америке путь к политической власти лежит через выборы. От потенциальных доноров не поступало бы столько денег, если бы они по-прежнему считали, что поддержка экономической политики, провоцирующей неравенство, не имеет политических перспектив (так было после сокрушительного поражения Барри Голдуотера в 1964 году, и тогда для такого мнения были все основания). Консервативное движение перестало быть в американской политике аутсайдером и начало играть в ней центральную роль тогда, когда доказало свою способность побеждать на выборах.

В большей мере, чем кто-либо другой, путь ему проложил Рональд Рейган. Его политическая карьера началась в 1964 году с речи под

⁶ Цит. по: Greider, William. «Rolling Back the 20th Century» in: *The Nation*, 2003, May 12.

лозунгом «Время выбирать». Она, как и его выступления в ходе успешной кампании 1966 года за пост губернатора Калифорнии, предопределила те политические стратегии, которые в последующие сорок лет хорошо поработали и на него, и на других представителей консервативного движения. Нынешние авторы «жизни святых» изображают Рейгана образцовым приверженцем возвышенных консервативных принципов, хотя никем подобным он не был. Его первые политические успехи базировались на апелляции к озабоченности американцев переменами в сфере культуры и взаимоотношений полов, на обыгрывании страха перед коммунизмом, а главное – на скрытом использовании неприятия белым населением движения за гражданские права темнокожих и его последствий.

Один из главных выводов моей книги, который для многих читателей может оказаться неудобным, заключен в том, что расовая проблема стоит в центре того, что произошло со страной, в которой я вырос. Последствия рабства, этого первородного греха Америки, объясняют, почему мы, единственные среди стран с развитой экономикой, не гарантируем гражданам услуги здравоохранения. Негативная реакция белых на движение за гражданские права темнокожих является причиной того, почему Америка – единственная страна развитого мира, в которой одна из двух ведущих политических партий намеревается свернуть государство благосостояния. Рональд Рейган начал свою кампанию 1980 года речью о правах штатов, и выступил с нею в городке Филадельфия (штат Миссисипи), где незадолго до того были убиты три активиста движения за гражданские права. Ньюту Гингричу удалось полностью захватить Конгресс из-за «великого разворота» Юга, когда подавляющее большинство белых жителей южных штатов стало поддерживать республиканцев, а не демократов.

Современный Новый курс

Вскоре после выборов 2004 года я испытал некоторое давление со стороны коллег-журналистов. Они говорили мне, что пора перестать тратить столько времени на критику администрации Дж. Буша-мл. и консерваторов вообще, поскольку выборы расста-

вили все по своим местам. Однако сегодня начинает казаться, что те выборы были последним успехом консервативного движения.

Республиканцы одержали потрясающую победу на промежуточных выборах 2002 года, вовсю педалируя террористическую угрозу. Есть все основания полагать, что в числе причин, по которым Буш начал операцию в Ираке, было стремление продлить психологию войны, а также расчет на то, что маленькая победоносная война повысит его шансы на переизбрание. И действительно, нельзя исключить того, что именно война в Ираке принесла ему победу на выборах 2004 года, хотя к этому времени ситуацию там уже трудно было назвать благоприятной.

Война и впрямь не задалась – что не было случайностью. Когда Буш перебрался в Белый дом, консервативное движение получило полный контроль над всеми рычагами власти. В результате быстро выяснилось, что руководить страной консерваторы не в состоянии. Они склонны политизировать все и вся, а политическую лояльность считают главным достоинством человека. Это порождает культуру кумовства и коррупции, которой пронизано все, чем занималась администрация Буша, начиная с провала иракского восстановления и заканчивая бездарными действиями по ликвидации последствий урагана «Катрина». Ее многочисленные проколы – закономерное следствие нахождения у власти движения, склонного к политическим решениям, противоречащим интересам большинства. Ему приходилось как-то компенсировать этот врожденный изъян обманом, всяческими уловками и щедрыми подачками своим сторонникам. В итоге нарастающее возмущение американцев по отношению к Дж. Бушу и его администрации помогло демократам добиться впечатляющей победы на промежуточных выборах 2006 года в Конгресс США.

Результат одних лишь выборов еще не определяет тенденцию. Тем не менее налицо и более глубинные факторы, подрывающие саму возможность успешного применения той политической тактики, которой консервативное движение придерживается с тех пор, когда Рональд Рейган боролся за пост губернатора Калифорнии. Если говорить без обиняков, решающее значение имеет факт сокращения в электорате доли белых американцев. Республиканцы всячески подчеркивают разницу между афро-

американцами – с одной стороны, и выходцами из латиноамериканских стран и Азии – с другой (чья роль на выборах неуклонно растет). Однако, как показали дебаты по вопросам иммиграции, с таким разграничением не готовы согласиться белые избиратели, выступающие за возврат Америки в прошлое. Между тем именно от них зависит «великая старая партия» в ее нынешнем состоянии. Менее очевидную роль играют прогрессирующие изменения в позициях, которых придерживаются американцы: опросы общественного мнения показывают, что с 1990-х годов предпочтения избирателей по вопросам внутренней политики заметно сместились влево, причем значение расового фактора снижается, а общество все меньше озабочено возникающими в связи с ним проблемами.

Деньги по-прежнему остаются на стороне консервативного движения, но сами по себе они никогда не играют решающую роль. На выборах 2008 года может случиться все, что угодно, тем не менее есть основания полагать, что начиная с 2009 года Америкой будет править президент-демократ, а Демократическая партия получит солидный перевес в Конгрессе. Более того, новое большинство демократов, если оно станет явным, в идеологическом отношении окажется более сплоченным, чем в первые два года правления Билла Клинтона, когда существовал неустойчивый альянс между либералами из северных штатов и консервативными южанами.

Вопрос: что должно делать это новое большинство? По моему мнению, ради блага Америки оно должно заняться выполнением последовательной либеральной программы по расширению сети социальной поддержки и сокращению неравенства – то есть речь идет о современном Новом курсе. Исходным элементом этой программы социального обеспечения XXI века должна послужить общедоступная система здравоохранения (все прочие развитые страны уже располагают такими системами). Но прежде чем говорить о том, как этого добиться, полезно вспомнить, что мы имели до сих пор. Такой взгляд в прошлое – описание параболической траектории, по которой развивалась недавняя американская история, и составляет предмет следующих восьми глав этой книги.

2 ДОЛГИЙ «ПОЗОЛОЧЕННЫЙ ВЕК»

Если рассматривать экономическую политику Соединенных Штатов до Нового курса сейчас, когда у власти пребывает администрация Дж. Буша-мл., это можно сравнить с ситуацией, когда при взгляде на пожелтевшую фотографию своего дедушки вы вдруг понимаете, насколько вы похожи на него. Иными словами, в сущности, вы некоторым образом больше похожи на деда, чем на отца. К сожалению, фамильные черты, как бы проступившие на вашем лице через поколение, в данном случае не выглядят привлекательными.

Америку до Нового курса, как и в начале XXI века, отличало неравенство в распределении богатства и власти. В стране лишь формально присутствовала демократическая политическая система, не годившаяся, впрочем, для того, чтобы адекватно представлять экономические интересы большинства населения. Кроме того, у факторов, которые тогда позволяли зажиточной элите доминировать в политике, сегодня имеются легко узнаваемые аналоги. Это крайне невыгодные финансовые условия, в которых действуют либеральные политические кандидаты; раскол американцев со схожими материальными интересами по расовому, этническому и религиозному признакам; а также некритичное восприятие консервативной идеологии, согласно догматам которой всякая попытка помочь не столь благополучным согражданам приведет к экономическому краху.

Можно предположить, что я преувеличиваю имеющееся сходство и в Америке наших дней неравенство не столь велико, как в

период до Нового курса. Однако цифры подтверждают, что нынешнее скопление доходов в руках узкого слоя элиты вполне соответствует их концентрации в 1920-е годы.

Таблица 1

Доля наиболее обеспеченных групп в общих доходах населения США (без учета прибыли на капитал), в процентах к итогу

	Высшие 10%	Высший 1%
В среднем в 1920-е годы	43,6	17,3
В 2005 году	44,3	17,4

Источник: Piketty, Thomas and Saez, Emmanuel. «Income Inequality in the United States, 1913–1998» in: *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 118, no. 1, 2003, February, pp. 1–39.

Обновленные данные можно найти на сайте: <http://elsa.berkeley.edu/-saez/>.

Конечно, олигархическая природа политики в период до вступления в силу Нового курса и те зачастую кровавые способы, с помощью которых власть защищала интересы имущих, отличались большей радикальностью, нежели все то, что мы наблюдаем теперь. При этом, хотя неравенство в доходах и было не больше нынешнего, неравенство в условиях жизни выглядело более существенным, так как отсутствовали социальные программы, сейчас обеспечивающие, пусть не вполне надежную, поддержку для людей с низкими доходами. Тем не менее сходство тогдашней и нынешней ситуаций бросается в глаза и вызывает беспокойство.

Прежде чем рассуждать о деталях такого сходства, требуется, впрочем, найти более точное наименование периоду, о котором я пишу, нежели «времени, предшествовавшему Новому курсу». Таковым он определяется только с точки зрения того, чего в нем не было. Историки обычно говорят, причем небезосновательно, что «прогрессивная эра» пришла на смену «позолоченному веку» около 1900 года. Культурный и политический фон в стране на рубеже веков существенно изменился. Теодор Рузвельт, ставший президентом в 1901 году, давал гораздо меньше оснований считать се-

бя адептом плутократии, нежели его предшественники. В 1906 году было создано Управление по продовольствию и лекарствам; в 1913 году был вновь введен подоходный налог – вместе с конституционной поправкой, которая более не позволяла Верховному суду объявлять его не соответствующим Конституции. Правда, все эти изменения мало сказались на степени неравенства в доходах и богатстве в США; роль американского правительства в смягчении его последствий по-прежнему оставалась минимальной. В лучшем случае можно говорить, что Америка в 1920-е годы, хотя и стала богаче в сравнении с концом XIX столетия, отличалась почти таким же неравенством и оставалась почти в той же мере под каблуком у богатой элиты.

Поэтому, рискуя вызвать гнев историков, я буду именовать весь период, начиная с конца реконструкции 1870-х годов и до наступления Нового курса в 1930-е годы, «долгим позолоченным веком». Этот отрезок времени характеризовался прежде всего неизменно высоким уровнем материального неравенства.

Устойчивость неравенства в «позолоченный век»

У нас нет детальных данных о распределении доходов и богатства в Америке в течение большей части долгого «позолоченного века». Но многочисленные факты указывают на то, что в начале 1900-х годов американское общество отличалось существенным неравенством. Подобное наблюдение ни у кого не вызовет удивления. Вероятно, более достоин удивления другой факт: степень неравенства почти не изменилась на протяжении 1920-х годов.

Об этом важно знать. Устойчивость серьезного разрыва в доходах на протяжении всей «эры джаза» – первое свидетельство в пользу одного из ключевых положений моего исследования: общество среднего класса не появляется автоматически по мере развития экономики; его необходимо создавать политическими средствами. Никакие из имеющихся в наличии статистических данных на начало XX столетия не указывают на то, что Америка постепенно развивалась в направлении того общества относительного ра-

венства, в котором я вырос. Чтобы оно возникло, потребовались президент Ф.Д. Рузвельт и его Новый курс.

На основании чего можно утверждать, будто в течение всех 1920-х годов «позолоченный век» продолжался в ключевых своих аспектах? Число сверхбогатых американцев – очень полезный показатель, который легко рассчитать, даже несмотря на отсутствие подробной статистики. Дж. Бредфорд Делонг из Университета Беркли, автор ряда работ по экономике и экономической истории, предложил методику подсчета числа миллиардеров. К ним он относит всех, чье состояние превосходит годовую добавленную стоимость, создаваемую 20 тысячами среднестатистических американских рабочих. По состоянию на середину 1990-х годов, когда Делонг предложил этот показатель, в денежном выражении данная планка соответствовала примерно 1 миллиарду долларов, а сегодня приближается к 2 миллиардам. По подсчетам Делонга, в 1900 году в США жили 22 миллиардера. К 1925 году их стало уже 32, то есть на всем протяжении «прогрессивной эры» число миллиардеров рос-

ло более или менее в унисон с увеличением численности населения. И лишь с началом Нового курса миллиардеры практически сошли

¹ См.: DeLong, Bradford. «Robber Barons» at: http://econ161.berkeley.edu/Econ_Articles/carnegie/DeLong_Moscow_paper2.html.

со сцены: их число сократилось до 16 в 1957 году и 13 в 1968-м¹. Всего сорок лет спустя, в 2008-м, критерию Делонга отвечают 160 американцев.

Миллиардеры «позолоченного века» были именно теми, кем мы их обычно представляем: верхушкой криминального мира, а также людьми, сделавшими состояние на развитии железнодорожного транспорта, фабричного производства и добывающих отраслей – таких, как нефть и уголь. В 1915 году их список возглавлял Джон Д. Рокфеллер, за ним шли два стальных магната – Генри К. Фрик и Эндрю Карнеги, далее – группа строителей железных дорог и финансистов, а также Генри Форд.

Подсчет числа миллиардеров согласуется и с другими данными, в частности – с размерами крупных землевладений. Это наводит на мысль, что концентрация богатства на самом верху в конце 1920-х годов была примерно такой же, как и в 1900-м. С началом Нового курса она существенно снизилась. В течение первых десятилетий

после Второй мировой войны «позолоченный век» с его вопиющим неравенством, казалось, остался в истории. Возвращения такого общества уже никто не ожидал, тем не менее именно оно вернулось к нам на рубеже XX и XXI столетий.

Высокий уровень неравенства в течение «долгого позолоченного века», как и сейчас, в некоторой мере отражает слабость переговорных позиций трудящихся. На протяжении большей его части крупные работодатели практически не опасались организованного сопротивления и были вольны устанавливать зарплаты, которые рынок труда был в состоянии переварить. Забастовки нередко подавлялись силой – обычно с использованием штрейкбрехеров, нанятых работодателями, но иногда даже с привлечением национальной гвардии или федеральных войск, как это случилось в ходе забастовки 1892 года на сталеплавильном заводе Э. Карнеги в Хомстеде или стачки на предприятии Пульмана в 1894 году. После 1900 года число членов профсоюзов и влияние последних стали постепенно нарастать, достигнув своего пика вскоре после Первой мировой войны. Однако контратака предпринимателей вновь привела к отступлению трудящихся. К концу 1920-х годов количество членов профсоюзов, достигнув в 1924 году более 17% общей численности рабочей силы, снизилось менее чем до 11% – примерно до уровня, на котором оно находится и поныне.

Высокая степень неравенства не означала, что рабочим вообще не удавалось вкушать плоды прогресса. Будучи значительным, неравенство оставалось в то же время более или менее стабильным, вследствие чего от роста экономики США на протяжении «долгого позолоченного века» выигрывали все классы: большинство американцев в 1920-е годы жили гораздо лучше, чем в 1870-е. Иными словами, упадок реальных доходов многих работников, наблюдающийся в Америке начиная с 1970-х годов, не имел аналога в период долгого «позолоченного века». Напротив, именно тогда отмечалось серьезное улучшение качества жизни городского пролетариата. Его представители стали лучше питаться и меньше болеть, водопровод и электричество стали нормой даже в съемных квартирах, а появление в городах систем общественного транспорта расширило личные горизонты*.

* Повышение качества даже дешевого жилья легко увидеть при сравнении экспозиций квартир различных периодов времени в Музее многоквартирного жилища, находящегося в нижней части Ист-Сайда в Нью-Йорке (прим. В. Иноземцева).

Конечно, несмотря на все улучшения, нельзя не упомянуть о том, что люди тогда продолжали испытывать серьезные лишения. До 1930-х годов многие американские трудящиеся по-прежнему влачили нищенское существование. Неудачников – тех, кого выбросили с работы, кто был покалечен на производстве или просто состарился, не заведя детей, способных его поддержать, ожидали тяжелые невзгоды на фоне изобилия для избранных. Правительство не проводило серьезной политики перераспределения. В частности, не было пособий по социальному обеспечению или продовольственных карточек, не существовало и программ социального страхования – таких, как программа социальной защиты или «Медикэр». Бюрократия на всех уровнях оставалась немногочисленной, и в итоге налоги на всех, за исключением богатейшей части населения, были крайне низки. В середине 1920-х годов 10 тысяч долларов по своей покупательной способности равнялись сегодняшним 120 тысячам. Тогда люди, получавшие такую сумму в течение года, относились к высшему 1% в распределении доходов. При этом в качестве подоходного налога они платили менее 1% своих доходов – по сравнению с приблизительно 20%, которые платят сегодня люди с сопоставимыми доходами. Таким образом, то было неплохое время для богатых. Правда, поскольку сейчас программы поддержки доходов составляют большую часть средств к существованию для беднейших 20% американского населения, бедность 1920-х годов была куда более суровым испытанием, нежели теперь.

Итак, в «долгий позолоченный век» были сколочены огромные состояния, имел место громадный разрыв в доходах, а работники со скудной оплатой по численности существенно превосходили элиту, платившую минимальные налоги. С учетом наличия в стране демократической системы неизбежно возникает вопрос: чем объясняется отсутствие настойчивых требований к правительству активнее заставлять богачей платить налоги и помогать менее обеспеченным американцам?

Идеи прогрессивного налогообложения и государства благосостояния не нужно было изобретать – в других странах их уже применяли на практике. Например, в Германии Отто фон Бисмарк в 1880-е годы ввел пенсии по старости, страхование от безработи-

цы, а чуть позже и общегосударственное медицинское страхование. Бисмарк руководствовался политическим расчетом, а вовсе не состраданием, стремясь предотвратить потенциальную оппозицию кайзеру. Однако тем самым он показал, что возможно и правительство, проявляющее сочувствие к беднякам. В Соединенных Штатах система компенсационных выплат, введенных после Гражданской войны для ветеранов и членов семей погибших, в своих существенных аспектах была предтечей социального обеспечения. Платформа Популистской партии в ходе избирательной кампании 1896 года содержала призыв к введению прогрессивного подоходного налога и программ общественных работ, которые создавали бы дополнительные рабочие места во время депрессии. Эти призывы, по существу, не слишком отличались от мер, которые в конце концов реализовал Ф.Д. Рузвельт, но спустя почти сорок лет.

Нельзя сказать, что Америка была тогда слишком бедной, чтобы позволить себе подобные программы. В 1920-е годы Соединенные Штаты были намного богаче европейских стран, тем не менее во Франции, Германии и Великобритании уже ввели солидные программы общественной помощи, в несколько раз превосходящие все то, что делалось в Америке². По сути дела в 1925 году США были столь же богатыми, как Великобритания в первые годы после Второй мировой войны, когда британцы учредили полномасштабное государство благосостояния, включая общенациональную систему здравоохранения. Это государство благосостояния в некоторых отношениях превосходило по своим масштабам даже то, что Соединенные Штаты имеют теперь.

Так почему же не прозвучало громкое требование «подойти богатеям и помочь маленькому человеку», как выразился позже Хью Лонг?

² См.: Tanzi, Vito and Schuhknecht, Ludger. *Public Spending in the 20th Century*, Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Политика плутократии

Республиканцы начинали как партия свободного труда, но к 1870-м годам превратились в адептов крупного бизнеса и богатеям. В годы между Гражданской войной и Великой депрессией

они выиграли 12 из 16 президентских выборов. Законодательную власть партия контролировала еще «плотнее»: за все это время демократы имели большинство только в 5 из 32 составов Конгресса США. Хотя в Палате представителей наблюдалась несколько большая конкуренция, у руля там обычно стояли представители Республиканской партии.

Такого рода сравнения не дают полного представления о доминировании консерваторов в политике того времени – ведь вли-

* Этим термином в США обозначают представителей влиятельного в 1876–1904 годах либерального (консервативного) крыла Демократической партии (название иногда считают происходящим от сорта виски, производимого в штате Кентукки, иногда – от французской королевской династии, известной своей реакционностью) (*прим. В. Иноземцева*).

ятельнейшее течение внутри Демократической партии составляли так называемые бурбон-демократы*. В него входили и реакционные южане, и отстаивавшие интересы бизнеса северяне, которые с не меньшим пылом, чем республиканцы, выступали в защиту богатых и против правительственной помощи бедным. Впрочем, по некоторым вопросам бурбон-демократы все же расходились с республиканцами: они верили в свободу торговли, а не в высокие протекционистские тарифы и порицали коррупцию в политике. Вместе с тем в содержательном плане было бы ошибкой позиционировать бурбонов левее «великой старой партии». А ведь в тех редких случаях, когда в Белом доме командовал демократ, это всегда был бурбон. Среди них следует назвать Гровера Кливленда – единственного демократа, которому удалось стать президентом в период между Гражданской войной и победой

³ В. Вильсон тоже считался бурбон-демократом до начала его президентской кампании, но незадолго до выборов он вступил в союз с Брайаном. На деле Вильсон немного переориентировал курс правительства влево, относительно конструктивно относился к профсоюзам и ввел подоходный налог. Однако Ф.Д. Рузвельтом он не был.

Вудро Вильсона в 1912 году³, а также тех представителей демократов, которым удавалось приблизиться к Белому дому – например, Сэмюэла Тилдена в 1876 году.

Чем же объяснить долгое преобладание консерваторов в стране, где призывы обложить богатых налогами и поддержать нуждающихся должны были, судя по численному превосходству последних, встретить понимание в массах? Для объяснения этого парадокса следует указать на несколько фак-

логами и поддержать нуждающихся должны были, судя по численному превосходству последних, встретить понимание в массах? Для объяснения этого парадокса следует указать на несколько фак-

торов, хорошо известных и в сегодняшней политике, но раньше имевших более существенное значение.

Во-первых, упомянем очевидный факт: тогда значительная часть рабочих в США была фактически лишена права голоса. В 1910 году почти 14% взрослых мужчин составляли ненатурализованные иммигранты, не имевшие избирательных прав. В то же время темнокожих на Юге по сути дела лишали возможности участвовать в выборах законы Джима Кроу. На долю иммигрантов и темнокожих приходилось до четверти населения страны – и это была его беднейшая четверть, которой попросту отказывали в какой-либо роли в политическом процессе. Как мы покажем далее, в современной Америке проблема лишения части населения избирательных прав снова стоит на повестке дня из-за ширококомасштабной нелегальной иммиграции и по-прежнему невысокой избирательной активности темнокожего населения. Этому содействует и систематическое подавление права голоса. Сегодня это делается более тонко, чем во времена Джима Кроу, но тем не менее может сыграть решающую роль при незначительном различии в уровне поддержки кандидатов.

Кроме того, громадное значение имеют затраты на избирательную кампанию. Влияние этого фактора особенно наглядно продемонстрировали выборы 1896 года. Пожалуй, то был единственный случай в эпоху между Гражданской войной и 1932 годом, когда реальный шанс завоевать Белый дом имел кандидат, представлявший соперников экономической элиты Америки. Опасаясь тех мер, которые мог бы реализовать на посту главы государства демократ Уильям Дженнингс Брайан, богатеи решили не распяты его на золотом кресте, а погрести под горами денежного хлама. Избирательная кампания Уильяма Маккинли 1896 года обошлась республиканцам в 3,35 миллиона долларов, то есть почти в два раза дороже того, что они потратили на президентские выборы 1892 года, и в пять раз больше того, что имелось в распоряжении Брайана. К тому же следует учесть, что в 1896 году три миллиона долларов составляли огромную сумму, эквивалентную более чем трем миллиардам сегодняшних, то есть в пять (!) раз превосходящую затраты на президентскую кампанию Дж. Буша-мл. в 2004 году. В 1896 году диспропорция в финансах между партиями была ис-

ключительно велика, но и в других случаях у республиканцев обычно имелись изрядные финансовые преимущества.

В период между концом Гражданской войны и избранием Вудро Вильсона в 1912 году демократы оказывались относительно конкурентоспособными лишь трижды. Первый случай имел место во время выборов 1876 года, когда кандидат от Демократической партии Сэмюэл Тилден фактически получил большинство голосов. Однако победу, выражаясь без обиняков, у него украли вследствие сделки, позволившей Рутерфорду Б. Хейзу занять Белый дом в обмен на его обещание вывести войска федералов с Юга. Два других случая связаны с победами Гровера Кливленда в 1884 и 1892 годах. Не случайно и Тилден, и Кливленд были демократами из числа бурбонов. Когда же Демократическая партия номинировала в

качестве кандидата кого-либо, кто не был бурбоном, ее избирательный бюджет оказывался неизменно меньше, чем у республиканцев, примерно в три раза⁴.

Наконец, выборы сопровождались жульничеством⁵, которым разнообразными способами про-
бавлялись обе партии. В течение

большей части рассматриваемого периода тайное голосование практиковалось редко. Как правило, избиратели использовали бюллетени, которые печатали сами партии, причем бюллетени различались по размеру и цвету. В результате не составляла сложности покупка голосов. Не было никакой проблемы и с подтверждением того, что было отдано именно то количество голосов, которое приобреталось. Это происходило повсеместно. В 1888 году редакция газеты «Нью-Йорк таймс» раздобыла письмо, направленное управляющим финансами Национального комитета Республиканской партии Уильямом Дадди партийному руководству республиканцев окружного уровня в штате Индиана. В письме, в частности, говорилось:

Ваш комитет, разумеется, получит от председателя Хьюстона мощь, которая необходима, чтобы поддержать наших избирателей,

⁴ Статистику финансирования избирательных кампаний см. в: *Historical Statistics of the United States, Series Y 187–188*, Washington (DC): US Bureau of the Census, 1975.

⁵ Многочисленные тому свидетельства приведены в: Argersinger, Peter. «New Perspectives on Election Fraud in the Gilded Age» in: *Political Science Quarterly*, Winter 1985/86, No 100, pp. 669–687.

голосующих несколько раз, а также колеблющихся. Разбейте неоднократно голосующих на пятерки и во главе каждой поставьте надежного человека, снабдив его необходимыми средствами. Пусть он проследит, чтоб никто не отвертелся и проголосовал именно за нас⁶.

⁶ Письмо полковника Дадли, озаглавленное «Divide the Floaters into Blocks of Five» см. в: *The New York Times*, 1888, November 3, p. 1.

Согласно комментарию в газете, это письмо содержало «прямой призыв к совершению преступления... будучи официальным распоряжением для приобретателей голосов “республиканскому штабу по подкупу избирателей” в штате Индиана». Кстати, в самом подкупе не было ничего выходящего из ряда вон. Напротив, есть основания полагать, что высокие проценты явки избирателей на протяжении «позолоченного века» свидетельствуют о действительности финансовых стимулов. Разумеется, подкуп избирателей имел наибольшее распространение в тех штатах, где результат не был заранее predetermined. Неоднократно упоминались данные, будто и в «позолоченный век», и в «прогрессивную эру» в штате Нью-Джерси до трети избирателей регулярно получали за свои голоса вознаграждение наличными.

Широкое распространение имели также махинации с урнами для голосования – причем не только в тех урбанизированных районах, где преобладали технические средства подсчета голосов. Конечно, большинство подобных манипуляторов были слишком скромными, чтобы вслед за Уильямом Марси Твидом прямо объявить, что «результат зависит не от поданных голосов, а от тех, кто их считает». Помимо прочего, чтобы отпугнуть избирателей другой партии от избирательных участков, широко практиковались угрозы. Наконец в качестве последнего средства защиты своих позиций партийные группы порой просто-напросто пренебрегали мнением электората. Например, в 1897 году в законодательное собрание штата Индиана не допустили нескольких либералов, хотя и было признано, что они получили большинство голосов в своих избирательных округах.

Опять-таки подобной тактики не чурались обе партии, хотя преимущество республиканцев в финансах, вероятно, означало, что они лидировали и в коррупции в области избирательной политики того времени. В самом общем плане мошенничество на вы-

борах подкрепляло преимущества тех, кто имел в своем распоряжении деньги и хорошую организацию: итоги выборов зачастую определялись не популярностью программ, а степенью подготовленности к подтасовке результатов. Вместе с тем жульничество серьезно подрывало шансы на электоральный успех программы, которая на деле отражала интересы большинства.

Правда, представлять ситуацию так, будто в долгий «позолоченный век» происходили жаркие схватки, в которых эгалитарные побуждения масс насильно подавлялись элитой, было бы неправильно. Дело в том, что в большинстве случаев ярко и очевидно проявлялось заложенное в американскую политическую систему неприятие какого-либо популизма (я имею в виду популизм как таковой, а об особенностях программы Популистской партии речь пойдет ниже). Политики даже не пытались воспротивиться неравенству, заключенному в сложившемся экономическом порядке.

Как ни странно, крайняя слабость популизма в Америке «позолоченного века» в каком-то смысле содействовала большей расслабленности в политике, нежели мы наблюдаем теперь. Большую часть того периода для триумфа консервативных сил, благодаря которым и длился тот век, не требовалось ничего, подобного сегодняшней дисциплине консервативного движения. Чтобы отстаивать консервативную идею, вознаграждать ее приверженцев, запугивать прессу и несогласных, не было надобности в наборе организаций, которые, подобно мафии, требовали бы от своих членов верности до гроба. Не нужны были ни альянсы с религиозными фундаменталистами, ни эксплуатация сюжетов из области морали и образа жизни. Помимо прочего незачем было подчинять внешнюю политику внутренней или развязывать войны за рубежом лишь для манипулирования общественным мнением своей страны.

Выборы 1896 года явили поразительное исключение в долгосрочной модели расслабленного правления олигархии. На какой-то момент вдруг показалось, что Популистская партия бросила серьезный вызов плутократии. Однако она проиграла, причем не только по причине того, что политическая система благоприятствовала тем, у кого имелись деньги и хорошая организация. Популистам не хватило лидеров, которые смогли бы примирить

противоречия между разными группами, чьим интересам отвечали бы перемены. Их корабль потерпел крушение на мелководье этнической и географической пестроты Соединенных Штатов.

Проблемы популизма

В 1896 году большой бизнес и богачи имели основания опасаться: многие американцы с негодованием воспринимали свое положение. Активно выражали возмущение фермеры, несшие убытки от падения цен и страдавшие от долгов. То же относилось и к многим промышленным рабочим, потерявшим работу или столкнувшимся со снижением заработной платы после финансовой паники 1893 года. Жестокость, с которой были подавлены забастовка в Хомстеде и Пульмановская стачка, выглядели необычно даже для тех времен, когда применение силы против рабочих было распространенным явлением.

Однако в итоге демократ Уильям Дженнингс Брайан, выдвинутый кандидатом в президенты также и от Популистской партии, потерпел поражение. В существенной мере его провал объяснялся нехваткой денег и жульничеством с голосами избирателей. В то же время ясно, что Брайану не удалось объединить недовольные группы населения в сильную коалицию. В этом не было ничего странного. Страдавшие от экономических порядков времен «позолоченного века» – то есть группы населения, которые впоследствии сильнее всего выиграли от Нового курса, – были расколоты по трем линиям. Преодолеть эти расколы в 1896 году не представлялось возможным в принципе, да и человек типа Брайана мало годился для этой миссии.

Первая, и самая важная, линия раскола проходила между городскими и сельскими жителями. Несмотря на то, что к 1896 году Соединенные Штаты достигли очень многого в индустриальном развитии, большинство населения все еще жило на земле. В 1890 году 64% американцев обитали в сельских районах и еще 14% – в городках с населением менее 25 тысяч человек. Со временем политическое влияние городских жителей выросло, но тем не менее вплоть до начала 1930-х годов на долю сельской и поселковой Америки приходилось подавляющее большинство избирателей.

В то же время действенной прогрессистской коалиции требовались голоса городских рабочих, так как сельское население оставалось пассивным и разрозненным и не имело достаточных сил, чтобы завоевать Белый дом. Однако сами популисты были выходцами из сельской местности и маленьких городков Америки; мало кто из них понимал, как привлечь потенциальных союзников в городах. Брайан предпочел построить свою кампанию почти исключительно на проблеме свободной чеканки серебряных монет, по сути предложив проводить инфляционную политику, которая снизила бы долговую нагрузку фермеров. Для городских же работников этот вопрос ничего не значил.

Одной из причин, по которым фермеры и рабочие не смогли сформировать общие позиции, была культурная и социальная пропасть, отделявшая иммигрантов от тех, кто родился в самой Америке. Доля иммигрантов в общей численности населения достигла пика в 1910 году (14,7%), причем преобладающая их часть

⁷ Подробные таблицы количества иммигрантов и их доли в общей численности населения приведены в: *Historical Census Statistics on the Foreign-born Population of the United States: 1850–1990*, Washington (DC): U.S. Census Population Division Working Paper no. 29, 1999.

селилась в городах, прежде всего в крупных. В тот год уроженцы других стран составляли 41% жителей Нью-Йорка⁷. Иммигранты были чужими для американцев из глубинки. Ирландцы считались чужаками даже в XX столетии: в 1928 году во

время избирательной кампании католика и выходца из Ирландии Эла Смита люди протестовали против него, выходя на улицы с пылающими крестами. Между тем к тому времени ирландцы были уже хорошо укорененным компонентом американской этнической композиции – в отличие от итальянцев, поляков, евреев и других, на чью долю приходилась большая часть иммиграции конца XIX и начала XX века. Ко всем этим иммигрантам относились с одинаковой неприязнью, в их адрес звучали одинаковые упреки, будто они никогда не станут настоящими американцами. Аналогичное отношение характеризует и радикальную реакцию на нынешних иммигрантов из Мексики.

В 1920-е годы взаимное неприятие сельской и иммигрантской Америки было усугублено «сухим законом». Сейчас уже нелегко оценить глубину страха первой перед алкоголем. Он был таким силь-

ным, что привел к принятию конституционной поправки. (Следует помнить, что крупные проблемы, которые, по нашему «просвещенному» мнению, должны были бы доминировать в американской политике вчерашнего дня, нередко вытеснялись с общественной сцены спорами, с сегодняшних позиций кажущимися не более чем пустой болтовней.) К тому же движение за трезвость обычно процветало в тех же местах, где вспыхивали крестьянские волнения. Так, штат Канзас стал одновременно местом рождения и популизма как политического направления, и «сухого закона». Можно возразить, что запрет на продажу спиртных напитков – это прежде всего вопрос, касающийся моральных ценностей. Он прекрасно подходил для того, чтобы вбить клин между бедными фермерами-протестантами и городской беднотой из рабочих, многие из которых имели католические корни и для которых выпивка была естественной частью образа жизни. Правда, справедливости ради, отметим, что и обе крупнейшие партии характеризовались внутренним расколом по проблеме «сухого закона».

Самой острой была распря между бедняками из числа белых и афроамериканцев. В практическом плане она порождала проблему только для популистов на Юге, поскольку вплоть до 1920-х годов темнокожие были немногочисленным меньшинством за пределами южных штатов, и лишь на Юге составляли треть населения (преимущественно будучи бедными крестьянами). Могли ли белые фермеры объединиться с земледельцами другого цвета кожи, даже имея сходные экономические интересы?

По большому счету ответ на этот вопрос – отрицательный. Один из главных сюжетов данной книги связан с тем, насколько глубоко и пагубно сказался расовый антагонизм на американской политике, причем принесся выгоду консерваторам. Правда, просматривалась возможность и другого пути. В замечательной статье 1892 года под названием «Негритянский вопрос на Юге» Том Уотсон из Джорджии, лидер популистов южных штатов, призывал к межрасовому союзу:

Почему цветному всегда нужно внушать, будто белый сосед ненавидит его, тогда как человек с Севера, облагающий его налогами со всех сторон, его любит? Почему бы моему арендатору не считать сво-

им другом меня, а не фабриканта, который с нас обоих дерет втридорога? Зачем продолжать политику, которая толкает темнокожих в объятия деятелей с Севера?.. За последние двадцать лет не было ни дня, когда бы Юг не мог разрушить власть денежных воротил. Для этого достаточно лишь терпеливо внушать темнокожим, что нет такой системы, при которой наше прозябание не отразилось бы также и на них, и что нет такого закона, при котором наше процветание и для них не стало бы благословенным...

Как мне представляется, отсюда можно сделать следующий вывод. Тяжкий гнет, подавляющий людей обеих рас на Юге, заставит их всех мобилизоваться, чтобы сбросить его. Они увидят сходство как причин, так и средств избавления от него. Они поймут, что должны помочь друг другу во имя отмены дурных законов и введения в действие благих. Они станут политическими союзниками, поскольку

⁸ См.: Watson, Thomas E. «The Negro Question in the South» in: *The Arena*, 1892, October, pp. 540–550.

ку ни один из них не может нанести рану другому, не ослабив себя самого. Справедливость для каждого – в интересах всех. На этих позициях

взаимного интереса, взаимной терпимости и поддержки настоящее послужит прологом к будущему миру и процветанию⁸.

Однако предложенный Уотсоном союз так и не состоялся. Когда в 1896 году Брайан был выдвинут в качестве кандидата в президенты США и от Популистской, и от Демократической партий, Уотсона номинировали как претендента на пост вице-президента только по списку от популистов. В бюллетене же Демократической партии Брайан избрал в качестве своего напарника консерватора-южанина. Поэтому возможность создания либеральной коалиции, в которой были бы преодолены расовые противоречия, оказалась отсрочена на многие десятилетия. Сам Уотсон в последующие годы стал откровенным расистом, а также антисемитом и ненавистником католиков.

Раскол, сводивший на нет возможности популизма как политического движения в 1890-е годы, продолжал подрывать позиции реформаторов и на протяжении 1920-х годов. Убедиться в этом можно, вспомнив президентские выборы 1924 и 1928 годов. В 1924 году из-за жестких противоречий между городом и деревней демократам потребовалось голосовать на своем съезде не менее 130 раз, чтобы решить вопрос о выдвижении кандидата. Будущее

партии олицетворял губернатор штата Нью-Йорк Эл Смит, католик и ирландец по происхождению. Ему противостоял зять Вудро Вильсона юрист Уильям Гиббс Маккаду. Последний пытался создать себе имидж культурного популиста, что так знакомо нам теперь. По словам Артура М. Шлезингера-мл., он «переделал себя по образу Уильяма Дженнингса Брайана..., ориентируясь на религиозные чувства жителей Библейского пояса, и даже занял позицию осторожного отрицания Ку-клукс-клана». Но съезд отверг – большинством в один голос – предложение включить в платформу демократов осуждение Ку-клукс-клана⁹. В итоге ни Смит, ни Маккаду не были выдвинуты кандидатами в президенты. Номинация до-

сталась компромиссному кандидату Джону Дэвису из Западной Вирджинии, а на пост вице-президента предложили младшего брата Уильяма Дженнингса Брайана. Само собой разумеется, эту парочку ждало позорное поражение на выборах.

Спустя четыре года Эл Смит легко получил номинацию в первом же туре голосования – но прежний антагонизм почти немедленно вышел на поверхность снова. Некий демократ из Теннесси написал Маккаду, что Смит планирует обратиться за поддержкой «к чужакам, которые полагают, будто былая англосаксонская Америка достойна ненависти, а потому должна быть ниспровергнута и унижена; к темнокожим Севера, жаждущим социального равенства и расового реванша; к католикам, возомнившим, будто имеют право на Белый дом, а также к евреям, которым тоже исподволь внушали, что настало время, когда богоизбранный народ должен покарать Америку». В ходе избирательной кампании активисты Ку-клукс-клана всячески раздували неприязнь к католикам: пересекая на поезде Оклахому, Смит мог повсюду видеть пылающие кресты. В те времена, когда на Юге демократы обычно побеждали с большим перевесом, Смит проиграл во всех пограничных штатах и в пяти штатах прежней Конфедерации¹⁰.

Короче говоря, в годы долгого «позолоченного века» – как и в сегодняшней Америке – культурные и расовые разногласия среди людей с общими экономическими интересами мешали сфор-

⁹ См.: Schlesinger, Arthur M., Jr. *The Crisis of the Old Order*, Boston: Houghton Mifflin, 1957, pp. 94–100.

¹⁰ См.: Schlesinger, Arthur M., Jr. *The Crisis of the Old Order*, pp. 126–129.

мировать действенный политический вызов крайнему материальному неравенству. Разница между теми годами и нашими в том, что в долгий «позолоченный век» противоречия были существенно радикальнее, чем теперь. Вместе с тем тогда было меньше людей, способных смотреть далеко вперед. Это, в свою очередь, подводит нас к еще одной особенности долгого «позолоченного века»: интеллектуальному преобладанию консервативной идеологии, отрицающей необходимость участия государства в экономике.

Интеллектуальное превосходство консерваторов

В «Нью-Йорк таймс» от 7 января 1923 года заголовок одной из статей гласил: «Рост налогового бремени – угроза благополучию страны». И далее главные тезисы: «Наивысшие темпы роста налогов среди всех стран мира; федеральные налоги на душу населения в США в шесть раз выше, чем до войны; резкий скачок государственных расходов». В статье признавалось, что большая часть роста расходов за предшествующее десятилетие была результатом Первой мировой войны, но звучало предупреждение: «Хотя гром орудий стих, государственные расходы остались столь же высокими. В итоге бремя налогов по-прежнему истощает национальные ресурсы». Обращает на себя внимание то, что текст подавался не как точка зрения, а в разделе новостей: так излагались результаты исследования Национального совета промышленников по поводу издержек чрезмерного налогообложения. В материале не допускалось и мысли, что кто-то может не согласиться с предлагаемыми выводами.

Действительно, федеральные расходы подскочили с 2% ВВП до войны до 4,7% после нее. Основная часть роста была связана непосредственно с войной: ведь даже после того, «как смолкло пушек грохотанье», было необходимо обслуживать военные долги и выплачивать пособия ветеранам. Расходы, не связанные с войной, тоже подросли, но лишь с 0,6% ВВП до войны до 0,9% после нее. А к концу 1920-х годов, после десятилетия возобновившегося доминирования Республиканской партии, доля невоенных расходов

в ВВП практически вернулась к довоенному уровню¹¹.

Сегодня либералы сетуют на успех консервативного движения, которому-де удалось представить

идею отказа от вмешательства государства в экономику в категориях здравого смысла. В последующих главах моей книги приведено немало примеров такого рода стенаний. Однако в долгий «позолоченный век» тирания подобной идеологии чувствовалась гораздо сильнее, обеспечивая большие результаты по сравнению с тем, чего добиваются нынешние пропагандисты консерватизма. То был период, когда в общественном мнении господствовало представление, будто налоги неизбежно ведут к разорительным экономическим последствиям, будто любая попытка смягчить нищету и неравенство в высшей степени безответственна, а всякий, кто считает ничем не ограниченную власть капитала несправедливой и требующей корректировки – опасный радикал, зараженный европейскими идеями. Все это считалось само собой разумеющимся.

Не стоит пренебрегать и тем, что кругом было немало подлинно опасных радикалов. В частности, нет сомнения, что во времена долгого «позолоченного века», особенно после революции в России, в Америке существовало гораздо больше коммунистов и анархистов, чем сейчас. Их было недостаточно для совершения революции, но вполне хватало для того, чтобы консерваторы еще более рьяно отвергали какие-либо реформы. После того, как в 1919 году перед домом министра юстиции А. Митчелла Палмера была взорвана бомба, правительство начало проводить печальной памяти «палмеровы рейды», в ходе которых были арестованы тысячи подозреваемых в радикализме. Как и паранойя, охватившая страну после 11 сентября 2001 года, после Первой мировой войны страх перед «красной опасностью» привел к дискредитации или запугиванию обыкновенных либералов – то есть тех, кто считал, что капитализм нужно не отменить, а всего лишь сделать более справедливым. Правда, таких людей и было-то немного.

Упомянем и еще одно из отставаний Америки. Уже в 1881 году Бисмарк сформулировал аргументы в пользу того, что ныне мы называем государством благосостояния, а сам он считал способом убла-

¹¹ Подробнее см.: Metzger, Jacob. «How New Was the New Era? The Public Sector in the 1920s» in: *Journal of Economic History*, 1985, March, No 45, pp. 119–126.

жить низшие слои общества и обеспечить прочную власть кайзера. По его словам, правительство «должно поощрять, в том числе среди неимущих классов, которые наиболее многочисленны и наименее образованны, ту точку зрения, что государство является институтом не только необходимым, но и несущим благо. Получая от государства явные и прямые выгоды, они должны приходить к мнению о нем как об учреждении, предназначенном не только лишь для защиты наиболее благополучных классов общества, но и для службы их собственным потребностям и интересам»¹². При Бисмарке в Германии была

¹² Цит. по: Khoudour-Casteras, David. *The Impact of Bismarck's Social Legislation on German Emigration Before World War I*, препринт, Berkeley (Ca.): Univ. of California, 2004.

¹³ Подробнее см.: Cutler, David M. and Johnson, Richard. «The Birth and Growth of the Social-Insurance State: Explaining Old-age and Medical Insurance Across Countries» in: *Kyklos*, 2004, No 4(57), pp. 475–504.

инициирована политика, напоминавшая Новый курс задолго до того, как политическая система США созрела для размышлений о чем-либо подобном. Позднее ее стали развивать остальные европейцы. Так, в Великобритании ограниченная система страхования по старости была введена в 1908 году, а система ме-

дицинского страхования – в 1911-м¹³. До Первой мировой войны Великобритания, Германия и Франция – в каждой из которых развивалась собственная ранняя версия государства благосостояния, тратили на социальные программы большую долю ВВП, чем это делали США вплоть до конца 1930-х годов.

Между тем в Соединенных Штатах по-прежнему проповедовалась свобода предпринимательства, причем до такой степени, что это подрывало позиции Демократической партии. Своим поражением в 1928 году Эл Смит был в немалой степени обязан такому фанатизму. Однако у либералов внутри его собственной партии была и другая важная причина для разочарования: по сути, первым шагом Смита после его выдвижения в кандидаты на пост президента стало заявление о приверженности господствовавшей на тот момент экономической идеологии. В качестве руководителя своей президентской кампании он выбрал Джона Дж. Раскоба, промышленника-республиканца, который с либералами, по всей видимости, сходилась только в одном вопросе – неприятию «сухого закона». Кроме того, Смит назначил еще четырех миллионеров на ключевые позиции в своей предвыборной команде. В ходе прези-

дентской кампании он активно старался завоевать поддержку деловых кругов, отзываясь о Герберте Гувере как о человеке, опасно приверженном мысли связать руки бизнесу правительственным регулированием. По сути, Смит вел кампанию как бурбон-демократ. Как и другие бурбоны до него, он был конкурентоспособен с финансовой точки зрения: демократы потратили 5,3 миллиона долларов в сравнении с 6,3 миллиона у республиканцев. Тем не менее он потерпел сокрушительное поражение, поскольку не смог предложить избирателям ничего особенного¹⁴.

Со временем Смит еще больше скатился к консервативному догматизму. В провалившейся попытке стать кандидатом на пост президента от Демократической партии в 1932 году он выступал от имени бизнеса как противник реформ и перемен. Г.Л. Менкен очень точно суммировал произошедшую со Смитом метаморфозу: «Его связь с богачами явно сбила его с прежнего курса и трансформировала его. Он стал игроком в гольф»¹⁵.

¹⁴ См.: Schlesinger, Arthur M., Jr. *The Crisis of the Old Order*, pp. 126–127.

¹⁵ Цит. по: Schlesinger, Arthur M., Jr. *The Crisis of the Old Order*, p. 303.

Истоки Нового курса

У современного наблюдателя политические настроения в Америке после выборов 1928 года, когда консерваторы переживали повсеместный триумф, а либералы потерпели провал, будит не столь давние воспоминания о настроениях после выборов 2004 года, когда комментаторы поторопились объявить о конце либерализма и рождении устойчивого республиканского доминирования. В 1928 году у журналистов для этого было больше оснований: Герберт Гувер выиграл у Эла Смита – 58% голосов против 41%. Даже Нью-Йорк сдался Гуверу, хотя Франклину Делано Рузвельту удалось с великим трудом добиться минимальной победы в губернаторской гонке, получив на 25 тысяч голосов больше из общего числа избирателей в 2,2 миллиона человек.

Конечно, Великая депрессия все изменила, сделав возможным Новый курс. Однако, обращаясь в прошлое, мы можем видеть: скромные подвижки в сторону большего равноправия в обществе начались – правда, не на федеральном уровне, а на уров-

не штатов – еще до того, как грянул экономический кризис. В 1901 году в Мэриленде приняли Акт о компенсации работникам, по которому рабочие, получившие травму на производстве, имели право на выплаты, финансируемые из обязательных вкладов работодателей. Но этот закон тут же был объявлен неконституционным. Похожий закон, принятый в 1910 году в штате Нью-Йорк, точно так же похоронили в судах. Но между 1911 и 1913 годом в 13 штатах все же удалось учредить базовые системы компенсаций для работников. В тот же период в ряде штатов появились скромные программы помощи вдовам, имеющим детей, и самим детям.

Затем возникли схемы поддержки пожилых людей. В 1923 году в штатах Монтана, Пенсильвания и Невада были приняты законодательные акты о пенсиях по старости. В последних двух их, однако, быстро отменили через суд. Тем не менее к 1928 году в 11 штатах имелись те или иные пенсионные программы, в некотором роде предшествовавшие системе социального обеспечения. А к концу десятилетия, когда уже всюду бушевала депрессия, возникли стимулы и для страхования от безработицы. Первая такая программа была принята в 1932 году в Висконсине. Эти программы финансировались скромно и распространялись на ограниченное число получателей помощи, и все же они утвердили принцип социального страхования, а также позволили накопить опыт, на который смогли впоследствии опереться проводники Нового курса.

Удивительно, что потребовалось столько лет депрессии, чтобы федеральное правительство осознало потребность в аналогичных мерах. Герберт Гувер сделал себе имя на усилиях по помощи Европе после Первой мировой войны, однако всячески противился любой серьезной попытке оказывать поддержку неимущим в собственной стране в условиях общенационального кризиса.

Впрочем, для реализации подлинно либеральной программы нашлись в конце концов и политическая воля, и лидер. Если кандидатура Брайана, в карьере которого последний заметный шаг состоял в отрицании эволюционной теории Ч. Дарвина на слушаниях по «делу Скоупса», была неподходящей, чтобы изменить Америку «позолоченного века», то Франклин Делано Рузвельт оказался нужным человеком в нужный момент. Под его руководством характер американского общества заметно изменился к лучшему.

3 «ВЕЛИКОЕ СЖАТИЕ»

В 1953 году журнал «Тайм», заявив, что «истинные новости о политическом будущем и об экономическом развитии нации нужно узнавать у людей, которые редко встречаются с репортерами», направил одного из своих пишущих редакторов Элвина Джозефи в продолжительную поездку по стране. Ему поручили уловить дух Америки.

Нарисованный Джозефи портрет был мало похож на Соединенные Штаты 1929 года издания. Если тогда это была страна крайностей, огромного богатства немногих и жалкого бытия масс, то Америка 1950-х отличалась куда бóльшим единообразием. «Даже в самых маленьких городках и далеких захолустьях, – отмечалось в самом начале репортажа, – американцы выглядят как вполне благополучные представители среднего класса... Люди не жируют, но очень многие – гораздо больше, чем когда-либо прежде, вполне преуспевают». Причем если Америка 1920-х годов была политически поляризована, расколота на господствовавших правых и оборонявшихся левых, то в 1950-е в стране воцарился политический компромисс. Республиканцы и демократы демонстрировали на удивление близкие подходы к важнейшим вопросам и схожее политическое мышление. Профсоюзы превратились в уважаемый социальный институт. Фермеры с воодушевлением заявляли: если сельскохозяйственные субсидии – это социализм, то они готовы считать себя социалистами¹.

¹ См.: Josephy, Alvin. «The U.S.: A Strong and Stable Land» in: *Time*, 1953, September 14.

Впечатление редактора «Тайм» относительно того, что Соединенные Штаты стали государством мощного среднего класса, не опиралось на точные сведения, но его разделяли многие. Джон Кеннет Гэлбрейт критиковал послевоенные американские ценности, иронически назвав свою книгу «Общество изобилия»; тем не менее она начиналась с признания, что теперь большинству американцев доступно все самое необходимое для жизни. Через несколько лет Майкл Харрингтон опубликовал «Другую Америку», чтобы напомнить: отнюдь не все американцы принадлежат к среднему классу. Основной причиной, понудившей его написать свой труд, было то, что нищета перестала быть уделом большинства американцев, а потому как бы исчезла из поля зрения.

Как мы убедимся далее, цифры подтверждают эти наблюдения. В 1950-е годы Америка в самом деле была обществом среднего класса, причем в гораздо большей степени, чем в 1920-е годы, да и сегодня. Социальная несправедливость присутствовала повсеместно: сегрегация по-прежнему правила бал на Юге; расизм, как и открытая дискриминация женщин, оставались нормой по всей стране. И все же обычные трудящиеся и их семьи имели все основания почувствовать, что и на их долю наконец-то выпала часть национального благоденствия. В то же время богатые были куда менее состоятельными, чем в предшествующем поколении.

Специалисты в области экономической истории Клаудия Голдин и Роберт Марго ввели в оборот термин «великое сжатие» (great compression). С его помощью они обозначали сокращение разрыва в доходах, которое произошло в Соединенных Штатах за период с 1920-х по 1950-е годы, резкое уменьшение разницы между богачами и трудящимися классами, а также сокращение дифференциации заработной платы самих наемных работников. При этом сознательно использовалось словосочетание, созвучное Великой депрессии. Как и она, сужение разрыва в доходах стало определяющим событием в американской истории, изменившим характер общества и политику страны. Правда, если Великая депрессия по-прежнему жива в памяти, то о «великом сжатии» в сущности, давно забыли. Общество среднего класса, ранее казавшееся недоступной мечтой, стало восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

Ныне мы живем во второй «позолоченный век», так как общество среднего класса послевоенного времени быстро уходит в небытие. Принято считать, что, хотя это и дурно, с этим ничего не поделаешь. Но история «великого сжатия» – мощная прививка от такого фатализма. Она доказывает, что политические реформы позволяют обеспечить более равномерное распределение доходов – а также попутно создать более здоровый климат для демократии.

Остановлюсь на последней мысли несколько подробнее. Как и сегодня, в 1930-е годы главный ответ консерваторов на требования о сокращении неравенства состоял в том, что сделать это невозможно. Иначе говоря, якобы нет такой политики, с помощью которой можно было бы ощутимо поднять долю национального дохода, приходящуюся на семьи трудящихся, или, во всяком случае, этого нельзя сделать, не нанеся одновременно немалый вред экономике. Однако Франклину Делано Рузвельту и Гарри Трумэну удавалось реализовывать курс, сопровождавшийся радикальным перераспределением доходов и богатства, вследствие чего американцы обрели большее равенство, чем прежде. Перераспределение не только не подорвало экономику, но, напротив, «великое сжатие» создало почву для подъема, длившегося целое поколение. Раз это стало возможным тогда, то можно повторить их достижение.

Чем же был обеспечен успех? Несколько позднее я попытаюсь указать на его вероятные причины. Но сначала детальнее рассмотрим картину американской жизни после «великого сжатия» – скажем, в районе 1955 года.

Портрет общества среднего класса

К середине 1950-х годов уже не существовало «Золотого побережья» – северного края острова Лонг-Айленд в Нью-Йорке, в эпоху долгого «позолоченного века» служившего зоной обитания богачей и финансовым центром Республиканской партии. Многие особняки продали за бесценок, а затем либо снесли, чтобы построить на их месте таунхаусы для представителей среднего класса, либо приспособили для общественного пользования (загородные клубы, частные лечебницы и религиозные приюты по сей день занимают многие большие дворцы). Немалое число роскошных жи-

лиц были безвозмездно переданы некоммерческим организациям или же правительству, чтобы избежать налога на имущество.

Что сгубило легендарные поместья? Такой вопрос был поставлен выходящей на Лонг-Айленде газетой «Ньюсдей» в путеводителе по сохранившимся постройкам. Предложенный газетой ответ можно считать более или менее верным: «Тройной сглаз, вызванный введением федерального подоходного налога, финансовыми потерями времен Великой депрессии и изменениями структуры экономики США, в результате которых услуги по дому стали

менее привлекательными для множества работников, ранее обеспечивавших соответствующий образ жизни»².

Если виллы «Золотого побережья» служили символом Лонг-Айленда в долгий «позолоченный век», то в 1950-е годы их место в этом качестве несомненно занял нью-йоркский район Левиттаун, который начали застраивать в 1947 году. Он стал квинтэссенцией американского пригорода послевоенного периода.

По сравнению с сегодняшними загородными особняками домики Уильяма Левита были скромными: они имели всего 70 квадратных метров жилой площади – две спальни, кухня, подвал не предусматривался. Тем не менее это были отдельно стоящие индивидуальные дома, снабженные стиральными машинами и другой бытовой техникой, гарантировавшей обитателям уровень жизни, прежде не доступный для трудовой Америки. К тому же пригородное расположение предполагало, что у рядовых семей имеются собственные автомобили, что в 1929 году было немыслимо, а в 1950-е стало повседневной реальностью.

Достижения Левита частично основывались на применении в гражданском строительстве технологий, использовавшихся во время войны при возведении армейских бараков. Однако главная причина, по которой расчет Левита оправдался и на его дома появился массовый спрос, состояла в резком понижении «центра тяжести» национального хозяйства. У состоятельных американцев уже не было того, что напоминало бы об их покупательной способности образца 1929 года, тогда как рядовые трудящиеся стали обладать гораздо большими возможностями, чем когда-либо прежде.

² «The Glittering Domains of LI's Royalty» at: <http://www.newsday.com/entertainment/localguide/north-shore-nassau/ny-dligold,0,7095725.story?cool=ny-explore-nsn-utility>.

Статистические сравнения 1920-х и 1950-х годов несколько обманчивы, так как до возникновения государства благосостояния правительство США не испытывало потребности собирать информацию, кто сколько зарабатывает и как сводит концы с концами. В своей второй инаугурационной речи Ф.Д. Рузвельт говорил о «неудовлетворительных жилищных условиях, дурной одежде и плохом питании у трети нации». Но это были общие слова, не основывавшиеся на официальных статистических данных. Тогда в США не существовало формального определения бедности, не говоря уже об официальной оценке количества людей, живших за ее чертой. Таковая была установлена лишь в 1964 году, когда президент Линдон Джонсон сформулировал концепцию «Великого общества». Впрочем, даже несмотря на ограниченность информации, ясно, что в промежутке между 1920-ми и 1950-ми годами Америка была страной победившего среднего класса.

Существенное сужение разрыва в доходах в этот период частично объяснялось их выравниванием при общем снижении: в 1950-е годы богатые стали значительно беднее, чем в 1920-е – причем я имею в виду именно обеднение. Речь идет не об относительном уменьшении благосостояния, то есть отставании по темпам роста доходов от нижестоящих социальных групп, а о крупном абсолютном падении покупательной способности. К середине 1950-х реальные доходы богатейшего одного процента американцев после уплаты налогов снизились, насколько можно судить, на 20–30% по сравнению с предшествующим поколением. При этом доходы наиболее богатого слоя американцев – скажем, относящихся к верхней десятой части этого одного процента – составляли менее половины того, что они имели в 1920-е годы. Заметим: до уплаты налогов реальные доходы верхнего одного процента в середине 1950-х годов были примерно такими же, что и в 1929-м, а у верхней одной десятой процента упали примерно на 30%. Однако ставки подоходного налога, взимаемого с богачей, были существенно повышены³.

Между тем реальный доход медианной семьи приблизительно но удвоился по сравнению с 19-

³ См.: Piketty, Thomas and Saez, Emmanuel. «Income Inequality in the United States, 1913–1998» in: *Quarterly Journal of Economics*, 2003, February, No. 1(118), pp. 1–39.

⁴ Данные о доходах средней квинтили рассчитаны по: *Historical Statistics of the United States, Series G 328* с учетом индекса потребительских цен по данным Bureau of Labor Statistics (<http://bls.gov>).

⁵ См.: *Historical Statistics of the United States, Series B 402*.

29 годом⁴. Мало того, большинство семей теперь не просто имело больший доход, но и было в большей мере социально защищено. Помимо зарплаты работодатели стали предлагать работникам новые блага – такие, как меди-

цинское страхование и пенсионные планы. До Второй мировой войны медицинскую страховку имели лишь немногие американцы, а к 1955 году у более чем 60% населения имелась базовая форма медицинского страхования, покрывавшая расходы на госпитализацию⁵. К тому же федеральное правительство дополняло защиту занятости в частном секторе такими важными мерами, как страхование от безработицы для уволенных рабочих и социальное страхование пенсионеров.

Таким образом, в 1950-е годы работающим американцам жилось гораздо лучше, чем в 1920-е. В то же время экономическая элита чувствовала себя хуже, чем прежде. Помимо прочего, различия в материальном положении сократились и среди работающих американцев. Статистика показывает, что к 1950-м годам значительно уменьшился разрыв в доходах неквалифицированных рабочих и рабочих с низкой квалификацией, с одной стороны, и работников более высокой квалификации – таких, как слесари, с другой. В то же время жалование дипломированных специалистов – таких, как юристы и инженеры, заметно меньше опережало зарплату людей, занятых ручным трудом, чем в 1920-е годы или в наши дни.

Конечно, экономическая статистика полезна лишь в той мере, в какой проливает свет на условия жизни людей. Наши данные действительно раскрывают историю широкой материальной демократизации американского общества.

С одной стороны, большинство американцев впервые обрели достойный уровень жизни. Понятно, что слово «достойный» лишено четкого смысла, но я имею в виду следующее: уже в 1920-е годы имелись технологии, позволявшие обеспечивать основные элементы жизненного комфорта и бытовых удобств. Если отправить современного американца в прошлое, скажем во времена Авраама Линкольна, он ужаснулся бы тому, как убого жили тогда люди вне

зависимости от количества денег на их счетах. Если же перенести его в 1920-е годы и наделить достаточно высокими доходами, он нашел бы свое существование вполне сносным. А проблема тут в том, что в конце 1920-х годов большинство американцев не имело возможности для сносной жизни. Если взять наиболее примитивные удобства, то в сельской местности большинство американцев были вынуждены делить уборную с другими семьями. Стиральные машины уже изобрели, но они еще не стали привычным атрибутом быта. Личные автомобили и телефоны можно было купить, но у большинства их не было. В 1936 году исследовательская организация Гэллапа предсказывала внушительную победу на президентских выборах кандидату от республиканцев Элфу Лэндону, с треском на них пролетевшему. Почему она так сильно ошиблась? Потому что прогноз основывался на результатах телефонных опросов – а в то время телефоны стояли только в трети американских домов, зато люди, не имевшие телефона, обычно были сторонниками Рузвельта.

Однако к 1950-м годам сельские жители Америки, по-прежнему обходившиеся удобствами во дворе, а также городские семьи, жившие в многоквартирных домах с туалетами в конце коридора, хотя и сохранились, но остались в явном меньшинстве. К 1955 году у большинства американских семей был автомобиль, а 70% жилищ были снабжены телефоном.

Мысль Ф. Скотта Фитцджеральда будто богатые «не похожи на тебя и меня», никогда ранее или позже не была столь далека от истины, как во время жизни поколения, последовавшего за Второй мировой войной. К 1950-м годам очень немногие американцы могли позволить себе образ жизни, принципиально отличавший их в материальном отношении от среднего класса. У богатых могли быть дома побольше, чем у большинства, но они уже не могли себе позволить жить в огромных особняках – в частности, стало трудно найти прислугу, необходимую для их содержания. Между богачами и всеми остальными в основном исчезли традиционные различия в одежде. Это произошло отчасти потому, что теперь и обычные рабочие могли позволить себе носить (и содержать в чистоте) приличное одеяние, отчасти из-за того, что богатые больше не могли наряжаться в том стиле, который требовал легиона слуг, по-

могавших одеться или раздеться. Когда большинство людей обзавелись автомобилями, исчезло даже традиционное преимущество состоятельного человека в плане мобильности (по сию пору принято говорить, что элитные магазины обслуживают «публику с экипажами»).

Я не считаю пустой фантазией слова, подтверждающие, что все перечисленное привело к появлению у обычных американцев чувства собственного достоинства. Все, что нам известно об Америке долгого «позолоченного века», ясно демонстрирует: несмотря на демократическую идеологию страны, то было общество, очень чувствительное к классовым вопросам: там богатые ставили себя выше работников, а работники жили в страхе (и озлоблении) перед начальством. Однако после Второй мировой войны – причем об этом я могу судить исходя как из собственных воспоминаний об обществе, в котором рос, так и из того, что мы знаем из рассказов и книг, – подобное классовое сознание по большей части осталось в прошлом. В послевоенном американском обществе были свои бедняки, но подлинно богатые люди были редки и не оказывали на общество заметного влияния. Рабочий, находившийся под опекой профсоюза (а таких было много), имел столь же стабильную работу и почти столь же высокую зарплату, как и высококвалифицированный специалист. В материальном отношении жизнь у всех различалась не больше, чем «Кадиллак» от «Шевроле». У кого-то она могла быть пошикарнее, чем у другого, но не было большой разницы в том, куда человек мог пойти и что сделать.

Так как же стало явью демократическое общество?

Что случилось с богачами?

Современную экономическую статистику в основном разработал Саймон Кузнец, эмигрировавший в Соединенные Штаты из России и в 1971 году получивший Нобелевскую премию по экономике. В 1930-е годы он предложил систему национальных счетов, то есть набор показателей, включая валовой внутренний продукт, позволявших судить о богатстве страны. К 1950-м годам Кузнец перешел от рассмотрения общего размера национального дохода к анализу его распределения. Несмотря на ограниченность данных,

ему удалось показать, что распределение дохода в послевоенной Америке было гораздо более равномерным, нежели до Великой депрессии. Был ли такой сдвиг результатом политических действий или игры безликих рыночных сил?

Обычно экономисты, возвращенные в уважении к «невидимой руке» рынка, скептически относятся к способности правительства воздействовать на экономику. Поэтому причиной крупных сдвигов в распределении дохода они склонны считать прежде всего рыночные факторы. При этом имя Кузнецца часто ассоциируется (без достаточных на то оснований) с точкой зрения, будто существует некий естественный цикл неравенства, движимый силами рынка. Этот естественный цикл получил наименование «кривой Кузнецца».

Подразумевается, что «кривая Кузнецца» описывает следующую последовательность событий. На ранних стадиях хозяйственного развития инвестиционные возможности владельцев капитала множатся, тогда как рост заработной платы трудящихся сдерживается притоком дешевой рабочей силы из села в город. В результате по мере индустриализации растет неравенство: возникает элита, которую составляют состоятельные промышленники, а рядовые работники по-прежнему влачат нищенское существование. Иными словами, период глубокого неравенства, подобный «долгому позолоченному веку» в Америке, – это естественный продукт экономического развития.

Однако затем капитала становится много, прибыли стабилизируются или даже падают, приток наемных работников из села иссякает, а заработная плата начинает расти. Благоденствие приобретает повсеместный характер, а в экономике начинает задавать тон средний класс.

До 1980-х годов большинство американских экономистов полагало, что такое описание правильно передает особенности развития Соединенных Штатов в XIX и XX столетиях. Они считали, что долгий «позолоченный век» – это стадия, через которую страна должна была пройти; по их мнению, возникшее затем общество среднего класса стало закономерным и неизбежным счастливым завершением экономического процесса.

Однако к концу 1980-х годов выяснилось, что история отнюдь не закончилась и что неравенство вновь растет. Правда, многие

экономисты считают, что и это является неизбежным результатом действия рыночных сил, в частности технологических трансформаций, которые обеспечивают рост вознаграждения за высокую квалификацию. Тем не менее вновь возникла озабоченность по поводу неравенства, что заставляет нас вернуться к анализу процесса выравнивания материальных условий, происходившего в течение жизни предшествующего поколения. Нетрудно догадаться о выводах, к которым приведет такой анализ. Чем внимательнее присматриваешься к выравниванию доходов, тем меньше оно выглядит постепенной реакцией на действие безликих рыночных законов и все больше – как внезапное изменение, вызванное к жизни главным образом подвижками в соотношении политических сил.

Быстрота произошедших изменений и предполагаемая нами роль в этом политических факторов просматриваются прежде всего при изучении доходов наиболее состоятельных слоев общества – верхнего одного процента (или менее того).

По сравнению с остальным населением об истории доходов богатых известно больше, так как они были вынуждены платить подоходный налог. Начиная с 1913 года федеральное правительство располагает информацией об их экономическом положении. Налоговая статистика позволяет заключить: до середины 1930-х годов и даже позже тенденции к снижению неравенства не наблюдалось. Когда в 1937 году Ф.Д. Рузвельт произносил вторую инаугурационную речь, заявляя, что треть нации по-прежнему живет в нищете, мало что свидетельствовало о том, что богачи хотя бы частично утратили те позиции в экономике, которые занимали до Первой мировой войны. Всего лишь десятилетие спустя стало ясно: их потеснили. Резкое падение доходов высших слоев общества в 1950-е годы, о котором мы говорили выше, свершилось уже в 1946–1947 годах. Причем относительное обеднение элиты происходило не постепенно – оно случилось стремительно.

Главную причину неожиданного сокращения благосостояния богачей можно объяснить всего одним словом – налоги.

Рассмотрим, как это произошло. До Второй мировой войны источники высоких доходов в Америке были иными, нежели теперь. Если сегодня многие состоятельные люди существенную часть своих доходов получают, скажем так, на трудовом фронте (вспом-

ним о менеджерах высшего звена с их бонусами и опционами), то в 1920-е годы дело обстояло гораздо проще. Богачи жирели за счет прибылей с капиталов, которыми они владели. И поскольку большая часть доходов с капитала уходила к небольшой группе населения (так, в 1929 году 70% дивидендов на акции досталось всего только одному проценту американцев), распределение благосостояния между богатыми и остальным населением по большому счету определялось распадением национального дохода на заработную плату и доходы с капитала.

Исходя из сказанного, можно было бы заключить, что разное падение доли национального дохода США, достававшейся богатым, было результатом перераспределения доходов в пользу труда и в ущерб капиталу. Однако на деле все было не так. Если рассмотреть доходы в корпоративном секторе до вычета налогов, то в 1955 году трудящиеся получили 69% общей суммы, а капитал – 31%; это соотношение едва отличалось от ситуации 1929 года: 67 против 33%.

Однако если распределение дохода между капиталистами и трудящимися до вычета налогов с 1920-х по 1950-е годы почти не изменилось, то после вычета налогов между теми, кто получал доход с капитала, и теми, кто в основном полагался на заработную плату, оно изменилось радикально.

В 1920-е годы налогообложение не очень обременяло богатых американцев. Самая высокая ставка подоходного налога равнялась всего 24%, а так как налоги на наследство и даже крупнейшую недвижимость составляли лишь 20%, самовоспроизводство богатых династий происходило без особых сложностей. Однако с развертыванием Нового курса богачи столкнулись с налогами, крайне высокими не только по сравнению с 1920-ми годами, но и по сегодняшним меркам. Верхняя планка подоходного налога (сегодня равная всего 35%) была поднята до 63% в период первого президентства Ф.Д. Рузвельта и до 79% – в годы второго. К середине 1950-х годов, когда Америке потребовалось покрывать расходы на ведение «холодной войны», она подскочила до 91%.

Мало того, эти максимальные ставки налогов на доходы частных лиц применялись к доходам с капитала, которые и так оказались основательно подкошены снижением не только валовой при-

были корпораций, но и той ее части, которую государство оставляло за ними. В среднем федеральный налог на прибыли корпораций вырос с менее чем 14% в 1929 году до более чем 45% в 1955-м.

Отметим еще одно обстоятельство. Жившие на доход с капитала не только вынуждены были отдавать в виде налогов его основную часть, но испытывали все большие затруднения при передаче накопленного своим детям. Максимальная ставка налога на наследство недвижимости была поднята с 20% сначала до 45%, затем до 60, 70 и наконец до 77%. Отчасти это привело к тому, что богатство стало менее концентрированным: в 1929 году наиболее состоятельная одна десятая процента американцев владела более чем 20% национального богатства, а в середине 1950-х – лишь 10%.

Итак, что же произошло с буржуазией? Ничего особенного: просто в период Нового курса большая или даже, вероятно, преобладающая часть ее доходов уходила в налоги. И нет ничего удивительно в том, что Ф.Д. Рузвельт считался предателем своего класса.

Рабочие и профсоюзы

Если богатые оказались основными жертвами «великого сжатия», то «синие воротнички», прежде всего промышленные рабочие, выиграли от него больше других. Три десятилетия – с середины 1940-х до середины 1970-х годов – стали в США «золотым веком» для представителей физического труда.

К концу 1950-х годов мужчины, закончившие всего лишь среднюю школу, даже не колледж, фактически зарабатывали примерно столько же (с поправкой на инфляцию), сколько рабочие аналогичной квалификации сегодня. При этом по сравнению с другими категориями наемных работников они чувствовали себя гораздо лучше, чем сейчас. Тогда «синие воротнички» особенно востребованных профессий нередко зарабатывали столько же, если не больше, сколько многие специалисты, закончившие высшее учебное заведение.

Почему это время оказалось столь благоприятным для «синих воротничков»? В какой-то мере им помогало состояние мировой экономики: промышленные компании США были готовы платить своим работникам высокую заработную плату отчасти потому, что они мало сталкивались с зарубежной конкуренцией. Им повезло

и с нехваткой рабочих рук, порожденной жесткими ограничениями на въезд в страну, установленными Иммиграционным актом 1924 года.

Но если назвать главный фактор, благодаря которому «сине воротнички» столь преуспевали в 1950-е годы по сравнению с 1920-ми, то это был подъем профсоюзного движения.

В конце 1920-х американские профсоюзы находились в загоне. Попытки трудящихся объединиться провалились в основном из-за действий правительства, которое последовательно выступало на стороне работодателей, арестовывая профсоюзных активистов и даже депортируя их в случаях, если они, как это часто бывало, родились за рубежом. Число членов профессиональных союзов, выросшее в годы Первой мировой войны, резко упало. К 1930 году в них состояло немногим более 10% несельскохозяйственных рабочих, что сопоставимо с долей членов профсоюза среди работников частного сектора сегодня. В первые годы Великой депрессии профсоюзное членство продолжало падать, достигнув нижней точки в 1933 году.

Однако при Новом курсе профсоюзы укрепились в плане как численности, так и активности. В 1933–1938 годах количество их членов утроилось, а к 1947-му еще удвоилось. В конце Второй мировой войны в профсоюзах состояло более трети трудящихся несельскохозяйственного сектора. Кроме того, многим из не охваченных профсоюзным членством работников компании устанавливали размер зарплаты на уровне, который либо соответствовал ставкам для членов профсоюза, либо удовлетворял работников и удерживал их от соблазна прислушиваться к призывам профсоюзных активистов.

Почему членство в профсоюзах пошло вверх? На этот счет экономисты и историки расходятся во мнениях.

В зависимости от индивидуальной точки зрения одни специалисты относят рост профсоюзного движения к числу достижений Нового курса, другие считают, что это нанесло ущерб экономике. До Нового курса федеральное правительство всецело выступало на стороне работодателей, стремившихся пресечь деятельность профсоюзных агитаторов и разогнать уже сложившиеся организации. При Ф.Д. Рузвельте оно, напротив, встало на защиту права рабо-

чих на профессиональные объединения. Заявление Рузвельта при подписании Акта о справедливых трудовых отношениях 1935 года, предусматривавшего учреждение Национального совета по трудовым отношениям, было предельно ясным: «В качестве составной части нашего базового законодательства настоящий акт провозглашает право наемных работников промышленности на самоорганизацию с целью ведения коллективных переговоров и предусматривает меры, с помощью которых правительство сможет защищать это законное право». Не вызывает удивления, что многие историки утверждают: именно такой разворот государственной политики в отношении профсоюзов и вызвал их быстрый рост.

Впрочем, ряд историков в меньшей степени акцентируют роль правительства и сосредотачивают внимание на внутренней динамике самого профсоюзного движения. Известный гарвардский экономист Ричард Фримен, занимающийся изучением рабочей силы, подчеркивает, что рывок в развитии профсоюзов в 1930-е годы зеркально повторил предыдущий скачок, который произошел между 1910 и 1920 годами. По его словам, в 1930-е годы похожие события происходили и в других странах Запада, что позволяет ему заключить: Новый курс Ф.Д. Рузвельта, вероятно, и не сыграл здесь ключевой роли. Фримен настаивает на том, что на самом деле в 1930-е годы имел место некий двустадийный процесс, который в основном не был связан с действиями правительства. Сначала дополнительную силу профсоюзному движению придала Великая депрессия, поскольку многие предприниматели снизили заработную плату, а недовольные рабочие объединились, чтобы противостоять этому. Затем накопление силы профсоюзов стало приобретать самовозрастающий характер по мере того, как рабочие, уже вошедшие в них, начали оказывать ощутимую помощь в форме финансовой поддержки, пикетирования и тому подобного другим рабочим, также собирающимся организовать профсоюз.

Вряд ли следует ограничиваться лишь каким-то одним из этих объяснений. Ведь те же факторы, которые мобилизовали рабочих, содействовали и формированию тех политических сил, которые поддерживали Новый курс, что было необходимо для смены основного вектора политики федерального центра. Даже если действия Ф.Д. Рузвельта не создавали благоприятных условий для

мощного профсоюзного движения, превращение правительства из проводника интересов хозяев в защитника работников несомненно содействовало укреплению профсоюзов.

Независимо от того, как соотносить значение экономической депрессии, политики и резкого роста профсоюзного движения, все, что нам известно о профсоюзах, доказывает: вновь обретенная ими тогда мощь стала важным фактором создания общества среднего класса. Имеется целый ряд серьезных научных исследований, доказывающих, что в годы Великой депрессии влияние профессиональных союзов проявлялось в основном по двум направлениям. Во-первых, они добивались увеличения средней заработной платы для своих членов. Тем самым они также, пусть косвенно и в меньшей степени, способствовали повышению зарплаты и своих собратьев по труду, не имевших профсоюзов. Ведь предприниматели, у которых на производстве профсоюзы еще не были созданы, стремились снизить их привлекательность для своих рабочих. Таким образом, активность профсоюзов способствовала сокращению разрыва в зарплатах между «синими воротничками» и представителями более высокооплачиваемых профессий, например менеджеров. Во-вторых, профсоюзы положительно повлияли на сокращение разрыва в доходах и между «синими воротничками», поскольку на переговорах с предпринимателями добивались более значимого повышения заработной платы для своих самых низкооплачиваемых членов по сравнению с более высокооплачиваемыми. То же происходило и на заводах, где профсоюзов еще не было, поскольку предприниматели стремились предотвратить их создание. Другими словами, факты свидетельствуют о том, что влияние профсоюзов на заработную плату в полной мере соответствовало тому, что было характерно для «великого сжатия» – заработная плата «синих воротничков» росла быстрее, чем у менеджеров и инженерно-технического персонала, а внутри самой категории «синих воротничков» шло сокращение дифференциации оплаты труда.

И все же одного увеличения численности профсоюзов и их мощи было бы недостаточно, чтобы вызвать столь крупномасштабную нивелировку. Произошедшая трансформация стала бы невозможной, если бы не специфические обстоятельства, связанные со Второй мировой войной.

Зарплаты военного времени

В обычных условиях правительство страны с рыночной экономикой, такой, как Соединенные Штаты, способно лишь отчасти влиять на заработную плату, но не может напрямую устанавливать ее. Однако в 1940-е годы в течение почти четырех лет основные секторы американского хозяйства в той или иной мере непосредственно контролировались государством, поскольку того требовала военная обстановка. Помимо прочего, правительство воспользовалось своим влиянием, чтобы добиться существенного выравнивания доходов в стране.

Национальный военный совет по труду был создан еще при президенте Вудро Вильсоне в 1918 году. В его компетенцию входило вынесение третейских решений по спорам между рабочими и капиталистами, чтобы избежать стачек, способных подорвать военный потенциал страны. На практике совет потворствовал интересам рабочих: защищал их право на организацию профсоюзов и заключение коллективных договоров, настаивал на установлении заработной платы, достаточной для жизни. Число членов профессиональных союзов за короткий период времени почти удвоилось.

После Первой мировой войны совет был расформирован, а федеральное правительство вернулось к традиционной для него поддержке работодателей. Как уже отмечалось, вскоре трудящимся пришлось отступить, потеряв свои завоевания военного времени.

Однако спустя месяц после нападения на Пёрл-Харбор Ф.Д. Рузвельт воссоздал Национальный военный совет по труду, придав ему еще более весомые полномочия. Война породила колоссальное инфляционное давление, что потребовало государственного контроля за ценами на многие ключевые товары. Такой контроль не удалось бы реализовать, если бы нехватка рабочих, вызванная мобилизацией, спровоцировала рост заработной платы. Поэтому во многих отраслях национального производства оплата труда также оказалась под федеральным контролем. Любое ее повышение было нужно согласовывать с Советом. В итоге правительство стало не только посредничать в трудовых спорах, но и диктовать частному сектору ставки заработной платы.

С учетом ценностей, которые исповедовала администрация Рузвельта, не вызывает удивления, что правила, установленные

Национальным военным советом по труду, содействовали повышению заработной платы прежде всего низко-, а не высокооплачиваемых работников. Первая директива Рузвельта требовала поднять зарплаты, находившиеся ниже установленного правительством минимума. При этом работодатели получали право по своему усмотрению поднимать оплату труда до уровня 40 центов в час (что равняется примерно пяти долларам сегодня) и до 50 центов в час с разрешения местного отделения Совета, а повышение сверх этого уровня требовало уже одобрения Вашингтона. В результате по своему внутреннему устройству система регулирования трудовых отношений способствовала опережающему росту зарплат низкооплачиваемых работников по сравнению с высокооплачиваемыми. Кроме того, Совет установил вилки оплаты труда по всем видам профессий, причем поднимать ее до низшего уровня, определенного для каждой профессии, работодателям разрешалось по своему усмотрению. Это опять-таки благоприятствовало росту зарплат низкооплачиваемых категорий трудящихся, а не тех, для кого предусматривались более высокие ставки. Наконец, Совет соглашался с повышением зарплат, призванным устранить различия в уровнях оплаты труда между предприятиями – что вело к опережающему росту зарплат тех, кто получал меньше всех.

По словам К. Голдин и Р. Марго, «большая часть критериев для повышения заработной платы, которые использовал Национальный военный совет по труду, способствовала нивелированию зарплат в разных отраслях промышленности и внутри них». Таким образом, за тот короткий период, когда правительство США имело возможность более или менее напрямую определять заработную плату многих трудящихся, оно пользовалось данной ему властью, чтобы сделать Америку обществом большего равенства.

Самое удивительное – эти перемены прижились.

Равенство и послевоенный бум

Предположим, демократическая фракция нынешнего Конгресса США предложит вернуться к политике, результатом которой стало «великое сжатие», то есть речь пойдет о серьезном увеличении налогов на богатство, поддержке профсоюзного движения,

контроле над заработной платой с целью значительно сократить дифференциацию в оплате труда и так далее. Что нам скажут приверженцы пресловутого здравого смысла по поводу результатов такой программы?

Во-первых, непременно будет высказан скептицизм относительно способности такого курса повлиять на ситуацию с экономическим неравенством – во всяком случае в долгосрочной перспективе. Согласно азам экономической теории, попытки проигнорировать закон спроса и предложения обычно проваливаются. Даже если правительство воспользуется полномочиями военного времени, распорядившись перейти к зарплатной уравниловке, прежняя дифференциация в оплате труда все равно восстановится, как только будут отменены соответствующие контрольные меры.

Во-вторых, повсеместно зазвучат утверждения, причем не только со стороны крайне правых, будто радикальная политика выравнивания доходов нанесет непоправимый урон экономике, сломав мотивацию к труду. Высокие налоги на прибыль приведут к коллапсу капиталовложений, усиление обложения крупных личных доходов подорвет предпринимательство и частную инициативу, а укрепление мощи профсоюзов, требующих непомерного повышения зарплаток, спровоцирует массовую безработицу и помешает росту производительности. Если попытаться суммировать соображения такого рода, придется сделать вывод, что американскую экономическую политику периода «великого сжатия» можно сравнить с экстремальной формой того политического курса, который сегодня осуществляется во многих странах Западной Европы и является причиной широко осуждаемого «евросклероза» – сочетания относительно слабой занятости с низкими темпами экономического роста.

Не исключено, что подобные предсказания оправдаются, если попытаться воспроизвести «великое сжатие» сейчас. Однако после Второй мировой войны ни одно из неблагоприятных последствий, каких можно было бы ожидать от крутого выравнивания доходов, так и не проявилось. Напротив, «великое сжатие» обеспечило эффективное выравнивание доходов в течение длительного времени – более 30 лет. Более того, эра равенства стала также пе-

риодом беспрецедентного экономического процветания, которое с тех пор Соединенным Штатам так и не удалось повторить.

Чтобы понять, насколько хорошо шли дела после «великого сжатия», разделим послевоенную экономическую историю США на три этапа. Сначала имел место послевоенный бум 1947–1973 годов; затем наступил проблемный период 1973–1980 годов, когда американскую экономику терзали нефтяные кризисы и стагфляция; наконец, с 1980 года по настоящий момент страна демонстрирует неплохие темпы роста в сочетании с усугублением экономического неравенства. Почему я начинаю с 1947 года? По двум причинам: к этому времени «великое сжатие» в основном закончилось, и с этого года мы имеем более или менее надежную статистическую информацию.

Во время послевоенного подъема реальный доход типичной американской семьи удвоился с примерно 22 тысяч долларов в год в сегодняшних ценах до 44 тысяч. То есть, речь идет о ежегодном приросте в 2,7%. При этом в целом по стране доходы росли примерно теми же темпами, а их относительно равное распределение, порожденное «великим сжатием», сохранялось.

Трудности 1970-х годов на некоторое время привели к приостановке роста медианного дохода. Он возобновился, только когда удалось поставить под контроль инфляцию. Тем не менее даже при общем улучшении ситуации положение рядовых американских семей все равно не приблизилось к имевшему место во времена послевоенного бума. После 1980 года доход медианной семьи рос всего примерно на 0,7% в год. Даже в лучшие годы – в период экономического роста 1982–1989 годов во времена правления президента Р. Рейгана и нового подъема при президенте Б. Клинтоне в 1993–2000 годы – благосостояние семей увеличивались медленнее, чем в течение жизни целого поколения после «великого сжатия».

Как и всегда, все это – лишь сухие цифры, дающие в лучшем случае некую систему координат, чтобы судить о том, что на самом деле происходило в жизни людей. Но можно ли усомниться в том, что послевоенное поколение жило в период, когда почти каждый американец ощущал быстрый подъем уровня жизни, а рядовые работники видели, что достигли уровня благосостояния, превосходящего самые смелые мечты их родителей? И можно ли сомневаться в том, что наше восприятие современной экономической

ситуации является, как минимум, весьма настороженным? В ряде отношений большинство американцев чувствует себя ныне вполне счастливо, зато в других – не столь благополучно, чем пару десятилетий тому назад.

Реальные факты, свидетельствующие о том, как хорошо обстояли дела в экономике США после «великого сжатия», кое-кого раздражают. Эти господа считают их противоречащими своим представлениям о том, как устроен мир, и поэтому они, по сути, готовы переписать историю, дабы устранить из нее послевоенный подъем. Например, Ларри Кудлоу проповедует свою доктрину экономического роста на основе спроса на канале CNBC каждый вечер на протяжении рабочей недели. Он внушает слушателям, будто только благодаря проведенному Р. Рейганом сокращению налогов «впервые за время после Гражданской войны в Америке (если не считать краткий период Кулиджа-Меллона в 1920-е годы) наша экономическая система стала предметом зависти всего мира». По всей видимости, для него то благосостояние 1950-х годов, о котором сообщал репортер «Тайм», не говоря уже обо всей доступной экономической информации, – не более чем миф.

Однако это не было мифом: хозяйственный подъем на самом деле имел место. «Великое сжатие» не только не разрушило благополучие Америки, но и, если уж на то пошло, взбодрило ее экономику. Да, такая трактовка событий противоречит тому, чего следовало бы ожидать, если ориентироваться на учебники по экономикс. Но, может быть, в этих учебниках что-то не так? Речь об этом пойдет в одной из следующих глав.

Пока же мы должны просто констатировать, что на протяжении 1930-х и 1940-х годов либералам удалось добиться поразительного сокращения неравенства доходов, имевшего исключительно позитивное воздействие на экономику в целом. Люди, стоявшие за этим достижением, способны преподать сегодняшним либералам предметный урок на счет того, как много зависит от лидеров.

Кто же были эти люди, как они сумели не только провести крупные изменения в американском обществе, но и обеспечить их прочность?

4 БОРЬБА ВОКРУГ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Каждому американцу старше определенного возраста знакома фотография, на которой улыбающийся Гарри Трумэн держит в руках дневной выпуск «Чикаго дэйли трибьюн» с гигантским заголовком: «Дьюи наносит поражение Трумэну». Это было неправдой. На фоне результатов опросов, свидетельствовавших об уверенном превосходстве Дьюи, победа Трумэна на президентских выборах 1948 года стала самой неожиданной в истории Америки.

Выход Трумэна из-за кулис – культовый момент в американской политической истории, как и рассказы о том, что в ходе избирательной кампании сторонники президента встречали его приветственными возгласами: «Задай им жару, Гарри!» Однако мало кто в Соединенных Штатах может сказать, кому Гарри должен быть задать жару и что именно под этим подразумевалось. По сей день Трумэна помнят в основном как лидера, лучше всего проявившего себя во внешней политике – как вдохновителя «плана Маршалла» и автора стратегии сдерживания. Именно он противостоял Сталину в Берлине и Корее и направил Америку по тому пути, который в итоге привел ее к победе в «холодной войне».

Однако в 1948 году внешняя политика не играла ключевой роли в избирательной кампании. Отчасти это объяснялось тем, что «холодная война» еще не набрала силу, отчасти – отсутствием согласия во внешнеполитических вопросах среди республиканцев, разрывавшихся между антикоммунизмом и традиционной для них склонностью к изоляционизму. В 1948 году избирателей куда больше занимали опасения, что республиканцы могут похоронить до-

стижения внутренней политики Рузвельта. Томас Дьюи пытался успокоить электорат банальными заявлениями типа: «Ваше будущее все еще впереди», а Трумэн превратил эти выборы в референдум по Новому курсу, выбрав объектом критики Конгресс, контролировавшийся тогда республиканцами.

В 1948 году в Конгрессе и впрямь предпринимались попытки свернуть Новый курс. Фактическим лидером республиканцев был сенатор Роберт Тафт, которого порой называли «господин республиканец». Для него было характерно резкое неприятие политики Рузвельта, которую он считал «социалистической». И это была не только идеологическая позиция. С тех пор как в 1946 году республиканцы получили большинство в Сенате, именно он протолкнул через Конгресс пресловутый Закон Тафта–Хартли, позволивший в существенной мере отступить от Национального акта по трудовым отношениям 1935 года, который сыграл ключевую роль в росте численности профсоюзов и их влияния в период Нового курса. Поэтому в 1948 году у избирателей имелись все основания считать, что победа республиканцев, которая обеспечила бы последним контроль одновременно над Конгрессом и Белым домом, приведет к полному отказу от того политического курса, который породил «великое сжатие».

К 1952 году, когда республиканцам все же удалось вернуться в Белый дом, речь уже не шла о столь глубоких переменах. К тому моменту, руководствуясь политической целесообразностью, республиканские лидеры стали признавать созданные в ходе реализации Нового курса институты в качестве неотъемлемых элементов американской политической жизни. «Если какая-то политическая партия попытается отменить социальное обеспечение, страховку от безработицы, а также ликвидировать законы о трудовых отношениях и программы для фермеров, – делился мыслями Дуайт Эйзенхауэр в письме своему брату Эдгару в 1954 году, – она навсегда исчезнет из нашей политической истории. Есть, разумеется, небольшая группа отщепенцев, верящих, будто это возможно. К ней принадлежат Х.Л. Хант (тебе, вероятно, известна его биография), несколько нефтяных баронов из Техаса, ну

и еще кое-какие политики и бизнесмены из других отраслей. Числом они незначительны, да к тому же и неумны»¹.

¹ См.: Письмо Дуайта Д. Эйзенхауэра Эдгару Н. Эйзенхауэру от 8 ноября 1954 года (<http://eisenhowermemorial.org/presidential-papers/first-term/documents/1147.sfn>).

Как же так получилось, что идеи и программы, в 1930-е годы считавшиеся чересчур радикальными, в 1950-е превратились в самую респектабельность, отказаться от которой призывала лишь «группа отщепенцев»? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно проследить одновременно за тем, как перемены в американском обществе сказывались на политической среде, и за тем, как политические партии реагировали на новую обстановку.

От радикализма – к респектабельности

В 1930-е годы Новый курс и в самом деле считался радикальным – даже те, кто его непосредственно проводил, сознательно прибегали к языку классовой борьбы. Прочитать или, что еще полезнее, послушать речь, произнесенную Ф.Д. Рузвельтом в «Мэдисон сквер гарден» перед выборами 1936 года (ее запись можно найти в Интернете), – значит получить убедительное напоминание о том, насколько осторожным, робким и сдержанным стал либерализм более поздних времен. Сегодня те, кто настаивает на повышении минимальной заработной платы или налогов на богатство, всячески заверяют публику в том, что сами-то они, конечно, ничего не имеют против состоятельных людей и вовсе не собираются развязывать классовую борьбу. Рузвельт же палил по злодеям-богачам из обоих стволов:

Нам приходилось бороться со старыми врагами мирной жизни – деловой и финансовой монополией, спекуляцией, махинациями в банковском деле, классовым антагонизмом, кумовщиной, наживой на войне.

Все эти враги привыкли видеть в правительстве Соединенных Штатов бесплатное приложение к собственным делишкам. Теперь мы знаем, что власть организованных денег столь же опасна, как и власть организованной преступности.

Никогда прежде в истории эти силы не объединялись столь тесно против одного кандидата, как сейчас. Они единодушно меня ненавидят – и я рад этому...

Ф.Д. Рузвельт не преувеличивал, говоря о ненависти к себе плутократов, – у них для этого были все основания. Как уже говорилось в третьей главе, Новый курс обернулся тяжким налоговым бременем для корпораций и богатей, стимулировал рост профсоюзов и сопровождался сокращением разрыва в благосостоянии при заметном снижении доходов представителей высшего класса.

Однако за двадцать лет после речи в «Мэдисон сквер гарден» произошли примечательные перемены. В значительной мере именно благодаря победе Трумэна в 1948 году Новый курс получил продолжение: профсоюзы сохранили свою мощь еще на несколько десятилетий, а налоги на корпорации и богатых в годы президентства Эйзенхауэра стали еще выше, чем при Рузвельте. Тем не менее к середине 1950-х годов поддержка того курса, который вызывал столь сильную ненависть со стороны «организованных денег» (в своей речи в «Мэдисон сквер гарден» Рузвельт говорил, что плутократы особенно яростно поносили социальное обеспечение и страхование от безработицы), превратилась в воплощение политической умеренности.

Подобная трансформация отразила демографические подвижки, а также действие иных факторов, благоприятствовавших сохранению государства благосостояния. Позднее мы рассмотрим их подробнее. А пока вкратце остановимся на той характерной политико-экономической особенности США, благодаря которой Новый курс было так сложно реализовать, но потом так легко отстаивать, – на врожденном и в целом разумном консерватизме избирателей. Речь идет не о консерватизме, предполагающем правые взгляды, а о нежелании поддерживать какие-либо резкие перемены в политике правительства, если только она не выглядит явно провальной. Не так давно мы уже были свидетелями того, как подобное стремление к сохранению статус-кво плачевно сказалось на инициативах как демократов, так и республиканцев: и попытка Клинтона реформировать здравоохранение, и намерение Буша приватизировать социальное обеспечение в существенной мере провалились из-за того, что избиратели страшились неизведанного.

В 1920-е консерватизм такого рода помог заблокировать либеральные реформы. Все предложения о повышении налогов на богатство, увеличении выплат рабочим и малоимущим, лю-

бые поползновения к изменению трудового законодательства ради облегчения деятельности профсоюзов встречались в штыки. Причиной служило мнение, будто новоявленные реформаторы – безответственные люди, не понимающие, как работает экономика страны, а потому их прожекты, если принять их к исполнению, развалят ее. В какой-то мере в плену шаблонного мышления находился и сам Рузвельт. Однажды он написал на полях книжки, в которой еще до Кейнса прозвучал призыв увеличивать государственные расходы, не опасаясь роста бюджетного дефицита, дабы поддержать экономику во время спада: «Слишком хорошо, чтобы быть правдой, – нельзя получить нечто, ничего не отдав взамен»².

² Цит. по: Schlesinger, Arthur M., Jr. *The Crisis of the Old Order*, Boston: Houghton Mifflin, 1957, pp. 126–127.

Придя к власти, он был уже менее склонен отвергать радикальные идеи. Ему выпала миссия убедить общество отказаться от привычных клише и согласиться с принципиально новой политикой. Благодаря удачному стечению исторических обстоятельств ему удалось преодолеть природный консерватизм американских избирателей. Во-первых, экономическая катастрофа 1929–1932 годов разрушила доверие к прежней элите и ее идеологии, тогда как зачатки выхода из кризиса, наметившиеся в 1933 году, придали убедительность реформам в рамках Нового курса. «Нам всегда было известно, что бездумное следование эгоистическим интересам дурно с моральной точки зрения; теперь же мы знаем, что это вредно и для экономики», – заявил Рузвельт в своей второй инаугурационной речи. Во-вторых, Вторая мировая война создала условия, при которых масштабное вмешательство правительства в экономику стало очевидной необходимостью, что подавило сомнения относительно целесообразности крайних мер. Поэтому к тому времени, когда Эйзенхауэр писал письмо своему брату, институты Нового курса уже не считались радикальной новацией, а стали неотъемлемой частью обыденной жизни американцев.

Конечно, все сложилось бы иначе, если приверженцы традиционного мышления, господствовавшего до Нового курса, оказались правы – то есть если бы налогообложение богатых, социальное обеспечение и выплата пособий по безработице действительно оказали разрушительное воздействие на экономику. Но на самом

деле вслед за «великим сжатием» последовал самый продолжительный в американской истории хозяйственный подъем. Кроме того, администрация Рузвельта доказала ложность стандартного довода против массивного государственного вмешательства в экономику – будто оно неизбежно провоцирует коррупцию. При взгляде из дня сегодняшнего нельзя не удивляться, насколько безукоризненно велись дела во время Нового курса. При Рузвельте произошло колоссальное увеличение расходов федерального бюджета, включая ассигнования по линии Администрации общественных работ, которой была предоставлена беспрецедентная свобода действий – и тем не менее отношение населения к системе государственных пособий по безработице, которую до Нового курса многие считали коррумпированной, на практике значительно улучшилось.

Неподкупность администрации при проведении Нового курса была не случайной. Проводившие его чиновники считали приоритетной задачей оградить политику от коррупции. В частности, Рузвельт создал Отдел анализа хода реализации программ, занимавшийся рассмотрением жалоб на злоупотребления внутри Администрации общественных работ. Отдел проявил себя на

столько хорошо, что проведенная позже по инициативе Конгресса проверка не выявила ни одного серьезного нарушения, которое осталось бы им незамеченным³.

Такая приверженность честному правительству была не просто отражением персональных достоинств Рузвельта, а политическим императивом. Его миссия на посту президента состояла в том, чтобы показать, что активность государства может приносить позитивные результаты. Чтобы поддержать доверие к этой миссии, он должен был позаботиться о безукоризненной репутации своей администрации – что он и делал.

Еще одно замечание. Хотя вступление США во Вторую мировую войну само по себе не ставило целью продемонстрировать эффективность государства, тем не менее такого рода эффект имел место. После того, как правительство Соединенных Штатов показало свою способность не только участвовать в мировой войне, но

³ См.: Wallis, John; Fishback, Price and Kantor, Shawn. *Politics, Relief, and Reform: The Transformation of America's Social Welfare System during the New Deal* (National Bureau of Economic Research Working Paper no. 11080, January 2005).

и обеспечить грандиозную мобилизацию национальных ресурсов, консерваторам стало очень трудно доказывать, будто государство не может ничего добиться.

Таким образом, к 1948 году идея активной роли правительства в экономике – которая на практике проявилась во внушительном сокращении социального неравенства – обрела прочность и поддержку. Прежняя же точка зрения, будто правительству не следует вмешиваться в экономику, отныне выглядела чудачеством. Ф.Д. Рузвельт посмеялся над ней в речи в «Мэдисон сквер гарден» в 1936 году, назвав ее «доктриной, согласно которой лучшее правительство то, которое ко всему безразлично».

Однако победить в схватке идей недостаточно, если такую победу не закрепить созданием действенной политической коалиции. По существу, политический ландшафт США изменился таким образом, что центр тяжести в нем сдвинулся вниз: произошло существенное укрепление влияния именно тех групп населения, которые выиграла от «великого сжатия» и были заинтересованы в поддержании относительно равного распределения доходов.

Народ, лишенный права голоса

На протяжении долгого «позолоченного века» одним из основных препятствий на пути мощного движения в защиту интересов трудящихся американцев было то простое обстоятельство, что многие рабочие, особенно малооплачиваемые, юридически или фактически не обладали правом голоса.

Самой многочисленной группой трудящихся, лишенных такого права, было афроамериканское население южных штатов. Даже после «великого сжатия» на выборы не допускалось еще одно целое поколение афроамериканцев, да и сегодня они частично лишены избирательных прав. Тем не менее по ряду причин, на которых мы остановимся ниже, вплоть до 1970-х годов Юг оставался участником, пусть и неудобным, той политической коалиции, которая выступала за материальное равенство.

В долгий «позолоченный век» существовали и другие люди, лишенные права голоса, а именно – ненатурализованные иммигранты, которые к 1950-м годам практически исчезли с полити-

ческой сцены. В 1920-е годы 20% взрослых жителей Америки родились за рубежом, и половина из них не имела гражданства. Следовательно, лишь 90% взрослых жителей Соединенных Штатов были гражданами, наделенными правом голоса. Если принять в расчет лишенных права голоса афроамериканцев Юга, в 1920 году голосовать могли лишь 80% взрослых жителей США. Такое поражение в избирательных правах не могло не иметь политических последствий, поскольку те, кто не имел права голоса, были в целом беднее основной массы населения. Как мы еще убедимся, сегодня малоимущие избиратели обычно поддерживают демократов вообще и сильное государство благосостояния в особенности. Вероятно, то же имело бы место и в 1920-е годы. Иначе говоря, лишение определенных групп населения избирательных прав ослабляло левую часть политического спектра США, сдвигая его вправо относительно того, каким он был бы, если бы все взрослые жители страны имели возможность участвовать в выборах.

Впрочем, после введения в 1924 году жестких ограничений на иммиграцию доля взрослых американцев, не обладавших правом голоса, стала устойчиво сокращаться. К 1940 году иммигранты составляли только 13% взрослого населения, и к тому же более 60% из них прошли натурализацию, то есть к этому времени примерно 95% взрослых жителей США имели американское гражданство. К 1950 году доля иммигрантов упала до 10%, причем три четверти из них получили гражданство. В итоге доля не-граждан снизилась до малозначимых 3% взрослого населения.

Таким образом, с 1924 по 1950-е годы иммигранты без гражданства фактически исчезли с политической сцены США, в результате чего правом голоса в стране оказалось наделено преобладающее большинство «синих воротничков». Кроме того, по сравнению с 1920-ми в 1950-е годы небогатые белые американцы были гораздо более склонны голосовать, поскольку теперь они были членами профсоюзов либо имели друзей и родственников среди таких, что повышало их политическую осведомленность и мотивацию. В результате сформировался электорат, более расположенный поддерживать государство благосостояния (в широком смысле), чем в 1920-е годы или же сегодня.

Своеобразная роль Юга

Юг и сейчас заметно отличается от остальных Соединенных Штатов – но в 1950-е годы это была в подлинном смысле другая страна: там открыто практиковались сегрегация и дискриминация, а униженное положение темнокожих было законодательно закреплено и насаждалось силой. Решение Верховного суда США по делу «Браун против Департамента образования»* было принято лишь в 1954 году. В 1955 году Роза Паркс из города Монтгомери отказалась пересест на задний ряд в автобусе, однако судебное решение, покончившее с сегрегацией в общественном транспорте, появилось лишь в конце 1956 года. Предоставление избирательных прав темнокожим заняло еще больше времени: Акт о гражданских правах вступил в силу в 1964 году, то есть в тот год, когда в Филадельфии (штат Миссисипи) были убиты три борца за гражданские права. Впоследствии именно отсюда Рональд Рейган решил начать свою президентскую кампанию 1980 года речью о правах штатов.

Из-за жестокой расовой политики в южных штатах, как и из-за их общей отсталости, они были глубоко консервативными – в гораздо большей степени, чем сегодня. Вместе с тем Юг оставался, причем в течение долгого времени, важным участником коалиции, поддерживавшей Новый курс.

Карты избирательных кампаний весьма красноречивы. Сегодня на них Юг сплошь покрашен красным цветом. Если не считать Мэриленда и Делавэра, Джон Керри не победил ни в одном штате южнее «линии Мэйсона–Диксона»**. Между тем в 1948 году ни один южный штат не оказал доверия Томасу Дьюи, хотя в нескольких из них нашла поддержку кандидатура Строма Тэрмонда, выступавшего за сегрегацию.

Почему же на Юге поддерживали демократов? Есть очевидная, и довольно неприглядная, причина, по которой в 1950-е годы бе-

* Имеется в виду известный судебный процесс «Г-н Браун против Департамента образования» (*Brown vs. Board of Education of Topeka*), в ходе которого 17 мая 1954 года Верховный суд США признал незаконным раздельное обучение белых и негритянских детей в школах штата Канзас, что означало отмену сегрегации по расовому признаку в Соединенных Штатах (прим. В. Иноземцева).

** Имеется в виду граница, ранее отделявшая Север США от южных рабовладельческих штатов (прим. В. Иноземцева).

лое население Юга было готово голосовать за них. Дело в том, что, хотя Демократическая партия позиционировала себя как партия материального равенства, она втихомолку признавала законы Джима Кроу. Позднее, когда демократы стали также партией расового равенства, республиканцы, начинавшие как противники рабства, но превратившиеся в защитников богатства, заступили на освободившееся место. Позже я еще подробнее остановлюсь на этой радикальной смене ампула, особенно когда речь пойдет о причинах триумфа Рональда Рейгана в 1980 году.

Однако почему Юг вообще выступал за демократов? Отчасти причина состояла в ожесточении, которое оставила после себя Гражданская война. Можно сказать, что из поколения в поколение демократы на Юге побеждали благодаря тому, что выступали против Авраама Линкольна.

Тот факт, что южные штаты были значительно беднее, чем другие регионы страны, означал, что на их долю приходилась непропорционально большая доля выплат, производившихся в рамках Нового курса. Южные штаты и сейчас живут несколько беднее, чем страна в целом, но в 1950-е годы они бедствовали отчаянно. Еще в 1959 году в штате Миссисипи на душу населения приходилось менее одной тысячи долларов в год (или приблизительно пять тысяч долларов в сегодняшних ценах). Следовательно, средний уровень жизни там едва достигал 40% от уровня таких более состоятельных штатов, как Коннектикут, Нью-Йорк или Нью-Джерси. Кроме того, Юг оставался сельским, фермерским регионом еще долгие десятилетия после того, как остальная Америка превратилась в городскую нацию. К 1950 году в Соединенных Штатах, если не брать в расчет Юг, на три городских жителя приходился один сельский, а на Юге сельских жителей было больше, чем городских.

Поэтому для Юга Новый курс был выгоден практически всем. С одной стороны, высокие налоги на богатство и корпорации, введенные Ф.Д. Рузвельтом, мало сказывались в южных штатах, где богачей было немного, а корпорациями в основном владели северяне. С другой стороны, программы в рамках Нового курса, начиная с социального обеспечения и заканчивая страхованием от безработицы наемных работников в сельском хозяйстве, были особенно важны для низкооплачиваемых трудящихся, составлявших

большинство населения Юга. Даже теперь на американской политике время от времени сказывается тот факт, что южные штаты сильно зависят от системы благосостояния. Например, когда в 2005 году Джордж Буш-мл. попытался приватизировать систему социального обеспечения, его подручные убедились, что в «красных штатах», поддержавших его в 2004 году, сопротивление таким намерениям даже сильнее, чем в остальных.

Можно сказать так: хотя раскол на Юге по расовому вопросу сопровождался реакционной политикой на местах, этот регион настолько выигрывал от государства благосостояния в виду своей бедности, что на федеральном уровне южные штаты были готовы поддерживать северных либералов – правда, лишь до определенной степени. Существовали и жесткие ограничения относительно того, какого рода политику белое население Юга было готово поддерживать. С полной ясностью это выяснилось тогда, когда Гарри Трумэн предпринял попытку дополнить Новый курс элементом, благодаря которому в США появилось бы полномасштабное государство благосостояния, сопоставимое с тем, что имеют Канада или западноевропейские государства, а именно – общенациональным медицинским страхованием.

В 1946 году Трумэн выступил с предложением о национальном страховании здоровья, в случае реализации которого возникла бы система единого плательщика, напоминающая нынешнюю канадскую. Сначала шансы на успех такого плана выглядели неплохо. Действительно, в 1940-е годы было гораздо проще учредить общенациональное медицинское страхование, нежели теперь. Совокупные расходы на медицинские услуги составляли всего 4,1% ВВП – в сравнении с 16% сегодня. Кроме того, поскольку в 1940-е годы частное медицинское страхование было относительно неразвито, страховые кампании еще не стали такой мощной лоббистской группой, как теперь. Интересы фармацевтических фирм также не играли особой роли вплоть до 1980-х годов. Между тем общественное мнение в 1946 году было явно расположено в пользу гарантированного медицинского страхования.

Тем не менее попытка Трумэна провалилась. В наибольшей мере ответственность за эту неудачу лежит на Американской медицинской ассоциации (АМА), которая потратила 5 миллионов долларов

на противостояние плану Трумэна. С поправкой на инфляцию, сегодня эта сумма эквивалентна 200 миллионам долларов. Совершив вопиющее вмешательство во взаимоотношения доктора с пациентом, АМА поручила врачам семейной практики настраивать своих больных на то, чтобы заблокировать план общенационального страхования. Врачи, поддерживавшие план Трумэна, подвергались остракизму, иногда вплоть до призывов отказывать им в полагающихся медикам льгот. Даже сейчас оторопь берет, когда читаешь о том, как докторов инструктировали, чтобы они внушили пациентам всю кошмарность «социализированной медицины».

Впрочем, АМА провалила плана Трумэна не в одиночку. Решающую роль сыграло активное сопротивление общенациональному медицинскому страхованию со стороны демократов Юга – несмотря на то, что нищий Юг, где профессиональная медицинская помощь была не по карману многим людям, в результате получил бы неожиданный финансовый выигрыш.

Однако южные политики посчитали, что общенациональная система медицинского страхования вынудит южные штаты отказаться от расовой сегрегации в больницах. Впрочем, в этом они, вероятно, не ошибались. Так, программа помощи пожилым людям «Медикэр» во многих отношениях похожа на систему, которую Трумэн планировал распространить на всех. Она была введена в действие в 1966 году и привела к повсеместной десегрегации больниц в Соединенных Штатах. Иными словами, для политиков южных штатов было важнее не пускать чернокожих в больницы для белых, нежели обеспечить белых бедняков средствами на получение медицинской помощи.

Провал инициатив Трумэна в сфере здравоохранения стал предзнаменованием развала коалиции, обеспечивавшей поддержку Новому курсу. Поддержка белым населением Юга материального равенства также всегда отличалась двойственностью, причем со временем она еще более усугубилась. Насколько известно, южные штаты начали участвовать в этой коалиции тогда, когда Демократическая партия стала всерьез относиться к гражданским правам. Это в существенной мере объясняет произошедшее. Однако верно и то, что по мере того, как Юг в целом стал жить богаче, политика перераспределения утратила для него прежнюю

привлекательность, что выпустило на волю реакционные инстинкты, проистекавшие из традиции лишения темнокожих избирательных прав. Правда, в 1950-е годы все это оставалось еще делом далекого будущего.

Профсоюзы

В период с 1935-го по 1945 год доля членов профсоюзов в общей численности американских трудящихся выросла с 12 до 35%. Еще в 1970 году в них состояло 27% работников. При этом профсоюзы обычно (хотя и не всегда), поддерживали демократов. На выборах 1948 года примерно три четверти членов двух крупнейших профсоюзных организаций – Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов – голосовали за Трумэна.

Однако роль профессиональных союзов в превращении демократов в главенствующую партию страны далеко не ограничивалась свойственным их членам обыкновением голосовать за демократических кандидатов. Оцените известное саркастическое замечание Уилла Роджерса: «Я не являюсь членом какой-то организованной политической партии. Я просто демократ». Это была справедливая характеристика Демократической партии времен до Нового курса – как и сегодня. Но приведенные слова были гораздо менее справедливы на тот момент, когда организованные трудящиеся составляли мощную силу: профсоюзы предоставляли партии готовую организационную структуру. Они служили не только надежным источником финансирования для избирательных кампаний. В те времена, когда эти кампании разворачивались еще преимущественно не на телевизионных экранах, важнее всего было то, что профсоюзы поставляли демократам постоянную армию добровольных помощников, которые расставляли указательные знаки, раздавали наклейки на автомобили и агитационные листки, ходили по домам агитировать жителей и старались повесить явку на избирательные участки в день выборов.

Менее заметным, но, вероятно, столь же важным последствием мощного профсоюзного движения было его содействие повышению политической осведомленности и избирательной активности американцев с низкими и средними доходами. Тот, кто внимательно следит

за политическими перипетиями, часто не осознает, как мало внимания уделяет им большинство американцев. Между тем такая апатия легко объяснима. Хотя результаты выборов способны серьезно сказываться на жизни людей, весьма маловероятно, что на них может сильно отразиться голос отдельно взятого избирателя. Поэтому у людей, поглощенных повседневной работой и воспитанием детей, нет серьезных стимулов внимательно следить за политическими тусовками. В итоге отсутствие заинтересованности искажает результаты политического процесса в пользу высших классов: американцы с более солидными доходами чаще интересуются политикой и ходят на выборы, нежели представители низших и средних слоев. Иначе говоря, среднестатистический американский избиратель имеет существенно более высокий доход, чем рядовой обыватель. Такова одна из причин, в силу которых политики разрабатывают свой курс, в основном ориентируясь на достаточно благополучных людей.

Правда, профсоюзы помогают сгладить это искажение, настойчиво призывая своих членов приходить к урнам для голосования. Возможно, еще важнее то, что политические дискуссии на профсоюзных собраниях, политические послания в профсоюзной почте и прочая активность такого рода повышают осведомленность в вопросах политики не только работников, охваченных профсоюзами, но и тех, с кем они общаются, в том числе их супругов, друзей и родственников. Поскольку люди обычно общаются с теми, кто имеет примерно такой же доход, как они сами, в такой ситуации растет политическая активность американцев с относительно низкими заработками. В одном из недавних статистических исследова-

⁴ См.: Leighley, Jan and Nagler, Jonathan. «Unions, Voter Turnout, and Class Bias in the U.S. Electorate, 1964–2000» in: *Journal of Politics* 69, No. 2 (May 2007), pp. 430–441.

ований приводился следующий расчет⁴. Если бы в 2000 году доля охваченных профсоюзным движением рабочих в общей их массе была столь же велика, как и в 1964-м,

в выборах приняли бы участие дополнительно 10% взрослых из низших двух третей населения (исходя из распределения доходов). В то же время прибавка в высшей трети составила бы только 3%. Иначе говоря, усиление профсоюзного движения вело к понижению экономического «центра тяжести» американской политики, что сильно благоприятствовало демократам.

Итак, в 1950-е и даже в начале 1960-х годов политическая ситуация в Соединенных Штатах гораздо больше содействовала экономической политике выравнивания доходов, нежели в «долгий позолоченный век».

Государство благосостояния больше не считалось крайностью. Напротив, те, кому хотелось от него отказаться, выглядели людьми неуравновешенными. Многочисленной группы лишенных права голоса работников-иммигрантов более не существовало. Юг, пусть не безоговорочно и лишь на время, встал на сторону экономического равенства – до тех пор, пока дело не дошло до равенства расового. При этом мощное профсоюзное движение повышало активность избирателей с более низкими доходами.

Политические партии в эпоху равенства

Бывший губернатор штата Джорджия Эллис Арнал написал в октябре 1948 года еретическую – но, как позже выяснилось, весьма точную – статью в журнале «Атлантик мансли» под названием «Демократы могут победить». В ней он подчеркнул основу поддержки демократической коалиции, которую ее критики описывали как объединение Юга, профессиональных союзов, правящих политических машин в крупных городах и левых интеллектуалов. Это описание не во всем справедливо, но в целом правильно. Я уже уделил внимание Югу и профессиональным союзам. Настало время вкратце рассмотреть два других компонента.

Правящие политические организации в городах, в основном опиравшиеся на иммигрантов, появились куда раньше, чем пришел к власти Ф.Д. Рузвельт. Фактически для демократов они были важным источником поддержки начиная еще с XIX столетия. Однако политика Нового курса привела к подрыву их влияния. Для городских избирателей главным фактором привлекательности политических организаций была их способность предоставлять помощь семьям, испытывавшим материальные трудности, а также обеспечивать рабочие места. Однако в результате создания в рамках Нового курса общегосударственной сети социальной за-

щиты и повышения заработной платы вследствие «великого сжатия» такого рода услуги стали менее интересны. Тем не менее механизмы политической власти в городах сохраняли свое влияние еще в 1960-е годы, что помогало демократам на выборах.

А что же левые интеллектуалы? Ясно, что их никогда не было достаточно для того, чтобы для какой-либо из партий они могли выступать в качестве важного самостоятельного союзника на выборах. Но не стоит сосредоточиваться на чистой арифметике. Нужно отдавать должное духовности и идеям. В 1930-е годы у левых были определенные мысли по поводу того, что нужно делать, а у правых их не было. Они лишь читали нравоучения о том, что экономика постепенно сама себя излечит. Успех Рузвельта придал либеральным интеллектуалам солидность и престиж, которые сохранялись долго после того, как привлекательность Нового курса в основном иссякла. Так и в наше время все еще звучат заверения, будто все новые идеи исходят только справа – хотя правые уже давно явно утратили всякую способность генерировать их. В 1958 году Джон Кеннет Гэлбрейт саркастически заметил, что в среде либералов «провозглашение потребности в новых идеях в какой-то мере заменяет появление самих идей». Однако представление о том, что они приходят слева, тем не менее оставалось преимуществом демократов.

К 1950-м годам Республиканская партия во многих отношениях пришла бледной тенью самой себя в прошлом. До Великой депрессии и «великого сжатия» у республиканцев было два крупных политических козыря: деньги и всеобщая убежденность в их компетентности. Пожертвования со стороны состоятельной элиты обычно давали республиканцам значительное финансовое преимущество. Вместе с тем люди по привычке думали, будто «великая старая партия», как партия деловых людей, в которой есть лидеры, способные стоять у руля, такие как Герберт Гувер, доподлинно знает, как руководить страной.

Однако «великое сжатие» сократило ресурсы, находившиеся в распоряжении элиты, тогда как Великая депрессия подорвала уверенность нации в том, что бизнес действительно понимает, как нужно вести дела. Герберт Гувер превратился в символ некомпетентности. А после триумфа демократов во Второй мировой войне и послевоенного бума кто посмел бы сказать, что они не умеют управлять страной?

Тем не менее Республиканская партия оставалась на плаву – отчасти по причине ее сдвига в сторону нового политического центра. Эйзенхауэру удалось завоевать Белый дом не только благодаря его военной репутации, но и из-за недовольства общества войной в Корее. Избиратели приняли его еще и потому, что он был умеренным и считал глупцами тех, кто хотел бы свернуть с Нового курса. На несколько десятилетий Республиканская партия превратилась в зонтичную структуру, под которой находилось место и для отдельных непоколебимых консерваторов, приверженных «малому правительству», и для сторонников больших расходов и «большого правительства» – таких, как Нельсон Рокфеллер из Нью-Йорка. Чтобы уяснить, насколько республиканцы отошли от всякой идеологии, полезно обратиться к результатам голосований в Конгрессе.

В этом отношении основополагающей работой, уже упоминавшейся мною в первой главе, является книга Кейта Пула из Калифорнийского университета в Сан-Диего и Говарда Розенталя из Фонда Рассела Сейджа. Они разработали свою систему анализа распределения членов Конгресса в спектре от левых до правых. Метод этот состоит в следующем. Они начинают с рассмотрения результатов поименного голосования по экономическим законопроектам – причем сначала проводится ранжирование этих законопроектов с точки зрения их направленности (левой или правой). Во-вторых, в аналогичных критериях ранжируются сами члены Конгресса (от левых до правых), исходя из того, как именно они голосовали по этим законопроектам. В-третьих, полученный список законодателей используется для того, чтобы уточнить ранжирование законопроектов в терминах «левый–правый», затем процесс повторяется вновь.

После нескольких итераций получается устойчивое распределение и законопроектов, и политиков в терминах «левый–правый»⁵.

Пул, Розенталь и Нолан Маккарти из Принстонского университета использовали данный метод применительно к каждому составу Конгресса начиная с XIX века. Полученные ими результаты отчетливо показывают, насколько не-

⁵ Реальный процесс оценки намного сложнее, чем описанный мною, но схож с ним по своей сути (см.: McCarty, Nolan, Poole, Keith and Rosenthal, Howard. *Polarized America: The Dance of Ideology and Unequal Riches*, Cambridge (Ma.), London: MIT Press, 2006).

значительными были расхождения между республиканцами и демократами в 1950-е и 1960-е годы в сравнении с огромной разницей между ними до Нового курса. Сегодня же разрыв еще больше.

Пул и Розенталь измеряют расхождения между партиями, используя индекс политической поляризации. Хотя он весьма информативен, наглядно обобщить полученные результаты трудно. Правда, для целей моего исследования достаточно воспользоваться двумя описательными критериями, которые на один и тот же период времени показывают примерно тот же результат, что и применяемый ими индекс. Один критерий связан с тем, что условно можно назвать «перехлестом из партии меньшинства»: имеется в виду число демократов, занимавших более правые позиции, нежели самые левые республиканцы, в период, когда республиканцы контролировали Конгресс, или количество республиканцев, занимавших позиции левее самых правых демократов тогда, когда Конгресс контролировали демократы. Другой критерий я называю «переходом из партии меньшинства»: речь идет о числе членов партии меньшинства, которые фактически находятся на противоположной стороне политического противостояния относительно собственной партии. Иначе говоря, это демократы, исповедующие более правые взгляды по сравнению со среднестатистическим членом Конгресса, или же республиканцы, находящиеся, соответственно, слева. В результате подсчетов более крупный «перехлест» указывает на меньшую степень поляризации политической системы, а его отсутствие – на то, что не сформировался сильный политический центр.

В Таблице 2 приводятся соответствующие данные по Конгрессу трех созывов: 70-го, который работал в 1927–1929-х годах, 85-го, который заседал в 1957 и 1958 годах, и 108-го, работавшего в 2003–2004 годах. Из таблицы видно, что в 1950-е годы межпартийные различия в Конгрессе были значительно меньшими, чем до Нового курса или сегодня. В Конгрессе 70-го созыва, в котором республиканцы контролировали Палату представителей, «перехлеста из партии меньшинства» практически не наблюдалось: только два демократа занимали позиции правее самых левых республиканцев. Не заметно было и «перехода из партии меньшинства»: все демократы располагались слева от центра. В Конгрессе

108-го созыва, который тоже контролировали республиканцы, наблюдалась еще более четко выраженная ситуация: все демократы находились левее самого левого республиканца и, само собой разумеется, не было никакого их «перехода». Однако в Конгрессе 85-го созыва, который контролировали демократы, многие республиканцы стояли на более левых позициях, чем самые правые демократы (главным образом потому, что имелось несколько довольно консервативных демократов с Юга). Наибольшее удивление, впрочем, способен вызывать тот факт, что девять членов Палаты представителей от Республиканской партии в буквальном смысле стояли слева от центра. Иными словами, они голосовали с позиций более левых относительно среднестатистического конгрессмена. Сегодня подобная ситуация невообразима. Главная причина: в XXI столетии республиканец, который действительно занял бы позицию левее центра, никогда не пройдет через процедуру праймериз, так как консервативное движение позаботится о том, чтобы он столкнулся с щедро финансируемым соперником, причем республиканские участники праймериз, сильно сместившись вправо, непременно поддержат последнего. Но в 1950-е годы республиканцы, пытаясь выиграть выборы, не могли позволить себе увлекаться насаждением идеологической чистоты. Поэтому среди них сохраняли прочные позиции такие люди, как Нельсон Рокфеллер или Джейкоб Джавитц, фактически придерживавшиеся либеральных взглядов. Сегодня их быстро отлучили бы от партии.

Таблица 2

Показатели сходства позиций партий в Конгрессе США

	«Перехлест из партии меньшинства»	«Переход из партии меньшинства»
70-й созыв, 1927–1929 годы	2	0
85-й созыв, 1957–1958 годы	112	9
108-й созыв, 2003–2004 годы	0	0

Источник: www.library.unt.edu/govinfo/usfed/years.html

Почти полное отсутствие различий между позициями двух партий по экономическим вопросам подразумевало, что поведение избирателей в тот период было иным, нежели сейчас. Так, в ходе недавних выборов голосование за разные партии оказалось тесно увязано с уровнем дохода: чем выше доход отдельно взятого избирателя, тем вероятнее, что он проголосует за республиканского кандидата. Можно предположить, что такое поведение отражает понимание избирателем того, что голосование за республиканцев равнозначно поддержке курса, благоприятствующего богатым, а не беднякам и вообще трудовому народу. Правда, низкая степень идеологизации Республиканской партии в 1950-е годы отражалась не только на том, как ее представители голосовали в Конгрессе, но и на ее общественном восприятии. В период послевоенного подъема избиратели явно не усматривали большой разницы между партиями по экономическим вопросам, по крайней мере, во время участия в президентских выборах. В Таблице 3 дано сравнение особенностей поведения на выборах белых избирателей, сгруппированных в зависимости от уровня дохода на основании данных президентских выборов в период с 1952-го по 1972 год, с одной стороны, и с 1976-го по 2004-й, с другой. В недавнем прошлом просматривалась тесная зависимость между более высокими уровнями дохода и голосованием за республиканцев. Однако в период с 1952-го по 1972 год, то есть в годы поддержки обеими партиями государства благосостояния, между уровнем дохода и предпочтениями при голосовании едва ли просматривалась какая-то устойчивая связь. Единственные президентские выборы в рассматриваемый отрезок времени, когда уровень личного дохода сильно отразился на предпочтениях избирателей, состоялись в 1964 году, когда кандидатом от республиканцев был выдвинут Барри Голдуотер, приверженец консервативного движения в его «чистом» виде и предвестник будущей тенденции. Другие исследования показывают, что в 1950-е и 1960-е годы почти не наблюдалось никакой связи между доходами избирателей и их партийными предпочтениями: верхняя треть населения с точки зрения распределения доходов демонстрировала лишь незначительно большую приверженность республиканцам, чем средняя и нижняя трети.

Таблица 3

Доля белых избирателей, голосовавших за демократов на президентских выборах, с распределением по уровню доходов (в процентах к общей численности каждой категории)

	1927–1929 годы	1976–2004 годы
Бедная треть	46	51
Средняя треть	47	44
Богатая треть	42	37

Источник: Larry Bartels. *What's the Matter with What's the Matter with Kansas?* (см.: <http://www.princeton.edu/~bartels/kansas.pdf>).

Но если в 1950-е и 1960-е годы Республиканская партия не выступала за консерватизм в экономике, то за что же она выступала? Впрочем, вопрос лучше сформулировать иначе: за что, по их собственному мнению, голосовали избиратели, отдавая предпочтение республиканцам?

В какой-то мере своим выбором они поддерживали традиционный этнический порядок. Республиканская партия 1950-х годов была прежде всего партией WASP – то есть партией белых англосаксонских протестантов, проживавших в северных штатах. Правда, англосаксонское происхождение не являлось строго обязательным: Эйзенхауэр был по происхождению немцем, но это не сыграло особой роли. На протяжении 1950-х годов 51% людей, отдававших предпочтение республиканцам, относили себя к группе WASP – при том, что она составляла только 30% электората⁶. Белые протестанты были доминирующей этнической группой в Соединенных Штатах на протяжении большей части их существования, но ее доминирование оказалось подорванным после начала Нового курса, за который выступали многочисленные члены профсоюзов из числа католиков. Кроме того, немалая роль в его поддержке принадлежала еврейской интеллигенции. Многие в стране отнеслись к таким подвижкам с подозре-

⁶ См.: Petrocik, John R. *Reformulating the Party Coalitions: The «Christian Democratic» Republicans* (доклад, представленный Центру социальных и политических исследований 1 августа 1998 года), табл. 2.

нием. Сегодня уже сложно точно воспроизвести их образ мысли, но даже в ходе выборов 1960 года немалое число американцев голосовало против Кеннеди лишь потому, что он был католиком.

Скорее всего, некоторые американцы голосовали за республиканцев лишь с тем, чтобы ограничить доминирование демократической коалиции в Конгрессе США. Начиная с 1930-х и вплоть до 1970-х годов за демократов голосовало гораздо больше зарегистрированных избирателей, чем за республиканцев. Хотя это и не давало демократам преимущества в плане завоевания Белого дома – в период между выборами 1948 годом и выборами Рональда Рейгана страной правили четыре республиканских президента и три демократических, – благодаря такому большинству демократы контролировали Конгресс начиная с 1952 года. Подобное постоянство приводило к злоупотреблениям – чаще всего речь шла не о серьезной, а мелкой коррупции и, что, вероятно, важнее, о самоуспокоенности и отсутствии внимания к проблемам общества. В результате республиканцы казались альтернативой для тех, кто хотел увидеть у руля более ответственную власть. В частности, на Северо-Востоке США республиканцы нередко позиционировали себя в качестве реформаторов, готовых если не изменить систему радикальным образом, то хорошенько почистить ее.

Короче говоря, с 1948-го и где-то до 1970-х годов обе партии признавали те перемены, которые произошли в процессе «великого сжатия». В существенной мере благодаря Новому курсу сложились политические условия, способствовавшие такому согласию. Прогрессивная система налогообложения ограничивала возможности обогащения на самом верху, а богатые люди были недостаточно сильны политически, чтобы протестовать против этого. Никто не смел посягнуть на программы социального обеспечения и страхования от безработицы, а затем – и на «Медикэр». Сильные профсоюзы получили признание как полноправные игроки на общенациональной сцене.

Этот баланс оказался окончательно нарушен в 1970-е годы, хотя силы, в конечном итоге приведшие к отказу от политики выравнивания доходов, начали формироваться еще в 1960-е. Тогда в экономике ситуация была вполне благополучной, зато американская демократия, судя по всему, начала идти вразнос.

5 ШЕСТИДЕСЯТЫЕ: НЕБЛАГОПОЛУЧНОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ

То было самое хорошее время – но одновременно и самое плохое.

В экономике в 1960-е годы дела шли отлично. В сборнике журналистских зарисовок Тома Вульфа «Банда с насосной станции», вышедшем в 1968 году, говорилось о «чудесной экономике», с которой все кажется легко. Практически по всем параметрам именно такая экономика и существовала в Соединенных Штатах в 1960-е годы. Хаос и беспорядок того времени происходили на фоне самых благополучных материальных условий, какие только имела страна.

Казалось, что в такой экономике работы хватит на всех. Изобилие рабочих мест сопровождалось заработками, высокими как никогда, и к тому же продолжавшими расти от года к году. Трудящиеся, находившиеся в самом низу социальной лестницы, жили гораздо лучше, чем когда-либо с тех пор: минимальная заработная плата, установленная в 1966 году на уровне 1,25 доллара в час, была эквивалентна более чем 8 сегодняшним долларам, что значительно выше нынешнего минимума (5,15 доллара в час). К 1966 году тридцатилетний американец зарабатывал столько же, сколько и его сегодняшний ровесник. Однако к тому времени, когда большой бум выдохся, то есть в начале 1970-х годов, заработная плата у мужчин этого возраста была примерно на 14% выше, чем теперь¹. Правда, доходы семьи были ниже нынешних, так как работало меньше женщин, да и разрыв между оплатой труда женщин и мужчин был заметнее. Поскольку доходы были несколько ниже, чем сейчас, семьи среднего достатка жили в

¹ См.: *Economic Mobility: Is the American Dream Alive and Well?* (Pew Economic Mobility Project, May 2007).

домах поменьше, реже имели две машины и в целом имели немного менее высокий материальный стандарт жизни, чем такие же семьи в наши дни. Тем не менее большинству американцев их образ жизни казался вполне благополучным. Ведь они были гораздо зажиточнее предыдущего поколения, да и к тому же жили в обществе, отличавшемся равенством материальных условий, в обществе, где реже возникали ситуации, в которых кто-либо ощущал свою ущербность. Как доказывают экономисты из Массачусетского технологического института Фрэнк Леви и Питер Темин, подъем доходов, затронувший широкие массы населения, означал, что в реальном исчислении рабочий у станка зарабатывал больше, чем большинство менеджеров из предшествующего поколения.

Поэтому к среднему классу причисляли себя гораздо больше американцев, чем прежде².

² См.: Levy, Frank and Temin, Peter. *Inequality and Institutions in 20th-Century America* (MIT Department of Economics Working Paper, No. 07-17, June 2007).

Беспрецедентными были и материальные гарантии. К 1966 году 80% населения обзавелось медицинской страховкой, тогда как в конце Второй мировой войны ее имели лишь 30% американцев. Несмотря на низкий уровень безработицы трудящиеся, потерявшие свое рабочее место, имели гораздо больше шансов получить выплаты по соответствующей страховке, чем нынешние безработные, причем прежнее страхование возмещало более значительную часть утраченного ими заработка, нежели сейчас. Наконец, как пишут Леви и Темин, рост доходов затронул всех без исключения: даже те уволенные, чья новая работа приносила меньше денег, чем прежняя, спустя несколько лет обнаруживали, что могут приблизиться к прежнему уровню расходов.

Если бы рекламный слоган «Это экономика, дурень!» был справедлив, то Америка стала бы страной массовой политической удовлетворенности. Однако в августе 1966 года, когда в ходе опроса, проведенного «Ассошиэйтед пресс» совместно с исследовательским центром «Ипсос», задавался вопрос: «Рассуждая в целом, готовы ли вы сказать, что ситуация в стране развивается в правильном направлении или же мы сбились с должного курса?»³, только 26% выбрали ответ «в правильном направлении», тогда как 71% опрошенных предпочли сказать: «Мы сбились с курса».

Нет никакого секрета в том, почему они давали такой ответ. Для многих – даже для большинства – американцев удовлетворенность материальным прогрессом омрачалась ощущением распада американского общества. Расцвела преступность; города сотрясали беспорядки; юнцы из обеспеченных семей отрастили волосы, принимали наркотики и вступали в беспорядочные сексуальные связи; по улицам маршировали демонстранты, протестующие против войны во Вьетнаме. Сегодня историки, оглядываясь на бурные события 1960-х годов, могут увидеть в них воплощение самых разных тенденций – мотивы действий погромщиков, радикальных студентов, хиппи и антивоенных активистов средних лет были, конечно, неодинаковыми. И все же у всеобщего ощущения разразившегося хаоса было реальное основание.

На выборах 1966 года избиратели выразили свою тревогу, резко увеличив представительство республиканцев в Конгрессе. В Калифорнии губернатором стал Рональд Рейган – бывший актер, переквалифицировавшийся в политики. В ходе избирательной кампании он выступал против махинаций с социальными выплатами, намеревался призвать к ответу городских погромщиков и длинноволосых студентов, а также категорически высказывался против законодательства о «справедливых условиях» предоставления жилья.

В 1966 году Республиканская партия отличалась большей умеренностью, чем сейчас. Консервативное движение – предмет моего внимания в следующей главе – уже существовало (в 1964 году ему удалось выдвинуть Барри Голдуотера кандидатом на пост президента), но оно еще не захватило контроль над партией. Рональд Рейган еще не был рьяным поборником сокращения налогов, а Ричард Никсон правил фактически как либерал. При нем социальные выплаты индексировались по мере роста инфляции, был учреждена крупная программа дополнительных страховых выплат для пожилых инвалидов, расширилось государственное регулирование безопасности труда и охраны окружающей среды и даже имела место попытка ввести всеобщее медицинское страхование.

И все же семена последующего доминирования консервативного движения были посеяны в 1960-е годы, если точнее – между 1964 годом, когда Линдон Джонсон нанес сокрушительное поражение Барри Голдуотеру, и 1972-м, когда Ричард Никсон с еще большим преимуществом победил Джорджа Макговерна.

То были годы эскалации конфликта во Вьетнаме и крупных военных потерь, когда Америку раздирали вопросы войны и мира. Вьетнам, без всякого сомнения, был главным вопросом того времени. Если бы не Вьетнам, Линдон Джонсон почти наверняка выдвинул бы свою кандидатуру на полный второй срок, демонстранты и полиция не вели бы заранее подготовленных батальонов перед зданием, где проходил съезд Демократической партии в Чикаго, а Никсон так и не попал бы в Белый дом.

Однако долговременное воздействие вьетнамской войны на американскую политику было меньшим, чем можно себе представить. Принято считать, что внутренние разногласия по вьетнамской проблеме нанесли значительный вред Демократической партии. В результате их она оказалась обречена на постоянную ущербность в вопросах национальной безопасности. Однако это распространенное мнение страдает преувеличением. Война почти не отразилась на господствующих позициях демократов в Конгрессе США. Что же касается точки зрения о слабости демократов в вопросах национальной безопасности, то Никсону действительно удавалось изобразить Джорджа Макговерна человеком нетвердым в данном отношении. Однако еще довольно долго не было явных свидетельств того, что и Демократическую партию в целом американский избиратель рассматривал под тем же углом зрения. На самом деле имидж нерешительных людей закрепился за демократами только в 1980-е годы, после чего в процессе переписывания истории был спроецирован на прошлое.

Фактически в 1960-е годы республиканцы в своем стремлении побеждать на выборах стали активно эксплуатировать возникавшие у американцев обиды и страхи культурного происхождения. Они сумели воспользоваться к своей выгоде и негативным отношением белого населения к движению за гражданские права темнокожих и его последствиям. Позднее эта стратегия позволила консервативному движению завоевать Белый дом и взять под контроль Конгресс.

Поэтому давайте начнем с того момента, который в долговременной перспективе оказалось самым значимым: с решения Линдона Джонсона выступить в защиту гражданских прав афроамериканцев.

Гражданские права и отступничество Юга

Как человеку, чьи корни уходят в почву Юга, мне хорошо известно, насколько сложны расовые отношения. Я знаю, как трудно изменить подходы к этому вопросу и структуру нашего общества. Прошел уже целый век – более ста лет – с тех пор, как негров избавили от рабства. Однако они и сегодня не вполне свободны. Более столетия тому назад Авраам Линкольн – великий президент, представлявший другую партию, – подписал Декларацию об освобождении рабов. Но освобождение осталось лишь декларацией, оно не стало явью.

Прошел век – более ста лет – с тех пор, как неграм было обещано равенство, но они по-прежнему не равны белым. Век прошел со дня, когда было дано обещание, которое так и не исполнено. Пришло время восстановить справедливость.

Так говорил Линдон Джонсон в марте 1965 года, объявляя о своем твердом намерении добиться принятия Акта об избирательных правах. Его заявление прозвучало через неделю после того, как полиция жестоко разогнала участников марша за избирательные права в городе Сельма (штат Алабама).

Решение Джонсона покончить с фактическим лишением афроамериканского населения права голоса стало кульминацией того процесса внутри Демократической партии, который длился почти двадцать лет. Начало ему было положено в 1947 году, когда Гарри Трумэн создал комиссию по гражданским правам, перед которой была поставлена задача разработать законодательство, защищающее темнокожих от дискриминации. Как и большинство добрых дел в политике, этот шаг Трумэна не был лишен определенного расчета. Трумэн полагал, что, получив голоса темнокожих избирателей в северных городах, он добьется победы на выборах 1948 года. Его расчет оправдался. Однако включение вопроса о гражданских правах в избирательную платформу Демократической партии привело к выходу из демократической коалиции делегатов южных штатов и выдвижению в качестве третьего кандидата на президентский пост губернатора Южной Каролины Строма Тэрмонда, выступавшего за сегрегацию.

Если отбросить в сторону политические калькуляции, представляется неизбежным, что партия, проводившая Новый курс, со временем должна была выступить за гражданские права афроамериканцев. Новый курс – либеральное движение. Как и либеральному движению XIX века, ему требовалась поддержка темнокожего населения, которое больше всех выиграло от равенства в распределении доходов. Такой перелом стимулировала Вторая мировая война. И дело было не только в том, что афроамериканцы воевали за Америку. Разоблачение преступлений нацистов также поспособствовало тому, что открытый расизм стал неприемлемым. После съезда Демократической партии в 1948 году Трумэн распорядился об отмене сегрегации в армии. За Второй мировой последовала «холодная война», в которой Советский Союз стремился предстать проводником идеи всеобщего равенства. Поэтому Трумэн, как и многие другие американцы, посчитал, что важно покончить с долгими годами сегрегации и дискриминации, чтобы вернуться на позиции высокой нравственности.

Сегодня вряд ли кто-то из политиков, как на Севере, так и на Юге, решился бы публично оспорить чувства, которые выразил Джонсон, представляя Акт о гражданских правах. (Конечно, глубоко в душе некоторые верят, как следует из внезапной тирады Трента Лотта в его панегирике в адрес Строма Тэрмонда, произнесенном в 2002 году, что если бы этот ревностный приверженец сегрегации был избран президентом в 1948 году, у нас вообще не было «всех этих проблем».) Спустя сорок лет борцы за свободу темнокожих считаются героями, а Мартин Лютер Кинг стал почитаемой иконой, символом всего наилучшего в американском национальном характере. Между тем в 1960-е годы многие белые американцы воспринимали движение за гражданские права негров как нечто тревожное и опасное.

Отчасти это объяснялось тем, что многие американцы по-прежнему были приверженцами сегрегации. С 1964-го по 1978 год в рамках опроса по исследованию общенациональных выборов в США людей спрашивали, выступают ли они за «десегрегацию, жесткую сегрегацию либо нечто промежуточное». В 1964 году целых 23% опрошенных отвечали, как и встарь, что отдают предпочтение «жесткой сегрегации» – при 32% за десегрегацию.

Большинство откровенных сторонников сегрегации составляли южане. Но и на Севере, где жесткая сегрегация не встречала такой поддержки, ощущался страх перед переменами, которые несло с собой движение за гражданские права темнокожих. На протяжении 1960-х годов более 60% избирателей были согласны с мнением, что его активисты хотят продвинуться слишком далеко и слишком быстро. Такая реакция отчасти провоцировалась тем, что со временем список целей движения расширился. Первоначально речь шла только об аннулировании законов Джима Кроу – открытого, вопиющего лишения темнокожего населения Америки избирательных прав и порой насильственно насаждаемого его униженного положения в южных штатах. Из-за своей грубости и жестокости эти законы в конечном счете стали легкой мишенью для реформаторов. Симпатии страны оказались на стороне тех, кто проводил демонстрации в поддержку гражданских прав темнокожих. Нацию возмущало злобное сопротивление южных расистов. Между тем для отмены законов Джима Кроу требовалось всего лишь объявить нелегитимными официальные институты расовой сегрегации, насаждавшиеся властями южных штатов.

Однако даже тогда, когда с официальными институтами апартеида на Юге было покончено, неформальная практика дискриминации и сегрегации сохранялась. В отличие от первых, она существовала по всей стране. Поскольку активисты движения за гражданские права хотели изменить такую практику, характер противостояния изменился. С точки зрения многих белых, живших на Севере, одно дело – объявить, что нельзя открыто содержать отдельные школы для белых и черных детей, но совсем другое – изменить границы школьных округов и перевозить детей на автобусах, чтобы покончить с реальным разделением. Таким же точно образом многие белые, которые жили не на Юге, считали справедливыми законы, согласно которым власти штатов не имели права отказывать негритянскому населению в социальных услугах. Одновременно те же люди не считали разумными законы, предусматривавшие наказание за проявление расовой дискриминации со стороны домовладельцев при продаже домов. Активисты движения за гражданские права полагали, что фактические сегрегация и дискриминация – которые, несмотря на утверждения, будто

это добровольный выбор, нередко на деле поддерживались угрозами применения силы – мешают прогрессу не меньше, чем законы Джима Кроу. Однако, пытаясь исправить ситуацию, движение наживало себе все новых противников.

Это заметили предприимчивые консервативные политики. Рональд Рейган выступил против Акта о гражданских правах и Акта об избирательных правах, назвав последний «унижением Юга». Борясь за пост губернатора Калифорнии, он, в частности, обещал отменить Акт о справедливых условиях предоставления жилья. «Если человек намерен дискриминировать темнокожих либо кого-либо еще при продаже или сдаче в аренду собственного дома, – говорил Рейган, – у него есть право так поступать».

Помимо прочего, общественное восприятие движения за гражданские права оказалось увязано с нарастающей волной беспорядков в городах – эта связь придала уверенности тем, кто сопротивлялся дальнейшему прогрессу в обеспечении гражданских прав темнокожих, и повысила их напор.

Городские беспорядки

В октябре 1967 года Ричард Никсон опубликовал известную статью в «Ридерс дайджест» под названием «Что случилось с Америкой?».

³ Обзор основных идей этой статьи представлен на: http://www.wadsworth.com/history_d/templates/student_resources/053460-7411/sources/old/ch29/29.4.nixon.html.

На самом деле ее автором был Пэт Бьюкенен, в ней были описаны все неприятности страны и утверждалось, будто всему виной попустительство либералов³.

«Всего три года назад, – говорилось в начале статьи, – американцы, казалось бы, завершали величайшее десятилетие прогресса в расовых взаимоотношениях». Теперь мы очутились в ряду «самых незаконных и наиболее подверженных насилию среди свободных народов». Городские беспорядки – это «на сегодняшний день самый опасный симптом иного и в какой-то степени еще более страшного национального заболевания Америки, а именно – упадка уважения к государственной власти и верховенству закона».

Виновниками этого, конечно же, назывались либералы.

Шокирующая преступность и нарушения общественного порядка в сегодняшних Соединенных Штатах в существенной мере вызваны двумя глубокими изменениями во взглядах американцев. Во-первых, налицо опасная снисходительность к нарушению закона и порядка со стороны тех, кто разделяет взгляды нарушителей. Во-вторых, дело доходит до поощрения преступности под предлогом сочувствия к прошлым страданиям тех, кто преступил закон. Наши судьи зашли слишком далеко в ослаблении сил общественного порядка перед лицом криминала. Лидеры общественного мнения много себе позволяют, муссируя доктрину, согласно которой при нарушении закона виновно общество, а не сам преступник.

Никсон и Бьюкенен знали, что делали. Согласно ставшему популярным в 1960-е годы определению, консерватор – это бывший либерал, которого преступник схватил за горло. Сегодня криминал не является острой политической проблемой: в 1990-е годы показатели преступности снизились, причем больше всего они упали в Нью-Йорке, некогда считавшемся средоточием всех грехов американского общества. Однако в 1960-е годы требование законности и порядка эффективнее всего объединяло консерваторов.

Причина, по которой американцы считали, что закон и порядок пришли в упадок, крылась в том, что именно так и обстояло дело. С 1957-го по 1970 год преступность выросла втрое. Количество деяний, которые в «Исторической статистике Соединенных Штатов» определяются как «хищение или завладение чего-либо, находящегося в распоряжении, на хранении или под контролем у некоего лица, с использованием насилия или угроз», иными словами – как уличный грабеж, увеличилось более чем в четыре раза.

Чем был вызван такой взрыв преступности? Проблема в том, что мы почти не знаем, отчего вообще она растет или падает. Об этом свидетельствует, в частности, неспособность специалистов предсказать серьезные скачки в криминальной активности. В 1960-е годы взрыв преступности оказался неожиданностью для либералов, поскольку пошли прахом их надежды на то, что социальная справедливость будет вознаграждена добропорядочным поведением членов общества. То же самое относится и к ослаблению преступности в 1990-е годы, поставившему в тупик консерваторов, считавших, что снизить ее невозможно без возврата к тра-

⁴ См.: Levitt, Steven. «Understanding Why Crime Fell in the 1990s» in: *Journal of Economic Perspectives* 18, no. 1 (2004), pp. 163–190.

диционным общественным ценностям. Как отмечал Стивен Левит из Чикагского университета, в 1990-е годы «снижение уровня криминальной активности произошло столь неожиданно, что это явление еще довольно долго считалось чисто временным либо вообще иллюзорным»⁴.

Наиболее точное объяснение великого подъема криминальной волны указывает на демографические факторы. После Второй мировой войны миллионы темнокожих покинули сельские районы Юга и переселились в города северных штатов. Как и многие белые, они имели многодетные семьи. Этот бум рождаемости обернулся тем, что в городах произошло резкое увеличение численности молодых мужчин, особенно из числа афроамериканцев. Разумеется, реальный рост преступности был значительно более существенным, чем рост численности наиболее подверженных ей демографических групп. Тут, возможно, имел место своего рода мультипликационный эффект, поскольку демографический взрыв опередил возможности общественного контроля за ним. Рост числа парней, склонных к криминальному поведению, породил опасные нормы взаимоотношений. К тому же увеличение численности людей, готовых совершить преступление, не сопровождался достаточным ростом ни сил полиции, которая пресекала бы противоправные деяния, ни вместимости тюрем, в которых преступников можно было изолировать от общества. В 1960-е годы количество заключенных в тюрьмах осталось почти неизменным, а преступность процветала – здесь мы видим резкий контраст с 1990-ми годами, когда число заключенных росло, а уровень преступности снижался.

Сказывались и другие факторы. Одним из них была нехватка рабочих мест в центральных городских кварталах. Миллионы темнокожих с Юга перебрались в города Севера в поисках работы на крупных предприятиях – в 1940-е и 1950-е годы там было немало рабочих мест, образовавшихся благодаря экономическому подъему военных лет и последовавшему за ним потребительскому буму мирного времени. Однако в 1960-е те же города превратились в экономическую ловушку. Благодаря изменениям в технологиях производства и транспортировки промышленность стала расползаться из

густонаселенных индустриальных городских районов по пригородам. Поэтому в центральных кварталах, где обитали темнокожие, стало трудно найти работу. В то же время афроамериканское население оставалось запертым в этих кварталах из-за сегрегации и отсутствия денег на покупку автомобиля. Результатом стала высокая безработица среди них – хотя экономика в целом процветала⁵.

Отсутствие работы в городах, о чем писал социолог Уильям Джулиус Уилсон, работало на формирование новой культуры – деструктивной. По словам Уилсона, то, что десегрегация была начата извращенным образом, лишь усугубило проблему, поскольку темнокожие, относившиеся к среднему классу, воспользовались смягчением дискриминации в жилищной сфере и вырвались из городских гетто. Оставшиеся там жители оказались изолированы от остального общества одновременно по классовому и по расовому признакам.

Какими бы ни были причины роста преступности в 1960-е годы, люди видели, что законность и порядок находятся под угрозой. Многие вполне созрели для того, чтобы вслед за Никсоном обвинить в происходящем якобы мягкотелых либералов. Информации, которая подтверждала бы, что, скажем, не отсутствие мест в тюрьмах или недостаточные возможности по обеспечению темнокожих работой, а именно попустительство было главной фактором резкого подъема волны преступности, нет. Однако общественное мнение, столкнувшись с ростом числа преступлений как раз в тот момент, когда страна намеревалась начать исправлять былые несправедливости, связало эти два обстоятельства.

В общественном сознании озабоченность преступностью неразрывно переплелась с опасениями перед размахом насилия в городах.

Период городских бунтов начался с мятежа в Гарлеме в 1964 году и длился чуть менее четырех лет. Оговоримся, что мятежи случались и после 1968 года, скажем бунт в Лос-Анджелесе в 1992 году, который был спровоцирован избиением полицейскими Родни Кинга. Однако они не воспринимались как часть общенациональ-

⁵ Этот феномен впервые был отмечен Джоном Кэйнсом (см.: Kain, John F. «Housing Segregation, Negro Employment, and Metropolitan Decentralization» in: *Quarterly Journal of Economics* 82 (1968), pp. 175–197), хотя его финансируемое статистическое подтверждение было предложено только после 1970 года.

ных волнений, тогда как непосредственно в период бунтов казалось, что запылала вся городская Америка.

Причины подъема и спада городских бунтов остаются столь же неясными, как и волны преступности. Многие, вероятно даже большинство мятежей были спровоцированы жестокостью полиции. Мятеж в Гарлеме в 1964 году начался после того, как полицейский застрелил пятнадцатилетнего темнокожего подростка. Во время мятежей полиция нередко впадала в неистовство. Но в целом в полицейских зверствах против темнокожих не было ничего нового. Так почему же в течение четырех лет подобные акты насилия провоцировали крупные мятежи?

Социологи выяснили, что бунты чаще всего вспыхивали в городах северных штатов, имевших многочисленное афроамериканское население. Отсутствие мятежей на Юге, насколько можно предположить, свидетельствовало о более суровом социальном контроле. Если выражаться откровеннее, на Юге темнокожие были слишком запуганы, чтобы бунтовать. В городах Севера репрессии не носили тотального характера. Одновременно благодаря масштабной послевоенной миграции там во многих случаях образовалось многочисленное афроамериканское население, в составе которого постоянно росла доля молодежи, никогда не жившей на Юге. Это были примерно те же демографические факторы, которые подпитывали рост преступности. Они сочетались с жуткими условиями жизни в городских трущобах, что и создавало питательную среду для насилия в ответ на жестокость, с которой в прежних обстоятельствах темнокожие мирились.

Имело ли движение за гражданские права какую-то связь с бунтами в городах? Как следует из доклада Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам, который обычно называют Комиссией Кернера, скорее всего – имело. «Белый расизм, – говорилось в докладе, – несет немалую долю ответственности за ту взрывоопасную смесь, которая скопилась в наших городах после окончания Второй мировой войны». Правда, возлагая в конечном счете всю вину на белых расистов, авторы доклада подошли к мысли, будто непосредственные причины бунтов коренились в ожиданиях, которые будило движение за гражданские права темнокожих.

Несбывшиеся надежды – результат невыполненных обещаний, связанных с важными судебными и законодательными успехами

движения за гражданские права, а также драматичной борьбой за равенство на Юге.

Обстановка, которая подталкивает к оправданию и поощрению насилия как формы протеста, обусловлена террором белых, направленным против ненасильственного протеста; открытым игнорированием законов и федерального центра со стороны властей штатов и местных чиновников, сопротивляющихся десегрегации; а также протестными группами, участвовавшими в актах гражданского неповиновения, которые разочаровались в ненасильственных формах борьбы и, выходя за рамки конституционно защищенных прав на обращение с прошением и на свободу собраний, прибегают к силе, чтобы добиться изменения законов и политического курса, с которыми они не согласны.

Отчаяние от своего бессилия убеждало многих темнокожих, что добиться изменения системы можно только насильственным путем. Это отчаяние дает знать о себе в отчужденности и враждебности по отношению к политическим институтам и правительству, а также к белой общине, которая держит их под контролем. Оно же воплотилось в культивировании расового сознания и солидарности под лозунгом «Черная сила».

Эти новые настроения распространились среди темнокожих американцев, особенно молодых. Их самосознание и возросшая расовая гордость пришли на смену бездействию и подчинению существующей системе.

Доклад Комиссии Кернера смутил Линдона Джонсона. По его мнению, такие выводы могли быть на руку только консерваторам. Обвинения в адрес белых расистов, вне зависимости от степени их справедливости, не помогали завоевать голоса белых. Предположения, будто попытка ослабления расизма скорее всего и стала непосредственной причиной вспышки насилия, никак не способствовали проведению дальнейших реформ. Выводы доклада укрепляли позиции тех, кто с самого начала не приветствовал движение за гражданские права темнокожих, и конечно были на руку в первую очередь Никсону.

Между тем в головах белых избирателей преступления и бунты сошлись вместе с еще одним широко обсуждавшимся показателем упадка бывшей Америки: с растущей зависимостью от социальной помощи.

Стремительный рост социальных расходов

После смерти Рональда Рейгана в 2004 году его стали превозносить как милого, добродушного дядюшку, преданного делу свободы и прославившегося в первую очередь своей победой над советской «империей зла», а также неустанной заботой о снижении налогов. Однако Рейган, ставший губернатором Калифорнии в 1966 году, был совершенно иным человеком. Он служил выразителем позиции белых избирателей, которые ненавидели бездельников, живущих за счет государственный социальной поддержки. В своей автобиографии Рейган так описывал общественные группы, подтолкнувшие его к борьбе за губернаторское кресло в 1966 году:

Люди устали от затратных правительственных программ и жуликов, живущих на социальные пособия. Нас уже выводит из себя

⁶ Reagan, Ronald. *An American Life*, New York: Simon & Schuster, 1990, p. 147.

постоянный рост налогов и правительственного регулирования, надменные бюрократы и государственные чиновники, которые исходят из

предположения, что все человеческие проблемы решаемы, если потратить побольше долларов, отобранных у налогоплательщиков⁶.

Картина понятна: жулики от государства благосостояния вздувают налогообложение приличных людей. Неважно, что это не соответствовало истине, по крайней мере в сколько-нибудь значительной степени. Например, программа помощи семьям с несо-

⁷ В 1970 году, после десяти лет стремительного роста, выплаты семьям, воспитывавшим несовершеннолетних детей, составляли 4,9 миллиарда долларов против 39 миллиардов долларов, которые выплачивались по линии социального страхования (данные Social Security Administration: <http://www.ssa.gov/policy/docs/statcomps/supplement/2005/9g.html>).

вершеннолетними детьми, которая особенно часто подразумевалась теми, кто критиковал систему социальных льгот, никогда не требовала от правительства больших затрат⁷, а жульничество не было серьезной проблемой. (В последующие годы Рейган неоднократно вспоми-

нал одну и ту же сильно преувеличенную историю о некоей чикагской «королеве государственной благотворительности», которая

якобы ездил на «Кадиллаке», приобретенном на социальное пособие.) Однако то, что списки льготников росли, соответствовало действительности. К 1966 году пособия и выплаты получали вдвое больше американцев, чем десятью годами ранее. И это было только начало: списки льготников вновь больше чем удвоились во время «взрыва благотворительности» конца 1960-х – начала 1970-х годов⁸. Кстати, Рейгану даже и не нужно было никому напоминать, что существенную часть людей в этих списках составляли темнокожие.

Чем же был вызван интенсивный рост государства благосостояния? Как писали наиболее авторитетные средства массовой информации, причина состояла всего лишь в изменении отношения людей к нему. В одном из номеров журнала «Тайм» за 1970 год можно было прочесть следующее:

В Вашингтоне это называют «синдромом благотворительности». В основном из-за таких групп, как Национальная организация за социальные права, которая теперь обзавелась местными отделениями во всех пятидесяти штатах, бедные более не считают зазорным протянуть руку за пособием. Десятки тысяч людей, некогда слишком робких или стыдливых, чтобы получать подачки от государства, в наши дни все смелее стучатся в двери местных бюро социального обеспечения, требуя выплат, на которые, как они теперь думают, у них есть полное право⁹.

Спустя тридцать лет известный журналист и ученый Микки Кос открытым текстом выразился насчет того, что же именно изменилось: «До “всплеска благотворительности” конца 1960-х годов многим темнокожим беднякам препятствовали в получении пособий или отговаривали за ними обращаться»¹⁰.

Таким образом, можно предположить, что «всплеск благотворительности» стал побочным результатом действий борцов за гражданские права афроамериканцев. Как и рост преступности, он был

⁸ По данным Social Security Administration: <http://www.ssa.gov/policy/docs/statcomps/supplement/2005/9g.html>.

⁹ *Time*, 1970, 23 November.

¹⁰ Kaus, Mickey. «The Ending of the Black Underclass», на сайте www.slate.com (<http://www.slate.com/id/1003938>) от 3 ноября 1999 года.

спровоцирован также и переносом промышленных предприятий из центра в пригороды, что оставляло городским темнокожим мало шансов честно заработать себе на жизнь. Понятно, что каковы бы ни были подлинные причины расширения списков получателей государственных пособий, оно неизбежно усугубляло неприятие многими американцами «надменных бюрократов» (как аттестовал их Рейган), отнимающих у трудяг заработанные ими в поте лица деньги, и отдающих их тем, кто этого не заслуживает. Отметим, что если сам Рейган клеймил бедняков как нечестивцев и «мошенников от благотворительности», указывая лишь на их природную лень, то многие его сторонники исходили из определения по цвету кожи.

Итак, главным мотивом была расовая неприязнь. Но только ли ею вызывалось резко негативное восприятие «государства благосостояния»?

Секс и наркотики с рок-н-роллом

О, Лето любви! Для американцев определенного возраста – представителей поколения послевоенного бэби-бума, вспоминающих свою молодость или, быть может, ту молодость, о которой они мечтали, – 1960-е годы сейчас обрели ностальгический налет. Однако тогда реакцией большинства на возникновение альтернативной культуры были ужас и ожесточение, а вовсе не восхищение.

В чем причины ее появления? Доподлинно они никому не известны, но есть некоторые факты. Упомянувшаяся нами «чуждая экономика» сыграла, разумеется, свою роль, поскольку «ощущение легкости бытия» порождало надежду, будто за эксперименты с альтернативным образом жизни не придется серьезно расплачиваться. Казалось, что от него в любой момент можно отказаться и найти постоянную работу. В сущности, остается лишь удивляться, почему рецессия 1969–1971 годов при Никсоне, когда безработица поднялась с 3,5 до 6%, не повлияла на спад движения хиппи сильнее, нежели трагические события на концерте «Роллинг стоунз» в городке Альгамонте (штат Калифорния).

Кроме того, не исключено, что привычка к экономическому благополучию вызывала к нему пренебрежение. Если старшее поколение было довольно жизнью, радуясь возможности существо-

вать по меркам среднего класса, то молодежь видела вокруг себя лишь всевластие денег. В фильме 1967 года «Выпускник» главный герой Бенджамин, которого играет Дастин Хофман, ужасается, постоянно слыша слова друга своего отца: «Все одно – пластмасса». Пытаясь донести до отца свои тревоги, Бенджамин говорит, что хочет иного будущего.

Как и со многим другим, что происходило в 1960-е годы, большую роль сыграла демография. Альтернативная культура появилась примерно в 1964 году, когда родившиеся на пике послевоенной рождаемости достигли возраста поступления в колледжи. Сама по себе их многочисленность помогала им отвергать культурные нормы отцов. Произошли и технологические изменения – контрацепция облегчила сексуальные эксперименты в большей степени, чем когда-либо прежде в истории. Кроме того, не исключено, что приверженность молодежи 1960-х альтернативным ценностям объяснялась и тем, что они стали первым поколением, выросшим у постоянно включенного экрана телевизора и подвергшимся массивной обработке видеосюжетами и рекламой. Последняя, будучи направленной на стимулирование продажи товаров, попутно подрывала традиционные ценности.

Неповиновение молодежи испугало и разгневало многих американцев – в том числе и Рональда Рейгана. В ходе кампании по выборам губернатора Калифорнии он обещал рассмотреть обвинения в коммунистической пропаганде и вопиющем сексуальном разврате в университетском кампусе в Беркли, разглагольствовал об «orgiaх настолько омерзительных, что их невозможно описать», и даже заявил как-то, что у него-де есть данные, будто прокурор округа Аламеда расследовал эпизод со студенческими танцами, перешедшими в «полный разврат». Будто бы там на огромном экране проецировались «изображения обнаженных мужчин и женщин в чувственных позах, провокационно ласкающих друг друга». На самом деле подобного расследования не было и в помине – как и «королева благотворительности» с «Кадиллаком», грязные танцы в данном случае были плодом воображения самого Рейгана.

Сейчас все это звучит смешно. Коммунизм и сексуальная распущенность – воистину собрание всех ужасов! Практически невозможно не увлечься психоанализом: отчего это будущего президен-

та так волновало поведение студентов в Беркли? Но у американцев среднего класса изменение общественных норм в 1960-е годы и впрямь вызывало беспокойство. С одной стороны, они боялись грабежей – многие лично столкнулись с ними в городах, вдруг ставших опасными. С другой стороны, они не хотели, чтобы их собственные дети, как говорится, подзарядились, возбудились и отрубались. Увы, и такое случалось нередко.

Моя книга в первую очередь посвящена экономической политике, поэтому возникает вопрос: оказало ли на нее сильное и долговременное влияние культурное восстание молодежи? Серьезных данных, которые подтверждали бы, что это сильно отразилось на предпочтениях избирателей, нет. Большинство американцев не одобряло развлечений своих деток, но лишь немногие считали это серьезной угрозой. Например, в опросе службы Харриса спрашивалось: «Полагаете ли Вы, что хиппи действительно составляют угрозу обществу, или, по Вашему мнению, они не приносят осо-

бого вреда?» Лишь 22% выбрали ответ, что хиппи – реальная угроза. Столько же людей в ходе опроса заявили, что не видят в них особой опасности. В то же время 55% вы-

¹¹ См. опрос общественного мнения службой Харриса, проведенный в январе 1971 года (http://www.gopcenter.uconn.edu/data_access/ipoll/ipoll.html).

брали ответ, что хиппи в основном вредят самим себе¹¹.

Возможно, еще более показательным, чем результаты опросов, было поведение политиков. Они с удовольствием манипулировали общественным беспокойством по поводу того, что происходит с Америкой. Чтение речей Ричарда Никсона и его вице-президента Спиро Агню, отличавшегося бульдожьей хваткой, заставляет удивляться, как мало, в сущности, они уделяли внимания опасениям социокультурного свойства. Даже в речи Никсона 1969 года по поводу «молчаливого большинства», о которой часто говорят, будто она преследовала цель противопоставить хиппи с их альтернативной культурой «нормальным американцам», на самом деле имелись в виду не культурные конфликты в широком смысле, а толь-

ко демонстрации против войны во Вьетнаме¹².

Тем не менее пример Рейгана наводит на мысль, что молодежный

¹² Эту речь президента Р. Никсона можно прочесть на сайте: <http://www.watergate.info/nixon/silent-majority-speech-1969.shtml>.

бунт серьезно беспокоил некоторых американцев по причинам, в которых они, вероятно, не сознавались даже самим себе. Кстати, болезненный интерес к чужой сексуальной жизни стал характерной чертой консервативного движения – фактически главным источником его, с позволения сказать, страстности.

Вьетнам

Линдон Джонсон не хотел войны. Его обращение к нации 1967 года привлекает внимание своим скорбным тоном и отсутствием всякой напыщенности. «Чтобы описать наш нынешний курс, нет лучше слов, – декларировал он, – чем те, что некогда произнес великий Томас Джефферсон: “Таков печальный закон человеческих обществ, что приходится иногда выбирать большое зло, чтобы избежать зла еще большего”... Мне бы хотелось отчитаться перед вами о близком окончании войны. Но сделать это я не имею возможности. Нам предстоят новые затраты, новые потери и новые страдания. Конец еще далеко».

Итак, Джонсон и вся страна увязли в войне. Это раскололо нацию, причем в таких формах, с какими мы вновь столкнулись в наши дни. Проходили грандиозные демонстрации, порой их разгоняли силой. Некоторые молодые американцы стали радикалами до такой степени, что увлеклись фантазиями о насильственном перевороте. Тем временем Ричард Никсон использовал военный мотив, чтобы попасть в Белый дом. Его победа стала возможной потому, что Джонсон, увязнув в войне, предпочел не выдвигать свою кандидатуру.

Конечно, в те годы вьетнамская авантюра перекроила американскую политику – по крайней мере, так можно было подумать. Но если присмотреться к фактам, то убедительно доказать, что Вьетнам стал неким поворотным пунктом, очень сложно. Для того чтобы война сыграла решающую роль, нужно было, чтобы либо антивоенное движение, либо реакция на него, либо они оба вместе, превратились в устойчивую политическую силу, продолжая влиять на политическую борьбу и выборы в США даже после того, как война завершилась.

Однако антивоенное движение, столь массовое в 1960-е и в начале 1970-х годов, с поразительной скоростью сошло со сцены,

как только в 1973 году прекратился призыв на военную службу, а большая часть американских войск была выведена из Вьетнама. Антивоенные активисты отвлеклись на что-то другое, а левые радикалы так и не приобрели серьезного политического влияния. В то же время и Никсону не удалось использовать негативную реакцию против военного движения для крупных побед в Конгрессе. Сложился живучий миф, будто Вьетнам нанес поражение демократам. Такому мнению, однако, противоречат данные о контроле над Конгрессом в годы вьетнамской войны, которые приведены в Таблице 4. Даже в 1972 году, когда Никсон с большим перевесом победил Макговерна, демократы легко сохранили большинство в Палате представителей и упрочили свое лидерство в Сенате. А те недостойные приемы, к которым прибег Никсон, чтобы обеспечить себе победу в 1972 году, обернулись Уотергейтским скандалом и резким укреплением электро- ральных позиций демократов.

Таблица 4

**Устойчивость демократического большинства
в Конгрессе США**

Конгресс		Представительство демократов	
		Сенат	Палата представителей
90-й созыв,	1967–1968 годы	64	248
91-й созыв,	1969–1970 годы	58	243
92-й созыв,	1971–1972 годы	54	255
93-й созыв,	1973–1974 годы	56	242
94-й созыв,	1975–1976 годы	61	291

Источник: www.library.unt.edu/govinfo/usfed/years

Помимо прочего, вся имеющаяся у нас информация не подтверждает, что в первые годы по завершении вьетнамской войны

в массовом восприятии демократы считались слабаками в вопросах национальной безопасности. Опросы, которые проводились со времени падения Сайгона и до начала кризиса с американскими заложниками в Иране, указывают на примерный паритет между партиями в вопросах национальной безопасности, а не якобы беспорное преимущество республиканцев. Например, на сайте Центра Роупера можно обнаружить два опроса службы Харриса за 1978 год и один опрос Республиканского национального комитета за 1979-й по теме «Республиканцы и армия» в период с 1975-го по 1979 год. Ни один из них не показывает серьезного превосходства республиканцев в вопросе о том, какая из партий заслуживает большего доверия в сфере военной безопасности.

В конце концов демократы все же сдали позиции, и пришло время, когда республиканцы со всей убедительностью стали утверждать, будто во Вьетнаме американской армии воткнули нож в спину – лишь бы только изобразить демократов ненадежными в вопросах национальной безопасности. Реальность же вьетнамской войны имела со всем этим мало общего.

Что осталось от шестидесятых

Шестидесятые годы были временем хиппи и студентов-радикалов, избиения длинноволосых юнцов полицейскими в касках, войны и протеста. Было бы глупо утверждать, что все это не имело значения. Но все события такого рода играли в лучшем случае незначительную непосредственную роль в закладывании основ для тех изменений, которые произошли в экономической политике США в последующие тридцать лет. Косвенным образом они, вероятно, сказались более заметно: уроки, усвоенные республиканцами на предмет того, как пользоваться культурной реакцией общества, еще послужат консервативному движению в будущие десятилетия, хотя источники раздражения сдвинулись от хиппи и преступности к абортам и гомосексуальным бракам.

В долгосрочной перспективе самым важным стал раскол коалиции Нового курса по расовым вопросам. После принятия Акта о гражданских правах Джонсон сказал своему помощнику Биллу Мойеру: «Я думаю, мы только что преподнесли весь Юг

Республиканской партии до конца моей жизни, да и Вашей тоже». Он был прав: в своей победе в 2006 году на выборах в Конгресс демократы завоевали Северо-Восток

с преимуществом 28 процентных пунктов, Запад – 11 процентных пунктов, Средний Запад – 5 про-

¹³ См.: Klinkner, Philip and Schaller, Thomas. «A Regional Analysis of the 2006 Election» in: *Forum* 4, no. 3 (2006).

центных пунктов, но уступили республиканцам на Юге целых 6 пунктов¹³.

Этот разрыв дал шанс принципиально иному курсу. Изменение подхода к расовой проблеме возродило консервативное движение, конечная цель которого состояла в том, чтобы повернуть вспять достижения Нового курса, победив на выборах, – хотя оно выступало за политические решения в интересах узкого элитного слоя, а не американцев со средними и низкими доходами.

Однако, прежде чем консервативное движение стало выигрывать выборы, ему нужно было создать себе институциональную базу и «перехватить власть» внутри Республиканской партии. Как оно этого добилось, рассмотрим в следующей главе.

6 КОНСЕРВАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Пока Дуайт Эйзенхауэр рассуждал о преимуществах умеренного республиканизма, стали проявляться ростки совсем иного консерватизма. В отличие от выступавших сначала против Ф.Д. Рузвельта, а затем Д. Эйзенхауэра консерваторов типа Маккинли – то есть пожилых сварливых людей традиционной закалки – «новые консерваторы», как их назвали впоследствии, были молоды, напористы и умели работать со средствами массовой информации. Сами они выдавали себя за аутсайдеров, бросавших вызов истеблишменту, однако с самого начала имели солидное финансирование.

Первым возвестил об их приходе Уильям Бакли. Общественную известность ему принесла книга 1951 года под названием «Бог и человек в Йеле». В ней он порицал Йельский университет за то, что там привечали профессоров, враждебно или, как минимум, скептически относившихся к христианству, – не говоря уж о том, что там преподавали экономику по Кейнсу. В 1955 году Бакли основал журнал «Нэшнл ревью».

Есть смысл полистать первые номера этого издания, чтобы уловить, как изъяснялись участники консервативного движения до того, как выработали свой особый язык. Сегодня лидеры американских правых сильно преуспели в том, что британцы именуют «политическим призывным свистом»: говорится то, что привлекает внимание определенных групп населения, причем так, что слова доходят только до целевой аудитории – благодаря чему экстремизм высказываемых взглядов неочевиден. Как будет показано ниже, Рональд Рейган умело выражал свои симпатии к расистам, хо-

ты никогда не произносил откровенно расистских сентенций. Также и Джордж Буш-мл. постоянно рассуждает в таком стиле, что большинству американцев его речь кажется в худшем случае лишь несколько высокопарной, тогда как для крайних, отъявленных религиозных экстремистов она содержит вполне внятный смысл. На заре же существования «Нэшнл ревью» политические позиции излагались откровеннее.

Например, в 1957 году в журнале появилась редакционная статья, в которой выражалась радость по поводу результатов голосования в Сенате и высказывалась надежда, что благодаря этому в южных штатах удастся продолжить политику лишения темнокожих права голоса.

Главный вопрос, встающий перед нами, имеет не парламентский характер и для ответа на него недостаточно просто перечитать список прав американских граждан, равных по рождению. Он заключается в том, имеет ли право белая община на Юге предпринимать меры, необходимые для своего политического и культурного господства в тех районах, где она не составляет численного большинства. По трезвому размышлению на этой вопрос следует дать положительный ответ – да, белая община имеет на это право, потому что пока именно она представляет передовую расу...

«Нэшнл ревью» придерживается той точки зрения, что сложившаяся на Юге система разумна. Если большинство хочет того, что с общественной точки зрения является атавизмом, препятствовать этому, пусть и недемократическими средствами, – значит действовать во благо просвещения. Для любой страны мира гораздо важнее утверждать цивилизованные стандарты жизни и придерживаться их, нежели угождать требованиям большинства. Порой меньшинство оказывается не в состоянии отстоять свои взгляды. Тогда ему приходится отступить, что приводит к регрессу общества. Иногда меньшинство может настоять на своем только путем применения силы. Тогда нам следует определиться, стоит ли добиваться реализации своей воли ценой ужасного насилия, на которое придется пойти¹.

¹ Редакционная статья в журнале *National Review*, 1957, August 24.

По всей видимости, под «списком прав американских граждан, равных по рождению», подразумевался документ, известный как

Конституция Соединенных Штатов Америки. А что имелось в виду в редакционной статье под ценой ужасного насилия, которую обществу иногда следует заплатить, чтобы не пойти по пути регресса? Уильям Ф. Бакли прояснил это чуть позже, написав в том же году «Письмо из Испании»:

Генерал Франко – настоящий национальный герой. Все признают, что он превосходил остальных людей своими личными качествами. Он обладал многими талантами, отличался стойкостью и уверенностью в своей правоте. Именно это было необходимо, чтобы вырвать Испанию из лап пустых мечтателей, идеологов, марксистов и нигилистов. В 1930-е годы они пытались навязать стране абсурдный режим, издевавшийся над душой Испании и ведший дело к утрате страной своей исторической самобытности².

² Buckley, William F. «Yes, and Many Thanks, But Now the War Is Over» in: *National Review*, 1957, October 26.

«Абсурдным режимом», свергнутым генералиссимусом Франсиско Франко при массированной помощи Муссолини и Гитлера, на самом деле было демократически избранное правительство Испании. Методы, к которым он прибегал, чтобы спасти испанскую душу, включали в себя массовые убийства, отправку в концентрационные лагеря политических противников и всех, заподозренных в политическом инакомыслии. Причем в то время, когда Бакли взялся превозносить диктатора, эти методы еще не стали достоянием прошлого. По свидетельству историка Пола Престона, оппоненты Франко подвергались полицейскому террору и казням даже в 1970-е годы³.

³ См.: Preston, Paul. «The Conqueror of His Country» in: *The New York Times*, 1987, December 27.

За полвека со времени появления этих статей консервативное движение научилось действовать с большей оглядкой на приличия. Сейчас его адепты, по их собственным словам, выступают за свободу и личный выбор. Но движение изначально было глубоко недемократичным, а превыше всего пеклось о защите религии и собственности. В первой главе книги «Бог и человек в Йеле» школы порицались за то, что там не пропагандировалось христианство. Вторая глава, хотя и имела название «Индивидуализм в

Йеле», была в основном посвящена нападкам на профессоров, преподававших экономическую теорию Кейнса и хваливших прогрессивную шкалу налогообложения вместе с государством благосостояния. Получается, что если демократия не обеспечивает надежной защиты религии и собственности, то такая демократия не нужна.

Беда состояла в том, что в Америке не было своего Франко; не просматривались и реальные шансы на то, что он появится. Чтобы завоевать власть в США, неоконсерваторам требовалось получить контроль над какой-то политической партией и привести ее к победе на выборах.

В поисках массовой поддержки

В 1964 году коалиция активистов-консерваторов овладела инициативой на Национальном съезде республиканцев и добилась выдвижения Барри Голдуотера в качестве кандидата на пост президента. Но праздновать победу было рано. Еще неоперившиеся правые смогли протолкнуть своего кандидата лишь потому, что республиканский истеблишмент был захвачен врасплох. У самого же консервативного движения еще не было шанса выиграть общенациональные выборы: как известно, Голдуотер потерпел унизительное поражение. Чтобы добиться своего, консервативному движению требовалась более широкая электоральная база. Именно Рональд Рейган показал, как это сделать.

27 октября 1964 года он выступил по телевидению с речью в поддержку уже явно обреченной на провал президентской кампании Голдуотера. Репортеры Дэвид Бродер и Стивен Гесс позже назвали его речь «наиболее успешным национальным политическим дебютом с тех пор, как Уильям Дженнингс Брайан воспламенил съезд Демократической партии 1896 года своей речью о “Золотом кресте”». Впоследствии это выступление Рейгана, официально называвшееся «Время выбирать», стали величать просто «та самая речь».

Она не походила на речь Линкольна в колледже «Союз Купера». Выступление Рейгана лучше всего было бы назвать декламацией, напыщенной проповедью против всех пороков «большого правительства». Она не опиралась на выдержанные с точки зрения ло-

гики доказательства, зато изобиловала убойной статистикой и разного рода байками.

Приводившиеся им статистические данные были в лучшем случае недостоверными, а истории – сомнительными. «Федеральных служащих насчитывается 2,5 миллиона человек; если же учесть не только федералов, но и сотрудников органов власти штатов и на местах, то получается, что каждый из шести работников в стране нанят правительством», – объявил Рейган, чтобы создать у слушателей впечатление о существовании огромной, но бесполезной бюрократии. Его доводы потеряли бы убедительность, если бы людям пояснили, чем на самом деле занимались эти никчемные крючкотворы: в 1964 году почти две трети федеральных служащих либо состояли на службе в министерстве обороны, либо работали на почте; на уровне штатов и местного самоуправления речь шла о школьных учителях, полицейских и пожарных. Рейган ополчился на программу помощи семьям с несовершеннолетними детьми, рассказывая историю о некоей даме с семьей отпрысками, которая якобы добивалась от супруга развода лишь потому, что государственное пособие на детей было больше мужниной зарплаты. По заверениям Рейгана, эту историю он слышал от некоего судьи в Лос-Анджелесе, но имени его не назвал.

Кроме того, Рейган проявил в своей речи удивительное бессердечие. «Четыре года назад нам говорили, что каждую ночь в Америке 17 миллионов человек ложатся спать на голодный желудок, – говорил он, подразумевая один из предвыборных тезисов Джона Ф. Кеннеди. – Вероятно, в этом есть доля истины: все они сели на оздоровительную диету».

В конце своего выступления, видимо забыв, где находится, он вдруг выдал пассаж, прозвучавший как призыв к военной конфронтации с коммунизмом:

Те, кто готов продать нашу свободу за похлебку государства благосостояния, утверждают, будто знают, как добиться мира без победы. Они называют свою утопическую политику «примирением». По их словам, если нам удастся избежать прямой конфронтации с врагом, то он расстанется со своими грехами и научится любить нас. Всех, кто с этим не согласен, клеймят как подстрекателей войны.

По нормальным критериям речь Рейгана не могла считаться выдающейся. Тем не менее Бродер и Гесс были правы в том, что она произвела колоссальный фурор. «Нэшнл ревью» со всей своей изощренной риторикой высоколобых тори адресовался лишь к малочисленному, зато богатому элитарному меньшинству, которое именно таковым себя и расценивало. Рейган воспевал примерно ту же политику, но делал это на языке, соответствовавшем представлениям и даже предрассудкам рядовых обывателей. Такие выступления находили отклик у тех, кто вряд ли мог уследить за сложными извивами разглагольствований Бакли и ничего не знал о том, как генерал Франко спасал испанскую душу – да и вообще совершенно не интересовался этим. Рейган же действительно сумел обеспечить консервативному движению массовую базу.

Частично он опирался на риторику о «малом правительстве», что позволяло ему использовать недовольство белой части населения движением за гражданские права темнокожих, при этом не проявляя себя в качестве откровенного расиста. Но даже тогда, когда он не шерстил мошенников, жиреющих за счет государственных льгот (причем все хорошо понимали, кого он имеет в виду), его выпады против бюрократических орд, растрачивающих деньги налогоплательщиков, предназначались для ушей определенной категории избирателей – тех, кто и впрямь верил, что на их кровные покушаются, чтобы отдать сами знаете кому.

Помимо прочего, Рейган сумел обратить себе на пользу антикоммунистическую паранойю, распространенную среди рядовых американцев.

Не случайно Джордж Клуни решил снять фильм «Доброй ночи и удачи» (экранизацию драмы о противостоянии Эдварда Мурроу и Джозефа Маккарти) именно в 2005 году: ведь в 1950-е годы коммунизм играл ту же роль, что и терроризм сегодня. Правда, степень реальности врага тогда была иной: в отличие от исламских террористов вооруженный ядерным оружием Советский Союз составлял подлинную угрозу существованию Соединенных Штатов, да и Организация Варшавского договора – не в пример «оси зла» – была реальной. Тем не менее в чисто психологическом плане реакция американцев на коммунистическую угрозу в 1950-е годы сегодня выглядит знакомой и понятной.

По иронии судьбы страна, претендующая на роль супердержавы, сталкивается с проблемой: ее граждане не понимают, что у всякой мощи есть предел. Например, канадцы не задумываются, от чего их правительство не может навязать свою волю остальному миру. Большинство же американцев легко убедить в том, что всех, кто угрожает их стране, можно ликвидировать силой, и что те, кто призывает к сдержанности, в лучшем случае слабаки, в худшем – предатели.

На самом деле разумной альтернативы сдержанному подходу к международным делам не было. Как и терроризм сегодня, в 1950-е и 1960-е годы коммунизм был такой угрозой, которую можно было пытаться сдерживать, но было невозможно искоренить. В конечном итоге именно стратегия сдерживания – то есть воздержание от каких-либо прямых действий по свержению коммунистических режимов с помощью вооруженной силы, ведение только оборонительных войн, борьба с распространением советского влияния средствами экономической помощи и дипломатии – оказалась всецело успешной. Дело обошлось без Третьей мировой войны, а в «холодной войне» Соединенные Штаты одержали решительную победу. Однако подобная стратегия – так же как ныне рациональный ответ на террористические акты – казалась трусостью тем, кто видел в самообладании одну только слабость и вырождение. Карикатурное изображение Рейганом стратегии сдерживания как веры в то, что «если только мы избежим прямой конфронтации с противником, он перекуется и нас полюбит», было повторено 40 лет спустя. На этот раз Дик Чейни высмеял Джона Керри за слова о том, что войну с терроризмом разумнее было бы вести как полицейскую операцию.

Рейган считал: те, кто предлагает проявлять сдержанность – люди слабые и недалекие, коль скоро надеются на такую утопию, как обеспечение мира без победы над врагом. Другие правые политики, в частности Джозеф Маккарти, обзывали таких людей предателями, причем многие придерживались такого же мнения даже после того, как сам Маккарти сошел с политической сцены. Крушение амбиций сверхдержавы, в частности неспособность Соединенных Штатов помешать победе коммунистов в Китае, его последователи могли объяснить только предательством на самом верху.

На счет чего отнести наше нынешнее положение, если только не утвердиться в мысли, что люди в высоких кабинетах нарочно сговариваются, чтобы довести нас до беды? Как видно, это результат большого заговора такого масштаба, что на его фоне меркнут все

⁴ Речь сенатора Джозефа Маккарти в Сенате 14 июня 1951 года (см.: *Congressional Record: Proceedings and Debates of the 82nd Congress, First Session*, vol. 97, part 5, May 28, 1951 – June 27, 1951, pp. 6556–6603).

прежние подобные авантюры в человеческой истории. Это настолько подлый заговор, что когда он наконец выйдет наружу, его зачинщики будут наказаны вечным презрением всех честных людей⁴.

Парадокс ситуации состоял также в том, что в Америке, где коммунистов почти не было, антикоммунизм имел куда более агрессивные и экстремальные формы, нежели в Западной Европе, где коммунистические партии оставались активной политической силой вплоть до распада Советского Союза. Я не хочу сказать, что в западноевропейских странах антикоммунизм был чахлым; напротив, во многих случаях правые партии формировались там именно в противовес коммунистам. Кроме того, у антикоммунизма европейского образца – даже (или, может быть, особенно) в том случае, когда он развивался в ущерб демократии, – в Америке были свои поклонники. Как уже отмечалось, члены редколлегии «Нэшнл ревью», первого печатного органа консервативного движения, пылко восторгались генералом Франсиско Франко.

Однако за пределами Испании европейские антикоммунисты придерживались традиционного консерватизма, просто отставив сложившийся демократический строй. В Соединенных же Штатах антикоммунизм – направленный против неявных врагов, которые, как многие там подозревали, контролировали национальную политику, – превратился в радикальное и даже революционное течение. По словам историка Ричарда Хофстадтера, написавшего в 1964 году запомнившееся многим эссе «Параноидальный стиль американской политики», правые в современной политике США...

чувствуют себя лишними людьми: Америку у них по существу отобрали, хотя они и намереваются вернуть ее себе и предотвратить последний разрушительный акт полного переворота. С ценностями старой Америки уже покончено благодаря космополитам и ин-

теллектуалам. Прежний капитализм, основанный на конкуренции, постепенно подорвали социалисты и коммунисты с своими интригами. Национальная безопасность и независимость вчерашнего дня пали жертвой предательских махинаций, в которых в роли самых влиятельных агентов участвовали не какие-то аутсайдеры или иностранцы, а крупные государственные деятели, занимавшие ключевые позиции в системе американской власти⁵.

⁵ Hofstadter, Richard. «The Paranoid Style in American Politics» in: *Harper's Magazine*, 1964, November, pp. 77–86.

На первый взгляд кажется странным, что чувство отстраненности от дел и обделенности находило резонанс у обитателей быстро разрастающихся городских окраин Америки, например округа Оранж в Калифорнии. Там находится Диснейленд, в то время только-только ставший своеобразным новым воплощением американской мечты. Видимо, у свежее испеченных домовладельцев, которые приехали сюда, чтобы поменять жизнь – переселиться со Среднего Запада на побережье, из города на окраину, – было что-то особенное в мировосприятии, из-за чего они оказались особенно чувствительными к угрозе, будто у них вдруг все кто-то отберет. Тем легче они верили в заговор неких темных сил против американского образа жизни. Не могло не сказываться и то, что округ находится в самом центре военно-промышленного комплекса. Поскольку многие местные предприятия участвовали в выполнении военных заказов, значительное число жителей имело финансовую заинтересованность в напряженных отношениях между Западом и Советским Союзом. В последние годы администрация Буша-мл. заботливо пестовала движение матерей, беспокоящихся за национальную безопасность, а в 1950-е и 1960-е годы существовало реальное массовое движение воинствующих жителей пригородов, готовых поддержать тех политиков, которые, как им казалось, разделяли их тревоги⁶.

⁶ Этот термин взят нами из книги: McGirr, Lisa. *Suburban Warriors: The Rise of the New American Right*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 2001.

Несмотря на патетическую риторику, основатели консервативного движения не постеснялись оседлать волну такой паранойи. Автор политико-философских работ Питер Вирек оказался одним

из немногих новых консерваторов, кто порвал с этим движением, когда оно стало превращаться во в полном смысле консервативное. В 1962 году журнал «Нью Рипаблик» опубликовал его статью под заголовком «Новый консерватизм: один из его основателей задает вопрос, что же случилось?». В ней говорилось, что в 1950-е годы многие из самых видных новых консерваторов не прошли испытания искусом маккартизма точно так же, как их предтечи 1930-х годов – коммунизмом. Вирек указывал, что в популярных описаниях Голдуотера (как сейчас и Рейгана) представляли как

⁷ Viereck, Peter. «The New Conservatism: One of Its Founders Asks What Went Wrong» in: *The New Republic*, 1962, September 24.

значительно менее радикального и опасного деятеля, чем он был в реальности. Между тем он «до самого конца горячо защищал тиранию Маккарти»⁷. Точно так же консер-

вативное движение, в конечном итоге открестившееся от основателя Общества Джона Берча Роберта Уэлша, никогда публично не осуждало ни само это общество, ни его членов, одурманенных теорией заговора.

Таким образом, консервативное движение нашло для себя массовую электоральную базу, научившись играть на двух глубоко укоренившихся среди рядовых обывателей чувствах: на недовольстве белой части населения расширением прав темнокожих и на антикоммунистической паранойе. Прошло немало времени, прежде чем эта база превратила политически маргинальных новых консерваторов 1950-х годов в ту силу, с которой стало невозможно не считаться. Кроме того, рост массовой электоральной базы был дополнен пламенной поддержкой другого рода – со стороны бизнес-сообщества, которое обеспечивало не столько голоса, сколько деньги.

Подготовка опоры в деловых кругах

Сегодня считается само собой разумеющимся, что основная часть деловых кругов твердо стоит за крайне правых. Фармацевты заинтересованы в том, чтобы никто не покушался на их монополию; страховщики хотят отделаться от бесплатного здравоохранения; энергетическим компаниям подавай свободу от экологиче-

ских правил; наконец, все ждут послаблений с налогами. Однако в 1950-е и 1960-е годы, когда еще были свежи воспоминания о триумфах Нового курса, крупные компании придерживались политического нейтралитета. Первоначально поддержка консервативного движения со стороны деловых кругов в основном исходила от небольших фирм, часто целиком находящихся в собственности одного человека. Их гнев вызывали, главным образом, профсоюзы.

Сейчас уже трудно представить себе, насколько этот вопрос был тогда важен. Вероятно, в 1998 году читатели слегка удивились, когда в журнале «Тайм» одним из сотни самых влиятельных людей XX столетия назвали Уолтера Рейтера, находившегося на посту председателя Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности с 1946 года и до самой своей смерти в 1970-м. К концу столетия от профсоюзного движения в Америке осталась бледная тень, а о Рейтере почти забыли. Однако некогда он возвышался на общем фоне, а на кое-кого даже наводил ужас. В 1958 году Барри Голдуотер заявлял, что Рейтер «пострашнее советского спутника и всего, что Советская Россия способна совершить по отношению к США».

В 1950-е годы организации трудящихся играли в Америке заметную роль. В профсоюзах состояло более 30% работников, занятых в несельскохозяйственных отраслях. Сегодня эта цифра не достигает и 12%. Охват рабочих профсоюзами был в Америке выше, чем в Канаде, Италии и Франции, и лишь немного не дотягивал до уровня ФРГ. Помимо своего воздействия на экономику, профсоюзы были одной из центральных сил в политике, обеспечивая основную поддержку демократам за пределами Юга. Правда, не все принимали профсоюзы как неизбежную данность.

Казалось бы, вопрос о политической и хозяйственной легитимности профсоюзов был положительно решен в результате масштабных побед трудящихся в 1930-е и 1940-е годы. Однако эти победы не были полными в двух отношениях. Во-первых, хотя в рамках Нового курса в США было создано государство благосостояния, оно было несколько ущербным в сравнении с тем, чего удалось добиться в других промышленно развитых странах, в особенности в области здравоохранения. Чтобы восполнить имеющиеся пробелы, американским профсоюзам приходилось настаивать на

социальных выплатах в частном секторе. Естественно, это вызвало его ожесточенное сопротивление. Во-вторых, несмотря на общий относительно высокий уровень охвата трудящихся профсоюзами, в стране существовали значительные региональные диспропорции: некоторые районы оставались для профсоюзов враждебной территорией. Там возникала подходящая почва для политиков, настроенных против них.

Начнем с оценки незавершенности создания в США государства благосостояния. Все демократические страны Запада вышли из Великой депрессии и Второй мировой войны с набором соответствующих мер. Однако их масштаб был неодинаковым. В сфере социального обеспечения в Соединенных Штатах предлагалась относительно щедрая государственная гарантия пенсионного дохода, сопоставимая с тем, что имелось в других развитых странах, или даже превосходившая его. Однако по другим направлениям государство благосостояния в США было гораздо скромнее. В частности, в стране никогда не было гарантированного государством медицинского страхования.

Между тем к 1960-м годам у большинства американцев имелась медицинская страховка, значительная часть рабочих была застрахована от травматизма, у многих имелись щедрые пособия по безработице и пенсионные выплаты. Однако все это исходило не от государства, а предоставлялось работодателями. По словам поли-

толога Джекоба Хекера, в послевоенной Америке сформировалось государство благосостояния, которое с точки зрения доли социаль-

ных расходов в экономике было почти столь же масштабным, как и в Западной Европе. Но в Соединенных Штатах значительная часть соответствующих расходов ложилась на частных предпринимателей, а не на государство⁸.

Почему частные работодатели соглашались взять все эти расходы на себя? Отчасти потому, что страхование помогало привлекать новых работников, особенно во время Второй мировой войны, когда контроль над заработной платой не давал компаниям возможности конкурировать в погоне за дефицитной рабочей силой, просто поднимая заработную плату. Кроме того, социальные

⁸ См.: Hacker, Jacob. *The Divided Welfare State*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.

выплаты имеют то преимущество по сравнению с жалованием, что с них не платится подоходный налог. Таким образом, доллар, который работник получает в форме выплат на поддержание здоровья, оказывается для него полновеснее, чем доллар, полученный в форме собственно заработной платы. После войны социальные пособия стали главным предметом переговоров с участием профсоюзов. Объясняя, почему Рейтер состоит в верхней сотне самых влиятельных людей, журнал «Тайм» писал:

Он постоянно требовал новых, все более крупных социальных выплат, так что со временем профсоюзы добились всего, что сегодня работники воспринимают как должное. Год за годом рабочие приобретали, помимо всего прочего, всеобъемлющие программы охраны здоровья, программы возврата денег в уплату за обучение, страхование жизни, долю в доходах, компенсацию за увольнение, предварительно оплаченное предоставление юридической помощи, пособие в случае утраты близкого родственника, оплату за выполнение обязанностей присяжного заседателя. Упомянем тут же всякие дополнительные льготы по линии отпусков, праздников и выходных дней⁹.

⁹ <http://www.time.com/time/time100/builder/profile/reuther2.html>

Такие требования не были чем-то чрезмерным для автомобильных гигантов и прочих крупных компаний. До распространения широкой международной конкуренции они имели возможность переложить растущие расходы на потребителя. В конце концов каждому автопромышленнику или стальному магнату было известно, что его конкуренты внутри страны вынуждены договариваться с трудящимися о точно таких же условиях.

Однако владельцы какого-нибудь среднего бизнеса – скажем, универсама – расценивали все новые профсоюзные требования уже как невыносимые. Такой бизнес, хотя и не сталкивается с международной конкуренцией, вынужден конкурировать с другими аналогичными предприятиями, на которых рабочая сила не всегда охвачена профсоюзами (что особенно характерно для совсем малых или семейных фирм, слишком незначительных, чтобы профсоюзы ими заинтересовались). Для владельцев средних предпри-

ятий растущие требования работников звучали возмутительно, даже угрожающе.

Семья Барри Голдуотера владела универмагом в городе Финикс. Как выразился Рик Перлстайн в своей замечательной книге «Перед штормом: Барри Голдуотер и конец американского консенсуса», Голдуотер был «торговым бароном», то есть входил в ту касту бизнеса, которая особенно активно сопротивлялась растущим требованиям профсоюзного движения. Перлстайн указывает, что собственники средних и семейных предприятий составляли основу течения «Манионитов», послужившего одним из источников консервативного движения. (Ректор школы права Университета

Нотр-Дам Кларенс Манион был не только пионером прямых почтовых рассылок, но и инициатором крестового похода против «интернационалистов, космополитов, социалистов и коммунистов», которые, по его мнению, наводнили правительство¹⁰.)

К тому же Голдуотер был выходцем из штата Аризона. Здесь «право на труд» определяется содержащимся в конституции штата запретом включать в трудовые соглашения пункт, содержащий требование о том, чтобы работники компании состояли в профсоюзе. Это иллюстрирует еще одну причину, почему победы трудящихся в годы Нового курса не помогли закрепить роль профсоюзов в политике США. Хотя профсоюзное движение прочно укоренилось в промышленных центрах страны, в тех штатах, которые позже нарекли Солнечным поясом, профсоюзы были заметно менее распространены и сильны. В 1950-е годы размах профсоюзного движения среди промышленных рабочих на Юге был вдвое меньше, нежели на Среднем Западе. Когда индустриальная база и население страны стали смещаться в южном и западном направлениях, многие влиятельные люди – в частности большинство представителей существующих в штатах Солнечного пояса структур власти – сделали все возможное, чтобы при этом там не возникло рабочее движение.

Именно резкий антипрофсоюзный настрой обеспечил Голдуотеру общенациональную известность. Его заявление об угрозе, которая ис-

¹⁰ Подробнее см.: Perlstein, Rick. *Before the Storm: Barry Goldwater and the Unmaking of the American Consensus*, New York: Hill & Wang, 2001, ch. 1.

ходила от Уолтера Рейтера, прозвучало во время слушаний в Сенате по поводу предполагаемой коррупции в профсоюзах. Несмотря на все усилия инициаторов этого расследования, им не удалось найти злоупотреблений в действиях Рейтера. Он был настолько щепетилен, что сам оплачивал даже счета за чистку одежды, когда путешествовал по профсоюзным делам. Настоящую коррупцию можно было обнаружить в объединении водителей-дальнобойщиков, руководимом Джимми Хоффой, – одном из немногих профсоюзов, поддерживавших республиканских кандидатов. Тем не менее участие Голдуотера в сенатских слушаниях укрепило его позиции как лидера зарождающегося правого крыла Республиканской партии.

Противники профсоюзов первыми обеспечили консервативному движению прочную поддержку в деловом сообществе. Начиная с 1960-х годов владельцы предприятий, ненавидевшие профсоюзы, стали для консерваторов надежным источником финансирования. Такая поддержка вознаграждалась. В восьмой главе мы еще остановимся на том, как в 1970-е и 1980-е годы поправка американской политики помогло бизнесу обрести достаточную силу в противостоянии профсоюзному движению, чтобы фактически расправиться с ним. Это имело чрезвычайно важные последствия как в плане усугубления неравенства в заработной плате, так и в плане соотношения политических сил.

Выращивание собственных интеллектуалов

Обретя массовую базу и прочную поддержку в деловом сообществе, консервативное движение одновременно начало создавать то, что можно назвать партийной интеллигенцией. Конечно, самые первые новые консерваторы, такие, как Бакли и его коллеги из «Нэшнл ревью», были интеллектуалами. Однако они не обеспечивали того бесперебойного потока исследований и статей, в которых внешне серьезный подход сочетался бы с неустанной пропагандой правых взглядов, каковой в наши дни всегда сопровождаются любые дебаты по вопросам государственной политики. Творческая прослойка при консервативном движении приобре-

ла видимые очертания только тогда, когда к новым консерваторам присоединилась совершенно иная группа деятелей – неоконсерваторы – и когда представителей тех и других начали активно пристраивать на работу во влиятельные властные структуры.

Истоки неоконсерватизма в основном можно проследить в деятельности двух групп академических ученых: экономистов из Чикагского университета во главе с Милтоном Фридманом, который повел наступление на кейнсианство, и социологов во главе с Ирвингом Кристолом, связанных с журналом «Паблик интерес» и восставших против идеи Великого общества.

Первыми появились консерваторы-экономисты, поскольку хозяйственные реалии естественно склоняют профессиональных экономистов к фундаментализму свободного рынка. Как говорил свое время Адам Смит (а многие поколения экономистов позднее отшлифовали его мысль), в большинстве случаев рынок способен поставить эгоистический интерес на службу общему благу. Хотя отдельные люди ищут прибыли исключительно для себя, «невидимая рука» рынка подталкивает их к тому, чтобы производить нужные другим людям блага именно тогда, когда в них возникает потребность. Это мощный и верный тезис. Даже либеральные экономисты с нескрываемым пиететом оценивают эффективность рыночных способов организации экономической деятельности.

Но время от времени рынки дают сбои. Этот факт дошел до сознания экономистов, да и всех остальных, благодаря суровому опыту Великой депрессии. В первые годы после Второй мировой войны, когда воспоминания о депрессии были еще свежи, большинство экономистов полагало, что для экономического благополучия важна активная роль правительства. Представители основного направления экономической теории не поддавались на призывы ввести плановую экономику, но признавали необходимость участия правительства в борьбе со спадом, да и в целом значительную роль государства в экономике.

Однако кризис миновал, и возвращение некоторых экономистов в прежнюю веру стало неизбежным. К концу 1940-х годов Фридман и его коллега Джордж Стиглер уже всю склоняли (имея на то некоторые основания) изъять государственного контроля за ценами на арендуемое жилье. В 1950-е годы это течение развернуло ши-

рокое наступление против государственного вмешательства в экономику и регулирования как такового. К началу 1960-х годов Фридман

практически полностью вернулся к свободно-рыночному фундаментализму, заявляя, будто даже Великую депрессию вызвали не провалы рынка, а ошибки правительства. Его доказательства были сомнительными и, я бы сказал, граничили с интеллектуальными подтасовками¹¹. Однако тот факт, что выдающийся экономист ввязался в эти интеллектуальные игры, уже сам по себе служит доказательством того, сколь притягателен фундаментализм свободного рынка. Сторонники рыночных свобод стали отвергать не только идеи Нового курса, но и реформы «прогрессивной эры», утверждая, будто даже такие шаги правительства, как обеспечение доступности продовольствия и лекарств, ничем не оправданы. В итоге Фридман присоединился к кампании Голдуотера.

Бунт социологов случился позже, чем возвращение рыночного фундаментализма, и отличался большей мрачностью. Если Фридман и его коллеги излучали безудержный оптимизм в духе вольтеровского Панглосса, то группировка, которая была основана в 1965 году и объ-

единилась вокруг И. Кристола и «Паблик интерес», поражала скептицизмом – если не цинизмом – своих оценок. Они бунтовали против Великого общества Линдона Джонсона, считая его – в какой-то мере справедливо – глупым, обреченным на провал упражнением в социальном прожектерстве. «Нас особенно бесило, – писал Кристол в более поздние годы, – распространенное одобрение левых социологических идей, заключенных в программе борьбы с бедностью»¹².

Так на сцене появились Дэниэл Патрик Мойнихэн с Эдвардом Бэнфилдом. Первый отрицал либеральные догматы, доказывая, будто причины бедности среди темнокожих лежат не в дискриминации, а в росте числа неполных семей, в которых детей содержит только мать. Второй отрицал мнение о том, что городские бунты спровоцированы расизмом, утверждая, что большинство бунтовщиков не столько протестовало против несправедливости, сколько элементарно занималось грабежами.

¹¹ См.: Krugman, Paul. «Who Was Milton Friedman?» in: *New York Review of Books*, 2007, February 15.

¹² Kristol, Irving. «American Conservatism, 1965–1995» in: *The Public Interest*, 1995, Fall, pp. 80–96.

Последователи Фридмана и неоконсерваторы считали себя аутсайдерами, людьми для либерального истеблишмента чужими. Поразительно, но и многим их наследникам по сей день удается придерживаться того же мнения. Однако к 1970-м годам интеллектуалы консервативного движения тоже заняли солидное место в обществе, причем имели такую финансовую поддержку, о какой их либеральные оппоненты не смели даже и мечтать. Если говорить прямо, именно тогда стало считаться, что быть интеллектуалом консервативного толка – значит гарантировать себе удачную карьеру.

В 1996 году увидел свет доклад «Как купить движение», подготовленный организацией «Народ за американский путь». В нем описана карьера Дайнеша Д'Сузы, обретшего известность после публикации в 1991 году его бестселлера «Нелиберальное образование», в котором он раскритиковал политику «утверждающих действий» и политкорректности в университетах. Не будем вдаваться в достоинства его работы – в данном случае представляет интерес то, насколько профессиональный путь Д'Сузы отличался от типичной карьеры консерваторов предыдущего поколения.

Первые интеллектуалы-консерваторы были в основном учеными, которые придерживались или стали придерживаться консервативных взглядов. Самый наглядный пример – Милтон Фридман. Это прежде всего профессиональный экономист, чьи работы по потребительскому поведению, денежным факторам и инфляции признаются и ценятся огромным большинством экономистов самых разных политических убеждений. Он получил бы Нобелевскую премию по экономике вне зависимости от его политической активности. Аналогичным образом большинство из примерно дюжины ученых и интеллектуалов», которые, по словам Кристола, составляли ядро журнала «Паблик интерес», были социологами академического толка. Их карьера основывалась на отдаленно относящихся к политике достижениях, а к консерватизму эти люди пришли много позже.

Послужной список Д'Сузы был совсем иным. Он начинал с редактирования консервативно настроенного университетского издания «Дартмут ревью», затем редактировал также консервативный печатный орган выпускников Дартмутского университета

«Перспектив». Когда он написал хвалебную биографию известного проповедника Джерри Фолуэлла, то получил пост старшего аналитика по внутренней политике в администрации Рейгана. Потом Д'Суза поступил на работу в мозговой центр консервативного движения – Американский институт предпринимательства, где при поддержке консервативного Фонда Олина написал свои книги «Нелиберальное образование» и позднее «Конец расизма». В последней он заявлял, что многие белые считают склонную к совершению преступлений и безответственную темнокожую бедноту возрождением варварства в условиях западной цивилизации. Его книги рекламировали журналы консервативного толка, особенно «Нэшнл ревью».

Другими словами, сорок лет тому назад просто не существовало таких людей как Д'Суза: это профессионал интеллектуального консерватизма, вся карьера которого развивалась внутри системы исследовательских организаций, обслуживающих Республиканскую партию.

Откуда взялись эти институты? Говоря вкратце, в конце 1960-х и в начале 1970-х годов интеллектуалы из среды новых консерваторов убедили отдельных богачей и глав некоторых корпораций закачать деньги в научную инфраструктуру консерватизма. Она в существенной степени состоит из мозговых центров, которые формально похожи на обычные академические институты, но публикуют только те исследования, которые работают на заранее определенную точку зрения. Американский институт предпринимательства был учрежден еще в 1943 году, но сильно разросся в 1971-м, когда начал получать крупные денежные гранты от корпораций, а также семейных фондов консервативного толка. Фонд «Наследие» был создан в 1973 году на деньги Джозефа Курса и Ричарда Меллона Скейфа. Институт Катона, проповедующий либертарианскую доктрину, сильно зависел от средств фондов семьи Кох.

В эту инфраструктуру входят и средства массовой информации. Те же институты, что спонсировали мозговые центры консерваторов, оказывали существенную поддержку и журналу «Паблик интерес», а также таким периодическим изданиям, как «Америкэн спектейтор», рьяно обсасывавшим всякого рода скандальные истории вокруг администрации президента Клинтона.

Чтобы получить поддержку от фондов и бизнеса, неоконсерваторы активно шли на примитивизацию своих идей. «Мы вновь и вновь повторяем, – писал Кристол в 1995 году, – что идеи обладают материальной силой. При этом речь идет о сложных, хорошо продуманных и сформулированных мыслях. Но мы упускаем из вида то, что и простые идеи, подкрепленные чувствами и организацией, тоже способны быть мощной силой». Можно подумать, что он сожалел об этом – однако на самом деле Кристол хвалил самого себя и своих сотоварищей за увлечение примитивными формулировками консервативных взглядов ради достижения политического успеха.

Прежде всего такой подход использовался применительно к экономическим проблемам. В журнале «Паблик интерес» и в редакторской колонке «Уолл-стрит джорнэл» стала активно рекламироваться доктрина «экономики предложения». Она гласит, будто сокращение налогов вполне оправдывает себя. Ввиду отсутствия каких-либо внятных доказательств в ее пользу эта теория никогда не излагалась на страницах профессиональных экономических изданий даже консервативного толка. Как известно, экономист из Гарвардского университета Н. Грегори Мэнкью, в 2003–2005 годы занимавший пост председателя Совета экономических консультантов при президенте Дж. Буше-мл., в первом издании своего учебника по экономикс назвал приверженцев этой доктрины «чудаками и шарлатанами» (в более поздних изданиях эта фраза исчезла со страниц книги). Так почему же Кристол был уверен, что приверженцы «экономики предложения» правы? Объяснение связано не с тем, что он был в этом уверен, а с тем, что его вообще не интересовало, правда это или нет. Кристола заботило лишь то, что такая доктрина полезна с политической точки зрения. Вот что он писал в очерке 1995 года:

В тесном кругу социологов, сплотившихся вокруг «Паблик интерес», экономистов не было. (Они появились позже, когда мы «созрели».) Этим объясняется мое собственное довольно легковесное отношение к бюджетному дефициту и прочим монетарным либо фискальным проблемам. Задача, как я ее понимал, состояла в том, чтобы сформировать новое большинство, которое, конечно, станет консер-

вативным большинством, что в свою очередь стало бы означать республиканское большинство – то есть приоритет отдавался нашей четкой политической миссии, а не анализу отдельных финансовых недочетов правительства¹³.

¹³ Kristol, Irving. *American Conservatism, 1965–1995*, p. 92.

Любопытно, что это признание следует спустя всего несколько параграфов после заявления Кристола о том, что «Паблик интерес» сыграл большую роль в первое время своего существования, поскольку «большинство среди нас составляли социологи, тогда как, по словам Пэта Мойнихэна, лучшее применение социологии – это опровержение ложных выводов общественной науки». Как видно, все зависит от того, как именно применять ложные выводы.

Никсон и «великий переход»

Избирательная кампания Р. Рейгана в Калифорнии в 1966 году ознаменовала собой первый крупный электоральный успех консервативного движения. Однако он оказался отодвинут на второй план быстрым политическим восхождением Р. Никсона и его убедительной победой на президентских выборах 1972 года. Правда, результат Никсона нельзя считать триумфом консервативного движения, поскольку сам он был переходной фигурой. Он использовал в своих целях стратегию консерваторов (можно сказать – в значительной мере внедрил ее в жизнь), однако целей этого движения не разделял. Для Никсона главными были чисто личные мотивы.

Практически невозможно переоценить воздействие Никсона на то, как сейчас осуществляется американская политика. В конечном счете он продемонстрировал, как можно эксплуатировать разногласия по расовой проблеме, тревоги в отношении социальных сдвигов, а также паранойю по поводу внешних угроз, чтобы оторвать белых рабочих от коалиции, которая поддерживала Новый курс. Именно он начал искусно манипулировать средствами массовой информации. Председатель «Фокс ньюс» Роджер Эйлз был консультантом Никсона по средствам массовой информации. Он же стал основным персонажем книги Джо Макгинниса «Как про-

дать президента», вышедшей в 1969 году. Позднее Никсон стал пионером в деле запугивания СМИ, которое позволяло успешно подавлять инакомыслие в течение большей части правления администрации Дж. Буша-мл., а также первым применил практику обвинения новостных программ в том, что они сообщают дурные вести.

Именно при Никсоне успешное исполнение грязных трюков стало решающим фактором для продвижения в рядах Республиканской партии. В 1970 году юный Карл Роув сорвал собрание избирателей демократического кандидата, напечатав на украденной в избирательном штабе последнего бумаге фальшивые листовки с предложением бесплатного пива. На следующий год Роув ушел из колледжа ради зарплаты исполнительного директора

Республиканского национального комитета колледжей (РННК)¹⁴. Спустя пару лет он выдвинул свою кандидатуру уже на пост председателя РННК и добился победы, опять совершив подлог – при поощрении тогдашнего председателя, которого звали Джордж Буш-мл.¹⁵

Консервативное движение приветствовало подобную тактику Никсона, хотя не одобряло саму его

политику. Когда автор книги «Перед штормом» Рик Перлстейн выступал (перед консервативной аудиторией) по вопросу о роли консерваторов в грязных приемчиках администрации Никсона, один из участников встречи заявил, что Никсон не был консерватором, а потом добавил: «До Уотергейта Никсон мне не нравился»¹⁶.

В самом деле, в отличие от политической тактики реальная политика Никсона отнюдь не соответствовала тому, чего хотели консерваторы. Внутри страны он правил как умеренный, даже либеральный политик: поднимал налоги, ужесточал экологическое законодательство, даже попытался внедрить государственное медицинское страхование. Во внешней политике он демонстрировал такой же прагматизм, начав диалог с коммунистическим Китаем, при этом одновременно продолжая вести войну с его союзником – Северным Вьетнамом. Было ясно, что Никсон ненавидел многое,

¹⁴ См.: Balz, Dan. «Team Bush: The Iron Triangle» in: *Washington Post*, 1999, July 23, p. C1.

¹⁵ См.: Foer, Franklin. «Swimming with Sharks» in: *The New Republic*, 2005, October 3, p. 20.

¹⁶ Цит. по сайту газеты *Huffington Post* (см.: http://www.huffingtonpost.com/rick-perlstein/i-didnt-like-nixon-b_11735.html) за 5 декабря 2005 года.

но не разделял ненависти к вмешательству правительства в экономику и к государству благосостояния, которой было больно консервативное движение. Во всяком случае время консерваторов еще не наступило.

К середине 1970-х годов консервативное движение в известном смысле находилось в том же положении, что и течение, которое в конце 1920-х годов воплотилось в Новом курсе. У них были идеи и организация, имелись и интеллектуальные кадры. Чтобы добиться власти, консервативному движению требовался только кризис.

Фактически оно получило двойной кризис: как во внешней, так и во внутренней политике.

В международных делах за провалом во Вьетнаме последовало то, что в то время выглядело как волна побед коммунизма в Юго-Восточной Азии и Африке, затем советское вторжение в Афганистан и – вне связи с тем, что упомянуто выше, но усугубив беспокойные ощущения, – исламская революция в Иране и униительный кризис с американскими заложниками. Внутри страны сочетание неэффективной политики и энергетического кризиса породило кошмар стагфляции, то есть высокую безработицу при двухзначных цифрах инфляции.

В ретроспективе изображение тогдашнего «коммунистического наступления» выглядит смехотворно. В частности, советское вторжение в Афганистан обернулось началом конца коммунизма. Исламская революция в Иране стала подлинным провалом для США, но вряд ли более агрессивная политика привела бы к чему-либо еще, кроме дальнейшего ухудшения ситуации. Что касается проблем в экономике, то их вызвало сочетание неблагоприятных обстоятельств с непродуманной монетарной политикой, но ни то, ни другое не имело отношения к либерализму.

Тем не менее тревожная обстановка 1970-х годов дала основания представителям консервативного движения утверждать, будто либеральная политика дискредитировала себя. Затем, добившись власти, они вскоре достигли впечатляющего «прогресса» в деле ликвидации достижений Нового курса.

7 ВЕЛИКОЕ РАССЛОЕНИЕ

Средневековые теологи спорили о том, сколько ангелов уместится на кончике иглы. А вот экономисты сегодня не могут прийти к единому мнению в вопросе, вырос или снизился медианный доход в Америке с начала 1970-х годов. Удивительно, что этот вопрос вообще привлекает к себе внимание. Ведь ныне Соединенные Штаты производят гораздо больше товаров и услуг и, следовательно, стали богаче, чем при предшествующем поколении. Стоимость того, что один работник производит за час, даже с поправкой на инфляцию, выросла с 1973 года почти на 50%. Вместе с тем концентрация доходов в руках узкого круга избранных произошла так быстро, что нет уверенности в том, выиграла ли среднестатистический американец хоть что-то от общего повышения производительности.

За долгим послевоенным бумом, который облагодетельствовал почти всех граждан США, последовал кризис 1970-х годов. Его вызвали выросшие цены на нефть, вышедшая из-под контроля инфляция и упавшая производительность. В 1980-е годы кризис удалось преодолеть, но ощущение того, что наработанное делится на всех, так и не вернулось. Правда, случались периоды оптимизма: например, «утро в Америке» при Рейгане, когда экономика ожила после жестокой рецессии начала 1980-х годов, или лихорадочное, поспешное обогащение конца 1990-х. Однако с уходом в прошлое послевоенного подъема экономический успех все время воспринимается как неуверенный и временный.

Между тем с 1973 года, завершившего период продолжительного хозяйственного подъема, средний доход – общая сумма национального дохода, поделенная на общее число граждан, – существенно вырос. Американцы теперь гораздо более производительны, нежели в период завершения бума – а потому и более богаты. Вспомним все технологические новшества, которые пришли в нашу жизнь после 1973 года: персональные компьютеры и факсы, мобильные телефоны и сканеры, считывающие штрих-коды. Другие повышающие производительность технологии – контейнеры для грузов, благодаря которым они переносятся непосредственно с палубы корабля на грузовики и в вагоны, в 1973 году уже существовали, но еще не получили широкого распространения. Все эти нововведения существенно увеличили объем товаров и услуг, производимых средним работником в течение нормального рабочего дня. Соответственно, существенно вырос и средний доход в США.

Правда, средний доход не всегда точно показывает, как идут дела у большинства. Если Билл Гейтс войдет в бар, то показатель среднего благосостояния присутствующих там клиентов рванет вверх, однако никто из них не станет от этого богаче. Вот почему экономисты предпочитают описывать состояние типичного представителя той или иной группы населения, а не тех немногих, кто чрезвычайно богат или крайне беден. Потому обычно говорят не о среднем, а о медианном (срединном) доходе, то есть о доходе человека, который богаче одной половины населения, но беднее другой. В отличие от среднего, медианный доход в том баре, в который вдруг заглянет Билл Гейтс, не взмоет вверх.

Приведенный пример может послужить полезной иллюстрацией того, что на самом деле произошло в Соединенных Штатах за годы жизни последнего поколения: средний доход заметно вырос, но в основном за счет того, что всего несколько человек стали многократно богаче. Медианный доход, в зависимости от того, как его определять, либо поднялся незначительно, либо упал.

Здесь необходимо остановиться на проблемах расчетов. Может показаться, что медианный доход подсчитать несложно: достаточно выявить американца, который был бы богаче одной половины населения, но беднее другой его половины, и вычислить его до-

ход. Однако на деле возникают два спорных вопроса, разрешить которые непросто: как правильно определить это самое население и как измерить изменения в стоимости жизни. Но прежде чем углубиться в эти вопросы, нужно еще раз подчеркнуть главный момент: сам по себе факт, что мы спорим, выиграл ли что-то среднестатистический американец вообще, уже говорит о многом. В 1973 году никому даже не приходило в голову задуматься, разбогател или обеднел рядовой гражданин по сравнению с периодом 1940-х годов. Все данные свидетельствовали тогда, что с конца Второй мировой войны жизненные стандарты выросли примерно вдвое. Никто не завидовал рабочим местам и зарплатам предшествующего поколения. Сегодня американская экономика в целом явно богаче, чем в 1973 году, когда, как принято считать, пришел конец послевоенному подъему. Однако экономисты дискутируют друг с другом по вопросу, получил ли типичный американец хоть толику от тех доходов, которые заработаны страной в целом.

Вернемся к методологическим затруднениям. Оказывается, нельзя просто выстроить в один ряд всех 300 миллионов жителей Соединенных Штатов согласно их доходам и вычислить доход американца за номером «150000000». В этот ряд бессмысленно ставить детей, у которых доход есть только постольку, поскольку им располагают семьи, в которых они живут. Таким образом, лучше учитывать семьи, а не индивидов. Тогда мы обнаружим, что с поправкой на инфляцию медианный доход отдельной семьи понемногу рос с 1973-го по 2005 год, то есть за то время, на которое мы располагаем нужными нам данными. В итоге рост составил примерно 16%.

Впрочем, и такая скромная цифра завышает прирост американских семейств, так как рост отчасти произошел из-за увеличения общего количества отработанных часов. В 1973 году большинство женщин еще не трудились вне дома, а многие из тех, кто работал, были заняты неполный рабочий день. Я не имею в виду, будто то, что больше женщин получило работу, однозначно плохо – но прибавка семейного дохода вследствие выхода супруги на работу неравнозначна повышению заработной платы отдельно взятого человека. Здесь возникают скрытые потери, которые частич-

но обесценивают повышение собственно денежного дохода. В их числе – сокращение времени, которое можно посвятить своей семье, возрастание зависимости от готового питания, расходов на детские сады и так далее.

Оценка имеющихся статистических данных станет еще более пессимистической, если мы попробуем выяснить, легко ли сейчас американцам поддерживать такой же уровень жизни, какой имели их родители при одном работающем члене семьи. Как следует из имеющихся данных, теперь это труднее: медианный заработок у мужчин, работающих полную смену, в 2005 году был несколько ниже, чем в 1973-м. Но и эта статистика приукрашивает реальную картину. Сейчас в средний возраст вошли люди, родившиеся в период беби-бума, поэтому нынешняя рабочая сила в целом значительно старше и опытнее, чем в 1973 году, – а ведь работники с большим опытом, при прочих равных условиях, могут ожидать и более высоких заработков. Если мы взглянем на заработную плату мужчин в возрастном диапазоне от 35 до 44 лет (в прошлом поколении такие мужчины в большинстве случаев содержали жен-домохозяек), то обнаружим, что в 1973 году с поправкой на инфляцию она была на 12% выше, чем теперь.

Неопределенность в вопросе вычленения части населения, которую следует включить в расчеты, – только одна из причин, заставляющих экономистов спорить по поводу того, разбогатели ли типичные американцы по сравнению с 1973 годом. Существуют и вопросы, касающиеся измерения цен. Я постоянно говорю о «доходе с поправкой на инфляцию». Это значит, что доход прошлого поколения конвертируется в сегодняшние доллары с учетом изменений индекса потребительских цен. Однако некоторые экономисты говорят, что этот индекс завышает инфляцию, так как не принимает в расчет появление новых товаров и услуг, украшающих нашу жизнь. Поэтому кое-кто считает, что на самом деле уровень жизни сейчас

* Netflix – онлайн-видеопрокат
(прим. В. Иноземцева).

выше, чем о том свидетельствуют официальные цифры. Речь идет об аргументах типа: «Ведь у наших родителей не было “Нетфликса”!»*. Если рассуждать серьезно, действительно сегодня возникло множество товаров и услуг, которые

в 1973 году еще не были изобретены или выведены на рынок, начиная с мобильных телефонов и заканчивая интернетом. Важнее всего, конечно, новые лекарства и медицинское оборудование, которые не только спасают жизнь, но и повышают ее качество для десятков миллионов людей. Вместе с тем в каком-то смысле усложнилась жизнь работников, чего не улавливают официальные цифры: сейчас люди вынуждены более активно конкурировать за то, чтобы поселиться в районах с лучшими школами; множатся автомобильные пробки на улицах и тому подобное.

Вероятно, решающее слово стоит отдать общественному мнению. Опрос, проведенный Исследовательским центром Пью (Pew Research Center) в 2006 году, показал, что большинство работающих американцев придерживаются точки зрения, согласно которой сегодня средний работник «вынужден трудиться больше, чтобы заработать на приличную жизнь», нежели двадцать-тридцать лет назад¹. Можем ли мы объяснить это ностальгическими воспоминаниями о «позолоченном веке»? Такое нельзя исключить, однако у предшествующего поколения ностальгических чувств относительно жизни их собственных отцов почему-то не наблюдалось. Скорее суть дела в том, что за последние тридцать с небольшим лет в положении рядовой американской семьи не произошло никаких явных улучшений, – и это ненормально!

¹ См.: «Public Says Work Life Is Worsening, but Most Workers Remain Satisfied with Their Jobs» at: *Pew Center for People and Press, 2006* (<http://pewresearch.org/assets/social/pdf/Jobs.pdf>).

Кто-то теряет, а кто-то находит

Как подсказывает приведенный выше пример с посещением бара Биллом Гейтсом, из-за роста неравенства обычные американские трудящиеся, похоже, не вкусили плодов растущей производительности труда. Кто же выиграл, а кто проиграл в результате перераспределения доходов? Конечно, в выигрыше оказался не один лишь Билл Гейтс. Тем не менее речь идет о на удивление узкой группе населения.

Если бы плоды роста производительности равномерно распределялись между всеми работающими американцами, то заработ-

² По подсчету Дина Бейкера из Центра исследований экономической политики «рост “полезной производительности” – т.е. повышения чистой величины стоимости, производимой в США за час рабочего времени с поправкой на инфляцию – в 1973–2006 годах составил 47,9%. В то же время происходило повышение “незарплатных” компонент издержек на наем рабочей силы (налогов, стоимости медицинского страхования, и т.д.), в результате чего реальная заработная плата выросла всего на 36%» (см.: Baker, Dean. «The Productivity to Paycheck Gap: What the Data Show» at: www.cepr.net, April 2007).

ная плата обыкновенного работника была бы сейчас примерно на 35% выше, чем в начале 1970-х годов². Но перераспределение доходов в пользу высших слоев сократило выигрыш для обычного работника. Действительно, у тех, кто относился к нижним 90%, то есть находился в основании социальной пирамиды, доходы росли медленнее, чем в среднем по стране, тогда как у тех, кто оказывался выше

этой планки, рост доходов опережал средний показатель. Таким образом, незначительное повышение благосостояния рядовых американских трудящихся было оборотной стороной быстрого обогащения 10% населения, находящихся наверху пирамиды.

При этом по-настоящему жирный куш достался людям очень обеспеченным. В фильме Оливера Стоуна «Уолл-стрит», который вышел в прокат в 1987 году, Майкл Дуглас сыграл биржевого спекулянта Гордона Гекко, прототипом для которого служил Иван Боески. Этот персонаж высмеивает скромные притязания своего партнера, роль которого исполнил Чарли Шин: «Неужели ты будешь довольствоваться тем, что станешь обычным клерком с Уолл-стрит, зарабатывая всего 400 тысяч долларов в год и летая в самолете лишь бизнес-классом?».

В тот период времени при доходе 400 тысяч долларов в год человек оказывался где-то на уровне 99,9-го перцентилия в распределении доходов – вроде бы весьма недурственно. Но, как убедительно показал Стоун, к концу 1980-х в верхней части шкалы распределения доходов происходило нечто выходящее из ряда вон: богачи уходили в отрыв от людей просто обеспеченных, а сверхбогачи – от богачей обыкновенных. Те, кто находился в нижней части верхних 10% (что соответствует приблизительно доходам от 100 до 150 тысяч долларов в год), хоть и преуспевали в сравнении с американцами с меньшими доходами, но переживали далеко не лучшие времена. Действительно, в последовавший за 1973 годом период их доля в национальном доходе была меньшей, чем в го-

ды послевоенного бума. После 1970-х годов только высший 1% населения США добился большего, чем в поколении, жившем сразу после Второй мировой войны. Повышение благосостояния выглядит весьма впечатляюще только у тех, кто находится выше по шкале дохода. У высших 0,1% населения доходы подскочили в пять, а у 0,01% – в семь раз по сравнению с 1973 годом.

Кто же эти люди и почему они так значительно выигрывают в сравнении с остальными? В прежний «позолоченный век» те, кто имел очень большой доход, чаще всего получали его от обладания собственностью. Дорогой землей и минеральными ресурсами, а также преуспевающими компаниями владела экономическая элита. Даже сейчас тех, кто получает доход с капитала, то есть от такой собственности, как акции, облигации или земля, гораздо меньше, чем тех, кто зарабатывает на жизнь своим трудом. То же относится и к «предпринимательскому доходу», который приносят находящиеся в собственности компании. Собственность уже не служит главным источником, обеспечивающим элитный статус. В наши дни даже мультимиллионеры основную часть своих средств получают в форме денежного вознаграждения.

Нет нужды уточнять, что здесь мы не говорим о тех, кто гнет спину, получая зарплату по почасовой ставке. Но если в 1905 году олицетворением американца с высокими доходами был промышленный барон, владевший несколькими фабриками, то спустя столетие таковым стал менеджер высшего звена, щедро вознаграждаемый за свои усилия бонусами и опционами. Даже на самом вершине – среди тех, кто принадлежит к 0,01% населения с наивысшими доходами – почти половина их приходится на денежное вознаграждение. Приблизительно половина этой «суперэлиты» – высшие руководители крупных компаний (причем не только топ-менеджеры, но и служащие несколькими рангами ниже); вторая половина – знаменитости из мира спорта и индустрии развлечений.

Таким образом, резкое усугубление неравенства – прямой результат изменений в оплате обществом услуг тех, кого считают самыми лучшими и самыми звездными. Они и прежде оплачивались неплохо, но теперь таким людям платят просто невиданные деньги.

Естественно, возникает вопрос: что послужило тому причиной? На уровне общих рассуждений относительно громадного разброса в доходах, наблюдаемого с 1970-х годов, имеются два конкурирующих между собой объяснения. Первое (к нему склоняются те, кто хочет казаться рассудительными и здравомыслящими), состоит в том, что причина – в сочетании растущего из-за технологических изменений спроса на высокую квалификацию и глобализации. При альтернативном объяснении упор делается на институтах, нормах и политической власти.

Спрос на квалификацию

Согласно стандартному объяснению роста неравенства (я склонен называть его «осторожным», так как его придерживаются те, кто не желает никаких потрясений), такой рост в основном вызван повышением спроса на высококвалифицированный труд, что, в свою очередь, обусловлено прежде всего технологическими переменами. Например, в 2006 году председатель Комитета экономических советников при президенте США Эдвард Лазир заявил следующее:

По большей части неравенство отражает повышение прибыльности «вложений в квалификацию» – то есть в работника, который дольше учился, получил лучшую профессиональную подготовку и обрел новые навыки... Чем объяснить такое расхождение заработков квалифицированных и неквалифицированных работников? Большинство экономистов полагает, что основная причина кроется в технологических изменениях, которые произошли за последние два–три десятка лет. В нашем технологически развитом обществе квалификация персонала имеет большее значение, чем в менее продвинутом. С учетом роста значения компьютеров, те навыки, которые прививаются в школе и в ходе профессионального обучения на рабочем месте, особенно важны для того, чтобы работник мог трудиться продуктивно. Обычная работа, которой заняты ныне люди,

требует куда более высокого уровня технической подготовленности, чем те виды труда, какими работники занимались в 1900 или 1970 году³.

³ См. речь Эдварда Лазира в Гудзоновском институте «Состояние экономики США и рынок труда» (Вашингтон, 2 мая 2006 года).

Продолжим эту мысль: информационные технологии в виде персональных компьютеров, мобильных телефонов, локальных сетей, интернета и тому подобного, повышают спрос на специалистов, обладающих достаточной базовой подготовкой, чтобы создавать, программировать, использовать и ремонтировать новейшие технические устройства. Одновременно снижается спрос на рабочих, выполняющих шаблонные задачи. Например, в офисах сейчас гораздо меньше секретарей, чем в 1970 году, поскольку с приходом компьютерного набора упал спрос на машинисток, а компьютерные сети сильно сократили необходимость в физической регистрации и ручном подборе документов и информации. А вот менеджеров осталось столько же, сколько было и раньше. Сканеры, считывающие товарный код и завязанные в локальные сети, сократили число работников, которые требовались прежде для работы на контрольно-кассовых аппаратах и для учета наличия товаров. Зато консультантов по сбыту стало много как никогда. И так далее.

Гипотеза о том, будто технологические изменения, подняв спрос на квалификацию, привели к росту неравенства, столь популярна, что на конференциях экономисты зачастую прибегают к аббревиатуре ТУОК (техническое усовершенствование, основанное на квалификации) без дополнительных объяснений, исходя из предположения, что слушателям и так понятно, о чем они говорят. Эта гипотеза привлекательна в силу трех причин. Во-первых, срабатывает временной фактор: тенденция к росту неравенства появилась примерно в то же время, когда произошел своего рода взрыв в распространении компьютеров. Действительно, стационарные ЭВМ – крупные аппараты, требовавшие для своего размещения отдельных помещений и осуществлявшие расчет заработной платы, а также обработку иной информации, – широко использовались уже в 1960-е годы. Но тогда они мало влияли на характер труда большинства людей. Современная информационная технология обрела завершенную форму только тогда, когда компания «Интел» в 1971 году разработала первую интегрированную схему – компьютерный чип. Только после этого такая технология смогла проникнуть повсюду. Во-вторых, ТУОК является весьма удобной для экономистов гипотезой: речь идет только о предложе-

нии и спросе, нет надобности вводить в анализ те параметры, о которых любят рассуждать социологи, а именно институты, нормы и политическую власть. Экономисты же сталкиваются с трудностями при включении их в свои модели. Наконец, ТУОК подразумевает, что за рост неравенства никто не отвечает: все дело в технологии, которая приводится в движение «невидимой рукой» рынка.

При всем том недостает прямых свидетельств, которые подтверждали бы предположения о технологических сдвигах как первопричине растущего неравенства. Нет простого способа измерить воздействие технологии на функционирование рынков; в этом вопросе, как и во многих других, экономисты главным образом прибегают к технологии «на всякий случай», чтобы объяснить с ее помощью то, что не поддается объяснению с помощью иных, легче измеряемых факторов.

Процедура анализа состоит примерно в следующем. Сначала предположим, что рост неравенства вызван технологией, расширением международной торговли и иммиграцией. Затем оценим воздействие торговли и иммиграции, что уже само по себе тенденциозно – но у нас, по крайней мере, есть данные по объему импорта и численности иммигрантов. Наконец, отнесем все, что не поддается объяснению с помощью этих измеряемых факторов, на счет технологии. Иными словами, экономисты, утверждающие, что технологические изменения суть главная причина растущего неравенства, приходят к такому выводу путем исключения: они делают вывод, что торговля и иммиграция недостаточно важны, чтобы с их помощью дать объяснение происходящему. В таком случае, конечно, все дело должно быть в технологии.

Итак, ключевыми факторами, которые экономисты рассматривают в качестве альтернативы при объяснении роста неравенства, являются иммиграция и международная торговля. В принципе, оба эти фактора должны сказываться на росте заработков квалифицированных работников, снижая доходы менее квалифицированных.

Иммиграция как таковая является острым политическим вопросом. В 1970 году, спустя почти полвека после того, как Иммиграционный акт 1924 года закрыл двери для массовой иммиграции в США из стран с низкими заработками, менее 5% взрос-

лых жителей Америке родились за рубежом. Однако по причинам, которые по-прежнему не совсем ясны*, в конце 1960-х годов иммиграция вновь стала расти, а после 1980-го ее рост заметно ускорился. Сегодня иммигранты составляют около 15% рабочей силы. Само по себе это должно было бы несколько подавлять рост заработной платы:

появилось существенно больше работников, соревнующихся за получение работы в США, чем их было бы в отсутствие иммиграции.

Кроме того, большинство иммигрантов в предшествующем поколении прибыли из Латинской Америки, а многие также из других стран «третьего мира». Это означает, что они в среднем существенно менее образованны, чем рабочие, родившиеся в США. Треть из них имеют образование, которое можно охарактеризовать как неполное среднее. Наплыв в страну многочисленных иммигрантов привел к переизбытку в США неквалифицированных работников, тогда как более образованные оказались в относительном дефиците. Следовательно, соотношение спроса и предложения позволяет заключить, что иммиграция должна была бы снизить зарплаты менее образованных рабочих, повысив в то же время доходы более образованных.

Правда, такое воздействие не бросается в глаза. Самые пессимистичные оценки, которые высказали, в частности, Джордж Борхас и Ларри Катц из Гарвардского университета, свидетельствуют, что иммиграция снизила зарплаты рабочих с неполным средним образованием почти на 5% – при заметно меньшем воздействии на доходы выпускников средних школ и незначительном позитивном воздействии на зарплату высокообразованных работников. Другие же экономисты полагают, что даже цифры, предложенные Борхасом и Катцем, завышены.

В восьмой главе мы еще поговорим о косвенном воздействии иммиграции на рост неравенства за счет смещения центра политической власти вверх по экономической шкале. Однако ее прямое экономическое воздействие оказалось незначительным.

* Благодаря изменениям в иммиграционном законодательстве, произведенным в 1965 году, главным элементом иммиграционной политики США стало воссоединение семей, что препятствует попыткам ограничить поток иммигрантов только теми, кто прибывает из Западной Европы. Между тем экономисты, изучавшие иммиграцию из Мексики, обнаружили, что ей мало что препятствовало и до 1965 года (прим. В. Ингозмезега).

А как насчет международной торговли? Значительная часть международной торговли почти или совсем не сказывается на распределении дохода. Так, и в Соединенных Штатах, и в Канаде уровень зарплат весьма высок. Эти страны занимают разные ниши в автомобильной отрасли, и направляют друг другу товары, произведенные примерно с одинаковым сочетанием вложенного в них квалифицированного и неквалифицированного труда. Поэтому торговля автомобилями и запчастями между ними вряд ли сильно сказалась бы на неравенстве в зарплате в любой из этих стран. Однако торговля США с Бангладеш – совсем другой случай. Бангладеш в основном экспортирует одежду – классический товар, требующий больших затрат труда. Его производят работники, с которых никто не спрашивает диплома об образовании, без особых затрат на оборудование, если не считать швейную машинку. Взамен Бангладеш ввозит сложные товары – самолеты, химикаты, компьютеры.

Трудно усомниться в том, что торговля США с Бангладеш и другими странами третьего мира ведет к расширению неравенства. Предположим, вы покупаете пару брюк, пошитых в Бангладеш, которые можно было бы изготовить и в США. Приобретая иностранные брюки, вы фактически выталкиваете работников, которые занимались пошивом брюк в Америке, на поиски другой работы взамен утраченной. Конечно, верно и обратное, когда Соединенные Штаты что-то экспортируют. Если Бангладеш покупает самолет фирмы «Боинг», то рабочим, которые заняты в производстве этого самолета, искать другую работу не приходится. Однако труд, заключенный в американском экспорте, сильно отличается от труда, который задействован в американских производствах, конкурирующих с импортом. Мы обычно экспортируем продукты, в которые вложен труд высокой квалификации, такие как самолеты, суперкомпьютеры и голливудские фильмы, но при этом импортируем товары, которые требуют большого объема неквалифицированного труда, такие как брюки и игрушки. В результате торговля, которую США ведут со странами «третьего мира», сокращает возможности получить работу для менее квалифицированных американцев, одновременно повышая спрос на работников высокой квалификации. Само собой разумеется, что тем самым расширяется разрыв между менее и более квалифицированными работниками, что

способствует росту социального неравенства. Быстрый рост торговли со странами, где рабочая сила дешева, особенно с Мексикой и Китаем, приводит к мысли, что такого рода воздействие за последние пятнадцать лет лишь усилилось.

Однако важно понять, что технологические изменения, иммиграция и рост международной торговли, повысившие требования к квалификации, в лучшем случае объясняют только увеличение разрыва между работниками с меньшей и большей квалификацией. Между тем, вопреки утверждениям Лазира и многих других авторов, это лишь одна сторона растущего неравенства. Действительно, отдача от образования повысилась – но даже у выпускников колледжа рост заработной платы отстает от роста производительности труда. Например, у медианного выпускника колледжа реальный доход после 1973 года вырос всего на 17%.

Причина в том, что наибольший выигрыш в доходах пришелся не на широкие слои хорошо оплачиваемых работников, а на узкую группу людей, чьи услуги оцениваются чрезвычайно высоко. Обычно люди, имеющие огромные оклады, отличаются хорошим образованием, однако их успех не является отражением достижений образованных работников в целом. И менеджеры предприятий, и школьные учителя, как правило, имеют магистерский диплом. Однако после 1973 года у школьных учителей заработная плата выросла очень незначительно, тогда как у менеджеров она увеличилась с уровня примерно в 30 зарплат среднего рабочего в 1970 году до цифры, более чем в 300 раз превосходящей зарплату среднего рабочего сегодня.

Наблюдение, из которого следует, что даже у американцев с хорошим образованием доходы в целом ниже среднего, в то время как горстка людей демонстрирует невиданное процветание, противоречит утверждению, будто неравенство объясняется технологическими нововведениями, требующими высокой квалификации. Напротив, оно говорит в пользу той точки зрения, что неравенство в основном вызвано переменами в институтах, если иметь в виду силу профсоюзов, а также в господствующих нормах. (Скажем, некогда была распространена, а теперь ослабла вера в то, что если босс получает гораздо больше своих работников, это плохо для морального климата в коллективе.)

Институты: конец Детройтского соглашения

Есть как минимум две причины, по которым среди экономистов все большей поддержкой пользуется мысль о том, что рост неравенства объясняется переменами в институтах и нормах, а не неким технологическим сдвигом, требующим от работников повышенной квалификации. Во-первых, объяснение сегодняшнего роста неравенства, исходящее из норм и институтов, позволяет связать нынешние события с резким сокращением неравенства – «великим сжатием» – происходившим в 1930-е и 1940-е годы. Во-вторых, трактовка, исходящая из значимости норм и институтов, помогает понять исключительность американского случая: ни одна другая развитая страна не пережила такого роста неравенства, какой произошел в США.

Уже само по себе «великое сжатие» – или, выражаясь точнее, его устойчивость – свидетельствует в пользу того, что важную роль в распределении доходов играют общественные силы, а во все не «невидимая рука» рынка. Как было показано в третьей главе, Америка среднего класса, в которой выросло поколение беби-бумеров, складывалась не постепенно. Она возникла за очень короткий отрезок времени под влиянием законов Нового курса, профсоюзной активности и контроля над заработной платой в годы Второй мировой войны. Однако относительно плоская шкала распределения доходов, введенная во время войны, сохранилась на десятилетия после того, как был отменен контроль над экономикой, присущий военному времени. Это твердо подтверждает тот факт, что анонимные силы рынка не столь важны, как подается в базовом курсе экономикс. Т. Пикетти и Э. Саец пишут:

Сжатие заработной платы во время войны можно объяснить контролем над заработками в условиях военной экономики, но как объяснить тот факт, что высокие заработки не вернулись к нам после того, как контроль над заработной платой прекратился? Эти данные плохо сочетаются с объяснениями сокращения неравенства, которые опираются исключительно на технологический фактор... Мы думаем, что характер изменения ситуации с неравенством в доходах – это до-

полнительное косвенное подтверждение того, что нерыночные механизмы, такие как институты рынка труда и общественные нормы, касающиеся неравенства, тоже могут играть свою роль, побуждая к компенсации разрыва в доходах⁴.

Экономисты из Массачусетского технологического института Фрэнк Леви и Питер Темин первыми внесли вклад в объяснение того, как именно сработали «институты рынка труда и общественные нормы»⁵. Эти авторы выделили набор институциональных условий, который они обозначили как «Детройтское соглашение». Некогда журнал «Форчун» назвал так знаковую договоренность, достигнутую в 1949 году между Объединенным профсоюзом работников автомобильной промышленности и «Дженерал моторс». По этому соглашению членам профсоюза были гарантированы рост зарплаток параллельно повышению производительности труда, а также медицинские и пенсионные льготы и пособия. Взамен «Дженерал моторс» получал отсутствие забастовок.

Леви и Темин воспользовались этим названием не только применительно к формальным договоренностям между автомобильными компаниями и их трудовыми коллективами, но и для описания того, как эта сделка воспроизводилась в различных отраслях экономики США. Другие профсоюзы выдвигали коллективные требования, ориентируясь на стандарты, заданные автомобилестроителями, что привело к распространению социальных пакетов, касающихся заработной платы и разнообразных льгот. Хотя они и не были столь же обильными, как те, которых удавалось добиваться Уолтеру Рейтеру, но все же обеспечивали трудящимся доступ к плодам прогресса. Заметно выигрывали от этого даже не охваченные профсоюзным движением рабочие, так как угроза активизации профсоюзов нередко побуждала предпринимателей, у которых на производстве рабочие еще не организовались, предлагать своему персоналу примерно те же условия, что и у их охваченных профсоюзами товарищей. Экономике 1950-х и 1960-х годов были присущи «зарботки определенного калибра». Это значит, что договоренности по заработной

⁴ Piketty, Thomas and Saez, Emmanuel. «Income Inequality in the United States, 1913–1998» in: *Quarterly Journal of Economics*, 2003, February, No. 1(118), pp. 16–17.

⁵ См.: Levy, Frank and Temin, Peter. *Inequality and Institutions in 20th-Century America* (MIT Department of Economics Working Paper, No. 07–17, June 2007).

плате, к которым приходили крупные профсоюзы и корпорации, устанавливали планку для национального хозяйства в целом.

В то же время наличие мощных профессиональных союзов сдерживало рост доходов менеджмента и акционеров. Управленцы высшего звена понимали, что выплата самим себе чрезмерных сумм вызовет неприятие в отношениях с рабочими. Да и корпорации рисковали миром в трудовых отношениях, если параллельно увеличивающимся прибылям не поднимали зарплату своим работникам. В 1960-е годы производительность труда рабочих была заметно ниже, чем сейчас, но минимальная заработная плата с поправкой на инфляцию была существенно выше. Трудовое законодательство трактовалось и выполнялось в пользу профсоюзов. К тому же крупные компании и их руководители часто испытывали прямое политическое давление, если возникало ощущение, что они переступают черту допустимого. В этом смысле показателен случай, когда после того, как сталелитейные компании заключили со своим профсоюзом коллективный договор, не предусматривавший серьезной прибавки заработной платы рабочим, Джон Ф. Кеннеди потребовал от этих компаний отказаться от повышения цен на свою продукцию.

Для иллюстрации того, насколько трудовые отношения в рамках Детройтского соглашения отличались от их нынешнего состояния, сравним две корпорации, одна из которых была наиболее представительной в прошлом, а другая – сегодня.

В заключительные годы послевоенного бума компания «Дженерал моторс» была крупнейшим частным работодателем в Америке, если не считать регулируемую государством телефонную монополию. Соответственно, ее президент принадлежал к числу менеджеров, имевших самые высокие в Америке оклады. В 1969 году жалование Чарльза Джонсона составило 795 тысяч долларов, то есть приблизительно 4,3 миллиона нынешних долларов – и эта цифра вызвала общественное недовольство. Но ведь и простым рабочим компании тоже неплохо платили. В 1969 году рабочие в автомобильной промышленности зарабатывали в среднем до 9 тысяч долларов, что сегодня равно более чем 40 тысячам долларов. Рабочие «Дженерал моторс», помимо прочего, пользовались медицинским обслуживанием, имели пенсионные льготы и выплаты. Тогда они бесспорно относились к среднему классу.

Сейчас крупнейшей корпорацией Америки является «Уол-Март», в которой занято 800 тысяч человек. В 2005 году ее глава Ли Скотт получил почти 23 миллиона долларов. Это более чем в пять раз превосходит заработную плату Чарльза Джонсона, если сделать поправку на инфляцию. Однако полученная господином Скоттом денежная компенсация почти не вызвала возмущений, поскольку в наши дни она не выделяется на общем фоне вознаграждений, которые получают руководители крупных корпораций. Что же касается заработной платы работников «Уол-Март», то ее размер вызывает недоумение, так как слишком низок даже по нынешним меркам. В среднем работники «Уол-Март», не занятые административными задачами, получают около 18 тысяч долларов в год, то есть менее половины того, что зарабатывали рабочие «Дженерал моторс» 35 лет тому назад (с поправкой на инфляцию). Кроме того, «Уол-Март» имеет недобрую славу из-за

⁶ См., напр.: Abelson, Reed. «Wal-Mart's Health Care Struggle Is Corporate America's, Too» in: *The New York Times*, 2005, October 29.

того, что очень мало работников компании получают медицинские льготы, а также из-за скудости этих жалких льгот⁶.

Пикетти и Саец, Леви и Темин, а также все больше других экономистов доказывают, что разница между «Дженерал моторс» тогда и «Уол-Март» теперь показательна в плане того, что происходило в национальной экономике в целом. В 1970-е годы и позже от Детройтского соглашения отказались; институты и нормы, ограничивавшие неравенство после Второй мировой войны, стали достоянием прошлого, а неравенство вновь подскочило до уровня «позолоченного века». Другими словами, значительный разрыв в доходах, который стал заметен после 1970-х годов, по сути представляет собой антитезу «великому сжатию». В 1930-е и 1940-е годы создавались институты и утверждались нормы, которые ограничивали неравенство; в 1970-е годы с этими институтами и нормами покончили, что привело к росту неравенства. Институционально-нормативное объяснение позволяет понять картину подъема и упадка среднего класса в Америке.

Кроме того, такое объяснение позволяет точно предсказывать, как может различаться ситуация с неравенством в разных странах. Технологический фактор и глобализация затронули все развитые государства: в Европе информационные технологии распространились

почти также быстро, как и в США; как и в Америке, продающаяся в Европе дешевая одежда скорее всего изготовлена в Китае. Если считать технологию и глобализацию движущими силами увеличения неравенства, то Европа должна была бы переживать такой же его подъем, как и Соединенные Штаты. Но с точки зрения институтов и норм ситуация в развитых странах сильно различается: например, в Европе по-прежнему сильны профсоюзы; никуда не делись традиционные нормы, осуждающие слишком высокую оплату труда и поддерживающие льготы для рабочих. В случае, если все дело в институтах, следует ожидать, что американский опыт растущего социального неравенства будет исключением, не находящим сходства в Европе.

При таком сравнении институционально-нормативное объяснение выглядит убедительнее: самые очевидные данные дает информация о подоходном налоге, поскольку она позволяет выявить ту долю дохода, которая достается экономической элите. Эта информация показывает, что в годы Второй мировой войны и после нее все развитые страны пережили «великое сжатие», то есть резкое сокращение неравенства. В Соединенных Штатах подобное выравнивание пошло на убыль после 1970-х годов, так что к настоящему времени эффект «великого сжатия» в основном исчерпан. В Канаде, предельно тесно связанной с экономикой США, а также в Великобритании, при Маргарет Тэтчер пережившей свой период доминирования консерватизма, наблюдалась более ограниченная тенденция к возобновлению роста неравенства. Что касается Японии и Франции, то там ситуация с неравенством почти не меня-

лась начиная с 1980-х годов⁷.

Существует также более отрывочная и менее исчерпывающая информация, которую дают обзоры доходов домовладений. Тут картина не столь четкая, но опять-таки Соединенные Штаты и в меньшей степени Великобритания выделяются как государства, в которых неравенство резко выросло, когда в других странах его рост был либо незначительным, либо не наблюдался вовсе⁸.

⁷ См.: Piketty, Thomas and Saez, Emmanuel. *The Evolution of Top Incomes: A Historical and International Perspective* (National Bureau of Economic Research Working Paper, No. 11955, January 2006).

⁸ См.: Brandolini, Andrea and Smeeding, Timothy. *Inequality Patterns in Western-Type Democracies: Cross-Country Differences and Time Changes* (Luxembourg Income Study Working Paper, No. 458, April 2007). Попытка систематизировать результаты этого исследования, принеся результаты, сходные с полученными Т. Пикетти и Э. Саецем, представлена на: <http://www.tcf.org/list.asp?type=NC&pubid=1403>.

Если подвести итог, приведенные выше косвенные свидетельства позволяют заключить, что самым важным источником растущего неравенства в Соединенных Штатах являются институты и нормы, а не технология и глобализация. Показательный пример институциональных сдвигов – коллапс профсоюзного движения в США. А что я имею в виду, говоря о нормах?

Нормы и неравенство: зарвавшиеся менеджеры

Рассуждая о том, как изменившиеся нормы привели к росту неравенства, экономисты зачастую имеют перед глазами один и тот же конкретный пример: беспрецедентный рост доходов высших управляющих. От роста неравенства солидно выигрывают не только руководители крупнейших корпораций, однако поскольку они находятся на виду, они могут послужить особенно удобной иллюстрацией того, что в более широком масштабе касается всей экономики.

Как отмечалось в статистическом исследовании, проведенном специалистами Федеральной резервной системы, в 1970-е годы президенты 102 крупных компаний (из тех, что входили в число первых пятидесяти по продажам в те или иные годы между 1940 и 1990 годами) в среднем получали 1,2 миллиона долларов (в сегодняшних долларах). Эти люди, конечно же, были вполне обеспеченными. Но они получали немногим больше, чем платили наемным менеджерам высшего звена в 1930-е годы, и «всего лишь» в 40 раз больше того, что в то время получал средний наемный рабочий Америки, трудившийся полный рабочий день. Однако в первые годы нынешнего десятилетия средняя оплата труда высшего менеджера превысила 9 миллионов долларов в год, то есть стала в 367 раз больше заработной платы среднестатистического рабочего. Доходы прочих руководителей высшего звена также сильно выросли, хотя и не настолько, как у топ-менеджеров: те, кто занимал в крупных компаниях следующие два высших по значимости поста, зарабатывали в 1970-е годы в 31 раз больше среднестатистического рабочего, а к началу 2000-х годов – уже в 169 раз больше⁹.

⁹ См.: Frydman, Carola and Saks, Raven. *Historical Trends in Executive Compensation, 1936–2003*, New York: Federal Reserve Bank of New York, 2005.

¹⁰ См.: Gabaix, Xavier and Landier, Augustin. *Why Has CEO Pay Increased So Much?* (National Board of Economic Research Working Paper, No. 12365, July 2006).

Чтобы осмыслить эти поразительные изменения, начнем с идеализированной трактовки того, чем в счете определяется сумма денежного вознаграждения

топ-менеджера¹⁰. Будем исходить из того, что прибыльность компании зависит от личных качеств ее руководителей и что чем крупнее компания, тем сильнее деятельность руководства сказывается на размерах прибыли. Допустим также, что качества потенциального руководителя очевидны, то есть общеизвестно, кто стоит в списке лучших управленцев на 100-м месте, кто – на 99-м и так далее. В таком случае за высших руководителей должна вестись конкурентная борьба, по итогам которой наилучшие доставались бы крупнейшим компаниям, для которых их трудовой вклад наиболее значим. В результате подобного соревнования заработок каждого топ-менеджера напрямую отражал бы его деловые качества.

Отсюда неизбежно следует, что на самом верху управленческой пирамиды даже небольшие расхождения в приписываемых тому или иному руководителю достоинствах должны выливаться в существенные различия в их вознаграждении. Причина тому в конкуренции: для крупной компании разница в оплате услуг лучших управленцев, находящихся на соседних местах в воображаемом списке, вполне может составить десятки миллионов долларов ежегодно. В таком смысле наша идеализированная модель заставляет предположить, что высшие управленцы заслуживают тех денег, которые им платят. Эта модель подсказывает далее, что если сегодня им платят гораздо больше, чем в прошлом поколении, то, вероятно, существуют конкретные причины (обострившаяся конкуренция, взметнувшиеся вверх цен на сырье или что-то еще), из-за которых обладание наилучшими топ-менеджерами стало важнее, чем прежде.

Однако если мы отбросим констатирующую часть нашей идеализированной трактовки, то заметим, что оплата услуг высших управленцев не столь тесно привязана к основополагающим факторам предложения и спроса, а гораздо сильнее подчинена переменам в общественных нормах и политической власти.

Во-первых, ни качество управленцев, ни степень, в какой это качество имеет значение, нельзя выразить точными цифрами. Невозможно оценивать производительность глав корпораций так же, как мы вычисляем, сколько кирпичей строитель уложит за час работы. Нельзя также скрупулезно установить, сколько «стоит» сам топ-менеджер, если исходить из прибыльности руководимой им компании. Ведь прибыли зависят от множества обстоятельств, над которыми он не властен. Кроме того, сама эта прибыльность может быть просто фикцией, причем в течение долгого времени. Так, большинству наблюдателей «Энрон» казался сказочно успешной компанией. «Толл Бразерс», лидер в сфере продаж домов для среднего класса, тоже выглядел очень успешным, пока продолжал надуваться «пузырь» на рынке жилой недвижимости. Таким образом, вопрос о том, сколько платить исполнительному директору, в существенной мере имеет субъективный характер и зависит даже от моды. В 1950-е и 1960-е годы было не принято считать, что крупным компаниям нужны известные, харизматичные руководители. Президенты компаний редко попадали на обложки деловых журналов, а компании стремились вырастить руководителя в собственных рядах, подчеркивая достоинства командной игры. Напротив, в 1980-е годы и позднее главные управленцы уподобились рок-звездам – они стали определять лицо своих компаний в той же мере, в какой и компании определяли их собственное лицо. Мудрее ли поступают правления корпораций теперь, нежели раньше, когда руководителями выбирали своих проверенных сотрудников? Быть может, сейчас всех просто захватило поклонение кумирам?

Во-вторых, даже в той степени, в какой правление корпораций справедливо судит о деловых качествах менеджеров, а также о значимости этих качеств с точки зрения будущих прибылей, реальные суммы, которые они, в конечном счете, выплачивают своим руководителям, сильно зависят от того, что делается в других компаниях. Так, в мире корпораций 1960-х и 1970-х годов компании редко платили тем, кто считался звездой менеджмента, умопомрачительные деньги. Наоборот, гигантские суммы выплат наверху нередко считали причиной ослабления командного духа, а также потенциальным источником проблем с персоналом.

В подобном климате, даже если совет директоров какой-то корпорации действительно полагал, что следует нанимать менеджеров-звезд, таким звездам не приходилось предлагать непомерную плату. Сейчас же оплата услуг высших должностных лиц на уровне миллионов или даже десятков миллионов долларов считается нормальной. Потому даже те корпорации, чьи советы директоров не соблазнились идеей «звездного» руководства, тоже вынуждены платить своим топ-менеджерам завышенные вознаграждения – отчасти для привлечения тех, кого они считают подходящими, а отчасти потому, что финансовые рынки с недоверием воспримут компанию, руководитель которой не получает щедрой оплаты.

Наконец, если считать, что существует рынок корпоративных талантов, то кто же конкретно выступает в роли покупателя? Кто судит, насколько хорош менеджер и сколько ему нужно заплатить, чтобы другая компания воровским манером не перехватила кандидата вместе с его предпринимательскими дарованиями? Ответ тут таков: советы директоров обычно подбираются президентами корпораций, а потому, как правило, и нанимают экспертов по денежному вознаграждению, руководствуясь выбором того же президента. Эти эксперты определяют, сколько «стоит» президент. Ясно, что такая ситуация благоприятствует завышению оценок как персональных достоинств топ-менеджера, так и их значимости для жизнеспособности компании.

Отсюда следует, что доходы на самом вершине общества – те суммы, которые получают менеджеры высшего звена, а аналогичным образом и многие другие «чемпионы» по заработкам, могут в существенной мере зависеть от таких расплывчатых факторов, как общественное мнение и политические предпочтения. Вероятно с наибольшей определенностью в пользу такой точки зрения выразились Люциан Бебчук и Джесси Фрид, авторы вышедшей в 2004 году книги «Плата за несовершенные подвиги». На ее страницах утверждается, что менеджеры высшего звена по сути дела сами устанавливают себе жалованье, тогда как ни качество администрирования, ни рынок талантов не имеют при этом реального значения. По мнению авторов книги, рост оплаты труда высших менеджеров сдерживается лишь опасением, что слишком высокое

денежное поощрение менеджмента вызовет негативную реакцию со стороны обычно не подающих голос протеста акционеров, работников, политиков, и общества¹¹.

¹¹ См.: Bebchuk, Lucian and Fried, Jesse. *Pay Without Performance: The Unfulfilled Promise of Executive Compensation*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2004.

Если согласиться с этим мнением, то взмывшие вверх доходы руководства компаний выглядят скорее социально-политическим, а не узкоэкономическим явлением: они взлетели ввысь не в результате возросшего спроса на менеджерские таланты, а просто потому, что по неким причинам против этого никто не возражает. Если когда-то чрезмерная оплата труда глав корпораций осуждалась в новостных программах, то теперь, напротив, в них превозносятся их деловой гений. Политики, некогда державшиеся на гребне популистского обличения корпоративных «жирных котов», теперь подобострастно льстят этим людям, делающим обильные вклады в избирательные кампании. Профсоюзы, ранее выводившие людей на улицы в знак протеста против огромных бонусов для топ-менеджеров, деморализованы после многих лет их последовательного подавления. И еще. Поскольку верхняя планка подоходного налога снизилась с 70% в начале 1970-х годов до 35% сегодня, то это весьма на руку руководителям высшего ранга: теперь они реально получают куда большую часть своей чрезмерной зарплаты. Результат – взрыв неравенства в верхней части шкалы доходов.

Мысль о том, что рост зарплаток высших управленцев больше отражает социально-политические перемены, нежели действие «невидимой руки» рынка, может показаться кое-кому крамольной – уж слишком она противоречит базовому курсу экономикс. Тем не менее, такое мнение находит самых неожиданных сторонников: кое-кто из числа главных адептов нынешней системы оплаты труда, принятой в отношении топ-менеджеров, говорит почти что то же самое.

Прежде чем непосредственно обратиться к словам этих людей, позвольте мне процитировать того, кто к ним внимательно прислушался. Вот выдержка из яркой речи Гордона Гекко перед акционерами «Теллар пейпер» в фильме «Уолл-стрит»:

Во времена свободного рынка, когда наша страна была одной из главных индустриальных держав, перед акционерами приходилось

отчитываться. Карнеги и Меллоны, построившие великие промышленные империи, заботились об этом, потому что на кону были их собственные деньги. Сегодня же управляющие не вкладываются в компанию! Таким образом, дамы и господа, алчность – за отсутствием более точного слова – в большом почете. Алчность правомерна. Она приносит результаты.

Те, кто посмотрит фильм сегодня, вряд ли догадаются, что слова, вложенные Оливером Стоуном в уста Гордона Гекко, как эхо повторяют высказывания того времени, принадлежащие ведущим теоретикам по вопросу оплаты корпоративной верхушки. В 1990 году Майкл Йенсен из Гарвардской бизнес-школы и Кевин Мерфи из Рочестерского университета опубликовали статью в журнале «Гарвард бизнес ревью». В ней они вкратце выразили свое авторитетное мнение по данному вопросу. Согласно ему, «денежная компенсация, которую получают топ-менеджеры, практически не связана с хозяйственными результатами. В среднем корпоративная Америка оплачивает своих самых важных руководителей как

¹² См.: Jensen, Michael C. and Murphy, Kevin J. «CEO Incentives – It’s Not How Much You Pay, but How» in: *Harvard Business Review*, 1990, May/June, pp. 138–153.

никчемных бюрократов. Так стоит ли удивляться, что многие президенты компаний и ведут себя как чиновники, а не как заботящиеся о прибыли предприниматели, ко-

торые нужны компаниям, чтобы укреплять позиции на мировых рынках?» Иными словами, да здравствует алчность!¹²

Но почему же компании не связывают оплату с производственными результатами? Оказывается, из-за общественного и политического давления:

Почему советы директоров не увязывают оплату с результатами деятельности компаний? Комментаторы выдвигают немало предложений на сей счет, но почти во всех исследованиях, которыми мы интересовались, упускается один важный момент – а именно то, во что обходится разглашение размеров окладов высших управленцев. Принятые правительством правила раскрытия соответствующей информации гарантируют, что эти заработки всегда на виду и вызывают противоречивую реакцию. Выгоды раскрытия этой информации очевидны: тем самым обеспечивается защита от «грабежа» со

стороны менеджеров, которые тайно сговариваются с «прикормленными» членами советов директоров.

Меньше известно, во что обходится обнаружение подобной информации. Между тем в данном случае издержки вполне могут перевесить выгоды. Трудовые контракты менеджеров являются не частным делом, которое работодатели и наемные работники решают между собой. В процессе достижения договоренности важная роль принадлежит и третьим сторонам. Влиятельные политические силы воздействуют на компании извне и изнутри, что сказывается на денежном вознаграждении высших администраторов. Помимо прочего, решение вопросов вознаграждения не находится в компетенции акционеров. Этим занимаются комиссии по оплате, в которые обычно входят топ-менеджеры других компаний. Эти комиссии создаются акционерами, но не являются для них идеальными инструментами. Публичное обнаружение того, «сколько получает босс», играет на руку посторонним силам, у которых есть свои интересы. Как правило, комиссии по оплате реагируют на ажиотаж вокруг конкретных сумм тем, что устанавливают потолок – явный или подразумеваемый – вознаграждения менеджеров¹³.

¹³ Jensen, Michael C. and Murphy, Kevin J. *CEO Incentives*, p. 141.

Выражаясь иначе, Йенсен и Мерфи считали общественные нормы возмутительным ограничением, которое сдерживает рост заработной платы руководства. Причем такое мнение было высказано в публикации, появившейся тогда, когда оплата труда менеджеров высшего звена оставалась относительно низкой по сегодняшним понятиям. Конечно, эти авторы полагали, что это дурно, а во все не хорошо. Они отметили беспокойство по поводу того, что менеджеры сами себе набивают карманы, помещая слова «грабёж» и «прикормленные» в кавычки. Однако фактически такое объяснение тех изменений, которые произошли с доходами высших руководителей бизнеса, аналогично тому, какое дают критики высокой оплаты. По словам Йенсена и Мерфи, в период между концом 1930-х годов и началом 1980-х вознаграждение труда высшего звена менеджеров в реальном исчислении уменьшилось – несмотря на то, что сами компании укрупнились. Причиной тому стало государственное вмешательство. То есть, по мнению этих авторов, резкое сокращение дифференциации доходов рядовых работников и

руководства в послевоенный период происходило под давлением социально-политических, а не чисто экономических, факторов.

¹⁴ См.: http://money.cnn.com/magazines/fortune/fortune_archive/2001/06/25/305448/index.htm.

¹⁵ Там же.

Сейчас мысль, будто гигантские выплаты топ-менеджерам являются элементом эффективной системы, благодаря которой высшие управленцы получают стимул к хорошей работе, звучит как неудачная шутка. В 2001 году в журнале «Форчун» в статье под названием «Грабительски безмерное вознаграждение генеральных директоров»¹⁴ был в сжатой форме выражен весь его цинизм: «Можно было бы представить себе нечто в таком роде: активы не растут – значит, топ-менеджменту не должны выплачиваться премии. Однако на практике наблюдалось прямо противоположное: дела компании не слишком хороши – так надо придумать какой-то предлог, чтобы вознаградить начальство». В этой статье приведены также слова Майкла Йенсена, как будто бы усомнившегося в правоте своей прежней позиции: «Раньше я переживал, что этим ребятам платили недостаточно. Однако нынешняя практика беспокоит даже меня»¹⁵. Тем не менее «теория» преимуществ алчности сделала свое дело, спровоцировав изменение социально-политических норм. Размеры окладов, о которых несколько десятилетий тому назад писали бы на первых страницах газет и которые вызвали бы фурор, сейчас не считаются достойными упоминания.

¹⁶ См.: «U.S.-Style Pay Deals for Chiefs Become All the Rage in Europe» in: *The New York Times*, 2006, June 16, p. A1.

Не удивительно, что в европейских странах, где аналогичного изменения в нормах и институтах не наблюдалось, оплата труда топ-менеджмента намного отстала от американского. Глава компании «Бритиш петролеум», штаб-квартира которой находится в Великобритании, получает менее половины вознаграждения президента компании «Шеврон». Последняя вдвое уступает «Бритиш петролеум» по масштабам, зато базируется в Соединенных Штатах. По словам одного европейского консультанта по оплате, «в Америке не действует фактор стыда. В Европе больше беспокоятся об общественном восприятии»¹⁶.

¹⁷ См.: Rosen, Sherwin. «The Economics of Superstars» in: *American Economic Review*, vol. 71, No. 5, 1981, December, pp. 845–858.

Справедливости ради надо заметить, что топ-менеджеры – не един-

ственные представители экономической элиты, чьи доходы резко подскочили после 1970-х годов. Некоторые экономисты уже давно говорили о том, что определенного рода технологические изменения, например, расцвет средств массовой коммуникации, могут приводить к серьезной разнице в заработной плате между людьми, которые, по крайней мере на первый взгляд, имеют равную квалификацию¹⁷. В самом деле, распространение массовых коммуникаций позволяет как-то объяснить, почему знаменитости разного рода стоят сегодня настолько дороже, чем раньше. Помимо прочего, акцент на технологическом факторе позволяет отчасти понять, почему расширился разрыв в доходах среди юристов и профессионалов других профессий. Вероятно, факс и Интернет помогают лучшим забирать себе больше интересной работы, требующей чего-то особенного, тогда как не столь одаренные специалисты вынуждены довольствоваться нудной рутинной. И все же пример с оплатой услуг топ-менеджеров наиболее показателен: перемены в институтах и нормах могут вести к росту неравенства. К тому же, как мы убедились, международные сравнения заставляют сделать вывод, что именно институты, а не технология в большей мере ответственны за те изменения, которые произошли за последние три десятка лет.

Вот в чем причина

С 1970-х годов нормы и институты в Соединенных Штатах изменились таким образом, что значительно большее неравенство не просто допускается, но и поощряется. Но почему произошли эти изменения? Судя по всему, главная причина – в политике.

Еще раз обратим внимание на судьбу профсоюзов. Некогда их деятельность была важным фактором ограничения неравенства в доходах, поскольку непосредственно обеспечивала повышение заработной платы членов профсоюзов. В 1950-е и 1960-е годы система решения вопросов по зарплате с участием профсоюза не только способствовала неуклонному увеличению оплаты труда работников с минимальными заработками, но и сказывалась на состоянии рынка труда в целом. Упадок профсоюзов лишил их возможности эффективно смягчать неравенство. А в чем же причина самого их упадка?

На этот вопрос чаще всего отвечают, что профсоюзы захирели из-за изменившейся структуры рабочей силы. Согласно такой точке зрения, в американской экономике некогда преобладало индустриальное производство. Соответственно, самыми влиятельными профсоюзами были объединения автомобилестроителей и сталелитейщиков. Теперь США превратились в экономику услуг – отчасти из-за технологических нововведений, но также потому, что страна импортирует очень много промышленных товаров. Следовательно, как будто не должно быть никаких сомнений в том, что ослабление профсоюзного движения объясняется деиндустриализацией.

На самом деле это неверно. Значение промышленного производства действительно снизилось, но основная часть сокращений в численности профсоюзов стала результатом упадка профессиональной организации трудящихся как раз в промышленности. Там доля работников, охваченных профсоюзным движением, сократилась с 39% в 1973 году до 13% в 2005-м. Кроме того, нет такого экономического закона, который диктовал бы, что распространение профессиональных союзов должно ограничиваться промышленной сферой. Напротив, такая компания, как «Уол-Март», которая не сталкивается с зарубежной конкуренцией, кажется более подходящей для того, чтобы ее работники вступали в профсоюз, чем промышленные компании. Теперь подумаем, как это изменило бы экономику США: если бы работники «Уол-Март» вступили в профсоюз, который потребовал бы от компании более высоких зарплат и весомых социальных пособий для своих членов, розничные цены несколько подросли бы. Сам торговый гигант наверняка не разорился бы, зато в ряды американского среднего класса дополнительно влились несколько сотен тысяч человек. Представим себе, что это случилось бы и с другими розничными сетями или, еще лучше, со сферой услуг в целом, и получим картину того, как произошло «великое сжатие» при Ф.Д. Рузвельте.

Так почему же на «Уол-Март» нет профсоюза? Почему вообще профсоюзное движение утратило почву в промышленности, не сумев распространиться в растущей сфере услуг? Ответ прост и суров: такой результат отвечает интересам бизнеса, который в 1960-е годы, казалось бы, вполне достиг согласия с рабочим дви-

жением, но начиная с 1970-х пошел в наступление. Уточним, что мы не говорим о мягком убеждении. Речь идет о бескомпромиссной тактике, которая зачастую подразумевает незаконное увольнение рабочих, попытавшихся организовать либо поддержать профсоюзную активность. В конце 1970-х и начале 1980-х годов не менее одного из каждых 20 рабочих, голосовавших за профсоюз, уволили незаконно. По некоторым подсчетам, этот показатель еще выше и такое соотношение составляет один к восьми.

Крах профсоюзного движения в США, начавшийся в 1970-х годах, не имеет аналогов в других странах Запада. В Таблице 5 наглядно показана разница между Соединенными Штатами и Канадой в этом плане. В 1960-х годах рабочая сила в США была охвачена профсоюзным движением даже несколько шире, чем в Канаде. Однако к концу 1990-х годов в Америке профсоюзы оказались практически вытеснены из частного сектора, тогда как в Канаде положение дел не изменилось. Нет сомнения в том, что причина различий кроется в политике: в Америке политический климат стал благоприятствовать расправе над профсоюзами, а в Канаде этого не произошло.

В шестой главе отмечалось, что негативное отношение к профсоюзам послужило важной причиной политических успехов Барри Голдуотера. Кроме того было показано, что атака на профсоюзы сыграла ключевую роль в формировании базы консервативного движения в среде бизнеса. Ко второй половине 1970-х годов это движение набрало достаточный политический вес, чтобы деловые круги почувствовали силу, позволяющую взяться за профсоюзы всерьез.

Когда президентом был избран Рональд Рейган, кампания против профсоюзного движения получила поддержку и поощрение на самом высоком политическом уровне. В частности, разгром Рейганом профсоюза авиадиспетчеров явился сигналом для широкого наступления на профсоюзы по всему экономическому фронту. «Выталкивание» профсоюзов, активность которых некогда сдерживала усугубление неравенства, имело политический характер в самом широком смысле. Это был опыт применения власти, причем как в правительстве, так и в обществе в целом.

Таблица 5

**Доля членов профсоюза (в процентах) среди работников,
получавших зарплату или должностной оклад**

	Соединенные Штаты	Канада
В 1960 году	30,4	32,4
В 1999 году	13,5	32,6

Источник: Card, David; Lemieux, Thomas and Riddell, W. Craig. *Unionization and Wage Inequality: A Comparative Study of the U.S., and Canada* (National Bureau of Economic Research Working Paper, No. 9473, January 2003).

Таким образом, чтобы оценить «великое расслоение» в доходах, важно понять, как же получилось, что консервативное движение превратилось в столь влиятельный фактор в политической жизни Америки.

8 ПОЛИТИКА НЕРАВЕНСТВА

На протяжении шести лет – начиная с 1994 года и до конца пребывания у власти Билла Клинтона – между Конгрессом, в котором республиканцы имели большинство, и президентом-демократом велась ожесточенная политическая борьба. В памяти большинства людей остались события, связанные с попыткой объявления импичмента президенту в 1998 году. Однако более показательным оказался кризис 1995 года, в основе которого лежали не проблемы чьего-то поведения, а спор по поводу роли государства. Возникло открытое противостояние между различными концептуальными представлениями о роли государства в развитии общества.

Главной причиной кризиса стала попытка спикера Палаты представителей Ньюта Гингрича протолкнуть законопроект, в котором предусматривалось резко сократить финансирование программы «Медикэр» и, что не менее важно, побудить работоспособных пенсионеров не участвовать в этой программе, что означало подрыв как принципа ее универсальности, так и ее финансовой основы. Фактически Гингрич хотел обречь «Медикэр»¹ на медленную смерть посредством удушения. Проект пользовался достаточной поддержкой в Конгрессе, однако ее не хватало для преодоления президентского вето. Поэтому Гингрич попытался добиться согласия президента, лишив федеральное пра-

¹ В это время республиканцы подчеркивали, что они не предлагали сокращать затраты на программу «Медикэр», так как при принятии их плана расходы в долларах на каждого ее участника продолжили бы расти. Однако на деле предлагалась именно урезание программы, так как рост ассигнований не поспедал за повышением стоимости медицинских услуг. Подобные уловки использовались и в дискуссии о социальном страховании в 2005 году.

вительство финансовых средств, необходимых для продолжения его деятельности.

Это не значило, что все федеральные учреждения перестали работать и закрылись. Примерно половина федеральных служащих оставалась на рабочих местах, продолжая оказывать важнейшие услуги. Тем не менее ситуация имела весьма болезненные последствия. В своем стремлении ликвидировать один из столпов американского государства благосостояния республиканцы затеяли опасную игру в расчете на то, что у правительства не хватит выдержки противостоять им.

Как оказалось, Гингрич недооценил как самого Клинтона, так и избирателей. Клинтон держался стойко. Общественность сочла виновником возникшего кризиса Гингрича, а не администрацию Клинтона, и в конце концов республиканцы отступили. Через три года был инициирован импичмент Клинтона, наиболее вероятной причиной которого представляется попытка Гингрича взять реванш за свое поражение. Кризис 1995 года показал, насколько обострились противоречия между двумя партиями Америки и – в отличие от импичмента – эта конфронтация действительно отразила накал межпартийного противостояния.

Для многих политиков и журналистов характерен недуг, который некоторые либералы окрестили «броудеризмом»². Для страдающих им характерно то, что они, сожалея об уходящем межпартийном

сотрудничестве, считают его причиной неумение политиков взаимодействовать между собой. Разумеется, среди ведущих американских политиков немало тех, кому присуща масса личных недостатков. Они имелись не только у

² Термин происходит от фамилии корреспондента газеты «Вашингтон пост» Дэвида Броудера, «дуайена вашингтонского журналистского корпуса», который на протяжении всей эры Буша возлагал равную ответственность за этот раскол на обе партии.

Клинтона, но и у самого Гингрича, который, осуждая аморальное поведение президента, одновременно крутил роман с подчиненной, продемонстрировав такой сплав претенциозности и лицемерия, который нечасто встретишь даже среди наших современных политиков. Однако главная причина, по которой в политическую жизнь привносится столько непримиримости и фанатизма, кроется не в личностях, а в содержании самой политики.

Великая эпоха межпартийного сотрудничества отнюдь не была следствием того, что предыдущее поколение политиков состояло сплошь из джентльменов. Скорее она отражала мягкий характер противостояния в период, когда между партиями не было до такой степени принципиальных разногласий по основополагающим вопросам. После избирательной компании 1948 года республиканцы решили, что аннулировать достижения Нового курса невозможно и прекратили предпринимавшиеся ими ранее попытки добиться этого. В свою очередь демократы, совершившие в 1930-е и 1940-е годы подлинную революцию, остепенелись и приступили к реализации программы постепенного реформирования. Результатом стал длившийся на протяжении жизни целого поколения период приглушенного межпартийного противостояния. Этот период завершился, а когда республиканцы изменили свою позицию во второй раз, ожесточенное противоборство вспыхнуло с новой силой. Причина сегодняшней столь глубокой ненависти партий друг к другу состоит в том, что начиная с 1970-х годов «великая старая партия» еще раз проявила себя как организация, жестко противодействующая налогообложению богатых в пользу бедных и среднего класса и готовая идти до конца в отстаивании этого принципа.

Однако, одно дело – понимание характера межпартийного раскола, другое – уяснение его причин. По сути, дрейф Республиканской партии вправо вызывает два вопроса. Во-первых, почему одна из двух ведущих партий Соединенных Штатов развернула кампанию за демонтаж государства благосостояния именно тогда, когда в обществе наблюдался быстрый рост неравенства, а идея финансирования социальных льгот для среднего и низшего классов за счет налогов на богатых должна была становиться не менее, а, напротив, более популярной? Во-вторых, почему Республиканской партии удавалось одерживать победы на выборах, несмотря на явно антинародный характер ее экономической программы?

В следующих двух главах я постараюсь дать ответ на эти непростые вопросы. Прежде, однако, позвольте остановиться на весьма распространенном мнении, согласно которому с точки зрения практической деятельности между партиями – независимо от их декларативных заявлений – нет принципиальных различий.

Межпартийный раскол

В ходе избирательной кампании 2000 года Ральф Нэyder высмеивал кандидатов от двух основных партий, называя их «республикратами» – представителями интересов богачей, между которыми практически нет никакой разницы. Даже в ходе этих выборов – несмотря на то, что Джордж Буш-мл. сделал все, чтобы предстать в прессе умеренным политиком – масса американцев этому не поверила, что доказывает: подавляющее большинство граждан считает эти партии очень разными. Правда, людские мнения – не всегда лучший ориентир при оценке реальной практической деятельности политических организаций. В самом деле, так ли уж велика разница между партиями?

Когда Нэyder впервые стал известен в 1960-е годы, его оценка сходства партий соответствовала действительности. Вплоть до середины 1970-х партии во многих отношениях были практически неразличимы. Так, при Джоне Ф. Кеннеди налоги снижались, во времена Ричарда Никсона – повышались, а при голосовании по важнейшим законопроектам часто наблюдалось единство мнений представителей различных партий. Например, принятые в 1965 году законодательные акты (ставшие основой программ «Мэдикэйр» и «Мэдикэйд») получили мощную поддержку со стороны республиканцев, в то время как демократы серьезно возражали против них. Результаты окончательного голосования в Палате представителей были следующими: 70 республиканцев проголосовали «за» и 47 демократов – «против». Но то была уже новая политическая эпоха.

В частности, в начале президентского срока Рейгана была резко снижена ставка личного подоходного налога, а также существенно уменьшена эффективная налоговая ставка на прибыль корпораций. Оба эти решения принесли непропорционально большой выигрыш домохозяйствам с высокими доходами, которые ранее платили налог по более высокой ставке и которым, кроме того, принадлежала бóльшая часть ценных бумаг, доходность которых выросла из-за снижения корпоративного налога. Напротив, при Клинтоне ставка подоходного налога была поднята до беспрецедентно высокого уровня и одновременно был отменен верхний предел налога на зарплату по программе «Медикэр», от чего главным образом по-

страдала именно та элитная группа, которая получила основные выгоды от снижения налогов при Рейгане. Администрация Буша снижала налоги дважды – в 2001 и 2003 годах, причем, чтобы провалить законопроект о втором сокращении, была использована непродолжительная иллюзия успеха военной кампании в Ираке. В ходе первого сокращения была резко снижена ставка обложения наиболее высоких доходов и постепенно отменен налог на недвижимость, что обогатило только богатых; на втором этапе были снижены налоги на дивиденды и прирост капитала, от чего в основном выиграли, опять-таки, самые богатые американцы.

В Таблице 6 приведена эффективная ставка налогообложения верхнего одного процента населения (чей доход составляет сегодня 425 тысяч долларов в год и более). Иначе говоря, речь идет о доле дохода, которую представители этой группы реально уплачивали в виде налогов в рассматриваемые годы. Действительно, богатые многое получили при Рейгане и Буше-мл., и немало потеряли при Клинтоне. (Сказанное остается в силе даже с учетом того, что инициированные администрациями Рейгана и Клинтона изменения налоговой политики со временем постепенно размывались, поскольку каждому из этих президентов приходилось иметь дело с Конгрессом, подконтрольным оппонирующей ему партией).

Таблица 6

**Средняя ставка федерального налога
для высшего 1 процента населения США**

В 1980 году	34,6
В 1982 году	27,7
В 1992 году	30,6
В 1994 году	35,8
В 2000 году	33,0
В 2004 году	31,1

Источник: Congressional Budget Office. «Historical Federal Effective Tax Rates»: <http://www.cbo.gov/ftdoc.cfm?index=771&&type=1>.

Как правило, судьбу налоговых законопроектов решали голоса тех конгрессменов, кто воспринимал предлагаемый законопроект как близкий к линии их партии. Так, законопроект Клинтона–Гора о повышении налогов (1993 год) был утвержден Палатой представителей, хотя все республиканцы голосовали «против». Законопроект Буша о снижении налогов (2003 год) был одобрен Палатой, причем практически все (кроме одного) республиканцы проголосовали «за», а подавляющее большинство демократов (за исключением семи) – «против». Закон о бензине для безопасности Америки 2005 года (*Gasoline for America's Security Act*), предоставивший нефтяным компаниям ряд налоговых льгот, был принят Палатой с перевесом всего в один голос, причем против него голосовали все демократы, но только 13 республиканцев.

Результаты голосования по ассигнованиям выглядят не столь однозначно, но лишь потому, что здесь у партий меньше возможностей настаивать на своих позициях.

Администрация Рейгана вначале предприняла попытку резкого сокращения программы социального страхования, однако, столкнувшись с неодолимым противодействием Конгресса и общественности, оставила свою затею. Тем не менее ей удалось добиться законодательного утверждения новых правил, предусматривавших сокращение льгот и субсидий по программам предоставления продовольственных талонов, пособий по безработице, помощи семьям с детьми-иждивенцами. Администрация Клинтона пыталась ввести общенациональную систему здравоохранения, но потерпела полное фиаско. Правда, при ней был существенно повышен лимит налогового кредита на заработанный доход, что повысило благосостояние низкооплачиваемых работников.

После того, как в результате выборов 1994 года республиканцы получили большинство в Конгрессе, они, как известно, предприняли безуспешную попытку лишить программу «Медикэр» финансирования. Позднее администрация Буша-мл. продала закон, существенно расширивший сферу действия программы: теперь она покрывала расходы на лекарства, отпускаемые по рецепту. Однако очевидно, что речь шла лишь о политическом прикрытии того факта, что новая программа разрабатыва-

лась главным образом в интересах фармацевтических компаний. Более того, инициатива Буша по «Медикэр» стала важным шагом к реализации мечты Н. Гингрича приватизировать эту программу, поскольку предусматривались крупные ассигнования на реализацию планов «Медикэр эдвэнтидж», согласно которым деньги налогоплательщиков проходят через руки частных посредников. Предпринятая в 2005 году администрацией Буша попытка частичной приватизации программы социального страхования – наряду с сокращением обещанных будущих выплат и льгот – в случае ее успеха через несколько десятилетий привела бы к ее полной ликвидации. Но и эта инициатива – подобно попытке сократить программу социального страхования при Рейгане – быстро потерпела фиаско.

Таким образом, разница между партиями отнюдь не является иллюзорной. Республиканцы снижают налоги на богатых, стремятся урезать льготы и пособия по государственному социальному обеспечению и подорвать государство благосостояния. Демократы, напротив, повышают налоги на богатых, добиваются расширения сферы действия государственных льгот и пособий, укрепления государства благосостояния.

Эта разница нашла отражение в общественном мнении: в 1960-е и 1970-е годы позиции избирателей по вопросу о том, есть ли существенная разница между партиями, делились примерно поровну, однако к 2004 году доля американцев, отмечавших существенные различия между партиями, выросла до 76% (в 1972 году она составляла 46%)³.

³ См.: American National Election Studies. «The ANES Guide to Public Opinion and Electoral Behavior», table 2B-4 at: http://electionstudies.org/nesguide/toptable/tab2b_4.htm.

Радикализация «великой старой партии»

«Общедоступная страховая медицина, – объявил президент, – это идея, время которой в Америке наступило. Нам нужны конкретные шаги, позволяющие сделать высококачественную медицину доступной для всех американцев». Чье это заявление – Билла

Клинтон? Нет, это было сказано Ричардом Никсоном, в 1974 году предложившим Комплексный план медицинского страхования, который в общем и целом был аналогом тех программ, которые

⁴ См.: «Special Message to the Congress Proposing Comprehensive Social Insurance Plan» February 6, 1974 at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=4337>.

предлагаются сегодня либеральными демократами (в частности, Джоном Эдвардсом). Однако этой инициативе не суждено было стать законом, поскольку Никсон вскоре

пал жертвой Уотергейтского скандала⁴.

Современные консерваторы иногда презрительно характеризуют правление Никсона как либеральное. Что касается экономической и экологической политики, такая оценка действительно верна, по крайней мере, если руководствоваться сегодняшними критериями. Администрация Никсона не только разработала законопроект об общедоступной медицине, но также способствовала продвижению идеи гарантированного минимального дохода. В фискальной сфере она добилась принятия в 1969 году закона о повышении налогов (включающего введение минимального альтернативного налога), что означало ужесточение политики в отношении богатых американцев, которым удавалось, используя «налоговые гавани», законным образом уходить от налогов. В природоохранной области при Никсоне был принят Закон о контроле над загрязнением воздуха, а в Конгресс поступили десятки законодательных инициатив о мерах по защите окружающей среды. Бывалые сотрудники Агентства по охране окружающей среды говорили мне, что период президентства Никсона был для них золотым веком.

Короче говоря, Никсон был промежуточной фигурой. Хотя он в значительной мере взял на вооружение политическую тактику, считающуюся характерной для консервативного движения, он – как и многие республиканцы – был скорее прагматиком, нежели теоретиком. После Никсона характер Республиканской партии резко изменился. В 1984 году Томас Эдсол опубликовал в «Вашингтон пост» статью «Новая политика неравенства», содержащую удивительно глубокий и пророческий анализ изменений, которые уже происходили в американской политике. Позже он написал книгу, в ней анализирует возрождение и радикализацию Республиканской

партии, что произошло, по мнению автора, во второй половине 1970-х годов.

Такие прежде враждовавшие и относящиеся друг к другу с подозрением группы, как сообщество лоббистов корпораций; организации правого толка, придерживающиеся консервативного набора социокультурных ценностей; предпринимательские круги штатов Солнечного пояса, прежде всего независимые нефтяные компании; так называемые неоконсерваторы или теоретики «холодной войны», настаивающие на жесткой военной и внешней политике (номинально относясь к числу демократов, они по сути разделяют политические взгляды «великой старой партии» и поддерживают ее экономическую программу экономисты, выступающие за перестройку налоговой системы с целью предоставления налоговых преференций корпорациям и богатым, – все они обнаружили, что Республиканская партия предоставляет обширную платформу для создания коалиции⁵.

⁵ Edsall, Thomas. *The New Politics of Inequality*, New York: W.W.Norton, 1984, p. 73.

Иными словами, в «великой старой партии» возобладало консервативное движение.

Рональд Рейган стал первым президентом-консерватором. Взгляды, которые некогда, по словам Эйзенхауэра, были характерны лишь для «крошечной группы отщепенцев», стали для руководителей его администрации доминирующими. Так, тогдашний директор Административно-бюджетного управления Дэвид Стокман считал программу социального страхования типичным примером «замаскированного социализма». На ключевые посты в министерстве финансов и других правительственных структурах были назначены апологеты «экономики предложения», считавшие сокращение налогов главным инструментом обеспечения экономического развития страны и роста доходных статей бюджета. Администрация Рейгана постаралась ликвидировать достижения Никсона в сфере экологии, резко сократив бюджет Агентства по охране окружающей среды и существенно затруднив его деятельность по обеспечению соблюдения природоохранного законодательства. Первый министр внутренних дел в его кабинете Джеймс Уотт был ярким противником экологического движения и имел тес-

⁶ Clines, Francis X. «Watt Asks That Reagan Forgive 'Offensive' Remark About Panel» in: *The New York Times*, 1993, September 23.

ные связи с «новыми правыми», которые добились пятикратного увеличения площади общественных земель, отданных под разработки

угля. Уотт был вынужден со скандалом уйти в отставку после того, как похвастался тем, что в штате его сотрудников есть «темнокожий, женщина, два еврея и инвалид»⁶.

Правда, возможности Рейгана по реализации программы консервативного движения были ограничены политическими реалиями. Демократы контролировали Палату представителей, занимающая ключевые посты в ее руководстве. Республиканцы имели большинство в Сенате (за исключением последних двух лет президентства Рейгана), однако многие из них все еще придерживались умеренных взглядов в духе Эйзенхауэра. В этих условиях Рейгану приходилось несколько смягчать проводимую им политику. В частности, несмотря на желание его ближайшего окружения резко сократить льготы и пособия по программе социального страхования, Рейгану в конечном итоге пришлось увеличивать налоги для обеспечения финансирования социальных выплат.

Зато после Рейгана «великая старая партия» окончательно радикализировалась. Возьмем, к примеру, платформу республиканцев штата Техас (2004 год). Она дает представление об истинной позиции партии. Если общенациональной партийной программе приходится придавать по крайней мере видимость умеренности, то в Техасе республиканцы считали, что могут быть настоящими республиканцами. В программе содержались требования ликвидации следующих федеральных ведомств: Бюро по алкогольным напиткам, табачным изделиям и огнестрельному оружию, министерств энергетики, жилищного строительства и городского развития, здравоохранения и социальных услуг, образования, торговли, труда, а также должности руководителя государственной службы здравоохранения. «Истинные республиканцы» из Техаса также требовали передачи в частные руки системы социального страхования и отмены минимального размера оплаты труда. По сути дела речь шла о полном отказе от достижений Нового курса.

На самом деле консервативное крыло хочет пойти еще дальше, о чем свидетельствует проводимая им кампания за отмену налогов

на наследуемое имущество. Налог на недвижимость – давний правовой институт, в его современном виде введенный в 1916 году. Из всех федеральных налогов он имеет наиболее прогрессивную шкалу, поэтому именно он служит главным препятствием на пути концентрации богатства в руках небольшого числа самых богатых семей. В конце 1990-х годов – до снижения налогов администрацией Буша – только 2% наследников получали настолько крупное наследство, что для них вообще возникал вопрос об уплате с него налогов. При этом верхний (по доходам) один процент населения выплачивал почти две трети всех налогов на недвижимость, а наиболее богатые 10% населения платили 96% этих налогов⁷.

Поскольку налоги на недвижимость платит лишь очень узкий круг избирателей, в то время как выплаты и льготы по государственным программам (финансируемым в том числе за счет налога на недвижимость) получает большинство, логично предположить, что партия, ориентирующаяся на интересы средних или типичных избирателей, не должна покушаться на отмену налога на недвижимость. Именно так и поступала Республиканская партия на протяжении примерно 70 лет (ее последняя серьезная попытка отменить налог на недвижимость в 1925–1926 годах потерпела фиаско в значительной степени потому, что против этого возражали даже некоторые республиканцы)⁸. Однако в 1990-е годы Республиканская партия вновь стала превращать тему отмены налога на недвижимость в один из приоритетов своей программы. Проведенное администрацией Буша в 2001 году снижение налогов включало в себя постепенную отмену налога на недвижимость (одновременно снижались налоговые ставки и увеличивались налоговые льготы) к 2010 году. Иными словами, в вопросе снижения налогов на богатых сегодняшняя Республиканская партия намеревается пойти дальше, чем республиканцы 1920-х – последних благословенных лет долгого «позолоченного века».

Некоторые представители консервативного крыла прямо декларируют свое намерение повернуть вспять колесо истории. Провер

⁷ О наследниках, см.: <http://www.taxpolicycenter.org/TaxFacts/TFDB/TFTemplate.cfm?Docid=52&Topic2id=60>; о распределении средств см.: <http://www.taxpolicycenter.org/TaxFacts/TFDB/TFTemplate.cfm?Docid=50&Topic2id=60>.

⁸ См.: Graetz, Michael and Shapiro, Ian. *Death by a Thousand Cuts*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 2005, pp. 222–224.

Норквист – активный противник существующей налоговой системы, его даже называют фельдмаршалом кампании за сокращение налогов. Он широко известен следующим высказыванием: «Моя цель – в течение 25 лет сократить правительство вдвое, доведя

⁹ Dreyfuss, Robert. «Grover Norquist: Field Marshall of the Bush Plan» in: *The Nation*, 2001, May 14.

¹⁰ Greider, William. «Rolling Back the 20th Century» in: *The Nation*, 2003, May 26.

его тем самым до размера, позволяющего утопить его в ванне»⁹. Еще более характерно его заявление о том, что он хочет вернуть Америку в «эпоху Маккинли, когда не было протекционизма», то есть к тому ее

состоянию, в котором она пребывала «до Теодора Рузвельта, когда к власти пришли социалисты с их подоходным налогом, налогом на наследство, государственным регулированием и всем прочим»¹⁰.

Таким образом, во главе современной Республиканской партии стоят сторонники радикальных взглядов, люди, жаждущие вычеркнуть XX век из истории. Что касается Демократической партии, то в ней сколько-нибудь похожих процессов радикализации не происходит. Поэтому главной причиной сегодняшнего ожесточенного межпартийного противостояния является захват консерваторами господствующих позиций в «великой старой партии». Однако остается открытым вопрос о том, что позволило консервативному движению захватить и удерживать контроль над одной из двух ведущих политических партий страны.

Обширная тайная организация

Сущность той силы, с помощью которой консервативное крыло руководит Республиканской партией, можно кратко охарактеризовать очень просто: существует обширная тайная организация правых. Иными словами, имеется сеть тесно связанных организаций, подчиняющихся в конечном счете узкой группе лиц, которые сообщают вознаграждают верноподданных и карают инакомыслящих. Эти организации снабжают послушных политиков средствами (финансовыми и прочими) для победы на выборах, предоставляют им «запасные аэродромы» на случай поражения, а также теплые местечки после ухода в отставку. Они обеспечивают выгодный имидж в

СМИ верным сторонникам политики партии и, напротив, организуют критическое и негативное представление политических оппонентов. Наконец, на их содержании находится многочисленная регулярная армия партийных теоретиков и активистов.

Хотя мир аналитических организаций правого толка отнюдь не самая важная составляющая «масштабной тайной организации», он тем не менее позволяет получить представление о том, как она действует. Вот несколько зарисовок из жизни современных «мозговых центров».

Первый пример: Брюс Бартлетт – экономист консервативного толка, бывший сотрудник администрации Рейгана. Бартлетт работал в Национальном планово-аналитическом центре – экспертной организации, активно пропагандирующей и продвигающей политику приватизации. Центр финансируется двенадцатью фондами (в частности, Castle Rock, Earhart, JM, Koch, Bradley, Scaife и Olin)¹¹. Разочаровавшись в проводимой Дж. Бушем-мл. политике, Бартлетт написал книгу «Самозванец», в которой обвинил президента в том, что тот не является истинным консерватором. После этого Бартлетта немедленно уволили из центра, которому он посвятил много лет своей жизни.

¹¹ См.: http://www.sourcewatch.org/index.php?title=National_Center_for_Policy_Analysis.

Второй пример: сенатор Рик Сэнторам – убежденный консерватор, сторонник жесткого курса, представляющий относительно умеренный штат Пенсильвания. С треском проиграв промежуточные выборы 2006 года, он незамедлительно получил должность директора программы «Враги Америки» в Центре этики и государственной политики – организации, провозгласившей своей задачей «сделать основой общественной дискуссии по проблемам внутренней и внешней политики моральные принципы и традиции двух религий – иудаизма и христианства». Этот центр финансируется за счет грантов, предоставляемых по линии восьми фондов: Castle Rock, Earhart, Koch, Bradley, Smith Richardson, Olin, а также двух фондов Scaife¹².

¹² См.: http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Ethics_and_Public_Policy_Center; http://www.epcc.org/news/newsid.2818/news_detail.asp.

Третий пример: Национальный центр государственной политики. Это аналитический

центр, занимающийся разработкой рыночных методов решения современных проблем социальной политики (в последние годы центр фактически концентрировался на доказательстве ошибочности точки зрения о глобальном потеплении). В 2004 году пикантной новостью в СМИ стала информация о том, что эта организация помогала отмывать деньги лоббисту Республиканской партии Джеку Абрамоффу. Национальный центр государственной политики перечислил 1 миллион долларов несуществующей фирме прямых почтовых рассылок, имеющей тот же адрес, что и сам Абрамофф. Почему именно этот центр? Его с момента создания (1982 год) возглавляла Эмми Морич Риденуэр – заместитель Абрамоффа в его бытность в 1981 году руко-

¹³ См.: http://www.sourcewatch.org/index.php?title=National_Center_for_Public_Policy_Research.

водителем Национального студенческого комитета Республиканской партии. Муж госпожи Риденуэр также состоит в штабе организации, причем оклад каждого

из супругов исчисляется шестизначными цифрами. Финансирование центра осуществляют следующие фонды: Castle Rock, Earhart, Scaife, Bradley и Olin¹³.

На левом фланге не существует ничего сопоставимого с сонмом «мозговых центров» правого крыла республиканской партии. В «Вашингтон пост» есть постоянная рубрика, где публикуются обзоры, представленные одиннадцатью наиболее известными аналитическими центрами. Из этих крайне уважаемых организаций пять – откровенно консервативного толка: Американский институт предпринимательства, Институт Катона, Фонд «Наследие», Манхэттенский институт, Гудзоновский институт. Всего лишь одна – Центр за прогресс Америки – может действительно считаться органом прогрессивного движения, впрочем она была создана совсем недавно (в 2003 году). Остальные аналитические центры (типа института Брукинга), хотя и считаются либеральными, в сущности, не имеют четкой ориентации, занимая расплывчато-центристские позиции. Помимо Центра за прогресс Америки существует еще несколько прогрессивных экспертных организаций, играющих заметную роль в дискуссиях по вопросам политики. Это, в частности, Центр анализа бюджета и приоритетов экономической политики, а также Институт экономической политики. Правда, с точки зрения величины финансирования и кадрового потенциала, последние две

организации не более чем карлики на фоне гигантских «мозговых центров» консервативного движения.

Происходившее с 1970-х годов развитие сети консервативных аналитических центров означает, что любой теоретик движения может очень неплохо зарабатывать, поддерживая вполне определенные позиции. Правда, за использование этой возможности приходится платить серьезную цену – как убедился Брюс Барлетт, от вас требуется «лишь» превратиться из независимого аналитика в чиновника-бюрократа. Тем не менее многие считают это выгодной сделкой.

В значительной степени такие аналитические центры обязаны своим появлением горстке фондов, учрежденных богатыми семьями. Самые крупные центры – прежде всего Фонд «Наследие» и Американский институт предпринимательства – получают также большие гранты от корпораций.

Сеть консервативных экспертных центров имеет свой аналог в мире журналистики. Такие издания, как «Нэшнл джорнэл», «Паблик интерес» и «Америкэн спектейтор» создавались (как и консервативные экспертные центры) при серьезной поддержке примерно тех же правых фондов. Существует также ряд газет консервативного толка. Это прежде всего «Уолл-стрит джорнэл» и «Вашингтон таймс» (контролируемая сектой Церковь объединения Муна), фактически ставшие рупорами администрации Буша. Куказанной группе следует, разумеется, отнести и телеканал «Фокс ньюс» с его оруэлловским лозунгом «За справедливость и сбалансированность».

Наконец последнее по счету, но отнюдь не по значению, – это альянс между лоббистами и политиками. За видимым обилием групп, лоббирующих интересы корпораций, за кажущейся множественностью консервативных «мозговых центров» стоит жестко централизованная организация консервативного движения. До того, как поражение на выборах 2006 года заставило его заняться новым делом – борьбой с врагами Америки, сенатор Рик Сэнторам каждый вторник проводил совещание с участием примерно двух десятков ведущих лоббистов. Вот как описывал про эти совещания Николас Конфессоре:

Каждую неделю собравшиеся лоббисты рассматривают список имеющих в наличии вакансий и обсуждают, кого следует поддержать в качестве кандидатов на их занятие. Задача Сэнторама – обеспечить гарантированное назначение верных республиканцев на все вакант-

¹⁴ Confessore, Nicholas. «Welcome to the Machine» in: *Washington Monthly*, 2003, July – August, cover story.

ные должности, будь-то, например, вакансия руководителя аппарата сенатора, высокопоставленного советника в Белом доме либо любая другая

должность. После того, как Сэнторам высказывал свое мнение по кандидатам, у присутствующих лоббистов не оставалось сомнений в том, кому благоволит руководство республиканцев¹⁴.

Еженедельные совещания у Сэнторама и аналогичные совещания у Роя Бланта, секретаря партийной фракции Конгресса и заместителя по организационным вопросам лидера фракции большинства в Палате представителей, стали венцом стратегии лоббистов крупных корпораций. Именно так Гровер Норквист и Том ДеЛэй (бывший лидер республиканского большинства в Палате представителей) осуществляли свой план вытеснения демократов из лоббирующих организаций и назначения на освобождающиеся должности преданных республиканцев. Замысел состоял также в том, чтобы обеспечить получение республиканцами львиной доли финансовых взносов корпораций, сведя финансирование демократов к минимуму. Эта задача решалась также посредством прямого давления. В 1995 году ДеЛэй составил список из 400 крупнейших комитетов политических действий с указанием предоставленных ими каждой партии денежных пожертвований (в их абсолютном и относительном значении), после чего пригласил «недружественных» лоббистов в свой офис для следующего безапелляционного заявления: «Если вы хотите участвовать в нашей революции, вам придется жить по

¹⁵ Цит. по: Marannis, David and Weisskopf, Michael. «Speaker and His Directors Make the Cash Flow Right» in: *The Washington Post*, 1995, November 27, p. A01.

нашим правилам» – процитировала его газета «Вашингтон пост»¹⁵. Важно особо подчеркнуть, что установление контроля над лоббистами способствовало упрочению

лояльности в самой Республиканской партии, поскольку был создан фонд выгодных вакантных должностей в государствен-

ном аппарате – должностей очень недурно оплачиваемых – назначение на которые можно было использовать для поощрения наиболее рьяных проводников политики партии.

Наличие множества организаций консервативного движения – серьезный стимул для политиков-республиканцев занимать позиции существенно правее центра. Дело не только в возможности получения пожертвований на ведение избирательной кампании. Это и вопрос личного финансового будущего. Общественность твердо убеждена, что программу «Медикэр» необходимо использовать для минимизации цен на лекарства. Тем не менее Билли Таузин – бывший демократ, переметнувшийся в стан республиканцев и возглавлявший в 2001–2004 годы Комитет по энергетике и торговле Палаты представителей, продал законпроект о «Медикэр», в котором в том числе предусматривался запрет на переговоры по поводу цен. Впоследствии Таузин возглавил группу лоббистов интересов фармацевтической промышленности, получив оклад, выраженный семизначной цифрой. Рик Сэнторам имел слишком правые взгляды, чтобы быть переизбранным в Сенат от штата Пенсильвания, но после своего поражения на выборах без труда нашел теплое местечко в одном из «мозговых центров». В то же время Линкольну Чафи – умеренному республиканцу от штата Род-Айленд, потерявшему место в Сенате в том же году – пришлось довольствоваться одногодичным контрактом на преподавание в университете Брауна.

Поражение Линкольна Чафи заставляет меня обратить внимание на еще один инструмент, с помощью которого организации консервативного движения осуществляют руководство «великой старой партией». Помимо поддержки благонадежных политиков-республиканцев, строго придерживающихся партийной дисциплины, они наказывают тех, кто ее нарушает. Чафи столкнулся с жестким оппонированием справа на предварительных выборах. Его соперник – Стив Лэффи получил в качестве финансовой поддержки свыше миллиона долларов от «Клуба роста» – организации, специализирующейся на наказании республиканцев, недостаточно твердо добивающихся сокращения налогов. «Мы хотим считаться органом по принудительному осуществлению идеи снижения налогов» – заявил в 2001 год ее руководитель Стивен Мур.

«Клуб» вполне мог рассчитывать на успех своих попыток устранения Чафи с политической арены. В 1999 году спонсировавшийся им кандидат едва не одержал победу на предварительных выборах в Пенсильвании над другим республиканцем относительно умеренных взглядов – сенатором Арленом Спектером. Подобные усилия очень эффективны. Как заявил в 2001 году один конгрессмен-республиканец, «когда 100% республиканцев голосует в поддержку законопроекта Буша о снижении налогов, вы понимаете, что они делают это из опасения, что подбором кандидатов в их избирательном округе займется Стив Мур».

Спектер был первый раз избран в Сенат в 1980 году, то есть поработал в Конгрессе в те времена, когда в «великой старой партии» еще находилось место людям с умеренными взглядами. Что касается более молодых политиков-республиканцев, то они в основном выросли в рамках партии, где движение консерваторов стало доминирующим. Уже к 1972 году резкий сдвиг вправо произошел в Национальном студенческом комитете Республиканской партии, когда его председателем был избран ни кто иной, как Карл Роув. Среди других известных представителей этой организации – Рик Сэнторам, Гровер Норквист, Ральф Рид и Джек Абрамофф. Консерваторы контролируют Национальный комитет Республиканской партии, из чего прямо следует, что именно они подбирают кандидатов для избрания в Конгресс. Понятно, что выбор падает на тех, кто наиболее соответствует их консервативным представлениям. Те немногие остающиеся в Конгрессе «умеренные» республиканцы были (за редким исключением) впервые избраны до того, как президентом стал Рейган, или не позднее выборов 1994 года, окончательно утвердивших доминирование в партии течения, возглавляемого Гингричем.

И последнее. Организации консервативного движения обеспечивают преемственность целей и задач, тогда как на противоположном фланге этого нет. При Джимми Картере была предпринята попытка разработать стратегию в области энергетики, которая позволила бы сократить зависимость страны от импорта нефти. Однако когда президентом стал Билл Клинтон, никто не потребовал продолжить инициативу Картера. Когда же провалилась попытка Рональда Рейгана резко сократить программу социального обеспечения, кон-

сервативное движение восприняло это как не более чем временную неудачу. В получившей теперь известность статье, написанной в 1983 году, эксперты Института Катона и Фонда «Наследие» предлагали использовать «ленинскую стратегию» для прекращения финансирования программы социального обеспечения, имея в виду «подготовить такие политические предпосылки, которые гарантировали бы консерваторов от повторного фиаско»¹⁶. Именно эта стратегия лежит в основе попыток Джорджа Буша-мл. передать систему социального страхования в частные руки. Такие попытки будут повторяться в будущем до тех пор, пока консервативному движению не будет нанесено столь же сокрушительное поражение, какое оно потерпело перед Новым курсом.

¹⁶ Butler, Stuart and Germanis, Peter. «Achieving a Leninist Strategy» in: *Cato Journal*, vol. 3, No 2 (Fall 1983), pp. 547-561.

Почему это произошло?

Механизм нарастающего раскола между партиями понятен. Ожесточенное противостояние стало нормой потому, что среди республиканцев произошел сдвиг вправо, а «великая старая партия» стала более правой потому, что к руководству в ней пришло консервативное крыло. Правда, при этом остается открытым вопрос о том, что же было первопричиной произошедшего. Богатые семьи, ненавидящие налоги; корпорации, выступающие против государственного регулирования, а также интеллектуалы, считающие государство благосостояния противозаконным, существовали всегда. В 1950-е и 1960-е годы это были малочисленные группы, и обе партии считали их маргинальными. Что же сделало их силой, достаточно мощной для того, чтобы трансформировать политическую жизнь Америки?

Сами представители консервативного движения, если и задумываются о причинах своего прихода к власти, то представляют суть дела в виде байки про торжество правильных идей над неправильными. Вот как это примерно выглядит. Великая депрессия, наряду с левацкой пропагандой, сформировала у людей ложное представление о том, что для защиты их интересов необходимо «большое правительство». Институты «большого правительства» в свою очередь, стали самовоспроизводящимися структурами. Однако

бросившие вызов общественному мнению хабрецы – от Милтона Фридмана до Рональда Рейгана – постепенно объяснили республиканцам, что государство не столько решает проблемы, сколько их создает. А причина раскола между партиями заключается в том, что пока не все люди поняли эту истину.

Согласно противоположной – по отношению к приведенной версии политического сдвига – по сути, механистической точке зрения, в основе подъема консервативного движения лежит экономическое неравенство. Как отмечалось в первой главе, к этой книге я приступал, имея примерно следующее представление. Деньги позволяют приобретать инструменты влияния, а поскольку в результате действия факторов, усиливающих неравенство (в частности, научно-технического прогресса), самые состоятельные несколько процентов американцев продолжают богатеть, то со временем они обретают достаточно средств для того, что купить себе партию. При таком подходе подъем консервативного движения выступает побочным продуктом растущего неравенства.

Разумеется, более вероятная причина трансформации политической жизни Америки – это резкий рост (начиная с 1970-х годов) неравенства в доходах, нежели блестящие способности нескольких интеллектуалов. Однако версия, по которой рост концентрации доходов сформировал экономическую элиту, осуществившую сдвиг «великой старой партии» вправо, оказывается несостоятельной с точки зрения исторического анализа. Резкий сдвиг вправо Республиканской партии начался до того, как проявился сколько-нибудь заметный рост неравенства в доходах. Рональд Рейган стал президентом в 1980 году, когда разница уровней доходов богатых и средних американцев была не большей, чем в годы президентства Эйзенхауэра. В Конгрессе начало политического сдвига датируется выборами 1976 и 1978 годов. Как отмечал Т. Эдсол, ядро более мо-

лодых идеологически надежных сенаторов-республиканцев выросло с 4 человек в 1975 году до 11 в 1979-м, причем параллельный сдвиг вправо

происходил также в Палате представителей¹⁷. Захват консервативным движением господствующих позиций в Национальном студенческом комитете Республиканской партии произошел еще раньше.

¹⁷ См.: Edsall, Thomas. *The New Politics of Inequality*, p. 74.

Карл Роув был избран его руководителем в 1972 году. Примерно в то же время сформировались основные «мозговые центры» консервативного движения. Так, например, Фонд «Наследие» был создан в 1971 году. Создание «Круглого стола бизнеса», объединившего несколько разрозненных групп и ставшего влиятельнейшим лоббистом интересов деловых кругов – а со временем и базой для встреч Сэнторама с лоббистами – датируется 1972 годом. Вскоре вслед за этим была возрождена такая мощная лоббирующая организация, как Торговая палата США.

Добавим к сказанному приведенные мной в седьмой главе доводы в пользу того, что в основе роста неравенства лежат главным образом изменения в институтах и правовых нормах, а также то, что сами эти изменения обусловлены политическими подвижками. В итоге механистическая версия, по которой именно неравенство стало причиной сдвига вправо в стане республиканцев, становится почти полностью несостоятельной. Вполне вероятно, что растущая концентрация доходов усугубила правый крен «великой старой партии», поскольку возросло как число, так и богатство спонсоров, способных щедро финансировать политиков с жесткими и бескомпромиссными взглядами. Однако для того, чтобы этот процесс реализовался на практике, нужно было что-то еще.

Этим чем-то стала, по моему мнению, группа факторов, описанных в шестой и седьмой главах. Резюмируем изложенное в них: в конце 1950-х – начале 1960-х годов новые консерваторы – небольшая часть партийной элиты, сгруппировавшаяся вокруг журнала «Нэшнл ревью», – превратились в серьезное движение в результате объединения с другими политическими силами, также недовольными обществом среднего класса Америки послевоенных лет. Яркие антикоммунисты нашли в консервативном движении родственные души, разделявшие их страхи и опасения. Люди, для которых сама мысль о получении кем-то социального пособия была оскорблением, обнаружили движение, которое могло сделать их возмущение политически respectable. Бизнесмены, крайне недовольные необходимостью считаться с профсоюзами, нашли силу, способную трансформировать их раздражение в эффективные политические действия.

Кумулятивный эффект соединения разных политических сил оказался настолько мощным, что кандидатом от Республиканской партии стал Барри Голдуотер – правда лишь потому, что для руководства республиканцев это оказалось полной неожиданностью. Голдуотер с треском проиграл выборы. Тем не менее движение извлекло из этого поражения полезные уроки. Рональд Рейган научил консерваторов облекать элитарные экономические идеи в популистскую риторику. Никсон, не будучи представителем консервативного крыла, продемонстрировал, как «темная сторона» Америки – скрытые обиды и озлобленности социокультурного характера, страхи по поводу безопасности внутри страны и за рубежом, а более всего расовые противоречия – может успешно эксплуатироваться для победы на выборах.

Последний фактор имел ключевое значение. Умение превращать жесткие правые взгляды не в тщетный протест, а в выигрывающую стратегию обеспечило им крупномасштабное финансирование, позволившее создать аналитические институты консервативного движения – то, что сегодня нам известно как широкая тайная организация правого толка.

Все сказанное подводит нас к второму непростому вопросу, уже сформулированному мной ранее в этой главе. Почему противникам государства благосостояния и прогрессивного налогообложения удастся побеждать на выборах, хотя на фоне растущего неравенства доходов более популярной должна была бы становиться идея государства благосостояния? Об этом – в следующей главе.

9 ОРУЖИЕ МАССОВОЙ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Было бы ошибкой считать, будто избиратели голосуют, руководствуясь исключительно личным интересом. В сущности, рядовой обыватель не слишком заинтересован участвовать в выборах, так как посещение избирательного участка требует времени, а потенциальный эффект влияния голоса отдельного избирателя на его собственное благосостояние – ничтожен. Тем не менее часть граждан, получающих социальную поддержку, может голосовать против «большого правительства», руководствуясь принципиальными соображениями; другие избиратели, напротив, могут поддерживать щедрые социальные программы, даже если сами в них не нуждаются.

Но все же было бы логичным предположить, что предпочтения избирателей в какой-то мере отражают их собственную выгоду. И это действительно так. Избиратели из наименее состоятельной трети населения гораздо благосклоннее относятся к росту государственных расходов, правительственных программ по созданию рабочих мест и тому подобного, нежели избиратели из противоположной – наиболее состоятельной – трети населения¹. Причина заключается в том, что «большое правительство» (государство благосостояния) выполняет две функции. Во-первых, это функция страхования, то есть защита людей от возможного риска, дающая им уверенность в том, что если с ними что-то случится, то им не придется голодать, либо – если речь идет о тех, кто старше 65 лет, – у них будет

¹ См.: Bartels, Larry. «What's the Matter with What's the Matter with Kansas?» in: *Quarterly Journal of Political Science*, 2006, no. 1, pp. 201–226.

достаточно средств на необходимое медицинское обслуживание. Во-вторых, государство активно перераспределяет существенную часть доходов в пользу менее состоятельных граждан.

Рассмотрим, например, функции программы «Медикэр», представляющей собой весьма эффективную форму социального страхования. Она служит гарантией душевного спокойствия даже для тех граждан, чьи налоговые и страховые платежи по ней меньше, чем получаемые льготы. Немало американцев в возрасте около 60 лет с надеждой ожидают того момента, когда, наконец, достигнут 65-ти – поскольку до этого им приходится покупать крайне дорогую медицинскую страховку, либо же – при ее отсутствии – жить в постоянном страхе серьезно заболеть до того, как они получат доступ к «Медикэр».

Правда, имеется еще одна, не слишком афишируемая причина популярности этой программы: она обеспечивает перераспределение средств от богатого меньшинства к менее состоятельному

² Как в любых случаях, в которых оказываются задействованы государственные финансы, проблема несколько более сложна, чем она кажется на первый взгляд. Часть «А» программы «Медикэр», которая обеспечивает содержание пациентов в больницах, оплачивается из пропорционального налога на все зарабатываемые доходы (кроме доходов на капитал, к которым относится переоценка активов и полученные дивиденды). Оставшаяся часть расходов в рамках программы «Медикэр» оплачивается из «общего дохода», финансируемого из подоходного налога, который имеет прогрессивную шкалу и большая часть которого уплачивается высшими 10% населения.

большинству. Хотя право на льготы по программе «Медикэр» имеют все граждане, основная часть налогов, обеспечивающих ее финансирование, поступает от не более чем четверти населения (поскольку ставка налога пропорциональна величине дохода)². Напомним: основная часть населения Соединенных Штатов имеет доход ниже среднего. Именно поэтому любая правительственная программа, в рамках которой налоги собираются со

всех граждан, а льготы и субсидии предоставляются каждому нуждающемуся в них, неизбежно воспринимается большинством американцев позитивно.

Перераспределение доходов, обеспечиваемое программой «Медикэр», вообще является характерной чертой государства благосостояния. В рамках программ адресной помощи малоимущим – таким, как «Медикэйд» или предоставление продовольственных талонов, – происходит прямое перераспределение до-

ходов. Аналогичный характер имеют и льготы для среднего класса. В рамках программы социального страхования нижние 60% американцев, живущих на трудовой доход, могут рассчитывать на получение льгот, существенно превышающих сумму уплачиваемых ими социальных налогов. В то же время 20% граждан с наиболее высокими доходами, напротив, не могут рассчитывать на получение из социальных фондов больше того, чем ими туда перечислено³.

С учетом сказанного по мере усиления неравенства доходов логично было бы ждать сдвига общественного мнения влево, то есть большей поддержки избирателями программ прогрессивного налогообложения богатых и предоставления льгот всему населению. Это до некоторой степени подтверждается и результатами опросов общественного мнения: в то время как внутри Республиканской партии наблюдался резкий сдвиг вправо, в общественном мнении, напротив, происходил (пусть и не слишком значительный) сдвиг влево.

Основным источником информации о долгосрочных тенденциях в общественном мнении США является организация American National Election Studies. Начиная с 1950-х годов она проводит социологические опросы, задавая респондентам стандартный набор вопросов. Наиболее показательны три из них, прямо или косвенно касающиеся «размера» правительства и «щедрости» государства благосостояния.

Первый относится к системе здравоохранения. Опрашиваемым предлагается оценить свое отношение по шкале от 1 до 7 баллов, где 1 означает однозначную поддержку государственной программы финансирования медицины, а 7 – напротив, частной системы предоставления медицинских услуг (когда каждый оплачивает медицинские услуги из собственного кармана, либо их покрывает частная страховая компания). В 1972 году 37% опрошенных поддержали государственную систему медицинского страхования (выбрав варианты 1, 2 и 3), в то время как 35% предпочли частную медицину (варианты 5, 6 и 7). В 2004 году число сторонников государ-

³ См.: Smith, Karen and Toder, Eric. *Lifetime Distributional Effects of Social Security Retirement Benefits* (доклад, представленный на 3-й ежегодной конференции Консорциума по пенсионным исследованиям «Делая сложный выбор относительно выхода на пенсию» [Вашингтон, 17-18 мая 2001 года]).

ственной медицины достигло 42%, тогда как доля тех, кто придерживался противоположного мнения, сократилась до 27%.

Второй вопрос формулируется следующим образом: должно ли государство гарантировать каждому гражданину работу и достойный уровень жизни? В 1972 году 28% опрошенных отвечали утвердительно, а 40% считали, что государству следует лишь «дать возможность каждому добиваться всего собственными силами, действуя на свой страх и риск». В 2004 году соответствующие показатели составили 31 и 42% (то есть при незначительном сокращении доли тех, кто не дал однозначного ответа, общее соотношение практически не изменилось).

Наконец, третий вопрос: должен ли увеличиваться объем предоставляемых государством услуг и их финансирование или же, наоборот, его следует сокращать? К сожалению, этот вопрос задается только с 1982 года, когда 32% опрошенных высказались в пользу «малого правительства», тогда как сторонников «большого правительства» оказалось 25%. К 2004 году доля сторонников «малого правительства» резко сократилась (до 20%), тогда как доля выступавших за «большое правительство», выросла до 43%.

Приведенные данные подтверждают, что американский электорат в целом несколько полевел. Очевидно, что сдвиг оказался меньшим, чем можно было ожидать, учитывая значительно усилившееся неравенство. Однако в общественном мнении – в отличие от Республиканской партии – резкого сдвига вправо не произошло. Несмотря на это факт остается фактом: республиканцы продолжают побеждать на выборах (вывод, несколько – но отнюдь не полностью! – утративший свою категоричность, учитывая результаты промежуточных выборов 2006 года). В чем же причина успеха «великой старой партии»?

Канзас в наших мыслях

Политическое движение, целями которого являются сокращение налогов и демонтаж государства благосостояния, испытывает вполне естественные трудности с завоеванием массовой общественной поддержки. Снижение налогов вообще и в особенности уменьшение налогообложения богатых, за которое ратует консер-

вативное движение, в основном выгодно незначительному меньшинству населения, в то время как свертывание социальной поддержки больно бьет по гораздо большей его части. Партийный механизм и деньги способны частично компенсировать непопулярность консервативной стратегии, однако для постоянных побед на выборах консервативному движению необходимо пойти на некоторые изменения.

В знаменитой книге «Что случилось с Канзасом?» (2004 год) ее автор Томас Франк дал безрадостную картину того, как легко снова и снова с помощью внешне привлекательных лозунгов удается манипулировать сознанием избирателей-трудящихся:

Этот трюк никогда не устаревает, а иллюзии никогда не утрачиваются. *Голосуешь* за запрет абортотв – *получишь* снижение налога на прирост капитала. *Голосуешь* за сильную страну – *получишь* деиндустриализацию. *Голосуешь* за увольнение политически корректных университетских ученых – *получишь* дерегулирование сферы электроэнергетики. *Голосуешь* за избавление от гнета правительства – *получишь* повсеместное распространение суперкорпораций и монополий – от СМИ до расфасовки мясных продуктов. *Голосуешь* за решительную борьбу с терроризмом – *получишь* приватизацию системы социального страхования. *Голосуешь* против элитизма – *получишь* социальный порядок, при котором концентрация богатства достигает беспрецедентного уровня, рабочие отстранены от власти, а доходы менеджеров превышают все мыслимые пределы⁴.

⁴ См.: Frank, Thomas. *What's the Matter with Kansas? How Conservatives Won the Heart of America*, New York: Henry Holt & Co., 2004.

Насколько правдива такая картина? Я был совершенно потрясен книгой Франка, когда она вышла в свет, и до сих пор считаю ее мастерски написанным эссе о том, насколько гениально консервативное движение эксплуатирует прямые апелляции к чувствам, а не к разуму, и насколько оно лицемерно в вопросах управления. Однако политологи (прежде всего мой коллега по Принстонскому университету Ларри Бартелс, автор работы под названием «Что же случилось с тем “Что случилось с Канзасом?”») серьезно сомневаются в истинных масштабах того, насколько действительно удастся одурачить избирателей, живущих на трудовые доходы.

Реальность такова, что со временем предпочтения избирателей все в большей, а не меньшей мере определяются классовой принадлежностью, что вполне естественно, учитывая изменение характера Республиканской партии. В 1950-е и 1960-е годы у руля «великой старой партии» стояли люди, являвшиеся преемниками проповедовавшей Эйзенхауэром доктрины «современного республиканизма», то есть люди, воспринявшие наследие Нового курса. В то время богатые белые американцы вряд ли были более склонны считать себя республиканцами или голосовать за кандидатов-республиканцев, нежели малоимущие белые граждане. Однако приход консервативного движения к руководству «великой старой партии» породил устойчивое классовое разделение голосов избирателей. Богатые все чаще голосуют за республиканцев, тогда как белое население с более низкими доходами (в особенности проживающее за пределами южных штатов) сегодня делает свой выбор в пользу демократов гораздо чаще, чем полвека назад.

И все же есть нечто такое, что позволяет консервативному движению побеждать на выборах вопреки тому факту, что его политический курс никак не должен поддерживаться большинством избирателей. Поговорим о неэкономических проблемах, которые эксплуатировались консерваторами, прежде всего – о проблеме расовых отношений, которая в блестящей работе Франка, как это ни странно, даже не упоминается.

Филадельфия

Спросите прохожего на улице, с чем для него ассоциируется имя Рональда Рейгана, и наверняка получите ответы: «снижение налогов» и «победа над коммунизмом». Однако когда Рейган вступил в гонку за президентское кресло, экономика и внешняя политика были отнюдь не главными темами его встреч с избирателями. В 1976 году, когда Республиканская партия номинировала его в качестве своего кандидата на пост президента страны, главным пропагандистским ходом Рейгана служило обыгрывание примера мошенничества с социальными пособиями в Чикаго. Именно он ввел в оборот выражение «королева благотворительности [живущая на

социальное пособие]»⁵. Расовая принадлежность женщины, ставшей центром скандала, Рейганом не упоминалась, так как в этом просто не было необходимости. Началом избирательной кампании Рейгана в 1980 году стала его речь о правах штатов на окружной ярмарке близ городка Филадельфия (штат Миссисипи), где в 1964 году были убиты три активиста движения за гражданские права темнокожих. Намек был понятен любому.

На фоне массы публикаций, посвященных изменениям, которые произошли в американской политике в течение жизни последнего поколения, а также мучительным размышлениям о причинах упадка Демократической партии и взлета Республиканской партии, не может не вызывать удивления то, насколько исчерпывающе суть этого далеко не простого явления может быть выражена краткой фразой: за республиканцев начали голосовать белые избиратели южных штатов.

Прежде чем проанализировать этот сдвиг, обратимся к истории вопроса. По сравнению с другими развитыми странами в Соединенных Штатах на протяжении длительного периода времени проводилась более консервативная и даже реакционная экономическая политика. Начиная с XIX века ассигнования на социальные субсидии и трансферты – по сути являющиеся расходами государства благосостояния – в США составляли меньшую долю ВВП, чем в странах Европы. Расходы европейских стран на социальные программы относительно размера их экономик уже к 1937 году достигли уровня, который для США стал реальностью лишь в 1970 году после того, как были законодательно утверждены программы «Медикэр» и «Медикэйд».

В чем же причина такого различия? Это давний вопрос, обсуждение которого ведется по меньшей мере с 1906 года, когда увидела свет книга Вернера Зомбарта «Почему в Америке нет социализма?». Автором предлагались самые различные объяснения: от более высокого уровня оплаты труда («все социалистические утопии растворяются как дым, – писал Зомбарт, – когда кушаешь ростбиф и яблочный пирог»⁶) до основополагающих культурно-ценностных

⁵ «“Welfare queen” Becomes Issue in Reagan Campaign» in: *The New York Times*, 1976, February 15, p. 51.

⁶ См.: Sombart, Werner. *Warum gibt es in den Vereinigten Staaten keinen Sozialismus?* München: Mohr, 1906.

установок. Однако наиболее обоснованным представляется мнение экономистов Гарвардского университета Альберто Алесины, Эдварда Глэзера и Брюса Сэйсердота, которые в своей недавней работе пришли к выводу, что важнейшая причина столь длительной исключительности Америки лежит скорее всего в расовом составе ее населения.

Расовая разобщенность играет ключевую роль в формировании представлений о малоимущих. Поскольку среди беднейших американцев абсолютно преобладают национальные меньшинства, то любые перераспределительные мероприятия, основанные на величине дохода, неизбежно будут обращены в пользу таких меньшинств. Противники перераспределения доходов постоянно разыгрывают расовую карту в борьбе с политической стратегией левого крыла.

⁷ Alesina, Alberto; Glaeser, Edward and Sacerdote, Bruce. *Why Doesn't the US Have a European-Style Welfare State?* (National Bureau of Economic Research Working Paper, No. 8524, October 2001).

При сравнении разных стран расовый состав населения выступает важным индикатором, позволяющим судить о масштабах перераспределительных процессов. В США расовый состав является важнейшим индикатором,

предопределяющим поддержку социального обеспечения. Судя по всему, проблемы в расовых отношениях – главная причина того, что в Америке отсутствует государство благосостояния⁷.

Этот вывод подтверждается как историей политических баталий по ключевым программам государства благосостояния, так и формами сегодняшней региональной политики.

Начнем с той реформы из числа мер Нового курса, которая так и не была реализована, – с введения общедоступного медицинского страхования. За исключением Соединенных Штатов, во всех развитых странах такая система существует. Отчего так произошло? По-видимому, наилучшая возможность создания общедоступного медицинского страхования существовала в 1940-е годы, когда администрацией Гарри Трумэна была предпринята попытка создать систему, которая по своей сути была бы похожа на программу «Медикэр», распространенную на все население. Опросы общественного мнения говорили о том, что идея общедоступной медицины пользовалась тогда в обществе безусловной поддержкой (как

и сегодня). Однако, как было показано в четвертой главе, предложенный проект остался нереализованным из-за противодействия двух ключевых групп влияния: Американской медицинской ассоциации и белого населения южных штатов. Последнее, хотя финансово и было прямо заинтересовано в реализации проекта (по причине своих низких доходов), тем не менее выступило против него, стремясь любыми способами не допустить появления общедоступных (то есть не зависящих от цвета кожи пациента) клиник⁸.

О влиянии расового фактора на уровень поддержки населением государства благосостояния свидетельствует и сравнение между различными штатами. Алесина, Глэзер и Сэйсердот показывают, что существует высокий уровень корреляции между расовой структурой населения штата и проводимой в нем политикой. В целом, чем выше в населении штата доля афроамериканцев, тем ниже в нем социальные расходы на душу населения. В определенной степени это может отражать тот факт, что для населения южных штатов (несмотря на миграцию афроамериканцев на север и выравнивание доходов в разных регионах) характерны как более высокая доля афроамериканцев, так и более низкий уровень жизни по сравнению с другими штатами. Причем такого рода зависимость сохраняется даже с учетом уровня доходов.

В качестве иллюстрации сравним политические декларации и реальную политику в двух штатах: Массачусетсе и Вирджинии. Они приблизительно сопоставимы как по среднему, так и по медианному доходу на душу населения, что говорит нам о том, что в них имеется примерно одинаковый уровень доходов и что между ними нет существенной разницы в уровнях концентрации доходов у верхнего слоя населения. Тем не менее, политически два штата сильно различаются: если Массачусетс известен своим либерализмом, то Вирджиния на протяжении длительного времени – штат глубоко консервативный. (Сегодня ситуация, возможно, меняется, однако признаки усиления либеральных настроений в Вирджинии – явление совсем недавнее.) Можно провести аналогичное сравнение других штатов бывшей Конфедерации и их северных соседей. Как правило, чем южнее

⁸ См.: Quadagno, Jill. *One Nation Uninsured: Why the U.S. Has No Health Insurance*, New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.

находится штат и чем выше в нем доля афроамериканцев, тем он более консервативен. Вывод очевиден: главный фактор, предопределяющий анализируемые различия, – расовый состав населения.

Тем не менее в силу причин, рассмотренных в четвертой главе, Юг участвовал в коалиции сторонников Нового курса. Речь идет об элементарных эгоистических интересах. Юг долго оставался бедным регионом, что позволяло ему получать непропорционально высокие субсидии от государства. Исторически сложилось так, что для южан Республиканская партия продолжала оставаться партией Авраама Линкольна. Кроме того, изначально существовало желание либералов северных штатов «заключить сделку с дьяволом»: за счет молчаливого согласия с расовой дискриминацией получить поддержку более широкой концепции государства благосостояния со стороны южан.

Однако со временем альянс между белым населением Юга и демократами распался из-за непримиримых разногласий. Начало им положил Барри Голдуотер, занявший жесткую позицию по вопросу прав штатов и выступивший против Акта о гражданских правах 1964 года. За исключением Аризоны, все штаты, в которых Голдуотер одержал победу на выборах 1964 года, находились на Юге США. В 1968 году основная часть Юга поддержала Джорджа Уоллеса (правда Никсон все же получил поддержку несколько пограничных штатов). К 1980 году Рейгану удалось победить в южных штатах, используя апелляцию к настроениям в пользу сегрегации, в то время как демократы были более, чем когда-либо ранее, привержены вопросам борьбы за гражданские права темнокожих и политике «утверждающих действий». На самом деле реальной загадкой остается то, почему потребовалось столь продолжительное время для того, чтобы представители Юга в Конгрессе совершили такой разворот.

В какой мере политический подъем консервативного движения обусловлен изменением позиции Юга? Цифры показывают, что именно ее разворот и стал причиной общего триумфа консерваторов.

Сравним состав Палаты представителей Конгресса США на две разные даты, между которыми полстолетия. В результате выборов 1954 года демократы (для которых только начинался период их сорокалетнего доминирования в Палате представителей) получили

232 из 435 мест. Согласно итогам выборов 2004 года, республиканцы получили точно такое же количество мест, как и демократы в 1954 году, что обеспечило им максимальное большинство за 12 лет их правления. За счет чего республиканцы добились преимущества? Ответ таков: даже когда демократы одерживали победы на выборах, они приобретали места в Конгрессе отнюдь не за счет южных штатов, а все их последующие потери в пользу республиканцев стали следствием политического разворота Юга.

Под разворотом Юга подразумевается изменение политических предпочтений белого населения южных штатов. В 1954 году белые избиратели-южане – независимо от уровня их дохода – были гораздо более склонны голосовать за демократов, нежели белое население северных штатов. К 2004 году малоимущее белое население Юга было настроено в пользу Демократической партии не больше, чем остальное малоимущее население страны, тогда как среди белого населения Юга со средним и высоким уровнем дохода абсолютно преобладали настроения в пользу республиканцев.

На президентских выборах 2000 и 2004 годов белое население страны (без южных штатов) поддержало Дж. Буша-мл. (правда, с незначительным перевесом). Белое население Юга проголосовало за Буша с превосходством в 35 и более процентных пунктов – и этого оказалось достаточно, чтобы перевесить массовое голосование афроамериканцев Юга за демократов⁹. Не будь этих голосов белого населения, не видать Бушу-мл. президентского кресла.

Важнейшее значение разворота Юга наводит на мысль о невероятно простом объяснении политического успеха движения консерваторов. Оно таково: благодаря своей организации – наличию взаимосвязанных институтов, составляющих обширную тайную организацию правого толка, – консерваторам удалось, став у руля Республиканской партии, сделать ее стратегию гораздо более консервативной. Этот сдвиг вправо в политике республиканцев заставил отвернуться от них значительную часть избирателей, которые начали поворачиваться в сторону Демократической партии. Тем не менее республиканцы смогли победить на президентских выбо-

⁹ Данные exit-poll'ов представлены на http://www.nytimes.com/packages/pdf/politics/20041107_px_ELECTORATE.xls.

рах и со временем получить контроль над Конгрессом благодаря умелому использованию расовой проблемы и завоеванию доминирующих политических позиций на Юге. Вот и вся история.

Хотя, быть может, не вся. Даже до выборов 2006 года некоторые аналитики – в частности политолог из Мэрилендского университета Том Шэллер – высказывали мнение о том, что республиканцы переоценили свои силы и сами оказались перед угрозой реги-

онального «разворота», сравнимого с тем, который вызвал потерю власти демократами¹⁰. Подобно тому, как демократы продолжали

сохранять значительное представительство от южных штатов в Конгрессе еще долгое время после того, как распался исторический брак по расчету между сторонниками Нового курса и демократами из южных штатов (так называемыми диксикратами), точно так же относительно умеренные регионы остальной части страны продолжали голосовать на выборах в Конгресс за республиканцев длительное время после того, как представительство «великой старой партии» в Конгрессе превратилось по сути в монолитный блок голосующих за консерваторов. Правда, часть этих республи-

канцев в итоге потеряла свои места в 2006 году. После выборов 2006 года 42% мест, принадлежащих республиканцам, заняли представите-

ли южных штатов, что лишь немногим меньше тех 47%, что имели демократы от южных штатов в 1954 году¹¹.

Все изложенное все-таки не дает ответа на главный вопрос: чего же белое население южных штатов надеялось добиться с помощью «великой старой партии»? Вашингтонские республиканцы не стремились вернуть страну ко временам сегрегации, да и справедливости ради следует признать: весьма сомнительно, что многие южане хотели бы возврата к политике дискриминации темнокожего населения, даже если бы ее разрешили федералы. Речь Рейгана в Филадельфии (штат Миссисипи) была в сущности не более чем риторикой – намеком критически настроенным янки на соринку в их глазу, нежели реальной попыткой сворачивания лучших традиций движения за гражданские права афроамериканцев. Быть может,

¹⁰ См.: Schaller, Thomas. *Whistling Past Dixie: How Democrats Can Win Without the South*, New York: Simon & Schuster, 2006.

¹¹ См.: Klinkner, Philip and Schaller, Thomas. «A Regional Analysis of the 2006 Election» in: *Forum* 4, no. 3 (2006).

книге Франка больше подошло бы такое название: «Что случилось с Югом?», особенно если сопроводить ее следующим эпиграфом:

«Голосуешь за добрые старые времена расцвета Юга – получишь приватизацию системы социального страхования». А вот когда Дж.Буш-мл. действительно попытался, используя

свой мандат, полученный на выборах 2004 года, передать систему социального страхования в частные руки, Юг был практически так же против этого проекта, как и остальная страна¹².

Таким образом, манипуляции с проблемой расовых отношений оказались исключительно важны для побед консерваторов на выборах, несмотря на проводимый ими экономический курс, угодный меньшинству в ущерб большинству. А как насчет других форм дезинформации?

Империи зла и злодеи

Вот что заявил ведущий политический стратег правительства Джорджа Буша-мл. Карл Роув в одном из своих выступлений в 2005 году: «Консерваторы сочли варварством террористические акты 11 сентября 2001 года и приготавливались к войне; либералы же обвинили во всем власти, занявшись поиском терапевтических средств и общего языка с напавшим на нас агрессором»¹³.

Как нам теперь известно, Роув вел свою последнюю войну. К 2005 году полный провал в Ираке стал быстро изменять общественное мнение, считавшее, что республиканцы лучше демократов способны решать вопросы защиты страны. Однако откуда взялось это представление и насколько оно способствовало победам республиканцев на выборах?

Многие считают, что мнение о превосходстве республиканцев в деле обеспечения национальной безопасности восходит ко временам войны во Вьетнаме и особенно убедительной победы Ричарда Никсона над Джорджем Макговерном. Правда, как это обычно бывает, при внимательном взгляде на реальную по-

¹² См., например, данные опроса общественного мнения, проведенного журналом «Тайм» в марте 2005 года (http://www.srbi.com/time_poll_arc13.html).

¹³ «Rowe Criticizes Liberals on 9/11» in: *The New York Times*, 2005, June 23, p. A13.

литическую историю Америки, то, что большинство считает очевидной истиной, на самом деле оказывается отнюдь не таким ясным.

¹⁴ См.: Perlstein, Rick. «Why Democrats Can Stop the War» in: *Salon*, 2007, January 24 (http://www.salon.com/opinion/feature/2007/01/24/perestein/index_np.html).

Рик Перлстейн аргументировано показал, что выборы 1972 года были скорее личным поражением Макговерна, нежели неприятием демократов, которые получили

большинство в Сенате, лишь весьма незначительно утратив свои позиции в Палате представителей¹⁴.

Кстати сказать, результаты опросов не подтверждают того, что в первые годы после падения Сайгона общество считало позиции демократов по вопросам национальной безопасности слабыми. В октябре 1979 года Национальным комитетом Республиканской партии был проведен опрос для выяснения того, какая партия способна лучше справиться с обеспечением безопасности Америки военными средствами. Позиции избирателей разделились следующим образом: 29% отдали предпочтение республиканцам, 28% –

демократам, а 21% счел, что обе партии способны одинаково успешно решать эту задачу¹⁵. Мнение о том, что демократы слабы в вопросах национальной безопасности, сделавшее возможным тенденциозную трактовку событий 11 сентября 2001 года, сформировалось не ранее 1980-х годов. Оно было скорее

¹⁵ См. национальный опрос общественного мнения, проведенный Роперовским центром изучения общественного мнения по заказу RNC/NRCC, 21 октября – 15 ноября 1979 года (http://www.gopercenter.uconn.edu/data_access/ipoll/ipoll.html). Два опроса, проведенные в тот же период службой Харриса, также указывали на крайне незначительный разрыв между партиями.

сюжетом художественных произведений, прежде всего такого феномена, как «рэмбофикация» истории, нежели имело отношение к реальным проблемам оборонной или внешней политики.

Признавать поражение всегда крайне трудно. Известно, что после Первой мировой войны многие немцы верили в *Dolchstoßlegende* – конспирологический миф о том, что германские военные получили подлый удар в спину со стороны недееспособных гражданских лидеров. Так же и после падения Сайгона существовали американцы, которые – подобно немцам в послевоенной Германии – стали восприимчивы к теориям предательского удара в спину, а именно – к утверждению, будто военные смогли бы

победить во Вьетнаме, если бы гражданские «не связывали им руки». Правда, пока воспоминания о войне во Вьетнаме – со всем ее ужасом и бессмысленностью – еще были свежи, такие люди составляли крайне незначительное меньшинство.

Если и имел место краткий период, когда такие теории возобладали в общественных настроениях, то это время зрительского успеха вышедшей в 1982 году кинокартины «Первая кровь» – первого фильма о Рэмбо. Главный герой картины заявляет: «Я сделал то, что должен был сделать для победы. Но кое-кто не хотел, чтобы мы победили». Он с ненавистью говорит о «чудаках в аэропортах, устраивающих демонстрации протеста, плюющих и называющих меня детоубийцей». И действительно: в массовом сознании утвердились представления о демонстрантах, оскорбляющих возвращающихся домой американских солдат. Подтверждения того, что такое действительно когда-либо имело место, отсутствуют; нет и достоверно документированных случаев того, чтобы возвращавшихся ветеранов освистывали или обзывали детоубийцами. Тем не менее в общественном сознании укоренился миф о неуважительном отношении либералов к военным.

Вслед за мифом о предательском ударе в спину появился миф о реванше. В новых фильмах – «Необычайная отвага» (1983), «Без вести пропавший» (1984) и «Рэмбо: первая кровь, часть II» (1985) – ветеран с надломленной психикой (герой первого фильма) превращается в подлинного героя и, согласно сюжету, взбунтовавшиеся военные в совершенно фантастических обстоятельствах вновь начинают проигранную войну и побеждают в ней.

Это новое агрессивное настроение нации несомненно было на руку консерваторам. Выступления либералов против войны во Вьетнаме уже не имели такого значения, поскольку к 1980-м годам реальная картина того, что реально произошло, в значительной степени стерлась из памяти. По-настоящему значимым было то, что страх и ненависть, испытываемые консерваторами к коммунизму, совпали со стремлением нации преодолеть вьетнамский синдром. Когда Рейган назвал Советский Союз «империей зла», либералы и умеренные были готовы высмеять его – но не потому, что недооценивали значимость национальной безопасности, а потому что были прагматиками в этом вопросе. Тем не менее многим американцам понравилось это высказывание Рейгана.

Усилиям консервативного движения представить себя защитниками страны помогло то обстоятельство, что после середины 1970-х годов для самой армии (структуры по определению консервативной) консервативные настроения были характерны вдвойне. В 1976 году среди высокопоставленных военных большинство придерживалось независимых взглядов и только одна треть счита-

ла себя сторонниками республиканцев; к 1996-му доля сторонников республиканцев достигла двух третей¹⁶. Этот сдвиг в политических взглядах был, по-видимому,

обусловлен несколькими причинами. Одна из них состояла в том, что военное руководство – которому было сложнее, чем гражданскому, преодолеть синдром поражения во Вьетнаме, – оказалось особенно восприимчиво к мифу о предательском ударе в спину. Другая была связана с проблемами финансирования армии: после войны во Вьетнаме администрация Картера урезала военный бюджет; при Рейгане он резко возрос; затем при Клинтоне вновь произошло его сокращение – теперь уже после распада Советского Союза. Сыграла свою роль и региональная политика. Как говорится в одном источнике:

[На сдвиг политической ориентации военных в пользу республиканцев] повлияли изменения в системе комплектования армии личным составом, политика сокращения числа военных баз, а также устойчивый рост поддержки республиканцев на Юге США. С конца 1960-х годов в северо-западных штатах происходило свертывание программ подготовки военной подготовки студентов университетов и колледжей, а в южных штатах, напротив, – их интенсифика-

ция. К концу 1990-х годов более 40% всех этих программ осуществлялось на Юге (в основном в государственных университетах), хотя в вузах Юга обучается менее 30% амери-

канских студентов. Аналогичный сдвиг наблюдался и в ходе закрытия военных баз: теперь непропорционально большие контингенты военнослужащих располагаются на базах в южных и юго-западных штатах¹⁷.

¹⁶ См.: Holsti, Ole R. «A Widening Gap Between the U.S. Military and Civilian Society? Some Evidence 1976-1996» in: *International Security*, vol. 23, Winter 1999, pp. 5–44.

¹⁷ Brooks, Rosa. «Weaning the Military from the GOP» in: *Los Angeles Times*, 2007, January 5, p. A23.

Последнее по счету, но не по значению – морально-этическая составляющая. По мере того, как в американском обществе все более распространялась вседозволенность, военные (в чьей среде супружеская измена до сих пор в некоторых случаях считается преступлением) становились все более обособленной кастой. Сексуальная революция, начало которой принято относить к 1960-м годам, не получила широкого распространения до 1970-х. Это отражено в названии одного из многочисленных рассказов Джона Апдайка на темы адюльтера и настроений в обществе «Воспоминания о временах администрации Форда».

Таким образом, по мере того как консервативное движение набирало силу, у него появлялось все больше возможностей выставить себя главным защитником американского флага – то есть требовать более жесткой позиции по вопросам национальной безопасности, нежели их оппоненты, и утверждать, что их поддерживает большинство военного руководства.

Вряд ли, однако, было бы правомерно утверждать, что надуманное превосходство Республиканской партии в вопросах национальной безопасности имело решающее значение на каких-либо выборах в федеральные органы власти в период, предшествовавший событиям 11 сентября 2001 года. В ряде случаев такое представление действительно наносило вред демократам: фотография Майкла Дукакиса в танке немало «поспособствовала» его поражению на выборах 1988 года, а скандал вокруг гомосексуализма в армии помог республиканцам получить в 1994 году большинство в Конгрессе. Голоса военных оказали влияние на результаты выборов 2000 года, однако немалую роль сыграли также многие другие факторы. На всех выборах, когда шансы соперников примерно равны, любой фактор, добавлявший «великой старой партии» несколько тысяч голосов, можно назвать решающим.

Только в ходе выборов 2002 и 2004 годов проблемы национальной безопасности действительно повлияли на их итоги. Ввиду скандалов в сфере бизнеса, спада в экономике и слабости результатов пропрезидентской партии на промежуточных выборах 2002 года республиканцы, казалось бы, должны были потерять былые позиции в Конгрессе, уступив демократам контроль над Сенатом, а вполне вероятно – и над Палатой представителей.

Однако нация сплотилась вокруг Джорджа Буша-мл., поскольку он пообещал наказать «злодеев», виновных в трагедии 11 сентября, и изловить Усаму бен Ладена – живого или мертвого. Так партия Буша начала эксплуатировать в политических целях тему жестоких злодеяний, используя даже рекламные листовки, на которых в изображениях демократов проступала тень Саддама Хусейна. Итогом стала крупная победа «великой старой партии».

К началу избирательной кампании 2004 года сомнения в обществе по поводу войны в Ираке нарастали, но значительная часть

электората этих сомнений все еще не испытывала. Накануне выборов большинство избирателей все еще продолжало считать, что ввод американских войск в Ирак был пра-

вильным решением и что Соединенные Штаты находятся на пути к победе¹⁸. Не приходится сомневаться в том, что именно жесткая позиция по проблеме национальной безопасности обеспечила Бушу-мл. решающее преимущество.

Сразу же после избирательной кампании 2004 года много говорилось о том, что надуманное превосходство Республиканской партии в вопросах национальной безопасности обеспечит ее устойчивое большинство в Конгрессе. Поэтому Томас Эдсол (которому я уже отдал должное за его пророческий труд «Новая политика неравенства») в своей книге 2006 года «Построим Красную Америку» утверждал, что тема национальной безопасности будет долговре-

менным, стратегическим источником успеха «великой старой партии»: «В условиях затяжной войны слабость в вопросах национальной

обороны, приписываемая Демократической партии, представляется еще более опасной»¹⁹.

Есть, правда, и яркий пример того, что муссирование темы безопасности (несмотря на ее успешное использование республиканцами в 2002 и 2004 годах) не только имеет свои внутренние ограничения, но порой может оказаться саморазрушительной стратегией. В те периоды, когда Соединенные Штаты не ведут крупномасштабных военных действий, тема национальной безопас-

¹⁸ См.: Gelpi, Christopher, Reiner, Jason and Feaver, Peter. *Iraq the Vote* (препринт), Durham (NC): Duke Univ. Press, 2005.

¹⁹ Edsall, Thomas. *Building Red America*, New York: Basic Books, 2006, p. 21.

ности отходит на второй план. Джордж Буш-ст. убедился в этом в 1992 году. Война в Персидском заливе в 1991 году обеспечила ему временную поддержку 80% населения, однако спустя всего лишь год внимание общества переключилось на экономическую проблематику и демократы завоевали Белый дом, несмотря на общественное восприятие их политики в области национальной обороны как слабой.

Поначалу казалось, что аналогичным образом складывается ситуация и с Бушем-мл. К лету 2002 года заоблачный уровень его поддержки существенно снизился и внимание общества переключилось на корпоративные скандалы и на состояние экономики страны. Затем настало время пропагандистской кампании за войну в Ираке. Скорее всего мы никогда доподлинно не узнаем, зачем администрации Буша-мл. так понадобилась эта война. Ясно, однако, что военный авантюризм действительно позволяет искусственно подогревать и поддерживать интерес общества к вопросам национальной безопасности, монополию на решение которых присвоили себе республиканцы.

В конечном итоге стало совершенно очевидно, что здесь возникает проблема. Она состоит в том, что для сохранения национальной безопасности в качестве приоритетной темы необходимо вступать в настоящую битву с людьми, которые в ответ стреляют в вас. К тому же в реальной жизни у «плохих» парней вовсе не такие низменные цели, как это изображается в фильмах про Рэмбо. Поражение в Ираке неслучайно. Хотя иракцы встречали американских солдат цветами и угощением, вся эта безрассудная затея с самого начала была обречена на то, чтобы оказаться в непроходимом, безысходном тупике. Как заявил в интервью журналу «Ньюсуик» в ноябре 2002 года один британский государственный деятель: «В Багдад хотят отправить все, а в Тегеран – настоящие мужчины»²⁰.

Еще важнее то, что принципы консервативного движения и ведение крупномасштабных военных действий находятся в серьезном противоречии. Любая военная мобилизация требует жертв от всего общества, что означает рост налогов, борьбу со спекуляцией и тому подобное. Обе мировые войны привели к росту числен-

²⁰ «Periscope» in: *Newsweek*, 2002, August 19, p. 4.

ности профсоюзов, более прогрессивному налогообложению и сокращению неравенства в доходах – то есть всему тому, что совершенно неприемлемо для консерваторов. Много написано о катастрофическом отсутствии стратегии действий в Ираке после того, как туда вошли американские войска. О чем пишут мало – так это о том, что администрация Буша должна была просто верить в то, что эта война обойдется недорого; ведь реалистическая оценка военных расходов и потребностей вступила бы в прямое противоречие с программным требованием администрации по сокращению налогов. Добавим к этому ограниченность и косность консерваторов, обитающих в собственном придуманном ими мире, а также имманентно присущие руководству консервативного крыла кумовство и коррупцию. Становится ясно, что военная авантюра в Ираке изначально была обречена на провал.

Представляется, что без эксплуатации темы национальной безопасности консервативному движению не удалось бы одержать побед на выборах в 2002 и 2004 годах, продлив период всевластия республиканцев как в Конгрессе, так и в Белом доме еще на четыре года. Не следует недооценивать серьезности последствий затянувшегося правления консерваторов, которые мы будем испытывать в ближайшие десятилетия, особенно в том, что касается Верховного суда. Тем не менее ясно, что в настоящее время тема обороны страны не может считаться долговременной причиной успеха консерваторов.

Моральное меньшинство

Мы считаем, что такое явление, как противоестественные половые отношения, разрушает структуру общества, ведет к распаду института семьи и имеет следствием распространение опасных инфекционных заболеваний. Гомосексуализм противоречит непреложным фундаментальным истинам, которые были установлены Богом, признавались отцами-основателями нашей страны и разделяются большинством техасцев.

Так говорится в политической программе отделения Республиканской партии в штате Техас (2006); в ней содержится также призыв «развенчать миф об отделении церкви от государства».

По поводу роли религии и морально-этических ценностей в политике стимулирования неравенства возникают два вопроса. Первый: какова роль в руководстве Республиканской партией тех верующих, которые не признают отделения церкви от государства, – то есть тех, кого Мишель Голдберг в своей жутковатой книге «Второе пришествие» называет христианскими националистами²¹? Второй вопрос был задан Томасом Франком: в какой мере «великая старая партия» опирается на мобилизацию «высоконравственных избирателей» и на эксплуатацию морально-этической тематики для отвлечения внимания электората от насущных жизненных проблем и реализации своей антинародной экономической политики?

Что касается первого вопроса, то ответ ясен: влияние правых христиан в Республиканской партии и впрямь очень велико. Предвыборная платформа республиканцев Техаса отражает отнюдь не взгляды партийных радикалов, а основополагающие представления партии в целом, которые, правда, обычно выносятся на публику в завуалированном виде. В действительности вызывает удивление лишь то, сколь длительное время потребовалось для того, чтобы политологами было осознано, насколько мощным является реальное влияние правых христиан. Отчасти это объясняется тем, что администрация Буша оказалась очень искусной в формировании посланий, рассчитанных исключительно на целевую аудиторию. Классический пример: Буш-мл. говорил о себе как о «сочувствующем консерваторе». Большинство людей это воспринималось как декларация того, что президент не собирается сворачивать программы социального обеспечения и вспомоществования для наименее обеспеченных слоев населения. На самом деле это была лишь цитата из работы Марвина Оласки – автора, проповедующего правохристианские взгляды. В его книге «Трагедия американского сочувствия» (1992) система благотворительности Америки XIX века (когда частные организации религиозного толка занимались распространением помощи и религиозной веры одновременно) приводится в качестве эталона благотворительности, а также одобрительно цитируются авторы периода «позоло-

²¹ См.: Goldberg, Michelle. *Kingdom Coming: The Rise of Christian Nationalism*, New York: W.W.Norton & Co., 2006.

²² Olasky, Marvin. *The Tragedy of American Compassion*, Washington (DC): Regnery Publishers, 1992, p. 227.

ченного века», порицавшие «этих тихих, исполненных благих намерений, мягкосердечных преступников, которые настаивали на том, что благотворительность должна основываться на принципах терпимости и отсутствии дискриминации»²².

Весной 2007 года наконец-то было подвергнуто тщательному анализу то, как во времена администрации Буша-мл. осуществлялось руководство Министерством юстиции. Выяснилось, что в важнейших аспектах своей деятельности министерство находилось под контролем представителей прорехристианского движения. Ряд ключевых постов занимали выпускники Университета Риджент – учебного заведения, основанного и возглавляемого евангелистом Пэтом Робертсоном. Поэтому министерский Отдел гражданских прав занимался главным образом защитой и обеспечением деятельности религиозных групп евангелистского толка, а не защитой прав национальных меньшинств. А в Консультативный комитет по вопросам репродуктивного здоровья при Управлении по продовольствию и лекарствам Буш-мл. назначил Дэвида У. Хэйгера – соавтора книги «Как Иисус заботился о женщинах», в которой, в частности, дается такая «ценная» рекомендация по лечению предменструального синдрома, как чтение Библии. Именно Хэйгер сыграл главную роль в том, что Управление долгое время не давало разрешения на применение противозачаточных таблеток²³.

Еще один назначенец Буша, в 2006 году оказавшийся на посту руководителя Службы планирования семьи в Министерстве здравоохранения и социальных услуг, – доктор Эрик Кероак ранее работал в христианском консультационном центре по вопросам беременности, где распространение контрацептивов считалось «унижением достоинства женщины»²⁴. Список примеров подобного рода легко может быть продолжен.

Правые христиане, о которых идет речь, – это не просто группа людей, для которых характерно сочетание религиозной веры с консервативными политическими взглядами. Как пишет об этом

²³ См.: Goldberg, Michelle. *Kingdom Coming: The Rise of Christian Nationalism*, p. 150.

²⁴ См.: «Bush Choice for Family-Planning Post Criticized» in: *The Washington Post*, 2006, November 17, p. A01.

Голдберг в своей книге «Второе пришествие», христианский национализм стремится к владычеству. Это «тоталитарная политическая идеология, которая утверждает право христианства на власть»²⁵. Ее влияние на нынешнюю Республиканскую партию так велико, что возникает вопрос: кто кого использует? То ли консервативное движение религию как инструмент для одурманивания масс (как считает Томас Франк), то ли религиозные группировки отстаивают интересы корпораций для того, чтобы самим добиться власти?

²⁵ Goldberg, Michelle. *Kingdom Coming*, p. 7.

Для нашего анализа крайне важно помнить, что религиозно настроенные правые – это хорошо организованная группировка, способная сыграть решающую роль именно в таких выборах, для которых характерны примерно равные шансы кандидатов. Однако для того, чтобы обеспечить консервативному движению поддержку, достаточную для проведения слишком непопулярной экономической политики, возможности правых недостаточны. Начиная с 1992 года белые американцы, посещающие церковь, стали все чаще отдавать свои голоса на выборах (с большим перевесом) республиканцам, чего не было раньше. Правда, здесь требуются две оговорки. Во-первых, этот сдвиг в значительной степени объясняется тем, что за «великую старую партию» стали голосовать избиратели Юга, являющегося наиболее «воцерковленным» регионом страны. Во-вторых, расхождения между истово религиозными и умеренно религиозными избирателями отражают подвижки с обеих сторон: люди светские и те, кто не слишком глубоко погружен в религиозную веру, стали голосовать за демократов. Именно поэтому, какой бы ни была мобилизация религиозных избирателей, она оказалась недостаточной для того, чтобы перебороть демократические предпочтения белых избирателей северных регионов страны.

Повторю еще раз: отмобилизованные избиратели-евангелисты способны решать судьбу выборов, когда кандидаты имеют равные шансы на победу. Если бы не влияние церкви, то в 2004 году штат Огайо – и вся страна – могли бы проголосовать за Керри. Тем не менее при объяснении успеха консервативной политики религиозный фактор играет несравнимо меньшую роль, нежели расовая проблема.

Трудящиеся, лишенные избирательных прав

Анализируя причины успеха консерваторов, следует учитывать еще один фактор. Среднестатистический избиратель – человек более состоятельный, нежели среднестатистическая семья, поскольку, во-первых, менее состоятельные граждане реже участвуют в выборах, чем богатые, и, во-вторых, многие из тех, кто постоянно проживает в США, имея невысокий доход, не располагают американским гражданством. Это означает, что экономическая политика, отражающая интересы богатого меньшинства в ущерб большинству, необязательно оказывается проигрышной в ходе избирательных кампаний. Например, независимый Центр налоговой политики осуществил ряд оценок долгосрочного влияния снижения налогов при администрации Буша-мл. на группы населения с различными доходами с учетом того, что снижение налоговых поступлений в государственный бюджет каким-то образом компенсируется, в частности – за счет урезания социальных программ.

Одна из этих оценок предполагает единовременное урезание социальных пособий каждому американцу на одинаковую сумму и соответствующее снижение налогов. В этом случае все те, кто имеет годовой доход до 75 тысяч долларов (а это примерно три четверти населения), оказываются в проигрыше (хотя потери тех, чей доход составляет от 50 до 75 тысяч долларов, относительно скромны). Однако так как годовой доход 60% населения не достигает 50 тысяч долларов, сокращение налогов должно было бы быть крайне непопулярным. В то же время, согласно данным Бюро переписей, годовой доход менее 50 тысяч долларов получают около 40% избирателей. Следовательно, в конечном счете снижение налоговой ставки может и не оборачиваться серьезной потерей поддержки у партии, проводящей его в жизнь.

Маккарти, Пул и Розенталь приводят данные, которые свидетельствуют о том, что по сравнению с началом 1970-х годов доходы тех американцев, которые участвуют в выборах, выросли гораздо сильнее, чем доходы населения в целом. Одна из вероятных причин – спад профсоюзного движения, которое в свое время обе-

спечивало значительную мобилизацию избирателей из числа рабочего класса. Другая причина – быстрый рост числа иммигрантов, особенно после 1980 года²⁶.

В перспективе иммиграция будет подрывать политическую стратегию консервативного движения. Подробный анализ причин этого мы представим в десятой главе, а пока кратко: консервативное движение не может одновременно обращаться к белым избирателям с завуалированными расистскими призывами и одновременно рассчитывать на поддержку испаноязычных американцев и выходцев из Азии, доля которых в электорате растет. По сути дела, проблемы, возникшие для «великой старой партии» в результате переплетения проблем иммиграции и расовых отношений, проявились уже в ходе избирательной кампании 2006 года. Тем не менее в последние двадцать пять лет иммиграция способствовала усилению позиций консервативного движения, поскольку ее следствием было снижение доли низкооплачиваемых наемных рабочих, принимавших участие в выборах.

Как отмечалось во второй главе, на протяжении долгого «позолоченного века» масштабная иммиграция в США укрепляла позиции консерваторов, ибо ее следствием было то, что значительная часть рабочей силы, имеющей низкие доходы, была лишена избирательных прав. Прекращение массовой иммиграции в 1920-е годы имело своим следствием формирование слоя населения со значительным объемом гражданских – прежде всего избирательных – прав, что привело к «полевению» американской политики. Однако возобновление с 1960-х годов массовой иммиграции (причем среди иммигрантов преобладали малоквалифицированные, низкооплачиваемые рабочие, прежде всего из Мексики) привело к тому, что доля населения, лишенного избирательных прав, достигла уровня, который был характерен для «позолоченного века». Данные, приводимые Маккарти, Пулом и Розенталем, показывают, что иммиграция является значимой, хотя и не определяющей причиной низкого уровня участия в голосовании лиц с низким доходом, что в свою очередь оказывается одним из факторов успеха консерваторов (правда, также не важнейшим). Проблема отсутствия всеобщего из-

²⁶ См.: McCarty, Nolan; Poole, Keith and Rosenthal, Howard. *Polarized America: The Dance of Ideology and Unequal Riches*, Cambridge (Ma.), London: MIT Press, 2006, p. 124.

бирательно права – то, над чем либералам следует крепко задуматься, когда они выступают против иммиграционной реформы.

Фальсификация выборов

Наконец, последний вопрос, который просто невозможно игнорировать, – это проблема мошенничества на выборах. В какой степени успех политической программы консервативного движения базируется на подтасовках? Мы можем пренебречь возражениями типа: «Да как вообще можно допустить такое предположение?». Фальсификация на выборах – это «старая добрая американская традиция», как я показал в очерке политической жизни «позолоченного века». А консервативное движение является – и всегда являлось – чрезвычайно антидемократическим. В 1957 году на страницах журнала «Нэшнл ревью» в качестве «национального героя» Испании превозносили генерала Франко, который сверг законно избранное правительство и установил в стране власть террора. В 2007 году все основные кандидаты на пост президента от Республиканской партии, кроме Джона Маккейна, направили свои официальные запросы в комитет политических действий консерваторов после того, как бывший губернатор от штата Массачусетс

Митт Ромни, закончив свою речь на одном из митингов, тепло приветствовал следующего оратора – обозревателя Энн Коултер, кото-

²⁷ См.: <http://www.pfaw.org/pfaw/general/default.aspx?oid=1625>.

рая ранее выступила с откровенным призывом к «физическому устрашению либералов»²⁷. Учитывая сказанное, не остается сомнения в том, что ведущие фигуры движения вполне способны «поступить по принципам», воспользовавшись для победы на выборах бесчестными, противозаконными методами.

В сущности нет сомнений, что подавление права на свободное волеизъявление путем использования любых доступных средств с целью воспрепятствовать потенциальному электорату демократов (в основном афроамериканцам) реализовать свое законное избирательное право является неизменной тактикой Республиканской партии с того момента, как у ее руля встали консерваторы. В 2000 году Кэтрин Харрис, государственный секретарь шта-

та Флорида и член Республиканской партии, сделала то, что в газете «Нью-Йорк таймс» было названо «массовой зачисткой среди избирателей, обладающих законным правом голоса», – прежде всего афроамериканцев, которых, якобы по ошибке, сочли опасными уголовными преступниками. Не будь этой зачистки, Джорджу Бушу-мл. не удалось бы попасть в Белый дом²⁸. В 2005 году законодательным собранием штата Джорджия был принят Закон об идентификации избирателей. Проведя экспертизу, группа экспертов-правоведов порекомендовала отменить закон из-за его дискриминационного характера в отношении афроамериканцев. Однако тут же были подключены возможности политических назначенцев и уже на следующий день группа экспертов была признана неправомочной, а принятое ей негативное заключение – недействительным²⁹. И это было лишь частью более широкой стратегии, характерной для консервативного движения. Она включала в себя коллаборационизм политических назначенцев внутри правительства, а также коммерческие операции со средствами, поступившими для финансирования избирательной компании из традиционных источников. В данном случае таким источником был Американский центр за избирательные права, учрежденный генеральным советом по проведению избирательной кампании Буша–Чейни в 2004 году. Этот Центр внезапно исчез в 2007 году, когда разразился крупный скандал с отстранением от дел федеральных прокуроров, которые не приняли к рассмотрению фиктивные иски о подтасовке голосов. Вот как описывали эту стратегию журналисты издательского дома McClatchy Newspapers:

²⁸ См.: «How America Doesn't Vote» in: *The New York Times*, 2004, February 15, sec. 4, p. 10.

Мы выявили, что эта избирательная стратегия применялась, по меньшей мере, по трем направлениям:

– с целью активизации использования законов об идентификации избирателей и контроля за ходом выборов в тех штатах, где исход голосования оставался неясен до последнего момента, были развернуты силы таких освобожденных от налогообложения организаций, как Американский центр за избирательные права и Ассоциация адвокатов;

³⁰ См.: «Was Campaigning Against Voter Fraud a Republican Ploy?» at: *McClatchy Washington Bureau*, 2007, July 1 (<http://www.mcclatchydc.com/homepage/story/17532.html>).

– отдел гражданских прав Министерства юстиции перевернул с ног на голову традиционную практику контроля за соблюдением избирательных прав, осуществляя ее таким образом, чтобы скорее ограни-

чивать, а не защищать права национальных меньшинств;

– Белый дом и Министерство юстиции поощряли действия отдельных федеральных прокуроров, которые выдвигали обвинения в фальсификациях на выборах даже при отсутствии явных признаков нарушений процедуры голосования³⁰.

Таким образом, подавление права на свободное волеизъявление является одним из элементов политической стратегии консервативного движения, который способен оказать решающее влияние на исход выборов, когда шансы кандидатов близки. Иначе говоря, подавление права на свободное волеизъявление, как и мобилизация «новых правых», при необходимости обеспечивают республиканцам чисто количественный перевес. Главным же стратегическим оружием, обеспечивающим победы консервативного движения на выборах, является использование недовольства белых расистов предоставлением гражданских прав афроамериканцам.

Встает по-настоящему пугающий вопрос: а вдруг уже осуществлялась и будет проводиться впредь фальсификация выборов не только через подавление права на свободное волеизъявление, но и при подсчете голосов? Наибольшую озабоченность вызывает использование электронных машин для голосования. В августе 2007 года в штате Калифорния использование таких машин с сенсорным экраном было ограничено после того, как проверка, проведенная специалистами Калифорнийского университета, подтвердила худшие опасения активистов избирательной кампании: аппараты фирм «Диболд», «Секвойя» и других крупных производителей действительно крайне уязвимы для хакерства, что открывает дорогу манипуляциям с результатами голосования. В связи с этим возникает вопрос, на который я не буду даже пытаться ответить: имело ли место в действительности электронное мошенничество на выборах 2002, 2004 и, возможно, даже 2006 годов? Гораздо важнее другое: существует крайне тревожная вероятность того, что

те позитивные политические тенденции, которые будут анализироваться в следующей главе, окажутся сведены на нет возросшими масштабами фальсификации результатов выборов. Учитывая историю консервативного движения, от таких опасений трудно отмахнуться как от бредовых. Если масштабная кража голосов избирателей действительно имеет место, то надеяться больше не на что, и Америку ждет еще худшее будущее, чем его представляют себе даже пессимисты.

Пределы манипулирования

Итак, что же происходит с Америкой? Почему политиканам – приверженцам политического курса, который ущемляет интересы большинства, удастся побеждать на выборах? Точка зрения, согласно которой консервативное движение нашло безошибочные способы манипулирования общественным сознанием, заставляющие народ голосовать вопреки собственным интересам, не лишена определенного смысла, однако ее значение слишком преувеличено. На самом деле в основе побед консерваторов на выборах лежит эксплуатация ими темы расовых противоречий. Определенное, хотя и гораздо менее важное значение, имеет использование религиозного и морально-этического факторов. На выборах 2002 и 2004 годов (не ранее) решающую роль сыграла эксплуатация темы национальной безопасности. Существуют свидетельства того, что в настоящее время основные инструменты, используемые движением консерваторов для манипулирования общественным сознанием, становятся менее действенными. Острота проблем расовой дискриминации и социальной нетерпимости идет на спад, а туиковая ситуация в Ираке серьезно дискредитировала позиции «великой старой партии» в вопросах национальной безопасности. В то же время озабоченность общества остротой насущных проблем неравенства и экономической безопасности нарастает. Короче говоря, сейчас сложились благоприятные политические возможности для тех, кто считает, что США движутся в неверном направлении. Оставшаяся часть книги будет посвящена конкретному анализу этих возможностей и тому, как их можно использовать.

10 НОВАЯ ПОЛИТИКА РАВЕНСТВА

Победа Демократической партии на промежуточных выборах 2006 года для многих стала неожиданной, хотя опросы общественного мнения предрекали ее задолго. Многие эксперты оказались (как эмоционально, так и профессионально) заложниками идеи подавляющего политического превосходства Республиканской партии. У меня накопилась целая полка книг 2005 и 2006 годов издания, в которых – с сожалением, восторгом или просто благоговейным страхом – объяснялось как замечательная организация «великой старой партии», энтузиазм ее сторонников, финансовое превосходство, монополия на проблематику национальной безопасности, а также (по некоторым данным) умение фальсифицировать выборы сделали республиканцев непобедимыми. Полагая, что ключи от власти находятся в руках республиканцев, многие не могли поверить в то, о чем свидетельствовали опросы, а именно: что американцы сыты ими по горло.

Даже после объявления результатов выборов наблюдалось явное нежелание полностью признать то, что произошло. После выборов во многих новостных обзорах на протяжении нескольких месяцев утверждалось одно из двух: это была победа с крайне незначительным перевесом голосов, или/и те демократы, которые победили, добились этого исключительно благодаря консерватизму своих взглядов. Первое утверждение совершенно не соответствовало действительности, да и второе в значительной степени тоже.

Большинство, полученное демократами в Палате представителей, не было малозначительным. На самом деле оно оказалось

даже весомее, чем любое большинство республиканцев за весь двенадцатилетний период правления «великой старой партии». Новое демократическое большинство в Сенате было действительно незначительным, но получение даже его (при исходном дефиците в пять мест) похоже на чудо, поскольку, как известно, в ходе промежуточных выборов избирается только треть членов Сената. Фактически демократы и их независимые союзники получили 24 из 33 мест в Сенате, за которые шла борьба. Кроме того, демократы были избраны губернаторами 6 штатов, а также получили контроль над законодательными органами власти в 8 штатах.

Мнение о том, что демократы обязаны своей победой консерватизму своих взглядов, практически столь же ошибочно. Некоторые из вновь избранных в Конгресс членов Демократической партии действительно победили в округах с преобладанием консервативных настроений и могли иметь несколько более консервативные взгляды, чем среднестатистические демократы. Но даже в этом случае неизменным оставалось то, что любой демократ стоит на более левых позициях, нежели любой республиканец, а следовательно, этот сдвиг во власти сместил политический баланс суще-

ственно влево¹. Очень показательным является сравнение нынешнего демократического большинства и большинства образца 1993–1994 годов, когда Демократическая

¹ Анализ итогов выборов проведен МакКарти, Пулом и Розенталем (см.: <http://voteview.com/hou110.htm>).

партия находилась у власти последний раз. По любым меркам это новое большинство, которое не зависит от консервативного крыла демократов южных штатов, является гораздо более либеральным, а новый спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси – не только первая женщина на этом высоком посту, но и одновременно спикер с самыми прогрессивными взглядами за всю историю.

И все же что означают победа демократов и полевение Конгресса? Было ли это отклонением от нормы, следствием крайней профессиональной непригодности администрации Буша-мл.? Или же это признак фундаментальной перегруппировки политических сил?

Точного ответа не может знать никто. В этой главе я попытаюсь доказать, что результаты выборов 2006 года не были случайностью

и что народ Соединенных Штатов действительно готов к переменам, прежде всего – к возврату к политике обеспечения большего равенства. Но эта новая политика не возникнет сама собой. Она появится только в том случае, если либеральные политики сумеют воспользоваться сложившейся благоприятной ситуацией.

Неравенство кусается

В июне 2007 года на вопрос Института Гэллапа «Удовлетворены ли Вы тем, как в настоящее время обстоят дела в Соединенных Штатах?» лишь 24% респондентов ответили утвердительно, тогда как 74% дали отрицательный ответ. Летом 2007 года, когда я писал эти строки, американцы были крайне разочарованы руководством страны.

Во многом это связано с безысходностью ситуации в Ираке. Однако особенно поразительно, сколь мало вдохновляло людей то, что на первый взгляд выглядело как вполне здоровая экономика. Валовой внутренний продукт рос на протяжении уже почти 6 лет; уровень безработицы составлял лишь 4,5% (что вполне сопоставимо с показателями конца 1990-х годов); фондовый рынок бил все новые рекорды. Тем не менее на вопрос Института Гэллапа «Как бы вы оценили экономические условия в стране?» лишь треть респондентов охарактеризовала их как отличные или хорошие. В конце 1990-х годов доля тех, кто давал такую оценку, была вдвое большей.

В поисках виновных консерваторы жаловались на то, что СМИ не сообщали хорошие вести о состоянии экономики, равно как и замалчивали позитивную информацию о положении дел в Ираке. Однако, по сути дела, негативное отношение к этой войне, по-видимому, существенным образом сказывалось на общественном мнении по другим вопросам. Так, весьма показательным то, что в середине 2007 года индекс потребительского доверия находился на куда более низком уровне, чем даже в 1968-м (когда имели место крупные поражения во Вьетнаме, массовые антивоенные митинги протеста и – смотри пятую главу – всепроникающее ощущение, что в стране все разваливается)². Это го-

² См.: Ludvigson, Sydney. «Consumer Confidence and Consumer Spending» in: *Journal of Economic Perspectives* 18, no. 2, Spring 2004, pp. 29–50; данные за последние годы взяты с сайта www.pollingreport.com.

ворит об ограниченном влиянии беспокойности другими аспектами положения страны на оценки развития экономики, что, в свою очередь, означает: общественное недовольство экономикой не являлось простой проекцией негативного отношения к войне. И еще один важный момент: у большинства американцев имелись все основания для недовольства экономической ситуацией. Из-за углубляющегося неравенства неплохая динамика макроэкономических индикаторов (таких, как ВВП) не трансформировалась в рост доходов простых работников.

Существующий сегодня разрыв между развитием национальной экономики и материальным благосостоянием рядовых американцев является, насколько мне известно, беспрецедентным для современной истории США. Во времена долгого «позолоченного века» неравенство доходов было значительным. Тем не менее, поскольку его пропорции были стабильными, рост экономики сопровождался устойчивым повышением уровня жизни основной части трудящихся. Плоды экономического роста в период послевоенного бума, завершившегося в 1973 году, также обеспечили повышение доходов большинства населения. Даже после того, как в конце 1970-х годов неравенство стало увеличиваться, экономический рост по-прежнему обеспечивал повышение благосостояния практически каждого американца. В 1980-е годы процесс нарастания неравенства продолжился, однако начавшийся в 1982 году экономический подъем оказался столь мощным, что Рейган смог провозгласить в 1984 году «утро в Америке», а Джордж Буш-ст. был избран в 1988 году президентом. Неравенство продолжало усугубляться в 1990-е годы, и тем не менее в обществе преобладали позитивные настроения, поскольку экономика оправилась от экономического кризиса 1990–1992 годов.

Однако сегодня отсутствие динамики заработной платы и медианного дохода на фоне общего экономического роста стало настолько очевидным, что представление общества относительно того, как развивается экономика, оказалось совершенно оторванным от традиционных интегральных экономических индикаторов. Иначе говоря, если вспомнить приводившийся выше пример с зашедшим в бар Биллом Гейтсом, начиная с 2001 года средние показатели благосостояния росли, но на жизни большинства людей

это ровным счетом никак не сказывалось. Ситуацию можно охарактеризовать проще, без метафор: прибыли корпораций демонстрируют стремительный рост (в настоящее время они достигли рекордной доли в ВВП за все время после 1929 года); то же происходит с доходами богатейших американцев – зато рост заработной платы большинства наемных работников едва поспевает за инфляцией. Добавим сюда усиливающееся чувство незащищенности, обусловленное прежде всего разрушением системы медицинского страхования (подробнее – в одиннадцатой главе) и станет ясно, что у большинства американцев имеются все основания для пессимистической оценки текущего экономического положения.

Опросы показывают также, что американское общество не только осознает рост неравенства, но и готово приветствовать усилия правительства по его преодолению. Представительный обзор эволюции общественного мнения, проведенный Исследовательским центром Пью, показал, что по сравнению с началом 1990-х годов сегодня в обществе наблюдается увеличение числа тех, кто считает, что богатые становятся богаче, тогда как бедные беднеют; что государство обязано оказывать помощь нуждающимся; что каждому должно быть гарантировано достаточное количество еды и жилье³. Все это свидетельствует о том, что сейчас сложились благоприятные условия для осуществления решительного прорыва к политике, нацеленной на решение проблем неравенства и/или экономической незащищенности.

Тот факт, что результаты нынешних опросов сходны с результатами опросов начала 1990-х годов, может насторожить. В 1992 году именно голоса избирателей, недовольных экономической ситуацией, преопределили избрание президентом Билла Клинтона. Однако попытка его администрации провести через Конгресс законопроект о реформе здравоохранения (что, как подробно будет показано в одиннадцатой главе, должно служить стержнем любой программы прогрессивных реформ) с треском провалилась. За этим поражением на законодательной ниве последовал разгром на промежуточных выборах 1994 года, в результате которого республиканцы получили большинство в Конгрессе. Возникает вопрос: не повторится ли история?

³ См.: Pew Research Center for People and the Press, *Trends in Political Values and Core Attitudes 1987–2007* (March 2007) at: <http://people-press.org/reports/pdf/312.pdf>.

Существует несколько причин считать, что этого не произойдет (или, во всяком случае, не должно произойти).

Во-первых, как представляется даже сегодня, неудача Клинтонa с реформой здравоохранения отнюдь не была неизбежной. Будь Клинтон более толковым руководителем, способным наладить хорошее взаимодействие с Конгрессом и общественностью, он вполне мог бы вступить в 1994 год, имея в активе крупное достижение в области внутренней политики. После того, как его первая попытка провести законопроект встретила серьезную оппозицию, группой умеренных демократов и республиканцев был предложен компромиссный вариант, который предусматривал гарантированное медицинское обслуживание 85% американцев, не имеющих страховки – но эта компромиссная инициатива не понравилась Хиллари Клинтон.

Еще более важно отметить следующее: сегодня существует вероятность того, что недовольство экономическим положением может оказаться отодвинуто на второй план другими проблемами гораздо дальше, чем в начале 1990-х годов. В 1992 году американцы негативно оценивали экономическое положение в значительной степени потому, что экономика переживала период депрессии, а безработица значительно превышала семипроцентную отметку. После того, как наступило оживление, экономические проблемы отошли на второй план, утратив свою актуальность. Помимо прочего, все больше работающих американцев обзаводились медицинскими полисами, оплачиваемыми в соответствии с программами государственного страхования по болезни, что также вело к постепенному спаду требований реформировать систему здравоохранения. Была и еще одна причина, действовавшая в том же направлении: на протяжении большей части 1990-х годов система организаций по поддержке здоровья облегчала оплату стоимости медицинских услуг (подробнее об этом – опять-таки в одиннадцатой главе). Однако сегодня люди серьезно обеспокоены своим материальным положением и состоянием дел в экономике – даже несмотря на то, что на протяжении ряда лет отмечались приличные темпы экономического роста, а уровень безработицы находился на самых низких уровнях за всю историю США. Скорее всего, требования к правительству что-то сделать для работающих американцев не только не пойдут на спад, а будут нарастать.

Кроме того, произошло еще одно изменение. Как долгосрочные тенденции, наблюдающиеся в американском обществе, так и последние события серьезно подорвали возможности для консервативного движения переключать внимание общества на другие проблемы, маскируя тем самым тот факт, что оно является выразителем интересов привилегированного класса. Одна из главных причин этого изменения – то, что проводимая администрацией Буша-мл. политика серьезно дискредитировала в глазах общества позиции правых по проблеме национальной безопасности.

Ирак и новая политика национальной безопасности

Как документально показал Крис Хеджес в своей книге «Война – это сила, придающая нам смысл», даже военная хунта в Аргентине, которая руководила страной в начале 1980-х, доведя ее до гиперинфляции и поставив на грань экономического краха, какое-то время пользовалась поддержкой народа, когда вторглась на Фолклендские острова, инициировав тем самым абсурдную войну с Великобританией⁴. Заоблачный рейтинг Джорджа Буша-мл. после событий 11 сентября 2001 года стал отражением аналогичного эффекта «объединения под национальным стягом». Правительство страны, вступившей в войну, всегда поначалу получает общественную поддержку независимо от того, насколько оно некомпетентно и коррумпировано и насколько бессмысленна сама война.

Правда, будь президентом демократ, он вряд ли получил бы столь же высокую политическую поддержку, как Буш-мл. В годы президентства Рейгана и Буша-ст. сформировалась репутация республиканцев как партии, имеющей более сильные – по сравнению с демократами – позиции по проблемам национальной безопасности. И не имеет значения, имелись ли для такой репутации реальные основания. Принципиально важно то, что события 11 сентября прекрасно вписались в заранее заготовленный сценарий. Вопрос о том, проигнорировал ли Буш-мл. предупреждения о терро-

⁴ См.: Hedges, Chris. *War Is a Force That Gives Us Meaning*. New York: PublicAffairs, 2002.

ристической угрозе, был попросту оставлен без внимания. Зато первоначальный успех операции в Афганистане преподносился как громадное достижение его администрации: рядовой тактический успех в гражданской войне, ведущейся в одной из стран «третьего мира» пытались представить как событие не менее значимое, чем открытие «второго фронта» во Второй мировой войне. «Второстепенные детали», вроде той, что Усама бен Ладен безнаказанно ускользнул из своего убежища в горах Тора Бора, были попросту проигнорированы.

При нормальном развитии событий проблема национальной безопасности постепенно утратила бы свою политическую остроту, как это случилось после первой войны в Персидском заливе. Однако Буш-мл. и его окружение нашли способ продолжать подогревать воинственные настроения в обществе. Мы довольно неплохо представляем себе, каким образом администрация Буша-мл. сделала Америку заложницей войны с Ираком: подкуп интеллигенции, бесконечная риторика о связи между Ираком и трагедией 11 сентября и тому подобное. Менее понятно, для чего администрации понадобилось атаковать режим, который не имел к 11 сентября никакого отношения. Впрочем, практически не вызывает сомнения, что в основе решения о вторжении в Ирак лежал расчет на получение серьезных внутриполитических дивидендов от «маленькой победоносной войны». Хорошо известный ныне бесславный фотомонтаж под названием «Миссия выполнена», изображавший прилет Буша-мл. на авианосец, вполне соответствовал тому, что собой представляла вся эта война. Тем не менее она на удивление долго давала Бушу политическое преимущество. Хотя оружие массового поражения так и не было найдено, а американские потери увеличивались, потребовалось более двух лет военных действий, прежде чем опросы общественного мнения начали указывать на устойчивую тенденцию: большинство американцев считает вторжение в Ирак ошибкой.

Сегодня неприятие обществом войны в Ираке превратилось в центральный факт американской политической жизни. Даже если это ненадолго, в этой книге нам важно выяснить, окажет ли фиаско в Ираке долгосрочное воздействие на изменение политического ландшафта США? Я отвечаю на этот вопрос утвердительно.

В идеале общество сделает из этого поражения следующий вывод: если хочешь выиграть войну, то не следует поручать ре-

шение этой задачи неоконсерватору. Призовите для этого либерала или, на худой конец, республиканца типа Эйзенхауэра. Поражение в Ираке было, по всей вероятности, неизбежным, но если у Соединенных Штатов и имелись – пусть мизерные – шансы на успех, то все они были упущены из-за несостоятельности платформы консервативного движения. В частности, необоснованный оптимизм администрации Буша, ее стремление воевать с минимальными затратами и минимальной численностью сухопутных войск – все это было прямой производной стратегии сокращения налогов. Честное признание того, что война – дело рискованное и дорогостоящее, потребовало бы немалых жертв (известно, что во время двух мировых войн налоги на богатых росли, а неравенство сокращалось). Однако администрация Буша планировала использовать войну как инструмент для продолжения своей внутренней политики, ведущей к усилению неравенства. А такой сценарий предполагал блицкриг, парад победы и затем новый раунд снижения налогов. Он требовал исходить из того, что все пройдет легко и что нужно игнорировать мнение экспертов, предостерегавших, что легкой прогулки не получится.

Назначение на посты по знакомству, то есть кумовство, являющееся неотъемлемой характеристикой консервативного движения, стало главной причиной провала программы восстановления Ирака. Ключевые проекты доставались не имеющим необходимого опыта, зато наиболее преданным сторонникам партии. Крайне некачественная работа политически родственных фирм-подрядчиков (яркий пример – строительство центра подготовки полицейских, в котором с потолка сочатся фекалии) осталась безнаказанной⁵. Пышным цветом расцвела коррупция. Примеры несостоятельности отнюдь не были единичными или случайными. Систематическое использование политической власти для задачи льгот и привилегий партийным союзникам – часть связующего механизма, удерживающего консервативное движение от распада. Воевать в Ираке эффективно и честно (то есть так, как действо-

⁵ Пожалуй, лучший обзор безумств программы восстановления экономики Ирака содержится в: Chandrasekaran, Rajiv. *Imperial Life in the Emerald City: Inside Iraq's Green Zone*, New York: Alfred A. Knopf, 2006. Случай, происшедший при постройке здания полицейской академии, описан в: «Heralded Police Academy a “Disaster”» in: *Washington Post*, 2006, September 28, p. A01.

вал во время Второй мировой войны Франклин Делано Рузвельт) означало бы проводить политику, по крайней мере отчасти, в духе Нового курса – что для ныне власть предержажших в Америке совершенно неприемлемо.

В идеале, как я сказал, общество должно извлечь из этого опыта следующий урок: консервативное движение действительно не способно защитить США. Опыт войны в Ираке должен, как минимум, на длительный предстоящий период исключить возможность побед на выборах консерваторов с их агрессивными позициями и воинственными выступлениями. Избиратели будут помнить, куда это привело Америку при Буше-мл.: ведь он именно таким обманчивым образом втянул страну в ненужную ей войну. А если избиратели об этом забудут, либералы могут им напомнить. Следовательно, потребуется немало времени, прежде чем консервативное движение вновь сможет попытаться сделать то, что Буш-мл. сделал в 2002 и 2004 годах, а именно: разыграть карту национальной безопасности для отвлечения внимания общества от элитарной, антинародной сущности проводимой им политики.

Консервативное движение неоднократно побеждало на выборах даже в те годы, когда тема национальной безопасности не была в центре общественного внимания. Наиболее важным и постоянно действовавшим источником их успеха было использование особенностей расовой ситуации в стране. Консерваторы получали поддержку определенной части белого электората, апеллируя к страху последнего перед афроамериканцами. Этот политический инструмент борьбы за электорат остается в арсенале консерваторов. Имеются, однако, серьезные основания считать, что острота расовых противоречий в стране постепенно идет на спад.

Теряет ли расовая проблема свою остроту?

* Имеется в виду книга: Judis, John and Teixeira, Ruy. *The Emerging Democratic Majority*, New York, London: Scribner, 2002 (нпум. В. Иноземцева).

В 2002 году вышла в свет работа Рэя Тексейры и Джона Джудиса «Становление демократического большинства»*, задуманная как от-

вет на пророческую книгу Кевина Филлипса «Становление республиканского большинства»*, вышедшую в 1969 году. В основу анализа двух авторов (как и у Филлипса) был положен анализ демографических тенденций, которые, согласно их представлениям, складывались в пользу демократов. Казалось, что победы республиканцев в 2002 и 2004 годах опровергли эту гипотезу, однако выборы 2006 года вновь ее актуализировали. В статье 2007 года Тексейра и Джудис доказывали, что «результаты этих выборов свидетельствуют о завершении краткого ренессанса Республиканской партии, связанного с реакцией администрации Буша-мл. на террористическую атаку 11 сентября 2001 года, и возврате к политическим и демографическим тенденциям, предопределяющим демократическое и левоцентристское большинство в Соединенных Штатах»⁶. Такая трактовка недалека от моей точки зрения. Однако

моя версия событий более прямолинейна. На мой взгляд, политика апелляции к недовольству белого населения расширением прав темнокожих, являвшаяся неотъемлемым компонентом успеха консервативного движения, теряет свою эффективность вследствие двух причин: во-первых, в электорате сокращается доля белых американцев и, во-вторых, для большинства (хотя и не для всего) белого населения все менее характерны расистские настроения.

В данном случае я имею ввиду белое население не латиноамериканского происхождения. Быстрый рост испаноязычной общины (доля которой выросла с 6,4% в 1980 году до 12,5% в 2000 году) стал главной причиной изменения национального состава населения Америки. Численность выходцев из Азии также быстро растет, правда начиная с меньшей исходной базы: в 1980 году их доля составляла 1,5% всего населения страны, а к 2000 году достигла 3,8%. В основе роста обеих этих этнических групп лежит иммиграция, хотя для выходцев из латиноамериканских стран также характерен высокий уровень рождаемости.

* См.: Phillips, Kevin. *The Emerging Republican Majority*, Washington (DC): Arlington House, 1969 (прим. В. Иноземцева).

⁶ См.: Teixeira, Ruy and Judis, John. «Back to the Future: The Reemergence of the Emerging Democratic Majority» in: *American Prospect*, 2007, June.

Как было показано в главе о долгом «позолоченном веке», непосредственным политическим эффектом иммиграционных процессов оказывается отсутствие избирательных прав у низкооплачиваемых работников, что означает существенное смещение политического центра тяжести вправо. В ситуации, когда значительную часть рабочей силы составляют низкооплачиваемые иммигранты, от участия в голосовании оказываются отстраненными те, кто больше всех заинтересован в политике обеспечения равенства и, напротив, те, кто несет наибольшие потери от такой политики, активно реализуют избирательное право. Если бы это была вся правда, меняющийся национальный состав населения США был бы просто побочным продуктом процесса, который содействует консерваторам и, наоборот, наносит вред либералам. Однако этим дело не ограничивается. Новые иммигранты не являются «белыми», во всяком случае многие коренные белые американцы не считают их таковыми – а вот это уже имеет принципиальное значение. Именно данное обстоятельство – в сочетании с американской традицией использования расового вопроса в качестве инструмента политики – становится фактором, который, по моему мнению, приводит в итоге к тому, что консервативное движение лишается своего самого мощного политического оружия.

Для правильной оценки действия этого фактора нужно четко понимать, что внутри коалиции, поддерживающей консервативное движение, нет единства по проблеме иммигрантов. Так, в деловых кругах преобладают взгляды в пользу поощрения иммиграции, поскольку бизнес заинтересован в наличии массовой дешевой рабочей силы. Напротив, избиратели, которым не чужды расистские настроения и чье мнение оказывалось решающим для побед консервативного движения, настроены категорически против. Джон Джудис так описывает электорат республиканцев, для которого характерен антииммиграционный настрой:

Они очень похожи на тех белых избирателей из трудящихся классов, которые в 1970-е и 1980-е годы стали сторонниками республиканцев потому, что их не устраивали политика десегрегации и формирование альтернативной культуры. Как правило, это белые протестанты-евангелисты из штатов Юга, Среднего Запада и Запада (кро-

ме Тихоокеанского побережья) с высокими доходами и без высшего образования. Они проживают в городках или сельской местности (где обычно нет массовых скоплений иммигрантов) и причисляют себя к консерваторам⁷.

⁷ Judis, John. «Continental Divide: Why the Immigration Bill Will Never Become Law» in: *New Republic*, 2007, May 23.

В итоге внутри консервативного движения наблюдается жесткое противостояние по вопросам иммиграционной политики. Это имеет важное последствие: то, что крупная фракция современной Республиканской партии придерживается жестких антииммиграционных взглядов, толкает небелых иммигрантов в объятия Демократической партии. Именно так произошло в штате Калифорния, где в 1994 года на выборах губернатора победу одержал республиканец Пит Уилсон, в своей избирательной кампании сделавший ставку на проблемах нелегальной иммиграции. Однако в последующие годы растущая калифорнийская община выходцев из латиноамериканских стран стала в своей массе выступать за демократов, в результате чего политика штата обрела резко выраженную либеральную направленность. Даже избрание губернатором Арнольда Шварценеггера мало что изменило. Шварценеггер быстро смекнул: для того чтобы быть эффективным руководителем, он должен действовать как современный республиканец типа Эйзенхауэра. В этом он преуспел до такой степени, что – подобно мэру Нью-Йорка Майклу Блумбергу (недавно объявившему, что является независимым политиком) – теперь его нередко характеризуют как фактического демократа.

Иными словами, политический успех движения консерваторов зависит от апелляции к белому населению, которое с предубеждением относится к афроамериканцам. Правда, сложно неприязненно относиться к афроамериканцам и не испытывать при этом антииммиграционных настроений. А поскольку быстрый рост числа иммигрантов делает их все более серьезной политической силой, то эксплуатация расовой темы, в прошлом обеспечивавшая движению консерваторов мощную политическую поддержку, сегодня может привести к прямо противоположному результату.

Республиканцы пытались решить проблему путем возможно более длительного сохранения положения, при котором иммигран-

ты и их потомки лишены избирательных прав. Ряд описанных в девятой главе примеров фальсификации выборов был направлен скорее против выходцев из латиноамериканских стран, чем против афроамериканцев. В 2003 году, когда эксперты Министерства юстиции единогласно оценили пресловутый план пересмотра границ избирательных округов штата Техас как противоречащий Закону об избирательных правах, в их заключении особо подчеркивалось, что план искусственно ограничивал избирательные права выходцев из латиноамериканских стран. (Решение федеральных инспекторов было, конечно, опротестовано политическими назначенцами и план был утвержден, что обеспечило республиканцам пять дополнительных мест в Конгрессе). Впрочем, даже это не помешало демократам легко получить в 2006 году большинство в Палате представителей, а достойные осуждения действия республиканцев – не более чем тактика проволочек.

Помимо того явного и неумолимого факта, что доля белого населения Америки сокращается, есть и более вдохновляющая причина считать, что использование проблемы расовых отношений в качестве политического инструмента утрачивает свое значение. Как нация, американцы стали гораздо толерантнее относиться к расовой теме. Наиболее ярко об ослаблении расовой напряженности свидетельствуют ответы людей на вопрос по теме, одно упоминание которой прежде приводило белое население в ужас. Речь идет о смешанных браках между белыми и темнокожими. Согласно опросам Гэллапа, в 1978 году, когда движение консерваторов еще только начинало свое восхождение к власти, лишь 36% американцев позитивно относились к бракам между белыми и афроамериканцами, тогда как 54% их не одобряли. Еще в 1991 году доля одобряющих межрасовые браки составляла только 48%. Однако к 2002 году уже 65% американцев положительно относилось к смешанным бракам, а к июню 2007 года эта цифра достигла 77%.

Может показаться, что сказанное не имеет прямого отношения к политике. В конце концов речь не идет о возрождении некогда существовавших законов, запрещавших межрасовые браки. Однако эксплуатация правыми темы межрасовых противоречий имеет крайне мало общего с настоящей политикой в истинном смысле этого понятия; скорее это обращение к примитивным

инстинктам. И если эти инстинкты перестают быть определяющими – а именно так и происходит, – то и политика манипулирования ими теряет силу.

Спад межрасовой напряженности не означает немедленной политической революции. Например, на крайнем Юге в предстоящий период по всей вероятности сохранятся сильные республиканские традиции. Однако проводимая на Юге политика буквально трещит по швам: пограничные штаты (в число которых сегодня входит и Вирджиния) начинают все больше поддерживать демократов. В сущности, победа Джеймса Уэбба над Джорджем Алленом на выборах в сенат штата Вирджиния в 2006 году – прекрасная иллюстрация того, как старомодный расизм может, взаимодействуя с отрицательным отношением к иммигрантам, приводить к подрыву консервативного движения. Многие были так поражены политическим даром Аллена (калифорнийского яппи, который создал себе образ «славного парня» с Юга), что решили – у него есть неплохие шансы стать следующим кандидатом на пост президента от Республиканской партии. Однако затем произошло следующее: начав с мелких колкостей в адрес темнокожего советника Уэбба С.Р. Сидхарта, родившегося в США американца индийского происхождения, Аллен в итоге договорился до оскорбительных и по своей сути расистских выражений, произнеся слово «макака». Этого инцидента, который был (как и все в наши дни) заснят на видео, оказалось достаточно, чтобы предрешить победу Уэбба.

Значимость сдвига в области расовой политики невозможно переоценить. Мощь консервативного движения как политической силы – уникальная особенность Соединенных Штатов. Главная причина, по которой консервативному движению удалось расцвести пышным цветом именно здесь (тогда как в Канаде и Европе люди с подобными взглядами являются маргиналами, обреченными находиться на периферии политического спектра) – межрасовая напряженность, унаследованная от периода рабства. Если ослабить ее или, точнее говоря, увеличить политическую плату для республиканцев за попытки эксплуатировать эту тему, Америка станет менее уникальной и более похожей на другие западные демократические страны, где государство благосостояния и политика ограничения неравенства пользуются большей поддержкой граждан.

Что хорошего происходит в Канзасе?

Наверное, самый впечатляющий раздел вышеупомянутого обзора долгосрочных тенденций в настроениях общества, выпущенного Исследовательским центром Пью, посвящен социальной и ценностной тематике. Поразительно, до какой степени нетерпимым американское общество было еще совсем недавно и насколько серьезно изменились общественные настроения. Так, например, в 1987 году более половины респондентов считали, что руководству школ следует предоставить право увольнять преподавателей гомосексуальной ориентации, а 43% полагали, что СПИД – это божья кара за аморальное сексуальное поведение. К 2007 году эти показатели снизились до 28 и 23% соответственно. Или возьмем другой вопрос – о роли женщин в обществе. В 1987 году только 29% респондентов категорически не соглашались с утверждением, что женщинам следует вернуться к исполнению традиционной для них роли; к 2007 году эта цифра уже составляла 51%.

Масштаб изменения в общественных настроениях действительно впечатляет. Выводы для экономической политики не столь очевидны. Как я показал в девятой главе, политологи скептически отнеслись к распространенным толкованиям происходящего в американской глубинке («Что случилось в Канзасе?»). Обобщив статистические данные, они не нашли подтверждений тому, что голосование значительной части белого рабочего класса вопреки собственным экономическим интересам можно объяснить религиозными и социальными, а не расовыми причинами. По-видимому, голоса избирателей-моралистов имеют решающее значение лишь тогда, когда шансы кандидатов на выборах примерно равны. Тем не менее что касается масштабов использования темы социальной и религиозной нетерпимости консервативным движением, то они явно сокращаются.

К тому же наблюдаются признаки того, что динамика социальных и религиозных настроений общества в некотором смысле напоминает динамику его отношения к расовой проблеме. По мере того, как народ становится более толерантным, Республиканская партия, опирающаяся на адептов нетерпимости, все дальше расходится с большинством населения. Пример – все тот же штат Канзас, где

после выборов 2004 года ряд видных членов Республиканской партии покинул ее ряды и перешел в Демократическую в знак протеста против захвата «новыми правыми» ключевых постов в местном отделении «великой старой партии». «Я сыт по горло богословскими прениями на тему о том, верна ли теория Дарвина» – заявил, переходя к демократам, бывший председатель отделения Республиканской партии в штате Канзас. В ответ на это Республиканская партия в Канзасе потребовала от своих членов подписать действительно жуткую «Клятву верности», похожую на те, которые используют маоисты. В ней говорится: «Клянусь никогда в своей политической или личной карьере не изменять своей партии»⁸. На момент написания этих строк губернатором штата Канзас являлся демократ, а два из четырех мест штата в Палате представителей также занимали демократы.

⁸ См. текст этого документа на сайте: <http://bluetiderising.blogspot.com/2007/07/kansas-republicans-unveil-unity-pledge.html>.

В поисках ответов

Американцы серьезно обеспокоены отсутствием связи между ростом экономики и уровнем жизни большинства населения страны даже в те периоды, которые принято считать благоприятными. Они стали менее восприимчивы к методам политического манипулирования – призывам к расовой и социальной нетерпимости, провоцированию панических настроений по вопросам национальной безопасности. В силу всех этих причин представляется вполне вероятным, что время консервативного движения прошло.

Однако от либералов требуется нечто большее, чем просто не быть такими же плохими, как те люди, что в последнее время руководили Америкой. Вспомним Новый курс. Несостоятельность консервативного руководства сделала более или менее неотвратимой победу демократов на выборах 1932 года. Однако само по себе это никоим образом не гарантировало, что оставленное победителями наследие окажется жизненным. По-настоящему жизнеспособным Новый курс сделали предложенные Франклином Рузвельтом адекватные инструменты решения проблем неравен-

ства и экономической незащищенности граждан. Это были прежде всего институты американского государства благосостояния, а главный из них – система социального страхования. Как мы уже убедились, мероприятия и институты Нового курса оказались на редкость успешными в деле решения проблемы выравнивания доходов населения США без ущерба для экономического роста.

Сегодня американцы вновь стали нацией, испытывающей сильное недовольство правлением консерваторов. Это не означает точного повторения ситуации 1932 года. Тем не менее довольно высока вероятность того, что демократы – причем относительно либеральные – займут господствующие позиции как в Конгрессе, так и в Белом доме. Вопрос заключается в том, сможет ли это новое большинство создать что-нибудь долговечное.

Они должны справиться со своей миссией. Сегодняшние либералы располагают серьезным преимуществом по сравнению с либералами 75-летней давности. Они знают, что следует делать – по крайней мере в одной важной сфере. В следующей главе я приведу исчерпывающее обоснование необходимости завершения Нового курса посредством предоставления американцам того, что у граждан любой другой развитой страны уже есть, а именно: гарантированной общедоступной медицины.

11 ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ КАК ИМПЕРАТИВ

Среди богатых стран только в США гражданам не гарантированы базовые услуги по охране здоровья. Чаще всего дискуссии о политике в сфере здравоохранения, в том числе и мои рассуждения на эту тему, исходят из цифр и фактов, которые позволяют оценить затраты и преимущества, связанные с преодолением такого отставания. Этим мы займемся несколько позже, а для начала зададимся другим вопросом: какое решение было бы верным с нравственной точки зрения?

С позиций морали имеется по-своему логичная аргументация против обязательного здравоохранения. Ее смысл состоит в том, что хотя в жизни бывает немало несправедливостей, избавление нас от них не является задачей правительства. Соответственно утверждается, что ситуация, когда кто-то не может позволить себе медицинскую страховку, конечно, неприятна. Но все равно государство не обязано принуждать посторонних людей выручать этих бедолаг, взвинчивая налоги. Некоторые люди генетически предрасположены к болезням. Другие иногда оказываются в условиях, делающих для них невозможным приобретение медицинской страховки. Ну что же, в жизни часто случаются разные неприятности – но правительство не в состоянии все их исправить и нет причин для того, чтобы оно вплотную занималось такого рода бедами.

Разумеется, я не согласен с аргументацией подобного рода. Но я привожу ее здесь не для того, чтобы ее опровергнуть. Напротив, я хочу подчеркнуть, что хотя существуют выдержанные в мораль-

ных категориях доводы против создания общедоступной системы здравоохранения, вы все равно практически никогда не услышите их в политических дебатах. Конечно, многие консерваторы полагают, что у правительства нет права расходовать деньги налогоплательщиков, чтобы выручать тех, кому не повезло в жизни. Известный политический обозреватель Молли Айвинс, ныне покойная, любила цитировать некоего тexasского законодателя, который, бывало, вопрошал: «Откуда взялась идея, будто каждый имеет право на бесплатное образование? Бесплатную медицину? Еще что-нибудь бесплатное? Она пришла из Москвы. Из России.

¹ Цит. по: Ivins, Molly. «Bucking the Texas Lockstep» in: *Washington Post*, 2003, May 15, p. A29.

Ее принесло к нам прямо из преисподней!»¹ Правда, политики федерального уровня ничего такого на публике не произносят.

Причина, по которой они воздерживаются от этого, состоит в том, что им хорошо известно: избиратели с подобными речами не согласятся. Лишь небольшая горстка американцев сочтет справедливым отказывать людям в медицинской помощи из-за каких-либо обстоятельств, не имеющих отношения к здоровью. Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения США выступает за то, чтобы услуги здравоохранения были гарантированы всем независимо от доходов. Таким образом, этические доводы в пользу общедоступного здравоохранения не вызывают сомнений.

На самом деле сомнения по поводу всеобщей системы здравоохранения сводятся к мысли, будто воплотить в жизнь систему, которая соответствовала бы требованиям нравственности, невозможно. Во всяком случае, плата за это – выраженная в долларах либо в снижении качества обслуживания для тех, кого устраивает ныне действующая в США система, – оказалась бы слишком высокой. Вот тут-то и пора обратиться к фактам и цифрам. Как известно, всем без исключения прочим развитым странам удастся достичь этой якобы нереальной цели и предоставлять услуги здравоохранения всем своим гражданам. При этом по любым меркам качество таких услуг там отнюдь не ниже, а то и выше, чем в Америке. Мало того, там добиваются этого, расходуя гораздо меньше средств на душу населения по линии здравоохранения, чем в США. Иными

словами, получается, что здравоохранение – это область, в которой поступать справедливо означает выгадывать также и в экономическом смысле. Все свидетельствует в пользу того, что более справедливая система здравоохранения не только потребует меньших затрат, чем ныне существующая в Америке, но и обеспечит более высококачественное обслуживание.

По поводу здравоохранения важно понять еще один нюанс. Медицинская проблема в существенной степени беспокоит американцев потому, что та система, которая имеется в стране, разваливается на глазах. Опросы общественного мнения убедительно указывают: здравоохранение – самый животрепещущий вопрос для избирателей.

Всеобщие идеалы, экономическая выгода, важность в глазах электората – в силу всего перечисленного реформа здравоохранения должна была бы стать приоритетом. К тому же все, что нам известно об экономической стороне здравоохранения, подводит к выводу о том, что единственно работоспособный вариант преобразований – либеральный, так как со стороны властей потребуются меры по снижению неравенства и социальной уязвимости. Реформа здравоохранения объективно выступает краеугольным камнем современного Нового курса. Если либералы желают доказать, что прогрессивная политика способна создать в Америке более совершенное и справедливое общество, то начинать нужно именно с медицины.

Но прежде чем перейти к конкретным предложениям по реформе здравоохранения, остановимся вкратце на экономической стороне вопроса.

США – на 37-м месте!

Если руководствоваться прошлым опытом, то в течение любого наступающего года у половины американцев медицинские расходы будут незначительными. Вероятно, эти граждане приобретут несколько упаковок аспирина, сдадут парочку анализов, но не заболеют или, по крайней мере, не заболеют так сильно, чтобы появилась необходимость в дорогостоящем лечении. И в то же время огромные расходы по медицинской линии падут на тех, кому

² Цифра основана на расчетах Kaiser Family Foundation (см.: *Trends and Indicators in the Changing Health Care Marketplace*, exhibit 1.11. [<http://www.kff.org/insurance/7031/index.cfm>]).

потребуется коронарное шунтирование, гемодиализ или химиотерапия. В целом, 80% затрат на здравоохранение придется на 20% населения. Самому больному 1%

населения США в среднем потребуются медицинские услуги на сумму свыше 150 тысяч долларов на протяжении всего лишь одного года².

Очень немногие американцы в состоянии самостоятельно оплатить столь крупные счета – особенно если дорогое лечение продолжается годами, как это часто бывает. Здравоохранение доступно среднему классу в Америке и других развитых странах только потому, что большую часть счетов, когда возникает потребность в дорогостоящих медицинских услугах, оплачивает кто-то еще.

В отличие от большинства остальных благополучных наций, в Соединенных Штатах этот «кто-то» – обычно частная страховая компания. В большинстве развитых государств медицинское страхование фактически обеспечивается правительством, а в конечном счете – налогоплательщиками (хотя в деталях система может быть более сложной). Даже в США программа страхования, на которую идут деньги налогоплательщиков – «Медикэр» – рассчитана на всех, кому 65 лет и более, а другая правительственная программа – «Медикэйд» – охватывает многих (но не всех), кто слишком беден, чтобы позволить себе частную страховку. Преобладающее же большинство американцев, охваченных медицинским страхованием, получает его в частном секторе. Опора на частное страхование делает Соединенные Штаты единственной развитой страной, где значительная часть населения – около 15% – не застрахована вообще.

Обратимся к терминологии. Противники государственного медицинского страхования порой называют его «социализированной медициной», но это уводит от сути дела, так как речь идет о социализированном страховании, что не одно и то же. В Канаде и большинстве европейских стран врачи самостоятельно ведут свою практику или работают в основном в частных госпиталях и клиниках. Если говорить о крупных государствах, медицина национализирована только в Великобритании. Там правительство

управляет больницами, а медики являются государственными служащими.

Так как же выглядит система здравоохранения США, уникальная в своей опоре на частное страхование, на фоне других государств? Ответ мы найдем в Таблице 7, где показано, сколько те или иные страны расходуют на здравоохранение в расчете на душу населения. Сравнение этих расходов со средней продолжительностью жизни позволяет судить о том, насколько хорошо функционирует система здравоохранения.

Таблица 7

Сравнение систем здравоохранения в западных странах, 2004 год

	Расходы на душу населения, в долларах США	Ожидаемая продолжитель- ность жизни, лет
США	6102	77,5
Канада	3165	80,2
Франция	3150	79,6
Германия	3043	78,9
Великобритания	2508	78,5

Источник: World Health Organization: <http://who.int/research/en/>.

Соединенные Штаты в расчете на душу населения тратят на здравоохранение почти вдвое больше, чем Канада, Франция и Германия, и почти в два с половиной раза больше, чем Великобритания. Однако по продолжительности жизни США на последнем месте в этой группе.

Приведенные цифры столь показательны и настолько противоречат обыденным представлениям, будто частный сектор эффективнее государственного, что многие политики, эксперты и экономисты просто отмахиваются от них. По словам одного из кандидатов в президенты от Республиканской партии на выборах 2008 года Рудольфа Джулиани, американская система здравоохранения

ния – лучшая на планете. Однако Всемирная организация здравоохранения на самом деле отводит ей только 37-е место в своем рейтинге³. Как доказывает экономист-консерватор Тайлер Коэн, европей-

³ См.: World Health Organization. *The World Health Report 2000* (<http://www.who.int/whr/2000/en/index.html>).

⁴ См.: Commonwealth Fund. *Mirror, Mirror on the Wall: An Update on the Quality of American Health Care Through the Patients Lens*, May 2007 (http://www.commonwealthfund.org/publications/publications_show.htm?doc_id=364436).

цы имеют дело с огромными скрытыми затратами, с долгим ожиданием медицинской помощи, а также неудобной и громоздкой системой ее предоставления. Однако межстрановые сравнения показывают, что даже в Великобритании ситуация с доступностью медицинских услуг от-

личается от американской в целом в лучшую сторону: хотя британцы дольше ждут плановых операций, им проще посетить врача в экстренном случае, особенно после работы или по выходным. А немцы и французы вообще не сталкиваются ни с какими существенными задержками при обращении за медицинской помощью⁴.

Часто слышно утверждение, что канадцам нужно дольше, нежели американцам, ждать операции по замене тазобедренного сустава. Это соответствует действительности. Однако такого рода пример мало показателен, поскольку в большинстве случаев замена тазобедренного сустава в США оплачивается за счет средств системы «Медикэр», а это – государственная программа. Правда, неизвестно, все ли об этом знают: например, эксперты в области политики здравоохранения любят повторять байку о том, как к бывшему сенатору Джону Бро регулярно обращался некий избиратель, волновавшийся по поводу того, что правительство возьмет в свое ведение «Медикэр». По сути дела, говоря о разных сроках проведения операций по замене тазобедренного сустава в США и Канаде, мы сравниваем две государственные программы страхования, из которых американская финансируется щедрее. Таким образом, этот пример не имеет никакого отношения к преимуществам, приписываемым частному предпринимательству.

Есть и более серьезный вопрос, связанный с тем, что американский образ жизни сам по себе подстегивает расходы на здравоохранение. Заместитель главного редактора журнала «Америкэн проспект» Эзра Кляйн развивает по этому поводу целую теорию о том, что в США едят больше чизбургеров. Действительно, по сравнению с ев-

ропейцами американцы больше подвержены ожирению, что повышает их затраты на медицину, и, в частности, на лечение такого хронического заболевания, как диабет. Правда, попытки использовать соответствующие данные показывают, что различий в образе жизни, как и в болезнях, которым американцы подвержены из-за него, явно недостаточно, чтобы убедительно объяснить разрыв в затратах на здравоохранение между Соединенными Штатами и остальными государствами. По подсчетам экспертов «Глобал инститьют» (независимой исследовательской организации компании McKinsey), особенности набора болезней, характерных для Соединенных Штатов по сравнению с другими развитыми странами, позволяют объяснить не более 25 миллиардов долларов ежегодных расходов американцев на медицинское обслуживание, то есть менее 100 долларов из тех приблизительно 3 тысяч долларов на человека, которые США ежегодно «перерасходуют» на здравоохранение⁵.

Нужно также учесть следующее: хотя Америка *тратит* на здравоохранение больше всех остальных, это, насколько можно заметить, не выливается в ощутимо лучший результат. Если судить по числу врачей на 100 тысяч жителей, среднему числу посещений врача, количеству койко-дней, выписываемых рецептов на лекарства и так далее, то по качеству здравоохранения Америка отнюдь не выделяется в лучшую сторону на фоне других богатых стран⁶. Соединенные Штаты превосходят всех по расходам на медицинские услуги, но находятся лишь в середине списка, если говорить о том, что американцы на самом деле получают за свои деньги.

Все это свидетельствует о том, что система здравоохранения в США крайне неэффективна. Так как же удастся стране, в которой силен предпринимательский дух; стране, находящейся на переднем крае технологического развития во многих областях, иметь столь несовершенную систему здравоохранения? Главный ответ состоит в том, что нас угораздило получить систему, в которой значительные суммы расходуются не на предоставление человеку медицинских услуг, а на то, чтобы отказать ему в них.

⁵ См.: McKinsey Global Institute. *Accounting for the Cost of U.S. Health Care*, January 2007 (http://www.mckinsey.com/mgi/rp/healthcare/accounting_cost_healthcare.asp).

⁶ См.: Anderson, Gerard F., et al. «It's the Prices, Stupid: Why the U.S. Is So Different from Other Countries» in: *Health Affairs* 22, 2003, No. 3, pp. 89–105.

Азы экономики здравоохранения

Вероятно, наилучший способ разобраться в провалах американского здравоохранения – рассмотреть разницу между тем, что большинство американцев хочет получать от имеющейся в стране системы, и тем, к чему она в своем нынешнем виде подталкивает своих главных участников.

Как уже было сказано, существует близкое к консенсусному мнение относительно того, что базовые услуги здравоохранения должны получать все американцы. Те, кто считает иначе, держат свое мнение при себе, поскольку было бы политически некорректно утверждать, будто отказывать в медицинской помощи тем, кто родился бедняком или с «неправильными» генами, допустимо. Однако частные страховые кампании зарабатывают вовсе не тем, что оплачивают услуги врачей. Они делают деньги на том, что кладут себе в карман ваши страховые взносы, но всегда, когда это только возможно, отбиваются от оплаты оказанных вам медицинских услуг. Выплаты, связанные с покрытием затрат на серьезную операцию, страховые фирмы недвусмысленно квалифицируют как «медицинские потери».

Страховые компании пытаются снизить эти злосчастные потери двумя основными способами. Один из них – «выбор рисков», также довольно невразумительно именуемый «подпиской». Оба термина – это эвфемизмы, за которыми прячется отказ страховать тех, кому страховка как раз может понадобиться, либо выставление им крайне завышенных расценок. При всяком удобном случае страховщики тщательно проверяют потенциального клиента, чтобы выяснить, не может ли ему потребоваться дорогостоящая медицинская помощь. При этом они исходят из семейной истории, характера занятости, а прежде всего – из предшествующего состояния здоровья. Любой признак того, что клиенту с большой вероятностью предстоят серьезные затраты на лечение, перечеркивает перспективу получения им приемлемого варианта страхования.

Если кому-то все же удалось пройти этап «выбора риска», но лечение все же понадобилось, то на этот случай у страховщиков существует вторая линия обороны. Они ищут повод уклониться от платежа, копаясь в истории болезни пациента, чтобы доказать,

что у него имелось некое хроническое заболевание, о котором пациент не сообщил, из-за чего страховка лишается силы. Что еще важнее во многих случаях, страховщики подвергают сомнению мнения врачей и больниц, изыскивая причины, по которым предложенное лечение не подпадает под их ответственность.

Страховщики занимаются всем этим не потому, что они злодеи. Причина в том, что сам принцип существующей системы практически не оставляет им иного выбора. Добросовестная страховая компания, не пытающаяся отбиться от «затратных» клиентов и уклониться от оплаты счетов за лечение, привлечет массу клиентов с высокой степенью риска. В результате компания увязнет во всех тех расходах, от которых другие страховщики постарались отделаться, и быстро разорится. Хотя страховщики не являются извергами, тем не менее результаты их деятельности выглядят злодейскими. Вспомним, что почти все согласны: каждый должен получать достойную медицинскую помощь. Это подразумевает доступ к адекватному страхованию. Однако в США система работает так, что миллионам людей отказывают в страховке либо предлагают ее, но по недоступным тарифам. В то же время страховые компании тратят немалые деньги на проверку заявителей и на уклонение от исполнения своих обязательств. Те же, кто непосредственно оказывает медицинскую помощь, включая врачей и больницы, в свою очередь расходуют огромные суммы на общение со страховыми фирмами и на судебные тяжбы с ними, чтобы получить плату за лечение. Сложился целый бизнес, известный как «управление отказами», – это компании, которые помогают врачам судиться со страховыми фирмами, отказывающимися выплачивать страховку.

Ничего подобного не возникает при общедоступной системе здравоохранения, когда в качестве страховщика выступает государство. Если медицинское страхование положено каждому, не надо проверять людей, чтобы выбраковывать клиентов с высокими рисками. Если страхование осуществляет государственное ведомство, нет надобности спорить о том, кто должен платить за ту или иную медицинскую процедуру: коль скоро речь идет о процедуре, подпадающей под страховой случай, ее финансовое покрытие берет на себя правительство. В результате государственные программы медицинского страхования меньше забюрократизированы и не

требуют особых административных расходов. Например, в рамках «Медикэр» всего лишь 2% средств идут на административные нужды, тогда как у частных страховщиков этот показатель вырастает до 15%. По расчетам «Глобал институт», в 2003 году в американской системе медицинского страхования административные расходы были на 84 миллиарда долларов выше, чем в странах, в которых действуют государственные программы страхования.

Причем это далеко не все. По признанию экспертов «Глобал институт», «приведенная цифра не учитывает дополнительную административную нагрузку для больниц и поликлиник, которую порождают структуры и страховые продукты, подразумевающие нескольких плательщиков. Сюда не входят и дополнительные затраты работодателей, возникающие в связи с тем, что подразделениям фирм, ответственным за поддержание здоровья персонала, приходится заниматься медицинскими пособиями»⁷. В часто цитируемом исследовании, посвященном сравнению американской и канадской систем здравоохранения, была предпринята попытка подсчитать все такие затраты. Согласно полученным результатам, в Соединенных Штатах со-

⁷ McKinsey Global Institute. *Accounting for the Cost of U.S. Health Care*, p. 18.

⁸ См.: Woolhandler, Steffie, Campbell, Terry and Himmelstein, David. «Costs of Health Care Administration in the United States and Canada» in: *New England Journal of Medicine*, 2003, August, pp. 768–775.

вокупный объем административных затрат (то есть как страховых фирм, так и тех, кто предоставляет медицинские услуги) – составляет 31% всех расходов на медицину, тогда как в Канаде – менее 17%.

Это равно примерно 300 миллиардам долларов излишних затрат или трети разницы между соответствующими расходами в США и Канаде⁸.

Куда же уходят остальные деньги? В отличие от прочих развитых стран в США нет централизованного агентства, которое торговалось бы с фармацевтическими компаниями по поводу цен на лекарства. В итоге в Америке фактически употребляется меньше лекарств на душу населения, чем в среднем в остальных государствах, но денег на них тратится гораздо больше, что добавляет как минимум 100 миллиардов долларов к общим расходам на медицинское обслуживание. Существует также масса менее заметных причин неэффективности американской системы. Например, из-за

неправильных финансовых стимулов получили распространение амбулаторные центры компьютерной томографии, в которых дорогостоящее оборудование практически простаивает.

Наконец, в США врачам платят больше, чем их коллегам в других странах. Впрочем, последнее все же не является источником различий в затратах, сопоставимым с администрированием, лекарствами и прочими проблемами. Авторы уже упоминавшегося исследования, в котором сопоставлялись административные расходы в США и Канаде, подсчитали, что более высокие заработки американских врачей объясняют лишь 2% разницы в расходах в целом.

В американской системе есть еще один серьезнейший изъян, достойный упоминания. У страховых фирм нет особого стимула оплачивать меры по профилактике заболеваний, даже если это позволило бы им сэкономить крупные суммы на лечении в будущем. Самым вопиющим примером является диабет. Страховщики зачастую не оплачивают лечение, которое помогло бы купировать заболевание на его ранних стадиях, но готовы покрывать расходы на ампутацию ног, что нередко является следствием развития диабета, который вышел из-под контроля. Это выглядит как извращение, но давайте оценим мотивацию страховой фирмы. Предположим, что она понесет затраты, оплачивая профилактическое лечение. Но это вряд ли принесет ей выгоду, так как люди часто меняют страховщиков либо по достижении шестидесятипятилетнего возраста переходят от частного страхования к «Медикэр». Иначе говоря, с точки зрения отдельно взятой страховой компании не имеют особого смысла медицинские процедуры, которые сегодня стоят денег, хотя и экономят средства в будущем. Напротив, в рамках общедоступных систем, охватывающих всех граждан на протяжении всей их жизни, имеются мощные стимулы оплачивать профилактику заболеваний.

До сих пор в моем изложении система в США выглядела кошмарно, что соответствует действительности для очень многих. Но все же около 85% американцев имеют медицинскую страховку, и большинство из них получают приличное обслуживание. Почему система все же работает довольно неплохо?

Часть ответа на этот вопрос заключается в том, что даже в Америке правительству принадлежит решающая роль в предоставлении страхового покрытия на медицинские цели. В 2005 году

80 миллионов американцев были охвачены правительственными программами, в основном «Медикэр» и «Медикэйд», а также некоторыми другими, например – медицинским обеспечением ветеранов. Это значительно меньше числа тех, кто охвачен частным медицинским страхованием (198 миллионов), но упомянутые программы в основном рассчитаны на пожилых людей, у которых медицинские расходы гораздо выше, нежели у молодежи. Так что на деле получается, что основную часть затрат на здравоохранение покрывает правительство, а не частные страховщики. В 2004 году через государственные программы было оплачено 44% предоставленных медицинских услуг в США, тогда как частными страховыми компаниями – только 36%. Остальное было в основном оплачено самими пациентами из собственного кармана, причем такая практика существует повсеместно.

Еще одно объяснение того, почему американская система здравоохранения все же работает, сводится к тому, что большинство американцев, охваченных частным страхованием, получает его за счет своих работодателей. Отчасти здесь сказалась история – в период Второй мировой войны компаниям не разрешалось повышать заработную плату для привлечения работников, а потому многие из них взамен стали предлагать медицинские льготы. В существенной мере это также результат целенаправленной налоговой политики государства: в отличие от заработной платы, страховые пособия не облагаются подоходным налогом или начислениям на соответствующий фонд. Однако, чтобы воспользоваться такой налоговой льготой, работодатель должен предложить одинаковый план медицинского страхования всем своим работникам, независимо от истории болезни. Таким образом, страховое покрытие на основе занятости в какой-то мере смягчает проблему, возникающую из-за того, что страховщики отсеивают людей, действительно нуждающихся в страховании. Кроме того, крупные фирмы сами в определенной мере обеспечивают реализацию права своих работников на медицинскую помощь.

Благодаря таким нюансам медицинское страхование, оплачиваемое работодателями, до сих пор удовлетворяло многих американцев. Этого было достаточно для отклонения требований о принципиальном пересмотре всей системы. Однако сегодня она в своем существующем виде перестает работать.

Затяжной кризис

В основных чертах система здравоохранения в США не менялась с 1965 года, когда при президенте Линдоне Джонсоне появились программы «Медикэр» и «Медикэйд». Государственное страхование для пожилых и бедняков; предоставление солидными компаниями медицинской страховки своим служащим; персональное страхование, если удастся его заполучить, для тех, кому не повезло со страховкой по месту работы; пугающая жизнь без страхового обеспечения для немалого числа американцев. Но если основные характеристики системы сохранились, то пропорции изменились. Сокращается страхование, предоставляемое по месту работы. «Медикэйд» восполняет такое сокращение лишь частично, не компенсируя его полностью. И поэтому «Америку среднего класса» охватила тревога по поводу потери медицинской страховки.

Кризис здравоохранения начал постепенно разворачиваться в 1980-е годы, в какой-то момент в 1990-е наблюдалось кратковременное улучшение ситуации, а в последнее время она снова ухудшилась. Причина кризиса – резкое сокращение медицинского страхования, предоставляемого работодателями своим служащим. Еще в 2001 году страховку по месту работы в Америке имели 65% работников. К 2006 году этот показатель снизился до 59%, причем нет никаких свидетельств ослабления тенденций⁹. Сокращение медицинского страхования, предоставляемого работодателями служащим, подстегивается, в свою очередь, ростом стоимости страховых полисов. Средняя ежегод-

ная плата за семейную страховку в 2006 году превысила 11 тысяч долларов, что составило более четверти годового заработка медианного работника¹⁰. Для работников, у которых доход невелик, это слишком

много – фактически такая сумма близка к общему годовому заработку тех, кто трудится полный рабочий день за минимальную заработную плату. В рамках одного из обследований было обнаружено, что даже среди американцев с умеренным доходом (означающим доход на одного члена семьи в диапазоне от 20 до 35 тысяч долларов в год)

⁹ См.: Kaiser Family Foundation, *Employer Health Benefits Annual Survey 2006*, exhibit 3.1 (<http://kff.org/insurance/7527/index.cfm>).

¹⁰ См.: Kaiser Family Foundation, *Employer Health Benefits Annual Survey 2006*, exhibit 1.11

¹¹ См.: *Commonwealth Fund Biennial Health Insurance Survey*, 2005 (at http://www.commonwealthfund.org/surveys/surveys_show.htm?doc_id=367929).

какое-то время в течение двухлетнего периода более 40% не имели страховых полисов¹¹.

Почему же дорожает страхование? Как это ни странно, ответ связан с прогрессом медицины. Достижения в медицинской технологии позволяют врачам браться за многие болезни, ранее считавшиеся неизлечимыми. Правда, лечение стоит очень дорого. Страховые компании оплачивают его, но для компенсации своих расходов поднимают стоимость полисов.

Тенденция к росту медицинских расходов прослеживается уже в течение многих десятилетий. В Таблице 8 общие расходы в США на цели здравоохранения представлены в виде доли ВВП начиная с 1960 года. За исключением одного краткого эпизода, к которому мы еще вернемся, этот показатель стабильно растет. Впрочем, пока затраты на медицину были относительно низкими, их рост не составлял серьезной проблемы: американцы несли свое финансовое бремя, наслаждаясь благами прогресса медицины.

Таблица 8

США: доля расходов на здравоохранение в ВВП (в процентах)

Год	Доля
1960	5,2
1970	7,2
1980	9,1
1990	12,3
1993	13,7
2000	13,8
2005	16,0

Источник: Centers for Medicare and Medicaid Services: <http://www.cms.hhs.gov/NationalHealthExpendData/>.

Однако к 1980-м годам медицинские расходы достигли уровня, когда для многих работодателей страхование стало неподъемным. По мере того, как цены на медицинские услуги продолжали расти, фирмы стали отказывать своим работникам в медстраховании. Это привело к увеличению числа американцев, которые не имеют страхового полиса и часто не могут получить даже базовую медицинскую помощь. Робин Уэллс и я писали в 2006 году:

Наша система здравоохранения нередко ведет к нерациональным решениям, а растущие расходы усугубляют эти ошибки. В частности, американскому здравоохранению свойственно делить население на «своих» и аутсайдеров. Свои – люди с надежным страхованием, получают все, что может дать современная медицина, независимо от стоимости. Аутсайдеры, у которых страхование ненадежное или его нет вовсе, получают очень мало...

Реагируя на новые медицинские технологии, система тратит все больше на тех, кто уже включен в нее. Однако она компенсирует рост расходов на своих людей, по крайней мере частично, за счет перевода большего числа людей на положение посторонних – то есть лишает одних базовых услуг, чтобы оплатить другим самое современное лечение. Таким образом, мы приходим к жестокому парадоксу: прогресс медицины вреден для здоровья многих американцев¹².

¹² Krugman, Paul and Wells, Robin. «The Health Care Crisis and What to Do About It» in: *New York Review of Books*, vol. 53, no. 5, 2006, March 23 (<http://www.nybooks.com/articles/18802>).

Этот жестокий парадокс полностью проявился уже в 1980-е годы и вызвал в какой-то момент времени мощное движение в поддержку реформы здравоохранения. В 1991 году Гаррис Уофффорд одержал неожиданную победу на довыборах в Сенат от Пенсильвании во многом потому, что сделал упор на проблемах здравоохранения. Билл Клинтон выбрал ту же тему – и это помогло ему прийти к власти в 1992 году.

Но попытка Клинтона не удалась, а Уофффорд в 1994 году потерпел поражение от Рика Сэнторама, яркого консерватора (тот, в свою очередь, в 2006 году проиграл выборы и, как я уже упоминал в восьмой главе, на какое-то время укрылся в консервативном «мозговом центре», где разрабатывает программу под названием «Враги Америки».)

Почему же реформа системы здравоохранения провалилась при Клинтоне? Почему сейчас снова пришло время для такой реформы?

Постоянные препоны на пути к реформе системы здравоохранения

В 1993 году был момент, когда казалось, что радикальную реформу здравоохранения уже ничто не остановит. Но попытка не удалась – а за провалом плана Клинтона последовал триумф республиканцев на выборах 1994 года. Такова канва событий, которые по сей день преследуют и пугают демократов. Страх перед еще одним разгромом относится к числу главных факторов, из-за которых сегодня подавлена готовность видных демократов связать себя с идеей общедоступного здравоохранения. Однако главный вопрос состоит в том, какие уроки на самом деле нам следовало бы извлечь из опыта 1993 года.

Мне представляется бесполезным разделить причины провала Клинтона на три категории. Во-первых, существуют постоянные преграды на пути к реформе; они и поныне те же, что раньше. Во-вторых, в ситуации 1994 года были и такие аспекты, которые уже утратили свою значимость. В-третьих, имели место ошибочные шаги, которых можно было избежать. То, в чем Клинтон был неправ, нет нужды повторять.

Начнем с постоянных препятствий. Самым важным является непримиримое сопротивление консервативного движения. Уильям Кристол в первом из известной серии стратегических меморандумов, поступивших к республиканцам в Конгрессе, прямо заявил, что республиканцы обязаны постараться «убить» план Клинтона. Объяснение он дал в «Уолл-стрит джорнэл»: «Прохождение плана Клинтона по здравоохранению в любой форме имело бы катастрофические последствия. Оно означает беспрецедентное вмешательство федеральной власти в американскую экономику. Успех

этого плана станет свидетельством возрождения централизованной политики в области государства благосостояния»¹³. Далее Кристол

¹³ Kristol, William. «How to Oppose the Health Care Plan – and Why» in: *Wall Street Journal*, 1994, January 11, p. A14.

утверждал, что всеобщая система здравоохранения по сути может сработать, поскольку будет популярной, что послужит оправданием государственного вмешательства. Та же логика стояла за попыткой Дж. Буша-мл. приватизировать социальное страхование: с точки зрения консервативного движения, самые опасные правительственные программы – это такие, которые работают лучше всего и тем самым придают легитимность государству благосостояния.

Нет нужды строить предположения о том, будет ли консервативное движение столь же непоколебимо в своем сопротивлении новым реформам здравоохранения. На момент написания этой книги оно настроено именно так. Однако сейчас аргументы неоконсерваторов куда более несуразны, чем в 1993 году. Например, когда британские власти раскрыли намерение группы врачей-мусульман, работавших в Национальной службе здравоохранения, осуществить террористические акты, средства массовой информации США, в частности телеканал «Фокс ньюс», вместе с учеными мужами консервативного движения предприняли скоординированную кампанию. Они намеревались внушить обществу идею, будто общенациональная система здравоохранения сама по себе провоцирует терроризм. Я не преувеличиваю¹⁴.

В равной мере очевидно, что, как и в 1993 году, представители страхового бизнеса будут яростно возражать против реформы. В связи с провалом инициативы Клинтона американцы могут припомнить весьма эффектные рекламные ролики про Гарри и Луизу. С их помощью страховое лобби до того запугало людей, что многие поверили, будто реформа лишит их права выбора в вопросах медицинского обслуживания. Интересно, что сопротивление со стороны страховщиков явилось неожиданностью для четы Клинтона: ведь в их плане предполагалось привлечь страховые фирмы на свою сторону, отведя им центральную роль в управлении системой. Однако, судя по всему, тогда лоббисты этого не поняли. Как будет показано мною чуть позже, во всех ныне обсуждаемых основных планах реформирования здравоохранения также предполагается важная роль частных страховщиков. Правда, как

¹⁴ Что касается телеканала Fox News, см.: <http://thinkprogress.org/2007/07/05/fox-new5-universal-health-care-breeds-terrorists/>. О современных версиях подобных же действий см.: http://rawstoy.com/news/2007/Conseivative_beggers_try_to_link_Michael_0702.html.

и тогда, их сопротивление от этого вряд ли уменьшится. Дело в том, что никакая реформа здравоохранения не будет иметь успеха, если не сократить чрезмерные административные расходы, существующие в частном страховом бизнесе. Однако это означает, что, даже если он и сохранит некую роль в системе, ему придется умерить свои аппетиты. Фактически нет способа добиться от него сотрудничества.

Опять-таки, здесь не нужно строить предположения. Политическая динамика налицо в Калифорнии, где губернатор Арнольд Шварценеггер – этакое современное воплощение республиканца в духе Эйзенхауэра – предложил ввести всеобщую систему здравоохранения на уровне штата. Согласно плану Шварценеггера, за страховыми компаниями сохранится основная роль, но будет введено их регулирование с целью устранить систему «выбора рисков». Конечно же, самый крупный страховщик в штате, компания «Синий крест Калифорнии», уже крутит рекламу вроде «Гарри и Луизы», предупреждая, что «плохо продуманные реформы» могут разрушить калифорнийское здравоохранение.

Фармацевтическая индустрия тоже станет источником ожесточенной оппозиции. Вероятно, она будет сопротивляться даже сильнее, чем в 1993 году, так как сегодня на покупку лекарств приходится куда большая доля в совокупных медицинских расходах, чем 15 лет назад. По сути дела, оппозиция фармацевтов так же неизбежна, как и неприятие реформы страховщиками. Дело в том, что фармацевтические компании сами создают часть проблем здравоохранения в США. Оно дорого в том числе и потому, что американцы гораздо больше, чем другие народы, платят за лекарства по рецептам. В рамках же общедоступной системы здравоохранения рано или поздно возникнет необходимость договориться о снижении цен на медикаменты.

Так что тут облегчения ждать не приходится: некоторые из главных источников сопротивления реформе здравоохранения с прежним упорством будут препятствовать ей и теперь. Тем не менее в одном принципиально важном отношении нынешний призыв к реформе более силен и менее подвержен давлению обстоятельств, нежели попытка, предпринятая пятнадцать лет назад.

На дворе не 1993 год

Как уже говорилось в десятой главе, Билла Клинтона избрали президентом в существенной мере потому, что экономика США пребывала в депрессии. За спадом 1990–1991 годов последовал длительный период замедленного роста занятости, так называемое «восстановление без новых рабочих мест», которое многие восприняли как продолжение спада. Кризис в сфере здравоохранения выглядел особенно острым потому, что люди теряли работу, а вместе с ней и медицинские страховки. Проблемой для реформаторов здравоохранения стало то, что как только дела в экономике начали налаживаться, улучшилась и ситуация с медицинским страхованием. К началу 1994 года Уильям Кристол убедил республиканцев выступить против плана Клинтона не только из-за сути самого плана, но и в силу аргумента, будто бы никакого кризиса в здравоохранении в Америке нет и в помине. Действительно, как подтверждает Таблица 9, условия в области медицинского страхования быстро улучшались. В 1994 году доля американцев, имеющих страховку по месту работы, стремительно росла, так как вновь получавшие работу сразу же обеспечивались медицинским полисом. В существенной мере примененная республиканцами тактика торможения сработала потому, что к концу первого года президентства Клинтона американцы стали лучше относиться к сложившейся в здравоохранении ситуации.

Таблица 9

Доля застрахованных по месту работы (в процентах)

Год	Доля
1987	62,1
1993	57,1
1994	60,9
2000	63,6
2005	59,5

Источник: U.S. Bureau of the Census health insurance tables: <http://www.census.gov/hhes/www/hlthins/historic/hihist1.html>.

На этот раз ничего подобного просто не может произойти. В начале этого десятилетия наблюдались рецессия и восстановление без роста числа рабочих мест, как и в начале 1990-х годов. Однако в 2003 году в области занятости картина начала улучшаться, а к 2006 году безработица упала до уровней, ненамного превосходящих самые низкие показатели конца 1990-х годов. В то же время ситуация в сфере медицинского страхования продолжала ухудшаться. На этот раз не произойдет временного улучшения показателей, которое позволило бы противникам реформы системы здравоохранения отрицать наличие в ней кризиса.

Существовал еще один фактор, работавший на временное смягчение ситуации как раз тогда, когда Клинтон пытался продвинуть свой план по здравоохранению. Середина 1990-х годов стала золотым временем для так называемых организаций по поддержанию здоровья (ОПЗ). Идея, стоявшая за появлением этих организаций, заключалась в том, что традиционная схема страхования по принципу платы за услугу, при которой страховые компании выплачивают вознаграждение любому доктору за оговоренную процедуру, ведет к перерасходу средств. Имелось в виду, что врачи якобы стремятся предложить своим пациентам все мыслимые процедуры, способные принести пользу их здоровью, а больные легко с этим соглашались, поскольку платят не они сами. Подразумевалось, что система ОПЗ обеспечит «регулируемое медобслуживание», при котором врачи, став ее частью, получают стимул заботиться о снижении затрат. Соответственно, они будут воздерживаться от проведения дорогостоящих процедур, не сулящих существенного терапевтического эффекта. Согласно этой концепции, пациенты должны были соглашаться с вводимыми ограничениями, так как они позволяли значительно снизить стоимость страховки.

Сама по себе идея учета затрат при принятии медицинских решений имеет глубокий смысл. В Великобритании Национальная система здравоохранения (НСЗ), являющаяся единственным образцом подлинно социализированной медицины в основных странах развитого мира, располагает ограниченным бюджетом. Руководящие ей профессионалы-медики стараются по максимуму использовать имеющиеся средства, составляя рейтинг проце-

дур с точки зрения достигаемого медицинского результата на каждый затраченный фунт стерлингов, и ограничивают расходы на низкоэффективные манипуляции. В самих Соединенных Штатах Администрация здравоохранения для ветеранов, выступающая своего рода уменьшенной копией НСЗ, занимается тем же самым. При этом, несмотря на весьма скудные ресурсы, обе эти системы достигают замечательных результатов в плане обеспечения эффективного здравоохранения.

Между тем ОПЗ – это система частных организаций, руководимых бизнесменами, а не вовсе государственное агентство, возглавляемое врачами. Поначалу ОПЗ как будто бы даже обеспечивали обещанное снижение затрат: когда они распространились в 1990-е годы, наблюдавшийся ранее на протяжении длительного периода времени рост расходов на здравоохранение приостановился (что ясно видно из Таблицы 8). К тому же в 1990-е годы сочетание экономии по линии ОПЗ и общеэкономического роста привело к серьезному, хотя и временному улучшению состояния дел в медицинском страховании (как показано в Таблице 9).

Однако в конечном итоге ОПЗ так и не обеспечили устойчивого сокращения расходов. Причина проста: люди им не верят. Пациенты британской НСЗ в целом готовы согласиться с определенным нормированием в сфере здравоохранения, поскольку понимают, что у организации ограниченный бюджет и что ею руководят врачи, которые хотят использовать имеющиеся средства по максимуму. В Америке же люди, причастные к ОПЗ, гораздо менее склонны согласиться с нормированием, поскольку им известно, что оно исходит от бухгалтеров, стремящихся максимизировать доходы задействованных в этой системе корпораций. Из-за недоверия и неудовлетворенности пациентов доля тех, кто зарегистрировался в ОПЗ, в общем числе застрахованных прошла свой пик уже в середине 1990-х. Правда, другие, не столь жесткие, формы «регулируемого медобслуживания» и позднее продолжали привлекать новых клиентов. Кроме того, протесты общественности и слушания в Конгрессе вынудили страховщиков отказаться от активных попыток снизить затраты. В итоге в США медицинские расходы снова быстро растут, а страхование, предоставляемое по месту работы, продолжает сокращаться.

Все это наводит на мысль, что шансы на успех реформы здравоохранения сегодня не столь малы, как в 1993 году. У Клинтона был короткий временной диапазон с точки зрения возможности реализации реформы – до того, как общественное внимание переключилось на другие вопросы. На этот раз трудно представить себе что-либо, что притупило бы в обществе ощущение важности решения проблемы здравоохранения, и позволило бы ее оппонентам заявлять, будто никакого кризиса нет и в помине.

Впрочем, даже в 1993 году Клинтон мог бы добиться успеха в реформе здравоохранения, если бы не сделал несколько серьезных ошибок.

Ошибки, которых следует избегать

О деятелях, непосредственно занимавшихся разработкой плана Клинтона, и о допущенных ими просчетах написано немало. Мне нечего к этому добавить. Взамен позвольте мне сфокусироваться на двух моментах, в которых Клинтон явно ошибся.

Во-первых, он просто запоздал с началом реформы. Эксперт Мэтью Холт, чей блог, посвященный политике здравоохранения, стал самым посещаемым, провел четкое сравнение провалившейся попытки реформирования при Клинтоне и успешной реализации

Линдоном Джонсоном идеи «Медикэр». Джонсон подписал закон о «Медикэр» 30 июля 1965 года – менее чем через девять меся-

цев после своей победы на выборах 1964 года. Клинтон же произнес перед нацией свою первую речь по здравоохранению только 23 сентября 1993 года¹⁵.

Сильное затягивание решения вопроса обернулось катастрофой. Косени 1993 года весь политический энтузиазм выборов 1992-го сошел на нет, а администрация Клинтона увязла в мелочах (таких, как роль гомосексуалистов в армии), а также в мелких скандалах, раздувавшихся консервативным движением. Тем временем экономический подъем подрывал общественный интерес к реформе здравоохранения.

Почему же Клинтон не смог действовать быстрее? Отчасти причина кроется в расстановке приоритетов: изначально его внима-

¹⁵ См.: Holt, Matthew: http://www.thehealthcareblog.com/the_health_care_bbg/2005/07/policypolitics_w.html.

ние больше занимали бюджетные проблемы. Да и сама выработка плана Клинтона по здравоохранению как таковая опиралась на громоздкую организацию, включавшую в себя многочисленную, но засекреченную специальную рабочую группу, руководители которой ухитрились оттолкнуть от идеи реформы ее многих естественных союзников. Но самое главное состояло в том, что Клинтон просто не был готов к реальным действиям. Программа «Медикэр» появилась на свет после предварительного многолетнего обсуждения. Клинтон же взялся за дело с практически пустыми руками. В ходе его избирательной кампании не были проработаны детали реформы здравоохранения, не велись и общенациональные дебаты по этому предмету, которые подготовили бы почву для проведения конкретных мероприятий.

Когда же план Клинтона был, наконец, обнародован, оказалось, что у него есть еще один недостаток: его слишком легко было представить как намерение лишить американцев свободы выбора в медицинской сфере.

План Клинтона был основан на тех теориях в области здравоохранения, согласно которым ограничение расходов на дорогие и при этом несущественные в медицинском отношении процедуры должно обеспечить резкое сокращение затрат. Хотя речь шла о системе общедоступного медицинского страхования, по существу предполагалось направить всех в ОПЗ, которые должны были оказаться в состоянии «регулируемого соревнования» между собой. Оппоненты плана не преминули воспользоваться этим. Первые и самые разрушительные с точки зрения пропаганды реформы рекламные ролики про Гарри и Луизу предупреждали: «Правительство наверняка заставит нас выбрать из нескольких схем медицинского страхования те, которые разработаны самими государственными чиновниками»¹⁶.

Чтобы не повторить печальную историю, сегодня сторонникам реформы здравоохранения важно избежать подобных ошибок. Им нужно с ходу взяться за дело: если США получат прогрессивного президента и прогрессивное большинство в Конгрессе, они сразу же должны иметь на руках хотя бы ключевые элементы плана создания общедоступного здравоохранения, заранее согласо-

¹⁶ Эта реклама выложена на сайте YouTube (см.: <http://youtube.com/watch?v=Dt31nhleeCg>).

ванные и прошедшие широкое обсуждение. И очень кстати, что реформа здравоохранения стала важнейшим вопросом в ходе последней президентской кампании. Кроме того, нужно будет предложить план, который убедит американцев, что какой-то выбор останется за ними, – то есть те, у кого сейчас хорошая страховка, не будут вынуждены сменить ее на нечто похуже.

Направления реформы здравоохранения

Когда Ф.Д. Рузвельт создавал систему социального страхования и страхования от безработицы, он ступал на неизведанную почву. Подобных программ в Америке до того никогда не было, а программы государства благосостояния, принятые в Германии и Великобритании, имели ограниченный характер и были малоизвестны в США. Никто не мог быть уверен в том, как на практике сработают идеи Нового курса, предполагавшие защиту американского населения от рисков. Сейчас, напротив, в большинстве западных стран общедоступные системы здравоохранения существуют не один десяток лет, так что у нас есть довольно хорошее представление о том, какие из них работают наиболее эффективно.

Эзра Кляйн провела очень качественный обзор систем здравоохранения в прочих развитых странах, а начальные параграфы ее работы стоят того, чтобы повторить их полностью.

Медицина – сложное дело, но с медицинским страхованием все просто. Прочие промышленно развитые нации уже разобрались в этом и не оставили 45 миллионов своих соотечественников незастрахованными, а 16 миллионов или около того – с неполной страховкой. Одновременно они не позволили взвиться ценам на полисы и не подвергли серьезной угрозе национальную экономику.

Еще важнее то, что в подобных успехах нет никакого секрета, а их механизмы не относятся к числу непознанных. Спросим экспертов в области здравоохранения, что следовало бы делать – они вздохнут и предложат что-нибудь сродни тому, что делается во Франции или Германии. Однако, если задать вопрос, что, по их мнению, можно сделать на практике, – то мы услышим путаные, заумные речи про региональные альянсы по приобретению лекарств и накопительные счета для оплаты услуг здравоохранения. Налицо отчаянное же-

ление избежать сопротивления со стороны страховщиков, фармацевтической промышленности, консерваторов, предпринимателей, да и всех остальных. Пресловутая «сложность» реформы является результатом усилий тех, кто стоит на страже сложившегося положения дел и вовсе не стремится к решению проблем¹⁷.

¹⁷ Klein, Ezra. «The Health of Nations» in: *American Prospect*, 2007, May 7.

Рассмотрим французскую систему, которую Всемирная организация здравоохранения поставила на первое место в мире. Во Франции существует базовое медицинское страхование, которое распространяется на всех и оплачивается за счет налоговых поступлений (как и «Медикэр»). Кроме того, поощряется и приобретение дополнительного страхования, покрывающего более крупные расходы на медицину – что сравнимо с дополнительной медицинской страховкой, которую многие пожилые американцы имеют помимо «Медикэр». Бедняки получают также субсидии, которые помогают им приобрести дополнительное покрытие, что сопоставимо с тем, как «Медикэйд» выручает миллионы американцев старшего возраста.

Между тем есть смысл отметить, что у канадской системы, которую часто используют в качестве примера того, как могла бы выглядеть общедоступная система здравоохранения в США, есть черта, отсутствующая во французской системе и «Медикэр»: канадцам не разрешается покупать себе индивидуальную страховку в тех сферах, на которые распространяется государственное страхование. Логика такого запрета состоит в сдерживании общего роста расходов на страховку, поскольку состоятельные канадцы лишены возможности предлагать повышенную цену за дефицитные медицинские ресурсы, что закрыло бы доступ к ним для остального населения. Впрочем, понятно, что это нельзя считать принципиально важной чертой общедоступного здравоохранения. Опять-таки, как и французам, американцам старшего возраста, на которых распространяется «Медикэр», никто не запрещает приобретать столько медицинского страхования, сколько им хочется, сверх и помимо того, что гарантирует правительство.

Французская система и «Медикэр» совпадают не во всем. Во французской системе есть ряд элементов, которые в Америке отсутствуют – по крайней мере пока. Во Франции многими больницами ведаёт государство, и им приходится конкурировать с частным сектором за привлечение пациентов. Кроме того, во Франции большой упор сделан на профилактику. Французские власти обеспечивают полную страховку, а не просто софинансирование, лечения таких хронических заболеваний, как диабет и гипертония, поскольку сами пациенты могут покуситься на лечение, способное предотвратить осложнения в будущем.

Главное состоит в том, что французская система здравоохранения, которая распространена на все население и считается лучшей в мире, по своей сути очень похожа на привычную и популярную в США программу «Медикэр» – но в расширенном, усовершенствованном и общедоступном варианте. По ряду причин американская версия французской системы потребовала бы больших затрат, чем во Франции. В частности, американские врачи требуют более щедрых гонораров, а сами американцы тучнее и, следовательно, больше подвержены некоторым болезням, лечение которых крайне дорого. Тем не менее, если сделать «Медикэр» доступной для всех, то в США была бы разрешена проблема наличия незастрахованной части населения. При этом все это стоило бы меньше нынешней системы, которая оставляет без медицинской страховки 45 миллионов американцев.

Если бы Соединёнными Штатами правили умные люди, то именно так и было бы сделано. Раз американцам нравится «Медикэр» – надо распространить эту программу на всех. Для покрытия расходов на её расширение придется повысить налоги. Однако в результате заметно выиграют даже те американцы, у которых сейчас есть страховка: им больше не придется оплачивать грабительски дорогие страховые полисы. Проблема решена! Увы, к счастью или несчастью, миром правят отнюдь не мудрецы. Предложения учредить систему страхования с единым плательщиком, то есть распространить «Медикэр» на всех, наталкиваются на ряд серьезных политических препятствий.

Чаще всего мы слышим о жесткой оппозиции введению системы единого плательщика со стороны страховых и фармацевтиче-

ских компаний. Впрочем, реформаторам пора осознать, что эти группы интересов будут ставить палки в колеса любой серьезной реформе здравоохранения. От них нет никакой возможности откупиться.

Но, вероятно, можно исхитриться и преодолеть два других барьера на пути перемен, а именно – неизбежное повышение налогов и опасения общества относительно того, что исчезнет свобода выбора. Начнем с налоговой проблемы. Чтобы распространить «Медикэр» или эквивалентную ей программу на каждого американца, понадобятся дополнительные бюджетные доходы, равные примерно 4% ВВП. В принципе, дополнительное налогообложение не разорит страну, поскольку новые налоги лишь заменят те страховые премии, которые американцы оплачивают сейчас. Тем не менее убедить людей в том, что в конечном итоге повышение налогов не ляжет на них дополнительным бременем, крайне не просто – особенно ввиду бесчестных уловок тех, кто сопротивляется такому предложению. Провести в жизнь повышение налогов в требуемом размере будет нелегко даже при существенном большинстве прогрессивных сил в Конгрессе.

Проблема сохранения выбора для пациентов в некотором смысле имеет сходный характер. Страхование по типу «Медикэр» заменит собой значительную часть полисов, которые американцы имеют ныне, поэтому они смогут приобрести дополнительную страховку. Однако план, в рамках которого все население автоматически включается в списки участников государственной страховой системы, легко изобразить как лишающий их права выбора. Оппоненты реформы сделают все возможное, чтобы поспособствовать распространению этого ложного впечатления.

Важно учесть, что две указанные проблемы отражают политические, а не экономические возражения против системы единого плательщика. В сугубо экономическом смысле такая система является, конечно же, правильной. Она отличается низкими административными расходами и хорошим потенциалом снижения тарифов на страхование. Иначе говоря, такая система может дать больше услуг здравоохранения за меньшие деньги, чем альтернативные варианты. Правда, как известно, лучшее – враг хорошего. Гораздо проще выбрать такой план реформы, который не встретит серьез-

ных политических препятствий и одновременно обеспечит некоторые выгоды системы единого плательщика, нежели стремиться к идеальному решению.

А теперь хорошая новость: в течение последних нескольких лет американские эксперты и политики разрабатывали такой подход к реформе здравоохранения, который, как представляется, может стать действенным компромиссом между экономической эффективностью и политическим реализмом. Он опирается на четыре основных компонента:

- равная тарифная ставка для всех;
- субсидии для семей с низкими доходами;
- обязательное страхование;
- конкуренция между государством и частным сектором.

Начнем с рассмотрения первых трех, объяснив, что они дадут в совокупности, а затем обратимся к роли четвертого компонента.

При равной тарифной ставке для всех страховщикам запрещено взимать с разных клиентов неравную плату или вообще отказывать в страховании в зависимости от того, как они оценивают риск заболеваемости. Равное определение стоимости страхования в чистом виде, которое уже законодательно введено в штатах Вермонт и Нью-Йорк, требует, чтобы страховщики предлагали всем полисы по одной и той же цене – и точка. При «уточняемой» тарифной ставке, используемой в штатах Массачусетс, Нью-Джерси и ряде других, страховые премии могут варьироваться в зависимости от таких критериев, как возраст и география – но не история болезни. Цель равной тарифной ставки состоит в том, чтобы страховщики не могли отказывать в страховании людям с хроническими заболеваниями либо подверженным прочим факторам риска. Подразумевается, что это ведет также к снижению административных затрат, так как страховые кампании больше не выделяют крупные суммы денег на выявление «рискованных» заявителей и отказа им.

Субсидии уже имеют место в программе «Медикэйд». Существуют предложения расширить их использование, с тем чтобы обеспечить страхование тех, на кого «Медикэйд» не рассчитана. Речь идет о тех, кто сам не может позволить себе застраховаться. В основном это работающие взрослые с низким доходом.

Обязательность страхования подразумевает, что каждый имеет медицинский полис – точно так же, как автовладельцы. Это позволит решить проблему существования тех, кто мог бы застраховаться, но предпочитает ничего не делать, а в результате оказывается в отделении скорой помощи, где в случае неблагоприятного развития событий его счета в конечном итоге все равно придется оплачивать налогоплательщикам. Предлагается также обязать работодателей оплачивать полисы медицинского страхования для своих работников.

Объединение этих трех элементов позволит создать общедоступную систему здравоохранения, основную роль в которой будут играть частные страховые компании. Люди, которым из-за состояния здоровья сейчас грозит отказ в страховании, обретут гарантированный доступ к нему благодаря равной тарифной ставке. Люди, которым страховка вообще не по карману, получают финансовую поддержку. Наконец, людей, которые предпочитают не страховаться вовсе, лишат такой возможности.

В штате Массачусетс подобная система была введена в 2006 году. План Арнольда Шварценеггера для Калифорнии также на нее похож. На момент написания этой книги об аналогичных планах объявил Барак Обама. Его план содержит также четвертый компонент, к обсуждению которого мы вернемся чуть позже.

Имеются ли у системы общедоступного здравоохранения, основанного на частном страховании, какие-то принципиальные преимущества по сравнению с системой единого плательщика? Если рассуждать в экономических категориях – нет. Фактически ее следует считать просто попыткой симитировать систему единого плательщика с помощью регулирования и субсидий. Однако такая имитация далека от совершенства. Подобные планы можно сравнить с забавными игрушками Руба Голдберга, в которых элементарные цели достигаются крайне замысловатым путем. В частности, введение равных тарифов и обязательности страхования потребует существенного увеличения бюрократического аппарата. Смешно сказать: управление деятельностью частных страховщиков будет сопровождаться большим государственным вмешательством в сферу здравоохранения, нежели осуществление чисто правительственной программы.

И все же у системы с равными тарифами, субсидиями и обязательным страхованием есть политические преимущества. Прежде всего она потребует гораздо меньших дополнительных налоговых поступлений, чем система единого плательщика, так как большая часть стоимости страхования будет по-прежнему оплачиваться в форме страховых премий, поступающих от нанимателей и отдельных лиц. Достаточно будет только тех налогов, которые нужны, чтобы субсидировать семьи с низкими заработками. Объективные подсчеты подводят к выводу, что бюджетные доходы, которые потребуются для создания гибридной общедоступной системы, будут гораздо меньше доходов, утраченных в результате введенных Бушем-мл. налоговых послаблений. Срок действия последних, как запланировано, истечет в конце 2010 года. Таким образом, предлагаемый план внедрения общедоступного здравоохранения можно осуществить, не прибегая к повышению налогов. Все, что потребуется сделать демократическому президенту и Конгрессу, так это дождаться истечения срока действия налоговых поблажек Буша-мл. и использовать полученную экономию на нужды здравоохранения.

В то же время этой план позволит сохранить частное страхование для тех американцев, которых оно удовлетворяет. Страховщики попытаются заблокировать реформу, протестуя против равного тарифа (именно он был под прицелом в одном из рекламных роликов про Гарри и Луизу в 1993 году), но не смогут обвинить власти в принуждении американцев к регулируемому здравоохранению. Хотя общедоступная система на основе частного страхования выглядит легкой реализуемой, чем система единого плательщика, она лишена некоторых преимуществ последней. В частности, она будет обременена более высокими административными расходами, сохранением множественности страховщиков и противоречий относительно того, кто за что платит. Можно ли как-нибудь выйти из подобных затруднений?

Здесь-то и сыграет свою роль четвертый компонент. В плане Обамы частное страхование сохраняется, но люди получают также право подключаться к государственной системе страхования по образцу «Медикэр» по цене, отражающей его реальную стоимость для правительства. Подобная ситуация породит конкуренцию между государственными и частными страховыми схемами. Как показывает практика, государственные схемы, предполагающие меньшие

накладные расходы из-за того, что не тратятся крупные суммы денег на маркетинг, способны выиграть такое соревнование. Когда в руководстве «Медикэр» решили, что схемы «Медикэр эдвэнтидж» (субсидируемое из госбюджета индивидуальное медицинское страхование для пожилых людей) должны конкурировать с традиционной программой «Медикэр» на равных условиях с точки зрения вероятности наступления страхового случая, частные страховщики остались не у дел. Правда, их бизнес воспрял после того, как в 2003 году согласно Закону о модернизации «Медикэр» были введены немалые (в среднем примерно 1000 долларов в год на каждого получателя) субсидии для пользователей частных схем. Но это уже другая история. Если бы государственные планы последовательно выигрывали соревнование с частными страховщиками, вся система со временем превратилась бы в систему единого плательщика, поскольку частные страховщики утратили бы свою долю рынка. Но это стало бы результатом сознательного выбора со стороны людей, а вовсе не принятия правительственного указа об обязательном переводе всех на государственные программы.

Если такого рода план будет осуществлен, в Соединенных Штатах появится система здравоохранения, которая, не воспроизводя впрямую опыт какой-либо другой страны, все же будет несколько напоминать германскую систему, в которой медицинское страхование обеспечивается конкурирующими, но строго регулируемыми «лечебными фондами». Немецкая и французская системы медстрахования обходятся значительно дешевле американской, но при этом обеспечивают высококачественным обслуживанием всех жителей.

Кроме того, они превосходят принятую в США систему по показателям доступности здравоохранения: проще попасть к врачу без предварительной записи; ожидание в травматологических пунктах длится не

так долго; даже рекомендуемое, но необязательное хирургическое вмешательство реже сопровождается отсрочками¹⁸.

Еще предстоит проработать множество деталей, но важно то, что общедоступное здравоохранение вполне осуществимо с экономической, фискальной и даже политической точек зрения.

¹⁸ См.: Commonwealth Fund. *Mirror, Mirror on the Wall: An International Update on the Comparative Performance of American Health Care*, May 2007 (http://www.commonwealth-fund.org/publications/publications_show.htm?doc_id=364436).

Плоды будущей реформы здравоохранения

Главная причина, по которой нужно реформировать систему здравоохранения в США, заключается в том, что в результате улучшится качество жизни многих американцев. Ныне десятки миллионов людей не получают адекватного обслуживания, жизнь миллионов крайне отягощена финансовым бременем медицинских расходов. Большинство же из тех, кто еще не остался без страховки и не разорен платой за врачебные услуги, живет в постоянном страхе, что это может случиться. Между тем такая ситуация не является неизбежной: во всех остальных богатых странах медицинским страхованием обеспечены все. Снижать риски, с которыми сталкиваются американцы, имело бы смысл даже в том случае, если бы за это пришлось немало заплатить. Однако на самом деле новые траты не понадобятся. Общедоступное здравоохранение будет дешевле и качественнее, чем нынешняя фрагментированная система.

Необходимость реформы здравоохранения обуславливается еще одной важной причиной. Это та же самая причина, по которой консервативное движение стремилось погубить план Клинтона. По признанию Кристола, успех этого плана «стал бы сигналом возрождения централизованной политики в области государства благосостояния». В сущности, под этим он подразумевал, что всеобщее здравоохранение даст новую жизнь идее Нового курса о том, что общество обязано помогать своим менее удачливым членам. И это действительно так – что говорит в пользу реформы.

Короче говоря, общедоступное здравоохранение могло бы стать для современного Нового курса тем, чем в 1930-е годы стало социальное страхование, а именно – чрезвычайно важной программой вообще и одновременно утверждением принципа, согласно которому мы – стражи братьев своих. Создание общедоступного здравоохранения должно стать ключевым внутривнутриполитическим приоритетом для современных либералов. Если они добьются успеха в этом, то смогут перейти к более широкой и трудной задаче обуздания господствующего в Америке неравенства.

12 БОРЬБА С НЕРАВЕНСТВОМ

Америка, в которой я вырос, была довольно однородным обществом среднего класса. Однако в течение жизни нынешнего поколения страна вернулась к уровню неравенства, характерному для «позолоченного века». В этой главе я намечу план действий, который поможет обратить эти перемены вспять. Однако, как я это делал при обсуждении вопросов здравоохранения, прежде всего обратимся к вопросу о ценностях. Почему нас должно тревожить высокое и неуклонно растущее неравенство?

Самая очевидная причина для беспокойства – уровень жизни. Как уже было подробно показано в седьмой главе, благами экономического роста Америки за последние тридцать лет в основном воспользовалось небольшое богатое меньшинство. Более того, непонятно, выпадало ли вообще что-нибудь семьям со средним и низким достатком от научно-технического прогресса и обеспечиваемого им роста производительности. Тот факт, что многие оказались на обочине экономического прогресса, сам по себе является веским поводом озаботиться поиском более справедливого способа распределения доходов.

Помимо этого, резкое неравенство наносит ущерб обществу и демократии. Со времен основания Соединенных Штатов представление американцев о самих себе заключалось в следующем: Америка – страна, где нет резких классовых различий, но которая при этом не впадает и в противоположную крайность всеобщего равенства. Иначе говоря, в американском обществе различие между экономической элитой и обычными гражданами не перерастает в непреодо-

¹ Письмо Т. Джефферсона Дж.Мэдисону от 28 октября 1785 года (см.: <http://press-pubs.uchicago.edu/founders/documents/v1ch15s32.html>).

лимую пропасть. Именно поэтому Томас Джефферсон писал: «Мелкие собственники земли составляют самую ценную часть государства»¹.

На современном языке его мысль означает, что наиболее ценная часть государства – широкие слои среднего класса. Поистине, утверждение Джефферсона верно как никогда. Высокая степень неравенства, из-за которого США превратились в государство с заметно ослабевшим средним классом, разъедает социальные отношения и политику – и это все более четко проявляется по мере того, как Америка движется к новому «позолоченному веку».

Издержки неравенства

Представители консервативного движения тщатся доказать, что неравенство в Америке не вызывает социальных издержек. Наиболее характерны аргументы видного интеллектуала-неоконсерватора Ирвинга Кристол в его статье, опубликованной «Уолл-стрит джорнэл» в 1997 году под заголовком «Неравенство доходов без классового конфликта». Кристол утверждал: американцам не стоит беспокоиться по поводу неравномерного распределения доходов, так как независимо от того, что говорят цифры, в реальной жизни классовые различия почти исчезли. По его словам, в наше время «неравенство доходов перекрывается еще большим социальным равенством... В крупных городах не найти ни одного ресторана, в котором руководитель фирмы во время завтрака или ужина был бы застрахован от неожиданной встречи со своим секретарем. А если вы летите первым классом, кто будут ваши по-

путчики? Да кто угодно. Даже если вы направляетесь в Париж, то наверняка окажетесь в толпе молодых людей, размахивающих своими кредитными карточками»².

² Kristol, Irving. «Income Inequality Without Class Conflict» in: *Wall Street Journal*, 1997, December 18, p. A22.

Когда Кристол говорит, что неравенство доходов не имеет значения, так как в США обеспечено социальное равенство, он по сути дела признает следующее: неравенство доходов может стать

проблемой в случае, если приведет к социальному расслоению. Но беда в том, что это уже произошло. Фантазии Кристола о мире, в котором богатые живут так же, как и мы с вами, и где никто не чувствует своей социальной ущербности, не имеют ничего общего с настоящей Америкой.

Образ жизни богатых и знаменитых, быть может, и не имеет никакого значения. Но заметим: высказывания Кристола о топ-менеджерах, живущих бок о бок с представителями среднего класса, полностью противоречат наблюдениям Роберта Франка из той же «Уолл-стрит джорнэл», который пишет о жизни элиты. Вот что он описывает в своей книге «Пристанище богачей»:

Сегодняшние богачи создали собственную виртуальную страну... Для себя они выстроили самодостаточный мир с собственной системой здравоохранения (придворными врачами), закрытым туристическим бизнесом (частными самолетами и клубным отдыхом) и отдельной экономикой... Богатые не просто обогащаются все больше; они становятся «финансовыми инопланетянами», создавшими для себя государство в государстве, общество в обществе, экономику в экономике³.

³ Frank, Robert. *Richistan: A Journey Through the American Wealth Boom and the Lives of the New Rich*, New York: Crown Publishers, 2007, pp. 3–4.

В реальности серьезное неравенство в доходах неизбежно ведет к широкомасштабному социальному расслоению. И речь не идет о зависти или обиде. Неравенство оказывает резко отрицательное воздействие на образ жизни людей. Проблема не в том, что подавляющее большинство американцев не может позволить себе останавливаться в гостиничных люксах по цене 11 тысяч долларов за ночь или появляться в роскошных отелях в разных частях света⁴. Главное заключается в том, что миллионы семей, относящиеся к среднему классу, приобретают дома, которые не могут себе позволить, залезают в рискованные ипотечные долги – и все потому, что жаждут отправить своих детей в престижную школу. А усиливающееся неравенство приводит к тому, что число престижных школьных округов уменьшается, а проживание в них дорожает.

⁴ См.: «Suites for the Sweet» in: *Newsweek International*, 2007, July 2–9.

Эксперт по банкротствам из Гарвардской школы бизнеса Элизабет Уоррен вместе с бизнес-консультантом Амелией Уоррен Тьяджи проанализировали причины увеличения числа банкротств в США. К 2005 году, перед тем как вступил в силу новый Закон о банкротстве, ужесточивший его для физических лиц, число семей, заявлявших о своей несостоятельности, в пять раз превысило уровень, характерный для начала 1980-х годов. Объяснение такого резкого увеличения числа банкротств заключалось в том, что американцы все больше жили в долг. В результате, в адрес людей, живших не по средствам и тратившихся на предметы роскоши, посыпались упреки – но Уоррен и Тьяджи установили, что на самом деле представители американского среднего класса тратили на роскошь меньше, чем в 1970-е годы. Выяснилось, что рост их долгов объяснялся увеличением расходов на жилье – и все лишь затем, чтобы осесть в престижных школьных округах. Оказалось, что американцы, принадлежащие к среднему классу, ввязались в бешеную погоню за успехом не из-за жадности или

⁵ См.: Warren, Elizabeth and Tyagi, Amelia Warren. «What's Hurting the Middle Class» in: *Boston Review*, 2005, Sept./Oct. (см.: <http://bostonreview.net/BR30.5/warrentyagi.html>).

⁶ См.: Hertz, Tom. *Understanding Mobility in America*, Washington (DC): Center for American Progress, 2006.

* Горацио Элджер (Horatio Alger, 1834–1899) – американский писатель, автор книг в духе «американской мечты». Их герои начинают с нуля и достигают успеха благодаря энергичности и предприимчивости. Например, в романе «Оборванец Дик, или Уличная жизнь в Нью-Йорке» (*Ragged Dick, or Street Life in New York*) чистильщик обуви Дик благодаря честности и упорному труду становится богачом (прим. В. Иноземцева).

Но на деле в Америке широко распространено неравенство не только возможностей, но и результатов. Американцы все еще верят, что у каждого есть шанс преуспеть, если самоотверженно и целенаправленно трудиться – однако факты говорят об обратном.

Многочисленные примеры свидетельствуют: истории в духе романов Горацио Элджера* нынче крайне редки. Одно из наи-

сумасбродства. Причина состояла в другом: они всего лишь хотели дать своим детям возможность устроиться в обществе, в котором растет неравенство⁵. Их беспокойство оправдано: неудачный старт может лишить ребенка шанса на успех в жизни.

Американцы по-прежнему верят, что человек способен занять достойное его место в обществе. Согласно одному исследованию, 61% граждан согласны с утверждением, что «усилия человека вознаграждаются». В Канаде и Франции его поддерживают соответственно 49 и 23%⁶.

более впечатляющих свидетельств приведено в исследовании Национального центра по статистике образования. В нем прослежен дальнейший путь ребят, учившихся в 1988-м году в восьмом классе американской школы. Их рассортировали по уровню собственных способностей, определявшихся с помощью теста по математике, и по социально-экономическому статусу родителей, а именно – с учетом рода занятий родителей, их доходов и образования.

Основные итоги обследования представлены в Таблице 10. Неудивительно, что высокие показатели по обоим критериям – результатам теста и статусу родителей – увеличивали шансы ученика на то, чтобы позднее попасть в высшее учебное заведение. При этом статус родителей имел большее значение. У тех, кто вошел в четверть учеников, получивших самую плохую оценку на тесте и одновременно находившихся в первой четверти по уровню обеспеченности их семей (во времена моей юности таких ребят мы обзывали «бэтээсами», то есть «богатыми тупыми сынками»), было больше шансов закончить вуз, чем у тех, кто вошел в первую четверть по успеваемости, но чьи родители оказались наименее материально обеспеченными. Все это свидетельствует: утверждение, будто в США имеется нечто похожее на равенство возможностей, – чистейшей воды вымысел. Точнее будет сказать: в современной Америке классовая принадлежность родителей имеет большее значение, чем способности.

А разве не так же обстоят дела в других странах? Да, но не в такой степени. Международные сравнения межпоколенческой мобильности, то есть возможности для человека достичь более высокого социального статуса, чем у его родителей, затруднены отсутствием полностью сопоставимых данных. И все же по ним можно увидеть, что «истории успеха» в духе романов Элджера переместились куда-то на европейскую почву: наибольшая величина показателя перехода из одного социального слоя в другой наблюдается в скандинавских странах. Большинство фактов свидетельствует, что в США такая мобильность ниже, чем во Франции, Канаде, а возможно, даже и Великобритании. Американцы не просто не обладают равными возможностями; этих возможностей у них даже меньше, чем у жителей других западных стран.

Таблица 10

Доля учеников 8-го класса (1988 г.), позднее закончивших колледжи (в процентах)

	Среди худших 25% по успеваемости	Среди лучших 25% по успеваемости
Родители из «низшей» четверти	3	29
Родители из «высшей» четверти	30	74

Источник: National Center for Education Statistics. *The Condition of Education 2003*, p. 47.

Нетрудно догадаться о причине. Характерное для США отсутствие общедоступного здравоохранения автоматически ставит тех американцев, которым не повезло с родителями, в невыгодное положение. Из-за того, что американские дети из семей с низкими доходами, как правило, не имеют медицинской страховки, у них больше шансов столкнуться с проблемами здоровья, а они, в свою очередь, сведут на нет их жизненные перспективы. Скудное питание из-за низких доходов семьи и недостаточная социальная поддержка тоже действуют отрицательно. Жизненные трудности, бьющие по родителям ребенка, препятствуют его продвижению вверх. Кроме того, слабость системы социальной защиты в США еще больше увеличивает вероятность возникновения жизненных трудностей, усугубляя их последствия. Здесь, помимо прочего, можно упомянуть и о в высшей степени разном качестве базового образования в Америке. Одним словом, принцип «равенство возможностей, пусть и без равенства результатов» звучит привлекательно, но является надуманным. Достаточно очевидно, что если в обществе крайне неравномерно распределены результаты, то и возможности в нем тоже распределены неравномерно. А если мы все еще убеждены в том, что всем американцам с самого детства

предоставлены равные возможности, то давайте постараемся использовать свое убеждение для того, чтобы хоть что-то сделать для уменьшения неравенства.

Высокая степень неравенства ложится на американское общество тяжелым бременем, сказываясь на покупательной способности практически каждой семьи. И дело не только в этом. Неравенство вредно еще и своим разлагающим влиянием на политику. В 1913 году Вудро Вильсон сказал: «Если в Соединенных Штатах найдутся люди, достаточно богатые для того, чтобы купить правительство, они это сделают»⁷. В наши дни от президента такое услышать почти невыносимо, зато есть немало людей, покупающих правительство – разумеется, не целиком. Не проходит и недели без очередного скандала, свидетельствующего об уродливом влиянии денег на государственную политику США.

Когда эта книга уходила в печать, произошел очень показательный случай. Даже несколько видных членов Демократической партии выступили в поддержку менеджеров хедж-фондов, получающих колоссальные налоговые поблажки. Благодаря изобретательности в интерпретации налогового законодательства, основная часть заработков этих менеджеров (некоторые из них получали более миллиарда долларов в год) подводилась под прирост капитала (с налогом в 15%) – тогда как прочие высокооплачиваемые работники платят 35-процентный налог. Бреша в налогообложении хедж-фондов ежегодно обходятся государству в сумму свыше 6 миллиардов долларов недополученных доходов – примерно столько же, сколько требуется направить на оплату услуг здравоохранения для 3 миллионов детей⁸. 2 миллиарда долларов из этой суммы достаются всего 25 частным лицам. Даже консервативные экономисты согласились, что такой способ уклонения от налогов неоправдан и должен быть ликвидирован⁹.

⁷ Wilson, Woodrow. *The New Freedom*, New York: Doubleday, 1913 (цит. по базе данных проекта «Гутенберг»: <http://www.gutenberg.org/files/14811/14811-h/14811-h.htm>).

⁸ См.: «Tax Breaks for Billionaires» (Economic Policy Institute Policy Memorandum no. 120: <http://www.epi.org/content.cfm/pml20>).

⁹ См., напр.: Holzer, Jessica. «Conservatives break with GOP Leaders on a Tax Bill» in: *The Hill*, 2007, July 18 (<http://thehill.com/leading-the-news/conservatives-break-with-gop-leaders-on-a-tax-bill-2007-07-18.html>).

Однако все это происходит при серьезной политической поддержке – причем не только со стороны республиканцев. В июле 2007 года сенатор от Нью-Йорка и глава комитета Демократической партии по выборам в Сенат Чарльз Шумер дал понять, что поддержит ликвидацию бреши в налогообложении хедж-фондов только в том случае, если одновременно будут устранены и другие давно существующие налоговые нарушения. Всем стало ясно, что высказывание сенатора – это всего лишь «ядовитая пилюля», то есть способ заблокировать реформу, не заявляя об этом в открытую. И хотя

¹⁰ См.: «In Opposing Tax Plan, Schumer Supports Wall Street Over Party» in: *New York Times*, 2007, July 30, p. A1.

Шумер это отрицал, возникло подозрение, что свой пост он занял благодаря большим суммам, которые были вложены хедж-фондами

в политические кампании Демократической партии¹⁰.

Бреши в налогообложении хедж-фондов – один из классических примеров того, как концентрация доходов в руках узкой группы людей разъедает политику. Можно пойти еще дальше и рассказать, как неравенство доходов способствовало укреплению консервативного движения – этой по своей сути абсолютно недемократической силы. Как уже было сказано в седьмой главе, увеличение неравенства до некоторой степени было вызвано поправлением американской политики. Со своей стороны, быстрое обогащение состоятельных людей сделало их еще более влиятельным, укрепило институты консервативного движения и позволило ему подмять под себя Республиканскую партию. Отвратительный лик американской политики – это по большей части одно из следствий неравенства, возникающего при распределении доходов.

В более широком смысле высокий уровень неравенства ослабляет социальные узы. Существует устойчивая тенденция к снижению доверия американцев к правительству и друг к другу. В 1960-е годы

¹¹ См.: Uslander, Eric M. and Brown, Mitchell. «Inequality, Trust, and Civic Engagement» in: *American Politics Research* 33, no. 6 (2005), pp. 868–894.

преобладающая их часть согласилась бы с утверждением, что «большинству людей можно доверять»; в наше время большинство с этим не согласны¹¹. В 1960-е американцы

считали, что государством управляют «во благо всех» – теперь же чаще всего полагают, что оно управляется лишь «на благо правя-

щей элиты»¹². Имеются убедительные доказательства того, что в основе этого нарастающего скептицизма лежит усиление неравенства, из-за которого Соединенные Штаты все больше похожи на латиноамериканскую страну. Политологи Эрик Азлейнер и Митчел Браун утверждают (и доказывают на фактах) следующее: «В мире, разделенном на богатых и бедных, у людей, расположенных на разных концах экономического спектра, есть мало оснований считать, что “большинству людей можно доверять”... – ведь социальное доверие покоится на экономическом равенстве»¹³.

¹² См.: *The AXES Guide to Public Opinion and Electoral Behavior*, table 5A.2 (http://electionstudies.org/nesguide/toptable/tab5a_2.htm).

¹³ См.: Uslander, Eric M. and Brown, Mitchell. *Inequality, Trust, and Civic Engagement*, pp. 868–894.

Снижение неравенства доходов: регулирование рынка

При обсуждении способов преодоления социального неравенства полезно провести различие между двумя его пониманиями, а также между двумя видами мер по его снижению.

В первом понимании делается упор на неравенстве доходов, формирующихся в результате стихийных рыночных отношений. Несомненно, Соединенные Штаты – страна с рыночной экономикой. Большинство ее жителей получают основной доход за счет продажи работодателям своего труда; кроме того, многие получают прибыль от разного рода активов – акций, облигаций, недвижимости. Итак, источником социального неравенства является неравенство доходов, которые люди получают, когда что-либо продают. Распределение рыночного дохода в высшей степени неравномерно и становится еще более неравномерным. По сути, в наше время рыночный доход распределяется так же неравномерно, как и в 1920-е годы.

Однако этим дело не ограничивается. Государство забирает часть рыночных доходов в виде налогов, чтобы передать часть этой части населению как прямые выплаты (например, в виде пенсий, составляющих главный источник дохода большинства пожи-

лых граждан Америки) либо в счет оплаты товаров и услуг, например, услуг здравоохранения. Итак, второй вид неравенства – это неравенство доходов, остающихся после уплаты налогов и иных отчислений в пользу государства. Как и в остальных развитых странах, в современной Америке неравенство доходов, остающихся после уплаты налогов, заметно меньше, чем неравенство рыночных доходов. Причина состоит в том, что американцы живут в государстве благосостояния, хотя и не слишком щедром по международным стандартам. Налоги и прочие отчисления несколько снижают уровень жизни богатой части населения, но одновременно помогают менее удачливым членам общества. Именно по этой причине в Америке образца 2007-го года и нет того неравенства, которое имело место в 1920-х годах.

Один из способов снизить неравенство в Америке состоит в том, чтобы пойти еще дальше. Речь идет о том, что даже считая неравенство рыночных доходов естественным, следует стремиться снизить его за счет активизации и совершенствования государственного регулирования рынка. Чтобы проиллюстрировать сказанное, возьмем в качестве примера Францию – страну, где к ликвидации неравенства прикладывают больше усилий, чем в США.

Если у вас наступила полоса невзгод или же не задалась вся ваша жизнь, то вам лучше быть французом, чем американцем. Во Франции человек, потерявший работу или вынужденный перейти на нижеоплачиваемое и менее престижное место, не боится потерять медицинскую страховку, так как она предоставляется государством. Когда работы нет долгое время, французское государство обеспечивает гражданина пропитанием и жильем. Если ему не хватает денег на содержание детей, власть не только добавит необходимые средства, но и поможет с присмотром за детьми. Конечно, комфортная жизнь не гарантируется, зато члены семьи, особенно дети, будут ограждены от крайней нужды.

И наоборот, если у вас все в порядке, то быть французом накладно: ставка подоходного налога во Франции выше, чем в США, да и величина начислений на зарплату, особенно та часть, которую официально платит работодатель (хотя, по сути дела, удерживает из вашего заработка), намного выше. Кроме того, во Франции недешева жизнь, поскольку там установлен высокий налог на добав-

ленную стоимость, который можно считать одной из форм налога с продаж. Для людей с высокими доходами подобное бремя не полностью компенсируется преимуществами государственного медицинского страхования и прочими льготами. В результате покупательная способность француза, получающего (с учетом налога, удерживаемого из нее) зарплату, достаточную для того, чтобы отнести его как минимум к верхнему сегменту среднего класса, заметно меньше, чем у американца, получающего равноценную сумму.

Иными словами, во Франции в широких масштабах проводится политика регулирования рынка для снижения неравенства. Для поддержки малоимущих государство заставляет более обеспеченных граждан немного раскошелиться. В этом смысле Франция – типичный пример неанглоязычной европейской страны. Причем даже другие государства англоязычного мира активнее, чем США, применяют нерыночные методы снижения неравенства.

Например, Соединенные Штаты тратят менее 3% ВВП на программы снижения неравенства среди пожилых людей старше 65 лет. Чтобы догнать Канаду, Америке пришлось бы потратить дополнительно 2,5% ВВП; чтобы сравняться с большей частью Европы, потребовалось бы еще 4%, а чтобы достичь показателей Скандинавии – и еще все 9%¹⁴. Существующие в США социальные программы снижают уровень бедности среди тех, кто не достиг пожилого возраста, всего на 28%, тогда как в Канаде – на 54%, в Великобритании – на 61%, а в Швеции – на 78%¹⁵. Более того, эти цифры преуменьшают реальную разницу между США и другими странами, так как не учитывают особенность Америки: отсутствие гарантированного медицинского обслуживания для всех.

Итак, существенного сокращения неравенства в США можно добиться путем введения общедоступного здравоохранения. Другой «легкий» способ снизить неравенство заключается в том, чтобы предоставить неудачникам разнообразную государствен-

¹⁴ См.: Garfinkel, Irwin; Rainwater, Lee and Smeeding, Timothy M. «Equal Opportunities for Children: Social Welfare Expenditures in the English-speaking Countries and in Western Europe» in: *Focus*, Spring 2005, vol. 23, no. 3, pp. 16–23.

¹⁵ См.: Smeeding, Timothy M. «Public Policy, Economic Inequality, and Poverty: The United States in Comparative Perspective» in: *Social Science Quarterly*, no. 86 (December 2005), suppl. 1, pp. 955–983.

ную помощь за счет более высокого налогообложения состоятельных слоев общества. Дополнительное финансирование стоит направить в основном на расширение уже имеющихся программ, а именно – на увеличение налоговых льгот на трудовой доход, более щедрые схемы предоставления продовольственных талонов, увеличение субсидий на жилищное строительство и так далее. Сюда можно включить и другие пункты, например – пособие на ребенка или помощь по уходу за ним. На источниках необходимых для этого дополнительных доходов мы остановимся в конце этой главы.

Не получится ли так, что высокие налоги и солидная социальная роль государства погасят стимулы к труду? Например, во Франции валовой внутренний продукт на душу населения составляет лишь 74% от показателя США. Разве это не является убедительным доводом против того, чтобы следовать французскому примеру? Действительно, Франция и другие страны, в которых осуществляются масштабные социальные программы, сталкиваются с серьезными экономическими трудностями. Но эти трудности не столь однозначны и не столь сильно связаны с социальными программами, как можно подумать.

Показатель ВВП на душу населения во Франции ниже, чем в США. Но это обусловлено в основном тем, что во Франции ра-

ботает меньшая часть населения страны. В расчете же на одного занятого ВВП Франции всего на 10% ниже американского¹⁶. Эта разница возникает из-за того, что во Франции работающие граждане имеют больше свободного времени: среднегодовое рабочее время составляет только 86% от показате-

¹⁶ См.: Bureau of Labor Statistics. «Comparative Real Gross Domestic Product per Capita and per Employed Person» (<ftp://ftp.bls.gov/pub/special.requests/ForeignLabor/flsgdp.txt>).

¹⁷ См.: Статистический индекс Организации экономического сотрудничества и развития (<http://dx.doi.org/10.1787/07581-6831582>).

ля США¹⁷. В результате, почасовая производительность работников во Франции даже выше, чем в Америке.

Подлинный вопрос заключается в следующем: какие из аспектов французской модели составляют ее слабую сторону, а какие можно рассматривать как преимущества? Показатель меньшей длительности рабочего времени на одного работника во Франции следовало бы отнести к преимуществам. В США отпуск очень ко-

роток, а у многих его нет вообще. Во Франции же люди высказались в пользу большего свободного времени и профсоюзов – правда, за счет уменьшения дохода. И есть основания полагать, что в результате такого выбора большинство французов действительно ощущает себя более обеспеченными. Результаты одного из недавних исследований по изучению разницы рабочего времени в Европе и США подтверждают, что люди предпочитают работать меньше. Международные сравнения удовлетворенности жизнью указывают на то, что уменьшение количества отработанных часов поднимает качество жизни, даже если при этом снижаются заработки. Разумеется, индивидуальным предпринимателям сложно пожертвовать доходом ради отдыха. Оптимальное решение, быть может, как раз в том и состоит, что действующие во Франции юридические нормы обязывают работодателей предоставлять сотрудникам отпуск, пусть даже эта мера снижает ВВП¹⁸.

Помимо того, что французы работают меньше по времени, чем американцы, они вообще стремятся работать меньше. Точнее сказать так: во Франции молодое и старшее поколения не стремятся работать. Около 80% французов зрелого возраста, находящихся в расцвете сил (то есть от 25 до 55 лет), работают; этот показатель полностью совпадает с американским. Однако в возрастном диапазоне от 15 до 24 лет среди жителей Франции работающих всего 25%, а в США – 54%. Среди 55–64-летних во Франции работают лишь 41%, а в США – 62%¹⁹.

Правда, возникает сомнение: следует ли рассматривать такие низкие показатели занятости во Франции как проблему?

Слабая занятость молодежи вовсе не такая проблема для Франции, как может показаться на первый взгляд. Эта ситуация частично обусловлена требованиями законодательства, которое не позволяет работодателям по своему усмотрению увольнять сотрудников – и поэтому французские фирмы неохотно набирают свежие кадры. Углубленный анализ показывает также, что имеются и более серьезные причины низкой занятости молодежи во Франции. Французы охотнее американцев получают образование: 92% жи-

¹⁸ См.: Alesina, Alberto; Glaeser, Ed and Sacerdote, Bruce. *Work and Leisure in the U.S. and Europe: Why So Different?* (National Bureau of Economic Research Working Paper, No. 1278, April 2005).

¹⁹ См.: Статистический индекс ОЭСР (<http://dx.doi.org/10.1787/075816831582>).

телей Франции в возрасте от 15 до 19 лет и 45% в возрасте от 20 до 24 лет посещают учебные заведения; в США – соответственно 84 и 35%. Предполагается, что во Франции сочетание бесплатного образования и государственной финансовой поддержки позволяет молодым людям из малообеспеченных семей сосредоточиться на

²⁰ Данные из справочника ОЭСР *Education at a Glance* (см.: <http://www.oecd.org/dataoecd/46/22/37368734.xls>).

учебе, в то время как в Америке они либо бросают учебу, либо совмещают ее с работой, чтобы заплатить за учебу. Сказанное говорит о пре-

имуществах, а не недостатках французской системы²⁰.

Однако, как было отмечено выше, среди французов зрелого возраста доля занятых такая же, как и среди американцев. Этот факт противоречит образу француза как не слишком усердного работника, который часто рисуют американские СМИ. Единственное, с чем у французов есть проблема, причем весьма серьезная, – это слабая занятость и низкий уровень экономической активности пожилых. Такая ситуация возникла вследствие ряда крупных стратегических просчетов, в частности из-за принятого четверть века назад решения опустить пенсионный возраст до 60 лет. Это подталкивает французов к раннему выходу на пенсию и увеличивает бремя для налогоплательщиков.

Да, французы допускают ошибки. Однако вывод о том, что Франция плохо управляет своей пенсионной системой, вовсе не означает, что французская экономика страдает от чрезмерных социальных программ. Было бы большим заблуждением использовать французский пример в качестве аргумента против дополнительных мер по оказанию помощи бедным и обделенным гражданам.

Арифметика сглаживания неравенства

Предположим, мы согласились с тем, что Соединенные Штаты должны стать более похожими на другие развитые страны, где с помощью налоговых и пенсионных систем удалось сократить неравенство в большей мере, чем в Америке. Тогда следующий вопрос: какие действия следует предпринять?

Прежде всего необходимо отменить ряд решений о снижении налогов для богатых, которые проталкивались представителями консервативного движения начиная с 1980-х годов. В Таблице 11 показано, что произошло с тремя налоговыми ставками, которые имеют важное значение для 1% самых зажиточных граждан США, но практически не затрагивают всех остальных. Итак, с 1979 по 2006 год верхнюю планку налога на заработную плату опустили наполовину; ставку налога на прирост капитала – почти на столько же, а налог на прибыль корпораций снизили более чем на четверть. Сейчас в США высокие доходы облагаются гораздо меньшими налогами, чем раньше. Таким образом, повышение налогов на богатых, что уже происходило в предыдущие периоды американской истории, поможет частично – всего лишь частично – оплатить создание более действенной системы социальной защиты, с помощью которой будет снижено социальное неравенство.

Первый шаг на пути к восстановлению прогрессивной системы налогообложения заключается в отказе от продления введенного при Буше-мл. снижения налогов для самых богатых американцев. Срок действия этой меры истекает в конце 2010 года, что само по себе приведет к значительному увеличению бюджетных поступлений. По данным независимого Объединенного центра налоговой политики Урбан-Брукингс, после истечения срока действия поправок Буша о снижении налогообложения доходов, превышающих 200 тысяч долларов, начиная с 2012 года федеральный бюджет будет получать дополнительно около 140 миллиардов долларов в год. Этой суммы достаточно для создания общедоступной системы здравоохранения. Если прекратить снижение налогов и направить высвободившиеся суммы на финансирование реформы здравоохранения, неравенство значительно уменьшится – причем в основном за счет малозаметного снижения благосостояния верхушки общества. Эксперты Объединенного центра налоговой политики считают, что после отмены введенного Бушем снижения налогов на доходы свыше 200 тысяч долларов в год благосостояние 1% самых богатых американцев (после налогообложения) снизится всего на 4,5% по сравнению с тем, что они имели до реализации инициатив Буша. В то же время американцы со средним и низким уровнем доходов гарантированно

²¹ По расчетам Центра налоговой политики (см.: Tax Policy Center. «Options to Extend the 2001–2006 Tax Cuts, Static Impact on Individual Income and Estate Tax Liability and Revenue, 2008–2017» [http://taxpolicycenter.org/TaxModel/tmdb/Content/PDF/T07-0126.pdf].

получат медицинскую помощь, а ведь именно такая гарантия является одним из ключевых признаков подлинной принадлежности к среднему классу²¹.

Таблица 11

Максимальные ставки налогов в США (в процентах)

	на заработную плату	на прирост капитала	на прибыль корпораций
1979	70	28	48
2006	35	15	35

Источник: Urban-Brookings Tax Policy Center: <http://taxpolicycenter.org/taxfacts/tfdb/tftem-plate.cfm>.

Еще одно сравнительно простое с политической точки зрения средство заключается в том, чтобы прикрыть некоторые очевидные лазейки в налоговой системе США. Здесь имеются в виду уже упоминавшиеся способы ухода от налогов, которые позволяют финансовым дельцам вроде руководителей хедж-фондов классифицировать свой заработок как доход на прирост капитала, облагаемый налогом по ставке 15% вместо 35%. Использование других налоговых лазеек позволяет корпорациям, в частности фармацев-

²² См.: Clausing, Kimberly A. *Multinational Firm Tax Avoidance and U.S. Government Revenue* (Wellesley College Working Paper Wellesley (Ma.), 2007).

тическим, направлять полученную прибыль за рубеж в страны с низкими налогами, лишая американский бюджет огромных сумм. В одном из недавних исследований говори-

лось, что ежегодно ТНК уводят из-под налогообложения около 50 миллиардов долларов²².

Сложнее с политической точки зрения обстоит дело с дальнейшими шагами, которые необходимо предпринять после отмены

снижения налогов и устранения явных брешей в законодательстве. Понятно, что залогом быстроты решения является политическая реализуемость задачи. Скажем, в конце 2004 года существовала большая вероятность того, что начнется приватизация и постепенное сокращение программ социального обеспечения – центрального элемента Нового курса. В настоящее время социальному обеспечению, кажется, ничего особенно не угрожает, а общедоступное здравоохранение близко к воплощению. Если будет обеспечено общедоступное медицинское обслуживание и возродится идея Нового курса о государстве как силе добра, мы сможем воплотить и все остальные задумки.

Исторический и международный опыт свидетельствует, что правомерно увеличить обложение доходов наиболее богатой части общества, а не просто отказаться от осуществленного при Буше мл. их понижения. Уровень налогов на богатство в Соединенных Штатах не был чрезмерным даже до этого снижения. Так, во времена Клинтона налогообложение самых состоятельных американцев составляло всего 36,6% их доходов; для сравнения: в 1970-е годы оно равнялось 70%, а после снижения налогов Рейганом в 1981 году – 50%. Вдобавок, в США налог на самых богатых ниже, чем по другую сторону Атлантики. Например, в Великобритании наивысшая ставка подоходного налога – 40%, что почти равнозначно американской ставке при Клинтоне. Правда, в Великобритании работодатели делают также взнос в фонд социального страхования со всей начисленной зарплаты. Это эквивалентно той доле, которую американские компании выплачивают в соответствии с Федеральным законом о страховых взносах (*Federal Insurance Contributions Act*), однако в США такому обложению подлежат лишь заработки до 97,5 тысячи долларов. В итоге в Великобритании высокооплачиваемые работники сталкиваются с эффективной налоговой ставкой почти 48%. Во Франции она еще выше. Кроме того, в Великобритании доходы от прироста капитала облагаются налогом как обычные доходы, а его эффективная ставка для лиц с высокими доходами равна 40%. Для сравнения: в Соединенных Штатах она равна 15%²³. Если в США к доходам

²³ На основании базы данных о налоговых режимах Организации экономического сотрудничества и развития (см.: <http://www.oecd.org/ctp/taxdatabase>).

от прироста капитала применить такую же ставку, как и к обычным доходам, то эта мера даст значительные поступления в бюджет, а также ограничит налоговые злоупотребления типа тех, которыми грешат хедж-фонды.

Кроме того, начиная с эпохи Нового курса и вплоть до 1970-х годов считалось нормальным и правомерным взимать сверхналоги со сверхбогатых граждан. Скажем, в 1970-е годы под ставку налога 70% попадали всего несколько человек. А что говорить про ставку 90% и более годы правления Эйзенхауэра! Обычно считалось, что такой налог на супербогачей служит единственной цели – наказать их, ведь с его помощью больших денег не соберешь. Однако подобное утверждение вряд ли несправедливо. Сегодня 0,1% американцев, минимальный доход которых составляет приблизительно 1,3 миллиона долларов в год, а средний доход – при-

близительно 3,5 миллиона, имеет в своем распоряжении более 7% национального дохода – по сравнению с 2,2% в 1979-м²⁴. Введение для них дополнительного обложения

²⁴ См.: Piketty, Thomas and Saez, Emmanuel. 2005 Preliminary Estimates (см.: <http://elsa.berkeley.edu/~saez/TabFig2005prel.xls>).

привело бы к существенному увеличению государственных доходов, а это в свою очередь могло бы помочь немалому числу людей. Итак, после того, как в США прекратится снижение налогов на богатых, начатое при Буше-мл., и будет введено общедоступное медицинское обеспечение, необходимо предпринять более активные действия по восстановлению прогрессивной шкалы налогообложения, а также использованию государственных средств для увеличения субсидий, столь необходимых семьям с низкими и средними доходами.

Правда, при сравнении с другими развитыми странами – даже если взять довольно скромный канадский уровень – станет ясно, что на покрытие социальных расходов предложенных мер все же недостаточно. В других развитых странах не ограничиваются высокими налогами на богатых, более серьезное обложение касается также среднего класса, который вынужден выплачивать значительные суммы социальных страховых взносов и налога на добавленную стоимость – по сути дела, общенационального сбора с продаж. Взносы в фонды социального страхования и НДС сами по се-

бе не являются прогрессивными. Их вклад в снижение неравенства хотя и значительный, но косвенный. Они направляются на покрытие социальных пособий, а потому больше всего значат для людей с низкими доходами.

Понятно, что после десятилетий пропаганды, направленной против налогового и вообще государственного регулирования, политикам трудно убедить общество в том, что семьи со средними доходами станут жить лучше, если, заплатив чуть больше налогов, получат более прочную социальную защиту. С моей точки зрения, задача-максимум состоит в том, чтобы Соединенные Штаты направили дополнительно 2–3% своего ВВП на расходы в других областях социальной сферы помимо охраны здоровья. Но такого шага придется, наверное, ждать до тех пор, пока либералы не покажут на деле, что с помощью государства способны гарантировать американцам более высокий уровень жизни. Реформа здравоохранения крайне важна не только сама по себе, но и для будущего Америки, поскольку откроет путь для еще более прогрессивных мер. Кстати, именно поэтому представители консервативного движения готовы лечь костями, чтобы помешать успеху такой реформы.

Снижение рыночного неравенства

Регулирование рынка способно обеспечить резкое снижение социального неравенства. Однако не нужно ограничиваться только этим, поскольку «великое сжатие» подразумевает и другие меры, направленные на сокращение неравенства в доходах. Например, во время Второй мировой войны в США вводился контроль над заработной платой. Надеемся, что это больше не повторится, но все же необходимы дополнительные шаги.

Первый шаг уже сделан. В 2007 году Конгресс впервые за десятилетие увеличил уровень минимальной заработной платы. В 1950–1960-е годы минимальная зарплата равнялась половине средней. Однако из-за инфляции уже к 2006 году покупательная способность минимальной зарплаты снизилась настолько, что в реальном исчислении ее размер упал до самого низкого значения с 1955-го года, составив всего 31% средней зарплаты. Только благодаря числен-

ному перевесу демократов в Конгрессе в последнее время уровень минимальной зарплаты планируется поднять к 2009 году с текущих 5,15 до 7,25 доллара в час. Хотя эта мера не полностью компенсирует снижение покупательной способности минимальной зарплаты, первый шаг в правильном направлении сделан.

Распространены два аргумента против повышения уровня минимальной оплаты труда. С одной стороны, полагают, что в результате снизится уровень занятости и увеличится безработица. С другой стороны, считают, что увеличение минимальной оплаты вообще не влияет на рост заработной платы в целом, либо влияет, но незначительно. Однако факты свидетельствуют о том, что на деле рост минимального размера оплаты труда может обеспечить некоторый положительный эффект.

Обратимся к вопросу о занятости. В ставшем уже классическом исследовании, проведенном двумя ведущими американскими специалистами по трудовым отношениям Дэвидом Кардом из Университета Беркли и Аланом Крюгером из Принстонского университета, установлено: прямой связи между повышением минимальной зарплаты в США и сокращением рабочих мест нет. Правда, эта работа подверглась массивной критике, поскольку ее выводы противоречат базовому курсу экономикс, а также из-за несоответствия привычным канонам. Однако, несмотря на множество нападок, никто так и не опроверг выводы этих

исследователей; более того, продолжают появляться новые факты, подтверждающие их правоту. Приведем один из них: минимальный размер почасовой заработной платы в штате Вашингтон на

²⁵ Card, David and Krueger, Alan B. «Minimum Wages and Employment: A Case Study of the Fast-Food Industry in New Jersey and Pennsylvania» in: *American Economic Review*, vol. 84, No. 4 (1994), pp. 772–793.

три доллара выше, чем в соседнем Айдахо. Как свидетельствуют данные об экономической активности, на приграничных территориях штата Вашингтон рабочие места монополизировали жители Айдахо. По словам газеты «Нью-Йорк таймс», «владельцы малых предприятий в штате Вашингтон заявляют, что не ожидали такого везения... Молодежь из Айдахо массово переезжает в Вашингтон с целью получить там работу в ресторанах быстрого обслуживания»²⁵.

Все имеющиеся данные свидетельствуют: повышение уровня минимальной заработной платы, составляющее одну из предлагаемых мер, не приведет к значительному сокращению рабочих мест. Правда, повышение, скажем, до 15 долларов в час все же может привести к увеличению безработицы, так как в некоторых отраслях это спровоцирует значительный рост стоимости рабочей силы. Однако ни сейчас, ни в ближайшем будущем о таком повышении минимальной зарплаты не может быть и речи.

Зато повышение минимальной заработной платы может оказать существенное влияние на доходы наиболее обездоленных слоев населения. По оценке Института экономической политики, в результате недавно проведенного повышения минимальной зарплаты выиграют 10% самых низкооплачиваемых работников в США (а это 13 миллионов человек). Из них 5,6 миллиона сегодня получают зарплату, величина которой ниже действующего минимального уровня. Именно эти люди выиграют больше всех. У остальных зарплата выше минимального уровня; но и они выиграют от повышения минимума.

Уровень минимальной заработной платы имеет большое значение именно для низкооплачиваемых работников. Но если мы хотим и далее сокращать неравенство на рынке труда, необходимо акцентировать внимание на тех группах, доходы которых чуть выше минимума. Тут крайне важно в корне изменить политику государства, которая в течение тридцати лет была очень враждебной по отношению к профсоюзам.

В восьмой главе я уже отмечал, что вопреки распространенному мнению резкий упадок профсоюзного движения в США не был неизбежным следствием глобализации и возросшей конкуренции. Как показывают международные сравнения, упадок профсоюзного движения в Америке по-своему уникален, ведь и другие страны испытали на себе такое же давление глобализации. В 1960 году активность профсоюзного движения в Канаде и в Соединенных Штатах находилась на одном уровне: в профсоюзах участвовали соответственно 32 и 30% наемных работников. К 1999 году в США членство в профсоюзах упало до 13%, а в Канаде осталось прежним. Как уже отмечалось в восьмой главе, в США влияние профсоюзов снизилось не под влиянием рыночных сил, а в результате по-

литической атмосферы, созданной консерваторами. Именно она позволила работодателям развернуть наступление на профсоюзы и наказывать своих работников за поддержку профсоюзных лидеров. Если бы не антипрофсоюзная активность консерваторов, то значительная часть сферы услуг – в частности, крупные розничные торговые сети типа «Уол-Марта» – давно бы обзавелась профсоюзами.

Возрождение профсоюзного движения – чрезвычайно важная задача прогрессивных сил. Решить ее можно только в новой политической атмосфере. Недостаточно принятия законодательных актов типа Закона о свободном выборе работников, призванного оградить наемных работников от тех работодателей, которые принуждают их отказываться от вступления в профсоюзы. Крайне важно заставить законы работать. Практически вся деятельность, приведшая к резкому спаду профсоюзного движения в США, была неправомерна даже в рамках существующего законодательства. Однако работодатели посчитали, что им все сойдет с рук, – и оказались правы.

Конечно, сложно сказать, в какой мере обновленное профсоюзное движение в США сможет повлиять на снижение неравенства. Однако международная практика показывает, что его роль может оказаться весьма значительной. Если взять страны Запада в целом, то окажется, что самое резкое увеличение зарплат произошло в США и Великобритании, причем там одновременно наблюдалось резкое снижение числа участников профсоюзного движения (в Великобритании профсоюзы по-прежнему гораздо более влиятельны, чем в США, но раньше уровень юнионизации там превышал 50%). Если посмотреть на Канаду, экономика которой сильно связана с американской, то и там уровень неравенства в зарплатах намного меньше, чем в США. Среди главных причин этого следует назвать твердость и стойкость профсоюзного движения. Профсоюзы обеспечивают рост зарплат своим членам, поскольку участвуют в определении уровня зарплат; профсоюзы также стремятся уменьшить дифференциацию доходов своих членов. Главное – профсоюзы выступают силой, противостоящей капиталу и заставляющей его реализовать социальные стандарты, ограничивающие разрыв между слишком высокими и низкими зарпла-

тами даже среди не-членов профсоюзного движения. Они также побуждают своих членов всячески способствовать прогрессивной политике. Исчезнет ли в США гигантская поляризация доходов, если профсоюзное движение обретет свои былые масштабы? Сказать точно нельзя, но такая вероятность имеется. Поэтому помощь возрождению профсоюзов должна стать одним из основных компонентов прогрессивной политики.

Снижения крайней поляризации оплаты труда можно добиться не только благодаря оживлению профсоюзного движения. В восьмой главе я уже упоминал некоторые другие факторы, воспрепятствовавшие чрезмерному росту доходов отдельных граждан в первые десятилетия после Второй мировой войны. Один из них состоял в изменении политической атмосферы. Тогда непомерные зарплаты топ-менеджеров обычно привлекали к себе внимание общественности, проводились слушания в Конгрессе и к решению проблемы подключался даже президент страны. К сожалению, при Рейгане подобная практика сошла на нет.

Новое прогрессивное большинство – как и раньше – не должно стесняться поднимать вопрос о зарплатах, получаемых в частном секторе, если они несоразмерно велики. Апелляция к моральным нормам всегда давала нужный эффект и должна обеспечить его снова.

Еще одно «великое сжатие»?

«Великое сжатие» – резкое снижение масштабов экономического неравенства – произошло в США в кризисные 1930–1940-е годы. Сегодня американское государство испытывает трудности, хотя не находится в состоянии новой Великой депрессии и не участвует в мировой войне. Вот почему не надо ожидать таких же радикальных и неожиданных изменений, какие произошли семьдесят лет назад. В наше время процесс снижения неравенства можно скорее охарактеризовать как «великое выравнивание», а не «великое сжатие».

С точки зрения экономической науки и практической политики у Америки все еще остается возможность снизить неравенство и опять стать нацией среднего класса. Сейчас – самое время начинать.

13 КРЕДО ЛИБЕРАЛА

Один из парадоксов Америки начала XXI века состоит в том, что те из нас, кто называет себя либералом, во многом по сути являются консерваторами. В то же время те, кто называет себя консерватором – это в большинстве своем крайние радикалы. Либералы хотят восстановить общество среднего класса, в котором я вырос; самопровозглашенные консерваторы стремятся вернуть нас в «позолоченный век», перечеркнув столетнюю историю страны. Либералы выступают в защиту давно существующих институтов (социального страхования, программы «Медикэйд»); те, кто считает себя консерватором, добиваются их приватизации. Либералы уверены: необходимо руководствоваться принципами демократии и нормами права; те, кто называет себя консерватором, добиваются наделения президента диктаторскими полномочиями и рукоплещут администрации Буша-мл., которая без предъявления обвинений бросает людей в тюрьмы и подвергает их пыткам.

Ключ к пониманию этого парадокса – исторический анализ, проведенный мной в этой книге. Еще в 1952 году – и, как оказалось, несколько опередив время – Эдлай Стивенсон говорил:

Странная алхимия времени превратила Демократическую партию США в партию подлинных консерваторов, посвятивших себя сохранению всего лучшего, что есть в нашей стране и построению на этом прочном фундаменте [справедливого] общества. Республиканцы, напротив, поступают как радикалы – это партия безрассудных и озло-

¹ Цит по: Viereck, Peter. «The New Conservatism: One of Its Founders Asks What Went Wrong» in: *The New Republic*, 1962, September 24.

бленных людей, бескомпромиссно добивающихся ликвидации институтов, которые образуют фундамент нашей социальной системы¹.

Стивенсон имел ввиду следующее: демократы стали защитниками системы социального страхования, страхования от безработицы, мощного профсоюзного движения, то есть институтов Нового курса, которые создали и поддерживают общество среднего класса. Республиканцы же добиваются ликвидации этих институтов.

Прошло всего лишь несколько лет и характеристика, которую давал Стивенсон республиканцам, перестала соответствовать реальности. «Современные республиканцы» – последователи курса Эйзенхауэра – перехватили бразды правления партией у ее старой гвардии (все еще сражавшейся против Нового курса) и на протяжении следующих двух десятилетий во главе «великой старой партии» в основном стояли люди, признающие достижения Нового курса. Однако по мере роста консервативного движения нападки на эти достижения возобновились. В главных политических баталиях по вопросам внутренней политики последних пятнадцати лет (попытка Ньюта Гингрича задушить программу «Медикэр», инициатива Джорджа Буша по приватизации системы социального страхования) отчетливо проявилось лицо организации, которую Стивенсон характеризовал как партию безрассудных и озлобленных людей, добивающихся демонтажа институтов, ставших базовыми элементами современной социальной структуры Соединенных Штатов.

Это было сражением за сохранение американской демократии и американской социальной системы. Новый курс не только создал общество среднего класса, но и приблизил Америку к демократическому идеалу, дав трудящимся реальную политическую власть и положив конец доминированию богатой элиты. Правда, следует признать, что в основе Нового курса лежал «брак по расчету» со сторонниками сегрегации из южных штатов. Однако в конечном счете сам дух Нового курса превратил демократов в партию защитников гражданских и политических прав. Закон о социальной защите 1935 года через тридцать лет естественно вылился в Акт о гражданских правах. Иными словами, либерализм предпола-

гает не только государство благосостояния, но также демократию и верховенство закона. А те, кто называет себя консерваторами, оказываются по другую сторону баррикад, поскольку их политическая стратегия базируется главным образом на эксплуатации нежелания некоторых американцев предоставить равные права своим согражданам с иными религиозными убеждениями, сексуальными предпочтениями и цветом кожи.

Как показывает проведенный мной анализ, консервативное движение имело антидемократический характер и было склонно к авторитаризму с самого начала, то есть с тех самых пор, когда журнал «Нэшнл ревью» превозносил генерала Франко и поддерживал право белого населения Юга не допускать негритянское население к голосованию. Антидемократический и авторитарный характер консерватизма не исчезал никогда. Когда в сегодняшней Америке между либералами и консерваторами возникают разногласия по вопросам избирательного права, либералы неизменно выступают за его предоставление всем гражданам без исключения, а консерваторы добиваются его ограничения для отдельных групп граждан. В дискуссиях о прерогативах государства либералы всегда отстаивают принцип неукоснительного соблюдения установленных правовых процедур, а консерваторы защищают право власть предержащих действовать по своему усмотрению. Администрация Буша-мл. использовала события 11 сентября 2001 года для нагнетания в Америке противостественной для нее атмосферы, когда любая критика президента считается антипатриотичной. Подавляющее большинство консерваторов приветствовало это.

Я верю в относительно равноправное общество, опирающееся на институты, не допускающие экстремальных проявлений богатства и бедности. Я верю в демократию, гражданские свободы и верховенство закона. Именно поэтому я – либерал и горжусь этим.

Либерализм и прогрессивное движение

Многие активные участники политической жизни разделяют перечисленные мною взгляды, хотя предпочитают называть себя не либералами, а сторонниками прогресса, или прогрессистами. В определенной степени это реакция на ту пропагандистскую кам-

панию, которая вот уже несколько десятилетий ведется консерваторами. Им удалось дискредитировать в глазах американцев само понятие «либерал». В чем они преуспели гораздо меньше – это в своем стремлении поколебать ту поддержку, которой пользуются в обществе либеральные принципы. Как свидетельствуют опросы общественного мнения, к либералам относят себя относительно немного американцев (обычно менее 30%). В то же время абсолютное большинство граждан поддерживает политические принципы, традиционно считающиеся либеральными (например, гарантированные каждому жителю страны услуги здравоохранения).

Однако «прогрессивный» – это не просто еще один термин, имеющий тот же смысл, что и «либеральный». По своему содержанию эти понятия различаются (во всяком случае в моем, и не только в моем, представлении) как теория и практика. Либералы – те, кто верит в институты, ограничивающие неравенство и несправедливость. Прогрессисты – те, кто участвует (прямо или опосредованно) в политических коалициях, отстаивающих эти институты и содействующих их развитию. Вы являетесь либералом (независимо от того, сознаете ли это), если убеждены, что Соединенные Штаты должны иметь общедоступную систему здравоохранения. Вы – прогрессист, если участвуете в практических действиях по созданию такой системы.

Одним из важнейших изменений на политической арене США в годы президентства Буша-мл. стало появление на свет коалиции сторонников прогрессивного движения, которое в некоторых (но не более того) отношениях похоже на консервативное движение. Это тоже совокупность организаций, которая напоминает политическую партию, но на деле ею не является. Многие демократы разделяют взгляды сторонников прогрессивного движения; в свою очередь, большинство прогрессистов поддерживает демократов, хотя кредо прогрессивного движения существенно шире платформы Демократической партии. Оно включает в себя элементы прежней коалиции в поддержку Нового курса, прежде всего профсоюзные организации, сеть аналитических центров, а также новейшие сетевые структуры – виртуальное сообщество блоггеров и прогрессивных веб-сайтов, где сегодня регулярно появляются материалы от ведущих политиков Демократической партии. В остальных отношениях между прогрессивным и консерватив-

ным движениями имеются серьезные различия. Прежде всего, в прогрессивном движении куда ниже уровень централизации. Хотя правым повсюду мерещится «невидимая рука» Джорджа Сороса, в реальности на левом фланге нет ничего хоть сколько-нибудь сравнимого с отлаженной системой финансирования правого крыла. Соответственно, нет и ничего похожего на то монолитное единство взглядов внутри консервативного движения, которое создается спонсорами и скреплено безоговорочной клятвой верности.

Прогрессивные организации складываются в движение благодаря не деньгам, а верности идее. Сегодня многие американцы с более или менее либеральными взглядами считают себя членами общественного движения, общие задачи которого – ограничение неравенства и защита демократических принципов. Его сторонники с презрением относятся к членам Демократической партии, должным образом не противостоящим правым, одобряющим приватизацию системы социального страхования и эскалацию военных действий в Ираке.

В годы президентства Клинтона такого прогрессивного движения не было – и страна дорого заплатила за это. Если оглянуться назад, становится понятно, что у Клинтона никогда не было четкой программы. В сущности, он не знал, что ему следовало делать. Когда он пришел к власти, его советники были одержимы проблемой внешнеторгового противостояния с Японией – проблемой, которая никогда не имела существенного значения, не продумывалась до конца и, по сути, не имела под собой реальных оснований. Проект реформы здравоохранения, предложенный Хиллари Клинтон, оказался неудачным в силу многих причин. Главный недостаток состоял в том, что он не стал попыткой наполнить реальным содержанием цели широкого движения. Это был частный проект, разработанный без помощи и поддержки союзников. Поэтому после победы республиканцев в Конгрессе в 1994 году Биллу Клинтону пришлось ограничиться внесением в проводимую им политику лишь незначительных корректировок. Клинтон неплохо руководил страной, но не предложил серьезной программы и не создал движения. Такая ситуация может повториться. Если это произойдет, то у прогрессивного движения будут все основания сделать окончательный вывод о том, что Демократическая партия не оправдала их надежд.

Программа прогрессивного движения

Быть либералом – значит в определенном смысле иметь консервативные взгляды, то есть хотеть вновь сделать американское общество обществом среднего класса. Быть прогрессистом, очевидно, подразумевает стремление двигаться вперед. Хотя это и выглядит противоречием, на самом деле противоречия здесь нет. Для реализации традиционных либеральных задач необходима новая политика.

Рассмотрим вопрос о включении в программу «Медикэр» пункта о финансировании приобретения лекарств, отпускаемых по рецепту. Может ли это считаться консервативной политикой, поддерживающей исходные цели и задачи программы? «Медикэр» всегда считалась механизмом финансирования важнейших медицинских расходов. Поначалу оплата лекарств не предусматривалась, поскольку такие расходы тогда были незначительными. Но когда медикаментозное лечение хронических заболеваний стало для многих пожилых людей слишком дорогостоящим, программа «Медикэр» перестала полностью соответствовать своему основному предназначению, а потому дополнение ее оплатой лекарств по рецептам стало настоящей необходимостью.

Другой, пусть и менее очевидный, пример – общедоступная система здравоохранения. Согласно Закону о социальной защите 1935 года, в США появились пенсии по старости и совместная (финансируемая федеральным бюджетом и бюджетами штатов) система страхования по безработице. Однако по своей сути закон имел гораздо более широкие цели. Согласно официальным документам Управления социального страхования, он был призван «разрешать целый ряд серьезных проблем, связанных с экономическими рисками,

возникающими в индустриальном обществе»². Решению этой задачи как нельзя лучше соответство-

² <http://www.ssa.gov/kids/history.htm>

вала защита семей от непомерных расходов на медицинские услуги. Франклин Делано Рузвельт рассматривал возможность включения в этот закон пункта о медицинском страховании, но по политическим соображениям ему пришлось отказаться от этой идеи. Создание общедоступной медицины стало бы достойным заверше-

нием дела Рузвельта. Более того, здравоохранение занимает в системе социального страхования примерно то же место, что и лекарственные препараты в программе «Медикэр». В свое время оно требовало относительно небольших расходов, но сегодня незащищенность от риска непомерных расходов на медицинское обслуживание – это бесспорно крупнейшая финансовая угроза, с которой сталкиваются американцы. Если мы считаем своей целью поддержку общества среднего класса, то значение гарантированного медицинского страхования трудно переоценить. Возможно, тридцать лет назад страхование за счет работодателя и было вполне приемлемым для большинства населения, но сегодня его недостаточно. Общество, где 40% людей либо вообще вынуждены обходиться без страховки, либо имеют страховку, не позволяющую своевременно получать медицинскую помощь из-за ее дороговизны, не может считаться обществом среднего класса³.

Таким образом, программа прогрессивного движения предполагает серьезные изменения государственной политики, но при этом они ни в коем случае не должны быть радикальными. Их цель – завершить дело Нового курса: сделав социальное страхование более широким, включив в сферу его действия покрытие устранимых рисков, значимость которых в последние десятилетия существенно возросла. Экономическая целесообразность такой программы не вызывает сомнения. В результате ее реализации американцы получают всего лишь тот уровень защиты от финансовых рисков и несчастных случаев, который уже имеют граждане других развитых стран.

Обозревая сегодняшнюю политическую сцену США, поражаешься тому, насколько хорошо сформулирована программа прогрессивного движения и насколько интеллектуально немощным стало движение консерваторов. Когда я пишу эту книгу, кандидаты в президенты от Демократической партии активно обсуждают планы общедоступной системы здравоохранения, новые подходы к борьбе с бедностью, варианты помощи тем, кто столкнулся с трудностями при приобретении жилья и так далее. Между тем кан-

³ По результатам исследования, проведенного компанией Consumer Reports в сентябре 2007 года (см.: http://www.consumerreports.org/cro/health-fitness/health-care/health-insurance-9-07/overview/0709_health_ov.htm).

дидаты от республиканцев вообще не предлагают ничего конкретного – кажется, они соревнуются в том, чьи выступления больше напоминают речи Рональда Рейгана и кто убедительнее докажет необходимость пыток. Поскольку Демократическая партия представляет прогрессивное движение, она становится партией передовых идей.

О партийной позиции

Программа прогрессивного движения ясна и вполне осуществима. Однако она неизбежно столкнется с жесткой оппозицией. Определяющим фактом современной американской политической жизни является то, что Республиканской партией верховодит консервативное движение, чье представление о том, какой должна быть Америка, прямо противоположно видению ее будущего прогрессивным движением. Поэтому любимое политическими мудрецами мнение, будто можно добиться успеха путем межпартийного консенсуса, – явная нелепость. По вопросу реформы здравоохранения – первоочередного приоритета внутренней политики прогрессивного движения – достижение компромисса между республиканцами, стремящимися задушить программу «Медикэр», и демократами, добивающимися гарантированного медицинского страхования для всех, представляется невозможным. Если законопроект по реформе здравоохранения будет действительно вынесен на обсуждение в Конгресс, руководство консервативного движения повторит сценарий 1993 года: оно будет склонять республиканцев ни под каким видом не принимать такой законопроект, чтобы успех этой реформы не обесценил всю программу консервативного движения. По всей вероятности, большинство республиканцев их поддержит.

Таким образом, быть прогрессистом сегодня – значит активно поддерживать Демократическую партию. Прогрессивная платформа может стать законом лишь при наличии двух условий: победы кандидата демократов на президентских выборах и завоевания демократами такого большинства в Конгрессе, которое позволит им преодолевать сопротивление республиканской оппозиции. А для достижения этого политического превосходства необходи-

мо такое руководство, которое заставит оппонентов прогрессивной программы заплатить высокую политическую цену за их obstructionism, руководство, которое – подобно Ф.Д. Рузвельту – сумеет вызвать резко негативное отношение американского общества к своекорыстным лоббистским группировкам, препятствующим его совершенствованию.

В случае успеха нового прогрессивного движения необходимость активной поддержки Демократической партии постепенно сократится. В 1950-е годы можно было поддерживать программу социального страхования и профсоюзы, но одновременно с чистой совестью голосовать за Эйзенхауэра, поскольку Республиканская партия на тот момент (пусть временно) приняла достижения Нового курса. В долгосрочной перспективе можно рассчитывать на возврат такой политической ситуации в США, когда две здравомыслящие партии, приветствующие все, что есть хорошего в стране, соревнуются в том, какая из них сможет обеспечить достойную жизнь всем американцам, а заодно и контролируют честность друг друга.

Пока же быть деятельным либералом – значит быть прогрессистом, а быть прогрессистом – значит активно поддерживать Демократическую партию. При этом, однако, конечной целью является не монополия одной партии на власть, а восстановление жизнеспособной конкурентной демократии, так как торжество демократии и есть главная цель либерала.

УКАЗАТЕЛЬ

А

аборт, 105

Абрамофф, Джек, 174, 178

автомобили, 46, 49, 50, 95

автомобильная промышленность, 146

авторитаризм, 289

Агентство по охране окружающей среды, 168, 169

Агню, Спиро, 102

администрация Буша, 115, 128, 175, 202, 203–204, 289, 290

ее провалы, 19

и верховенство закона, 287

Администрация здравоохранения для ветеранов, 251

Администрация общественных работ, 68

Азлейнер, Эрик, 271

Айвинс, Молли, 232

Айдахо, 282

Акт о гражданских правах (1964 г.), 71, 90, 106, 192, 288

Акт об избирательных правах, 92

Акт о справедливых трудовых отношениях (1935 г.), 56

Алесина, Альберто, 190, 191

Аллен, Джордж, 227

- альтернативный минимальный налог, 168
альтернативная культура, 100–103
Американская медицинская ассоциация, 73–74, 191
Американская федерация труда, 75
американские военные как консервативная сила, 199–200
Американский институт предпринимательства, 16, 125, 174–175
«Американский центр за избирательные права», 209–210
американцы азиатского происхождения, 19–20, 207, 223
«Америкэн спектейтор», 125, 175
анархисты, 39
антивоенное движение, 103–104
антикоммунизм, 114, 181
Апдайк, Джон, 199
Аризона, «право на работу» там, 120
Арнал, Эллис Г., 77
Афганистан, 129, 220
афроамериканцы, 16, 18–20, 29, 35, 69, 70, 71, 75, 83, 89, 90–92, 94–95, 96–97, 99–100, 112, 189, 194, 208, 223, 226
 безработица в их среде, 94–95
 их миграция в послевоенный период, 96
 лишение их гражданских прав, 108–109
 см. также движение за гражданские права; раса, расизм

Б

- Бакли, Уильям Ф., 16, 107–109, 112, 121
«Банда с насосной станции» (Вульф), 85
банкротство, 266
Бартелс, Ларри, 187
Бартлет, Брюс, 173, 175
Бибчук, Люциан, 152–153
«Без вести пропавший» (кинофильм), 197
безработица, 129, 215, 218, 250, 282

- ее уровень, 100, 215
- и уровень преступности, 95
- среди городских негров, 95
- страхование от, 42, 48, 66, 84, 86, 118, 166, 288, 292
- бен Ладен, Усама, 200, 220
- беспорядки, 85, 87, 92–97
- беспошлинная торговля, 28
- Бисмарк, Отто фон, 26, 27, 39, 40
- Блант, Рой, 176
- Блумберг, Майкл, 225
- «Бог и человек в Йеле» (Бакли), 107, 109
- богатства концентрация, 22, 24
- богатые, 9, 21, 22–23, 24, 26, 28, 44, 47, 49–50, 66, 82–83, 84, 165, 288
 - их доходы, 47, 52–53, 136–137
 - их исчезновение после войны, 50–54
- больницы, 256
 - прекращение сегрегации, 74
- Борхас, Джордж, 141
- Брайан, Уильям Дженнингс, 28 (сноска), 29, 33, 34, 36, 37, 42, 110
- Браун, Митчелл, 271
- Браун против Палаты по образованию (судебный процесс), 71
- «Бритиш петролеум», 156
- Бро, Джон, 236
- Бродер, Дэвид, 110, 112
- «броудеризм», 162
- Брукингса, институт, 174
- бум рождаемости, 94, 100
- бунт в Лос-Анджелесе (1992 г.), 95
- бурбон-демократы, 28, 30, 41
- Буш, Джордж Г. У., 128, 201, 216, 219
- Буш, Джордж У., 11, 16, 18–19, 29, 66, 73, 108, 115, 164, 165–167, 171, 175, 178, 179, 193, 195, 200–202, 206, 209, 214, 219, 220–222, 223, 247, 260, 277, 279–280, 287–288, 289

его закодированная речь, 203–204
приватизация социального страхования, 167, 288
сокращение налогов, 165–166, 171, 206, 260, 278–279, 280–281

Бьюкенен, Пэт, 92, 93

Бэнфилд, Эдвард, 123

В

Вашингтон (штат США), 282

«Вашингтон пост», 162 (сноска), 168, 174, 176

«Вашингтон таймс», 175

вбрасывание фальшивых бюллетеней в избирательную урну, 30–31

Великая депрессия, 41, 44, 46, 56, 57, 78, 118, 122–123, 179

Великое общество, 47, 123

Великое расслоение (поляризация доходов), 131, 160, 285

Великое сжатие, 14, 43–62, 64, 68–69, 78, 84, 144, 147, 148, 158, 281, 285

его последствия, 45–50

и Вторая мировая война, 58–59

и послевоенный экономический подъем, 59–62

и экономический бум, 68

положение рабочих и профсоюзов, 54–57

рыночное неравенство в доходах, 281–285

Великобритания, 27, 40, 148, 156, 219, 234–235, 236, 284

национальная система здравоохранения, 27, 40, 250

неравенство в доходах, 15

расходы по линии государства благосостояния, 189

социальная мобильность, 267

ставки подоходного налога, 273, 279

Вермонт, 258

верховенство закона, 287

Верховный суд США, 23, 71, 202

- верхушка криминального мира, 24
ветеранов, медицинское обеспечение, 241–242
вилки оплаты труда по видам профессий, 59
Вильсон, Вудро, 28, 30, 37, 58, 269
Вирджиния, 191, 227
Вирек, Питер, 115
Висконсин, 42
водопровод в доме, 49
воинская повинность, 104
«воинствующие жители пригорода», 115
война в Ираке, 19, 165, 195, 200, 201, 202, 211, 215, 219–222
война в Корее, 79
война в Персидском заливе, 201, 220
война с бедностью, 123
«Война – это сила, придающая нам смысл» (Хеджес), 219
«Воспоминания о временах администрации Форда» (Апдайк), 199
воссоединение семей, 141 (сноска)
«Время выбирать» (речь Рейгана), 18, 110–111
Всемирная организация здравоохранения, 236, 255
Вторая мировая война, 25, 27, 50, 55, 57, 67, 68–69, 78, 86, 90, 94, 118, 144–145, 148, 201–202, 220, 242, 281
«Второе пришествие» (Голдберг), 203, 205
Вулфовиц, Пол, 16
Вульф, Том, 85
«выбор рисков», 238–239
выборы, 183
 доход и политические предпочтения на выборах, 82
 классовая погрешность, 75–76, 188
 мошенничество на выборах, 30–31, 208–211, 226
 «голосующие за ценности», 203, 228
выборы в США, 31–32
 в 1896 г., 29–30, 32–33
 в 1924 г., 36–37

- в 1928 г., 36–37, 40–41
- в 1948 г., 63, 64, 70, 75, 84, 89, 163
- в 1954 г., 192–193
- в 1964 г., 87, 192
- в 1966 г., 87
- в 1968 г., 192
- в 1972 г., 87, 104, 167, 196
- в 1988 г., 199, 216
- в 1994 г., 166, 178, 199, 217, 245
- в 2000 г., 193, 199, 208–209
- в 2002 г., 19, 199, 200, 202, 210, 211, 222
- в 2004 г., 18–19, 29, 41, 193, 199, 200, 202, 205, 209, 210, 211, 222, 223, 229
- в 2006 г., 17, 19, 173, 194, 207, 210, 213, 214, 223, 226–227, 245
- в 2008 г., 20
- мошенничество, 30–31
- «Выпускник» (кинофильм), 101
- Вьетнам, 10, 87, 88, 102, 103–105, 128, 129, 195, 197, 198, 215

Г

- гарантии материальные, 86
- «Гарвард бизнес ревью», 154
- «Гарри и Луиза», рекламные ролики, 247, 248, 253, 260
- Германия, 26–27, 40, 235, 254, 261
 - национальное государство благосостояния, 26–27, 40
- Гесс, Стивен, 110–111, 112
- Гингрич, Ньют, 18, 161–162, 167, 178, 288
- Гитлер, Адольф, 109
- глобализация, 12, 15, 147, 148–149, 283
- глобальное потепление, 174
- «Глобал институт» (независимая исследовательская организация компании McKinsey), 237, 240

- Глэзер, Эдвард, 190, 191
Голдберг, Мишель, 203, 205
Голдин, Клаудия, 14, 44, 59
Голдуотер, Барри, 17, 82, 87, 110, 116, 117, 120, 121, 123, 159, 182, 192
его антипрофсоюзный настрой, 120–121
гомосексуальный брак, 105
городские рабочие, 25
государство благосостояния, 17, 18, 26, 27, 39, 40, 47, 70, 73, 77, 82, 98, 117, 118, 162, 163, 167, 179, 182, 185, 186, 189, 190, 191, 192, 227, 230, 272
в 1960–ые годы, 98–99
воздействие на него профсоюзов, 75–77
его признание обеими ведущими партиями, 82
последствия предоставления избирательных прав, 69–70
постепенное признание, 65–69
социальная политика, 63–64
«Грабительски безмерное вознаграждение генеральных директоров» (статья), 156
Гражданская война, 27, 28, 29, 30, 62, 72
Гувер, Герберт, 41–42, 78
Гудзоновский институт, 174
Гэлбрейт, Джон Кеннет, 44, 78

Д

- Дадли, Уильям, 30
движение за гражданские права, 18, 74, 88–89, 194
его восприятие в обществе, 91–97
его цели, 91
и городские бунты, 95–97
и интенсивный рост государства благосостояния, 99
и отступничество Юга, 89–92
негативная реакция белого населения, 18, 74–75

- движение матерей, беспокоящихся за национальную безопасность, 115
- двухпартийность, 10–12, 43, 84, 162–163
- деиндустриализация, 158, 187
- Декларация об освобождении рабов, 83
- ДеЛэй, Том, 176
- Делонг, Дж. Бредфорд, 24
- демократия, 288–289
- Демократическая партия, 10, 11, 20, 28, 30, 36, 40, 59, 72, 77, 104, 172, 165–167, 172, 189, 192–193, 200, 213–214, 225, 269, 270
- воздействие на нее войны во Вьетнаме, 87–88
 - и «великий разворот» Юга, 18
 - и гражданские права, 74–75, 89
 - и контроль в Конгрессе, 84
 - и прогрессивное движение, 290–291, 293–294, 295
 - имиджевый миф о ее слабости, 88, 105, 196–202
 - как партия консервативная, 287–289
 - поддержка профсоюзов, 75, 117
 - признание в партии Джима Кроу, 72
 - см. также* выборы в США
- Демократической партии съезд (1896), 110
- «Демократы могут победить», 77
- Детройтское соглашение, 145–146, 147
- дефицит бюджетный, 67
- Джавитц, Джейкоб, 81
- «Дженерал моторс», 145, 146, 147
- Дженнингс, Уильям, 110
- Джефферсон, Томас, 103, 264
- Джозефи, Элвин, 43
- Джонсон, Линдон Б., 47, 87, 88, 89, 90, 97, 103, 106, 123, 252
- Джонсон, Чарльз, 146, 147
- Джорджия, 209
- Джудис, Джон, 222–223, 224

- Джулиани, Рудольф, 235
диабет, 237, 241, 256
дивиденды, 53, 165
«Доброй ночи и удачи» (фильм), 112
добыча угля, 169–170
доверие социальное, 270
долги, семейные, 266
«долгий позолоченный век», 21–42, 45–46, 51, 207, 216, 264
 доминирование консерваторов, 28–32, 38–41
 лишение избирательных прав, 29, 69–70
 неравенство, 23–27
 политика плутократии, 27–33
 разрыв между городом и деревней, 33–34
 участие избирателей, 30–31
доход, 216–217
 реальный, 61–62
 семейный, 86, 148
 средний относительно медианного, 132–134
 у супербогачей, 52–54, 136–137, 217
«доход с поправкой на инфляцию», 134–135
доход с капитала, 137
доход, остающийся после уплаты налогов, 272
доход располагаемый, 252
«Другая Америка» (Харрингтон), 44
Д'Суза, Дайнеш, 124–125
Дуглас, Майкл, 136
Дукакис, Майкл, 199
Дьюи, Томас, 63–64, 71
Дэвис, Джон, 37

Е

Европа, 147–148, 189, 227, 234, 236, 273, 275

антикоммунизм там, 114
неравенство в доходах, 15
оплата труда менеджеров, 156
профсоюзы, 148
социальная мобильность, 267
«евросклероз», 60

Ж

женщины, 44, 85, 133, 170, 204, 228

З

забастовка в Хомстеде, 25, 33
забастовки, 25, 33, 55, 58, 145
Закон о бензине для безопасности Америки (2005 г.) 166
Закон о контроле над загрязнением воздуха, 168
Закон о модернизации «Медикэр», 261
Закон о свободном выборе работников, 284
Закон о социальной защите (1935 г.), 288, 292
законы о компенсациях работникам, 42
законы о трудовых отношениях, 284
Закон Тафта-Хартли, 64
заработки, 33, 51, 58–59, 77–78, 85, 134, 135–136, 157, 216–217, 281–283
 «определенного калибра», 145–146
воздействие на них профсоюзной активности, 56–57
 и иммиграция, 140–141
контроль над ними в годы войны, 13–14, 58–59, 118, 144, 281
 минимальная заработная плата, 85, 146, 157, 281–282, 283
 разрыв в оплате труда мужчин и женщин, 85
сокращение разрыва в оплате труда, 44, 47
заработная плата управляющих, 146, 148, 285

- затраты на избирательную кампанию, 29
- здравоохранение, 66, 116–117
- административные расходы, 240
 - вопрос выбора, 257
 - заработная плата врачей, 241
 - медленное погружение в кризис, 243–246
 - расходы на эти цели в США, 232–233, 243–244
 - регулирование в данной сфере, 250
 - рост медицинских расходов, 243–244
 - страхование за счет работодателя, 243–245, 249–250, 251
 - частное страхование, 234–235, 238, 242
 - экономический аспект, 238–242
- здравоохранения общедоступная система, 20, 27, 87, 230, 239–240, 246–247, 248, 262, 268, 273, 279, 280, 290, 292–293
- аргументы против, 231–232
 - затраты на нее, 232–233
 - и расовый фактор, 190
 - направления реформы, 254–261
 - политические контраргументы, 256–257
 - профилактика здоровья, 241, 256
 - частное страхование, 259–261
- знаменитости, 157
- Зомбарт, Вернер, 189

И

- избирательные права, 29, 69, 288–289
- измена, 113–114
- Иммиграционный акт (1924 г.), 55, 140–141
- иммиграция, 20, 29, 34, 70, 77, 140–141, 207–208, 224–225
- инвестиции, 51
- индекс потребительских цен, 48, 134
- Индиана, 30, 31

Институт Катона, 125, 174, 179
Институт экономической политики, 174, 283
«Интел», 139
инфляция, 129, 134–135
информационные технологии, 138–139, 147–148
Иран, 105, 129, 201
Испания, 16, 109, 114, 208
испаноязычное население, 20, 207, 223, 225–226
исследовательские институты («мозговые центры»), 16, 124–125, 173–175, 177, 290
«Историческая статистика Соединенных Штатов», 93
Италия, 117

Й

Йенсен, Майкл, 154, 155, 156

К

«Как Иисус заботился о женщинах» (Хэйгер), 204
«Как купить движение», 124
«Как продать президента» (Макгиннис), 127–128
Калифорния, 87, 100–101, 115, 127, 210, 248, 259
 закон штата о справедливых условиях предоставления
 жилья, 92
 иммиграционная политика в штате, 225
Канада, 73, 113, 117, 142, 148, 159–160, 227, 234, 235, 236, 240–241,
255, 266, 267, 273, 283, 284
Канзас, 35, 71, 228–229
капитализм, 39, 115
Кард, Дэвид, 282
Карнеги, Эндрю, 24, 25, 154
Картер, Джимми, 11, 178, 198

- «Катрина» (ураган), 19
- Катц, Лари, 141
- качество жизни, 25–26, 262, 275
- Кеннеди, Джон Ф., 84, 111, 146, 164
- Керри, Джон, 71, 113, 205
- Кероак, Эрик, 204
- Кинг–младший, Мартин Лютер, 90
- Кинг, Родни, 95
- Китай, 128, 143, 148
- Кливленд, Гровер, 28, 30
- Клинтон, Билл, 11, 20, 61, 66, 125, 161–162, 164–166, 168, 178, 198, 217–218, 245–247, 249–250, 252–253, 262, 279, 291
- и отключение системы на федеральном уровне, 161–162
 - импичмент, 161, 162
 - отсутствие повестки дня, 291
 - ошибки в реформировании системы здравоохранения, 217–218, 252–253
- Клинтон, Хиллари, 218, 291
- «Клуб роста», 177–178
- Клуни, Джордж, 112
- Кляйн, Эзра, 236, 254
- Комиссия Кернера, 97
- Комитет Демократической партии по выборам в Сенат, 270
- комитеты политического действия, 176
- коммунизм, коммунисты, 18, 39, 101, 111–113, 114–116, 129
- Комплексный план медицинского страхования, 168
- Конгресс производственных профсоюзов, 75
- Конгресс США, 12, 28, 59, 161, 165, 166, 180, 192–194, 199, 200, 202
- его сдвиг влево, 201
- контроль над ним со стороны демократов, 84, 88, 104, 106
- левый–правый спектр, 80–82
- партийный расклад, 79–82
- попытки отказаться от Нового курса, 64

- «Конец расизма» (Д'Суза), 125
- консервативное движение, 10–11, 13, 16–17, 32, 79, 81–82, 87–88, 107–129, 160, 168–169, 179–182, 277, 281, 287, 288, 289
- антиправительственная идеология, 39
 - антипрофсоюзный настрой, 120–121, 159–160, 283–284
 - борьба по вопросу о налоге на наследуемое имущество, 170–171
 - его институты, 124–126, 172–179, 180–181
 - его интеллектуальная немощь, 293
 - его истоки, 105–106, 107–110, 180
 - его недемократичность, 17, 109, 208, 289
 - его некомпетентность, 19
 - его несостоятельность в военных вопросах, 201–202, 221–222
 - его опора в деловых кругах, 116–121
 - его пропагандистские кампании против либералов, 289–290
 - его финансирование, 17, 107, 182, 291
 - закодированная речь, 107–108
 - злоупотребление проблематикой национальной безопасности, 197–198
 - и иммиграция, 224–225
 - и Никсон, 127–129, 168–169
 - интеллектуалы, связанные с ним, 121–127, 174
 - и партийная лояльность в Конгрессе, 81
 - и «разворот» Юга, 193–194, 205
 - и правые христиане, 203–205
 - и реформа здравоохранения, 247, 262, 294
 - использование параноидальных настроений в обществе, 115
 - использование расовой проблемы, 189–195
 - как правый заговор, 172–179
 - массовая база, 110–116
 - мошенничество на выборах, 208–211
 - неравенство в доходах и его усиление, 269–271
 - поощрение лояльности, 16, 19, 32, 176–177
 - преемственность его целей, 178–179

- против прогрессивного движения, 290–291
эксплуатация нетерпимости, 228
- Консервативный комитет политического действия, 208
- Конституция США, 109
- Консультативный комитет по вопросам репродуктивного здоровья, 204
- контрацепция, 204
- контроль за ценами, 58
- контроль за ценами на арендуемое жилье, 122
- Конфессоре, Николас, 175
- корпораций правление, 151
- коррупция, 19, 28, 31, 68, 84, 121, 202, 221
- Кос, Микки, 99
- Коултер, Энн, 208
- Козн, Тайлер, 236
- Кох, семейный фонд, 125
- кризис с заложниками в Иране, 129
- Кристал, Ирвинг, 122, 123, 124, 126, 127, 262, 264, 265
- Кристал, Уильям, 246, 249
- Кроу, Джим, 29, 72, 91, 92
- «Круглый стол бизнеса», 181
- Крюгер, Алан, 282
- Кудлоу, Лари, 62
- Кузнец, Саймон, 50–51
- «кривая Кузнеца», 51
- Ку–клукс–клан, 37
- кумовство, 19, 202, 221
- Курс, Джозеф, 125

Л

- Лазир, Эдвард, 138, 143
- Леви, Фрэнк, 86, 145, 147

Левит, Стивен, 94
Левит, Уильям, 46
Левиттаун, 46
«левые интеллектуалы», 78
либералы, 92–93, 95, 208, 222, 224, 229, 292
 в качестве консерваторов, 287–288
 и прогрессивное движение, 289–291
Линкольн, Авраам, 48, 72, 89, 110, 192
лоббисты, 175–176
Лонг, Хью, 27
Лонг–Айленд, 46
лояльность политическая, 16, 19, 32, 176–177
Лотт, Трент, 90
Лэндон, Элф, 49
Лэффи, Стив, 177

М

Макгиннис, Джо, 127
Маковерн, Джордж, 87, 88, 104, 195–196
Маккаду, Уильям Гиббс, 37
Маккейн, Джон, 208
Маккарти, Джозеф, 112, 113, 114, 116
Маккарти, Нолан, 12, 79, 206–207
Маккинли, Уильям, 29, 107, 172
Макклечи газеты (McClatchy Newspapers), 209
Манион, Кларенс, 120
Маниониты, 120
Манхэттенский институт, 174
Марго, Роберт, 14, 44, 59
Маршалла план, 63
Массачусетс, 191, 258, 259
материальное благосостояние, 86, 22, 45–46, 48–49, 61, 85–86,
132–133, 135–136, 263–264

- Медикэйд, 164, 184, 189, 234, 242, 243
- Медикэр, 10, 26, 74, 84, 161, 164, 166–167, 177, 184, 189, 190, 234, 236, 240, 241, 252, 253, 255, 256–257, 288, 292
- «Медикэр Эдвэнтидж», 167,
- медицинское страхование, 40, 48, 73, 74, 86, 87, 118, 167–168, 185–186, 190, 217–218, 272
- от работодателя, 243–245, 249–250, 251
 - плата за услугу, 250
 - рост его стоимости, 243–244
 - в системах здравоохранения, охватывающих все население, 259–261
- менеджеры хедж-фондов, 269, 270, 278
- Менкен, Г.Л., 41
- Мерфи, Кевин, 154, 155
- миллиардеры, 24
- минимальная заработная плата, 85, 146, 170, 243, 281
- Министерство здравоохранения и социальных услуг, 204
- Министерство финансов США, 169
- Министерство юстиции США, 204, 210, 226
- Миссисипи, 18, 71, 72, 189
- Мойер, Билл, 106
- Мойнихен, Дэниэл Патрик, 123, 127
- мотивация к труду, 60
- мошенничество с социальными выплатами, 188
- Музей многоквартирного жилья в нижней части Ист-Сайда в Нью-Йорке, 25 (сноска)
- Мун, Сан Мэн, 175
- Мур, Стивен, 177
- Мурроу, Эдвард, 112
- Муссолини, Бенито, 109
- Мэнкью, Н. Грегори, 126–127
- мятеж в Гарлеме (1964 г.), 95–96

Н

- налоги, 26, 38–39, 52, 53–54, 59, 60, 66, 72, 98, 163, 164–165, 271–272
верхняя налоговая планка, 153, 280
их повышение, 279–280
лазейки, 278
лазейки для хедж-фондов, 269, 270, 278
медицинские льготы, 242
на корпорации, 54, 164, 277, 278
на рыночный доход, 271–272
на цели реформы здравоохранения, 256–258
прогрессивная шкала, 26, 277, 280
сверхналоги, 280
уклонение от уплаты, 269
- налог на добавленную стоимость, 272–273, 280
налог на заработную плату, 272
налог на наследство недвижимости, 12, 46, 53, 54, 165, 171
налог на прирост капитала, 165, 269, 277–278, 279–280
налогов снижение, 117, 126, 164, 186, 277–278
 во времена Рейгана, 62, 164, 169
 при Буше–младшем, 165, 170–172, 202, 206, 260, 279–280
- налоговый кредит на заработанный доход, 166, 274
«Народ за американский путь», 124
нацизм, 90
национальная безопасность, 201, 211, 219–222
Национальная организация за социальные права, 99
Национальная система здравоохранения, 250–251
национальное медицинское страхование, 73, 116, 290
 см. также всеобщая система здравоохранения
Национальный акт по трудовым отношениям (1935 г.), 64
Национальный военный совет по труду, 58
Национальный комитет Республиканской партии, 30, 178, 196
Национальный консультативный комитет по гражданским беспорядкам, *см.* Комиссия Кернера

- Национальный планово–аналитический центр, 173
Национальный совет по трудовым отношениям, 56
Национальный совет промышленников, 32
Национальный центр по статистике образования, 267
Национальный центр государственной политики, 173–174
«Нелиберальное образование» (Д’Суза), 125
неравенство в доходах, 10–11, 12–13, 17, 22–23, 60, 62, 131–160
 его издержки, 264–271
 его объяснение с точки зрения институтов и норм, 144–157, 181
 его связь с квалификацией, 138–143
 его сокращение, 44
 за рубежом, 15
 и международная торговля, 142–143
 и поляризация, 12–13
 и социальное неравенство, 264–266
 и технологические изменения, 14–15
 курс на его сокращение на вторичном рынке, 271–276
 общественное мнение по данному вопросу, 215–219
 оправдание его консерваторами, 45
 победители и проигравшие, 135–138
 политические последствия, 267–269
 противодействие ему, 263–285
 рынок, 281–285
 связанная с ним новая политика, 13–15
 соответствующая политика 161–182
«Негритянский вопрос на Юге» (Уотсон), 35–36
«Необычайная отвага» (кинофильм), 197
неоконсерваторы, 110, 121–122, 124, 126, 247
«Неравенство доходов без классового конфликта» (Кристал), 264–265
нефтяные кризисы, 61
неравенство экономическое, 10, 21, 52
нехватка рабочей силы, 58

- Никсон, Ричард, 10, 11, 87, 88, 92, 93, 95, 97, 102, 164, 168, 169, 182, 192, 195
- его речь 1969 г. о «молчаливом большинстве», 102
 - и консервативное движение, 127–129, 168–169
 - и рецессия 1969–1971 годов, 100
 - эксплуатация им вьетнамской темы, 103–105
- нищета, 26, 44, 47, 51, 52, 273, 293
- на Юге, 72–73
- «Новая политика неравенства» (Эдсол), 168, 200
- «новые правые», 169–170, 210, 229
- «новый консерватизм», 16, 180–181
- «Новый консерватизм: один из его основателей задает вопрос, что же случилось» (Вирек), 115–116
- Новый курс Рузвельта, 10, 11, 13, 17, 24, 33, 53, 54, 55, 64, 65, 66, 67, 71, 72, 73, 74, 77, 78, 80, 105, 117, 120, 129, 144, 163, 190, 192, 194, 222, 229, 230, 254, 262, 279, 280, 288, 290, 293, 295
- его истоки, 41–42
 - и профсоюзы, 54–56
 - как либеральное движение, 90
 - отсутствие коррупции, 68
 - современный Новый курс, 18–20
- Норквист, Гровер, 17, 171–172, 176, 178
- Нью-Джерси, 31, 72, 258
- Нью-Йорк (город), 25 (сноска), 93
- уровень преступности, 93
 - иммигранты, 34
- Нью-Йорк (штат), 37, 41–42, 72, 258
- «Нью-Йорк таймс», 30, 38, 209, 282
- «Нью рипаблик», 116
- «Ньюсдей», 46
- Нэйдер, Ральф, 164
- «Нэшнл джорнэл», 175
- «Нэшнл ревью», 16, 107, 108, 112, 114, 121, 124, 125, 181, 208, 289

О

- Обама, Барак, 259, 260
образование, 275
 его неравное качество, 268–269
 и доходы, 143
Общество Джона Берча, 116
«Общество изобилия» (Гелбрейт), 44
Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности, 117, 145, 158
Объединенный центр налоговой политики Урбан–Брукингс, 277
обязательность страхования, 259
Огайо, 205
одиннадцатое сентября, 39, 195, 196, 199, 200, 219, 220, 223, 289
ожирение, 237
округ Оранж (Калифорния), 115
Оласки, Марвин, 203
организации по поддержанию здоровья (ОПЗ), 218, 250, 251, 253
Организация Варшавского договора, 112
«ось зла», 112
отделение церкви от государства, 202–203
отпуск, 274–275
охрана окружающей среды, 87, 168–169

П

- «Паблик интерес», 122, 123, 124, 125, 126, 127, 175
Палата представителей США, 28, 80–81, 104, 164, 166, 170, 180, 192–193, 199, 213–214, 226, 229
Палмер, А. Митчелл, 39
«палмеровы рейды», 39
паника 1893 г., 33
«Параноидальный стиль американской политики» (Хофстадтер), 114

- Паркс, Роза, 71
Пелоси, Нэнси, 214
Пенсильвания, 42, 173, 178
пенсионные выплаты, 42, 48, 118, 145, 146
«перехлест из партии меньшинства», 80–81
«переход из партии меньшинства», 80–81
«Первая кровь» (кинофильм), 197
Первая мировая война, 38, 39, 55, 58, 196, 201–202
«Перед штормом» (Перлстайн), 120, 128
Перлстайн, Рик, 120, 128, 196
Пикетти, Томас, 10 (сноска), 144, 147, 148 (сноска)
«Письмо из Испании» (Бакли), 103
«Плата за несовершенные подвиги» (Бебчук и Фрид), 152
подходный налог, 23, 26, 28, 46, 47, 164–165
 его величина, 53, 279
 его ставки во Франции, 272
 и социальные выплаты, 118–119
 прогрессивная шкала, 26–27
«позолоченный век», 22–23, 137, 147, 287
 см. также «долгий позолоченный век»
«подписка» (отказ в страховании), 238
политика перераспределения, 26, 45, 53, 74, 135–136, 184, 190
политика плутократии, 27–33
политическая поляризация, 10–13, 43, 80
«политический призывный свист», 107
полицейская жестокость, 90
помощь семьям с несовершеннолетними детьми, 98 (сноска), 99 (сноска), 111, 166
популизм, 32, 33, 34–36
Популистская партия, 27, 32, 33–38
«Почему в Америке нет социализма?» (Зомбарт), 189
права штатов, 71, 189, 192
правые христиане, 203–204

- правлящие политические организации, 77
предпринимательский доход, 137
Престон, Пол, 109
преступность, 87, 93–95, 100, 102, 105
 влияние на нее демографического фактора, 94
 и безработица, 94–95
 прибыль корпораций, 217
 приватизация, 173
 системы страхования, 73, 167, 247, 279, 287, 288
 «Построим Красную Америку» (Эдсол), 200
пригород, 46, 115
«Пристанище богатеев» (Франк), 265
программа дополнительных страховых выплат, 87
прогрессивное движение, 289–291
 его повестка дня, 292–294
 его партийная позиция, 294–295
«прогрессивная эра», 22, 24, 123
продовольственные карточки, 26, 184, 274
продолжительность жизни, 235
производительность, 131–132, 135, 136 (сноска), 145, 146, 151, 274
промышленное производство, 158
противозачаточные таблетки, 204
профессиональные союзы, 13, 43, 55, 66, 67, 75–77, 83, 84, 117–121, 144–149, 157, 181, 206, 295
 в период Великого сжатия, 54–57
 и избирательная активность, 76
 и распределение голосов избирателей, 70
 и рыночное неравенство, 283–285
 их воздействие на уровень заработной платы, 57
 их упадок, 158–160, 283–284
 коррупция в них, 121
 показатели членства в 1920–е годы, 25
 профсоюзное членство, 58–59, 64
 региональные несоответствия, 117–118, 120

профилактическое лечение, 241, 256
профсоюз авиадиспетчеров, 159
профсоюз водителей-дальнобойщиков, 121
Пул, Кейт, 12, 79, 206, 207
Пульмановская стачка, 25, 33
пытки, 287, 293–294
Пью, Исследовательский центр, 135

Р

рабство, 18, 72, 227
равенство возможностей, 266–267
равная тарифная ставка, 258–260
разрыв в доходах, 44–45
см. также неравенство в доходах
раса, расизм, 10, 16, 18, 20, 36, 44, 90, 95, 96, 97, 106, 197–108, 112, 188, 189–194, 195, 211
его отступление, 222–229
см. также движение за гражданские права
Раскоб, Джон Дж., 40
«регулируемое медобслуживание», 250, 251, 253
Рейган, Рональд, 17–18, 19, 61–62, 71, 84, 87, 92, 98, 99, 100, 101, 107, 110–113, 125, 127, 131, 159, 164–165, 166, 167, 188–189, 192, 194, 197, 198, 216, 219, 279, 285, 294
его борьба с профсоюзами, 159
его реакция на альтернативную культуру, 101–103
использование стремительного роста социальных расходов, 98–100
как первый президент – представитель консервативного движения, 169–170
попытки урезать социальное обеспечение, 166
разглагольствования о «малом правительстве», 110–112
риторика по поводу «королевы благотворительности», 188–189

- религиозные экстремисты, 108
- Рейтер, Уолтер, 117, 119, 121, 145
- Республиканская партия, 9–10, 12, 16–17, 19, 27–31, 45, 63–64, 72, 78–79, 80–81, 83, 84, 105, 121, 164–166, 167, 172, 180, 185, 188, 192, 213–214, 223, 270, 287–288, 293–294
- в 1966 г., 87
- влияние на нее правых христиан, 202–205
 - грязные трюки, 127–128
- ее дрейф вправо, 11, 12–13, 14, 163, 167–172, 179–182
- ее зависимость от нетерпимости в обществе, 228
- ее [надуманное] превосходство в вопросах национальной безопасности, 195–202, 220–221
- ее неидеологическая природа, 79–81
- ее финансирование, 78
- и лоббисты, 174–177
- и правительственный кризис (1995 г.), 161–162
 - и «великий разворот» Юга, 18, 189–190, 205
 - и этничность, 83–84
- как партия радикальная, 287–288
- негативное отношение к иммиграции, 224–225
- представления о ее компетентности, 78
- эксплуатация переживаний культурного происхождения, 88
 - электоральные успехи, 189, 246
 - см. также* выборы в США; консервативное движение
- Республиканская партия Канзаса, 229
- Республиканская партия Техаса, 170, 202
- Республиканский национальный комитет колледжей, 128, 174, 180
- реформа системы здравоохранения, 217–218, 231–262, 281, 291
- 2003 г. в сравнении с 1993 г., 249–252
 - отдача от реформы, 262
 - ошибочные решения, 252–254
 - препятствия, 246–248
 - пути продвижения вперед, 254–261

- речь о «Золотом кресте», 110
Рид, Ральф, 178
Риденуэр, Эмми Мориц, 174
Робертсон, Пэт, 204
Роджерс, Уилл, 75
Розенталь, Говард, 12, 79, 80, 206, 207, 214 (сноска)
Рокфеллер, Джон Д., 24
Рокфеллер, Нельсон, 79, 81
Ромни, Митт, 208
Роув, Карл, 128, 178, 181, 195
Рузвельт, Франклин Д., 13, 24, 27, 41, 42, 45, 47, 52, 54, 55–56, 58, 59, 64, 67, 68, 72, 78, 107, 221–222, 229–230, 254, 292, 295
его речь в «Мэдисон Сквер Гарден», 65–66, 69
Рузвельт, Теодор, 17, 22
рыночная прибыль, 271–272, 281–282
«Рэмбо: первая кровь», часть вторая (кинофильм), 197

С

- Саец, Эммануэль, 10 (сноска), 144, 147, 148 (сноска)
«Самозванец» (Бартлетт), 173
свобода торговли, 28
свободная чеканка серебряных монет, 34
сдерживание, 63, 113
сегрегация, 44, 71, 74, 89, 90, 91, 95, 192, 288
сексуальная революция, 101–102, 199
Сельма, штат Алабама, 89
Сенат США, 64, 104, 108, 121, 170, 196, 199, 214
«сетевая структура», 290
Сидхарт, С.Р., 227
сила, сдерживание ее применения, 113
«синдром благотворительности», 99
«синие воротнички», 54–55, 57, 70

- «Синий крест Калифорнии», 248
система единого плательщика, 256–257
 см. также здравоохранения общедоступная система
система национальных счетов, 50
Скейф, Ричард Меллон, 125
Скотт, Ли, 147
смешанные браки, 226
Смит, Адам, 122
Смит, Эл, 34, 37, 40, 41
Советский Союз, 90, 112, 113, 114, 115, 129, 197, 198
Соединенные Штаты Америки, 217
 антикоммунизм там, 114
 затраты на здравоохранение, 233–237, 243–245
 их показатели в международной торговле, 142
 как общество среднего класса, 9–10, 13–14, 22–23, 43–44,
44–45, 57, 85–86, 263–264, 288
 как сверхдержава, 113
 как экономика услуг, 158
 накануне Нового курса, 21–22
 после войны, 9–10
 производительность труда, 274–275
 проповедование свободы предпринимательства, 40
 сдвиг общественного мнения влево, 185–186
 социальные выплаты там, 27
 степень охвата рабочих профсоюзным движением, 158–160
 уровень занятости, 275
 экономика в 1960–е годы, 85–86
Сорос, Джордж, 291
«социализированная медицина», 234
социальная мобильность поколений, 267–269
социальное неравенство, 264–266
социальное обеспечение, 11, 20, 26, 27, 42, 48, 66, 67, 72, 73, 84,
87, 118, 167, 170, 178, 179, 183–184, 195, 203, 230, 247, 254, 262,
279–281, 287, 288, 292, 293

- социальное прожекторство, 123
социальный налог, 279–281
социальный статус семьи, 267–269
Спектер, Арлен, 178
СПИД, 228
средний класс, 10, 13, 23, 43, 44, 45–50, 51, 57, 86. 95, 102, 144, 147, 158, 163, 243, 264, 265, 266, 280
средства массовой информации, 16, 157, 174, 215
 манипуляция ими в период президентства Никсона, 127–128
стагфляция, 61, 129
Сталин, Иосиф, 63
«Становление демократического большинства» (книга Р. Тексейры и Дж.Джудиса), 222–223
«Становление республиканского большинства» (Филлипс), 223
Стивенсон, Эдлай, 287
Стиглер, Джордж, 122
стиральные машины, 46
Стокман, Дэвид, 169
Стоун, Оливер, 136, 154
страх перед «красной опасностью», 39
страхование, 73, 116, 234–235, 238–240, 241, 247–248, 254–255, 257, 260–261
страхование от травматизма, 118
субсидии в сфере здравоохранения, 258, 259, 260, 261
«сухой закон», 34, 35, 40
Сэйсердот, Брюс, 190, 191
Сэнторам, Рик, 173, 175, 176, 177, 178, 181, 245

Т

- «Тайм», 43, 44, 99, 117, 119
тайное голосование, 30
тарифы, 28, 238, 258, 259, 260

- Таузин, Билли, 177
Тафт, Роберт, 64
Твид, Уильям Марси, 31
Тексейра, Рэй, 222, 223
телевидение, 101
телефоны, 49
Темин, Питер, 86, 145, 147
теории предательского удара в спину, 196–197
терроризм, 19, 112, 113, 195, 223, 247
техническое усовершенствование, основанное на квалификации (ТУОК), 139, 140, 143
технологический прогресс, 12, 52, 132, 138, 139, 140, 143, 147, 148, 157, 158, 180
Тилден, Сэмюэл, 28, 30
«Толл бразерс», 151
топ-менеджеры, 146–147, 149–157
Торговая палата, США, 181
«Трагедия американского сочувствия» (Оласки), 203
трудовое неравенство, 25
Трумэн, Гарри, 11, 45, 63–64, 73–74, 75, 89, 90, 190
 комитет по гражданским правам, 89
 конец сегрегации в армии, 90
 победа 1948 г., 63–64
Тьяджи, Амелия Уоррен, 266
Тэрмонд, Стром, 71, 89, 90
Тэтчер, Маргарет, 15, 148

У

- Уилсон, Пит, 225
Уилсон, Уильям Джулиус, 95
Университет Риджент, 204
Уоллес, Джордж, 192
«Уолл-стрит» (кинофильм), 136, 153

«Уолл-стрит джорнэл», 126, 175, 246, 264, 265
«Уол-Март», 147, 158, 284
Уоррен, Элизабет, 266
Уотергейтский скандал, 104, 128, 168
Уотсон, Том, 35, 36
Уотт, Джеймс, 170
Уоффорд, Гаррис, 245
Управление по продовольствию и лекарствам, 23, 204
«управление отказами», 239
уровень жизни, 22, 46, 47–50, 61, 86, 133–135, 263–264
«утро в Америке», 131, 216
Уэбб, Джеймс, 227
Уэллс, Робин, 245
Уэлш Роберт, 116

Ф

фармацевтическая отрасль, 73, 116, 167, 177, 240–241, 248, 255, 256–257, 278
фермеры, 33, 34, 35, 43
Филадельфия, штат Миссисипи, 18, 71, 189, 194
Филлипс, Кевин, 223
Фитцджеральд, Ф. Скотт, 49
Флорида, 209
«Фокс ньюс», 127, 175, 247
Фолуэлл, Джерри, 125
Фонд наследия, 125, 174, 175, 179, 181
Фонд Олина, 125
Форд, Джералд, 11
«Форчун», 145, 156
Франк, Роберт, 265
Франк, Томас, 187–188, 203, 205
Франко, Франсиско, 16, 17, 109, 110, 112, 114, 208, 289

Франция, 27, 40, 117, 148, 235, 254, 261
 высшие налоговые ставки, 279
 показатели занятости, 275–276
 производительность, 274–275
 система здравоохранения, 255–256, 272–273

ФРГ, 117

Фрид, Джесси, 152

Фридман, Милтон, 122, 123, 124, 180

Фрик, Генри, 24

Фримен, Ричард, 56

Х

Хант, Х.Л., 64

Харрингтон, Майкл, 44

Харрис, Кэтрин, 208

Хеджес, Крис, 219

Хейгер, Дэвид, 204

Хейз, Рутерфорд, 30

Хекер, Джекоб, 118

хиппи, 87, 100, 102, 105

«холодная война», 53, 63, 90, 113, 169

Холт, Мэтью, 252

Хофстадтер, Ричард, 114–115

Хоффа, Джимми, 121

Хофман, Дастин, 101

Хусейн, Саддам, 200

Ц

Центр анализа бюджета и приоритетов экономической политики, 174

Центр налоговой политики, 206

Центр этики и государственной политики, 173

Центр за прогресс Америки, 174
Церковь объединения Муна (секта), 175

Ч

Чафи, Линкольн, 17, 177–178
Чейни, Дик, 16, 113
«Что же случилось с тем “Что случилось с Канзасом?”» (Бартелс), 187
«Что случилось с Канзасом?» (Франк), 187
«Что случилось с Америкой?» (Никсон), 92

Ш

Шварценеггер, Арнольд, 225, 248, 259
Швеция, 273
«Шеврон», 156
шестидесятые годы, 85–106
 альтернативная культура, 100–103
 их наследие, 105–106
 отступничество Юга в этот период, 89–92
 разрастание государства благосостояния, 98–100
 беспорядки в обществе, 87, 92–97
 экономика, 85–86
Шин, Чарли, 136
школьные учителя, 111, 143
Шлезингер–мл., Артур М., 37
Шумер, Чарльз, 270
Шэллер, Том, 194

Э

Эдвардс, Джон, 168
Эдсол, Томас, 168, 180, 200

Эйзенхауэр, Дуайт Д, 16, 64, 66, 67, 79, 83, 107, 169, 170, 180, 188, 221, 280, 288, 295

Эйлз, Роджер, 127

«экономика предложения», 126, 169

электронные машины для голосования, 210

«Энрон», 151

Ю

Юг, 16, 18, 35, 36, 37, 44, 69, 77, 96, 106, 108, 120, 192–194, 195, 205, 224, 227

«великий разворот», 18, 189–190, 205

демократический, 71–74

его своеобразная роль, 71–75

нищета, 72–73

Я

Япония, 148, 291

неравенство в доходах, 15

Научное издание

Пол Кругман

**КРЕДО
ЛИБЕРАЛА**

Художник

А. Семенов

Компьютерная верстка

М. Долгова

АНО «Центр исследований постиндустриального общества»
101000, Москва, Милютинский переулок, д. 2

Издательство «Европа»

Подписано в печать с оригинал-макета 29.04.2009 г.

Тираж 3000 экз.

ISBN 978-5-9739-0183-7

9 785973 190183 7